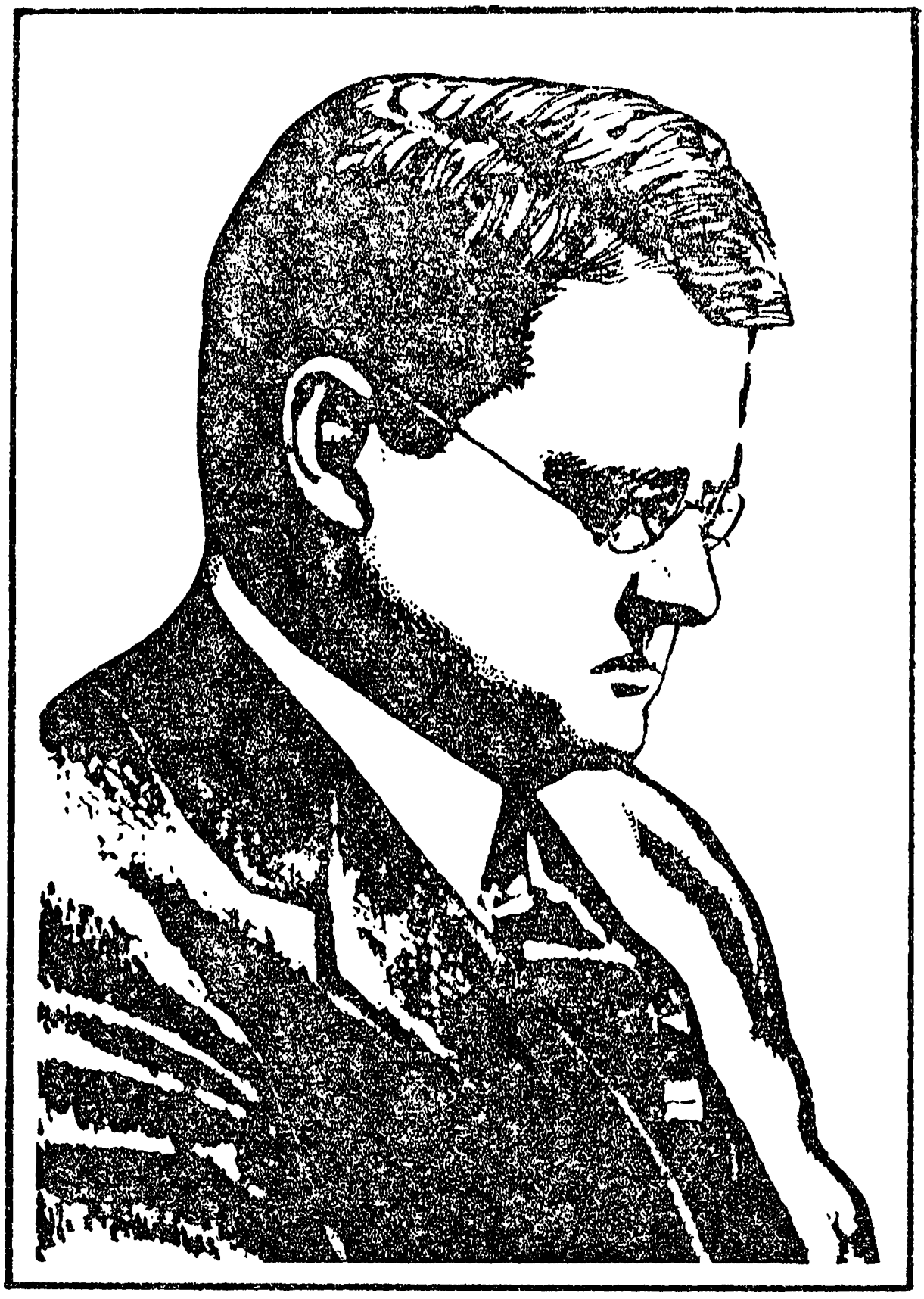
Абрахам МЕРРИТТ

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ



Абрахам Мерритт

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

ББК 84.7 США
М 52

Перевод с английского
Татьяны Браулovой

Мерритт А.

М 52 Лунная Заводь: Роман / Перевод с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 510 с.
ISBN 5-8352-0140-0

В «Северо-Западе» американский фантаст, «отец-основатель» фэнтези, видимо, «прижился» окончательно. Это уже вторая книга А. Мерритта, выходящая в издательстве (первая — «Корабль Иштар»).

«Лунная Заводь» — это блистательная эпопея, послужившая основой для многочисленных экранизаций, сценических постановок и радиопьес. Произведение Мерритта настолько многопланово и неоднозначно, что любой, кто прочитает его, найдет для себя что-то свое, близкое и в то же время — неповторимое. Кого-то привлечет авантюрный, захватывающий сюжет, кого-то — грандиозная картина мира Лунной Заводи, с его древними храмами, джунглями, тенями давно погибших цивилизаций и народов, исчезнувших во мраке веков. Гармоничный синтез научного труда, приключенческого романа и... самой настоящей сказочной фантастики — это все «Лунная Заводь».

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое издание данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© Браулова Т., перевод, 1993
© Солохина О., перевод послесловия, 1993
© Асадулин В., иллюстрации, 1993
© Издательство «Северо-Запад», оформление, 1993
® Северо-Запад. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-8352-0140-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исполнительный Комитет
Международной Ассоциации Ученых
рекомендует к опубликованию
представленное ниже повествование
доктора Уолтера Т. Гудвина
по следующим соображениям.

Первое:

Для того, чтобы окончательно завершить эту загадочную историю, которая первоначально получила название «Тайны Трокмартина», и положить конец всем двусмысленным и оскорбительным намекам, бросающим тень на безупречные репутации д-ра Давида Трокмартина, его молодой жены и его столь же молодого коллеги д-ра Чарли Стентона, которые будоражат наше общество с тех самых пор, как с большим опозданием почтой, поступившей из Австралии, пришло сообщение об исчезновении первого из вышеперечисленных с парохода, следующего рейсом из Порт-Морсби в Мельбурн; а в дальнейшем стало известно, что его жена и коллега бесследно пропали из лагеря экспедиции, находившегося на Каролинских островах.

Второе:

Так как Исполнительный Комитет пришел к выводу, что поскольку события, произошедшие с доктором Гудвиным вследствие его достойной всякого уважения героической попытки спасти этих троих, а также ввиду того, что уроки и предостережения, полученные в результате этих событий, являются слишком важными для человечества, то всю эту историю следует довести до сведения широкой читающей публики, а не ограничиваться только научными статьями, доступными лишь людям со специальным техническим образованием, или заметками в газетах и журналах в той сокращенной и отрывочной форме, которая является общепринятой для этих средств

передачи информации и диктуется необходимостью ограничивать объем содержания.

Вследствие всех этих причин Исполнительный Комитет поручил м-ру Мерритту расшифровать и записать в форме, доступной пониманию читателей, не принадлежащих к узкому кругу специалистов, стенографические записки, представленные лично доктором Гудвиным в Исполнительный Комитет и в дальнейшем дополненные устными воспоминаниями и комментариями самого доктора Гудвина. Эта запись, отредактированная и прошедшая цензуру в исполнительном комитете Ассоциации, и представляет собой содержание книги.

Будучи сам членом Комитета, д-р Уолтер Т. Гудвин, д-р философии, Член Королевского географического общества и т. д., является (что не подлежит никакому сомнению!) одним из выдающихся американских ботаников, ученых, чье имя признано во всем мире, и автором ряда крупнейших научных трудов в избранной им области знаний.

Его история (поразительная, в самом лучшем, какой только может быть, смысле этого слова!) — подтвержденная представленными им доказательствами — получила безоговорочное одобрение и признание той организации, президентом которой я имею честь быть. Некоторые несущественные детали были изъяты из этой, предназначенной для широкого чтения, книги, ввиду того, что сведения, которые в них содержатся, представляли бы собой потенциальную угрозу для безопасности человечества, если бы получили бесконтрольное распространение. Они будут рассмотрены в специальных тщательно засекреченных выпусках научной литературы для ограниченного круга читателей.

Международная Ассоциация Ученых
Президент Джеймс Брэнч Кейбелл

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ

РОБЕРТУ Х. ДЕВИСУ
с признательностью,
помимо всего прочего за веру
Ларри О'Кифа в сказочных фей

НАН-МАТАЛ

Сводная карта Ф. У. Кристиана и А. Дейвиса

1 – НАН-ТАНАХ, 2 – остров НЭШ, 3 – остров ТОМУН,
4 – гавань МЕТАЛАНИМА

ГЛАВА 1

НЕЧТО НА ЛУННОЙ ДОРОЖКЕ

Почти два месяца я провел на островах Д'Антркасто, собирая материал для заключительных глав моей книги, посвященной флоре вулканических островов южной части Тихого океана. За день до своего отъезда я прибыл в Порт-Морсби, желая убедиться, что мои образцы в целости и сохранности доставлены на борт «Сюзерн Куин». И вот теперь, поддавшись ностальгии, я сидел на верхней палубе и меланхолически рисовал в своем воображении долгие лиги пути, отделяющие меня от Мельбурна и еще более долгие, лежащие между мной и Нью-Йорком.

Это были как раз те утренние часы, когда окрашенная в желтые тона земля Папуа предстает перед вами в своем самом удручающем виде и самом мрачном настроении. Небо затянула охристая дымка, и казалось, что над островом витает, полный скрытой угрозы, угрюмый дух неумолимой враждебности, дожидаясь подходящего момента, чтобы спустить с цепи свои злобные силы. Можно было подумать, что это сама душа земли Папуа вылетела из ее неукротимого и зловещего сердца... зловещего даже тогда, когда она улыбается. Время от времени ветер доносил до меня дыхание девственных джунглей, напоенное непривычными ароматами, таинственными и угрожающими.

В такие вот утренние часы кажется, что Папуа вкрадчиво нашептывает вам о своем могуществе и о своей, уходящей в незапамятные времена древности, и я, как положено каждому белому человеку, изо всех сил сопротивлялся ее чарам. Предаваясь этому

занятию, я вдруг увидел высокого человека, размашистым шагом идущего по пирсу, за ним следом, покачиваясь под тяжестью нового чемодана, волочился мальчик из племени капа-капа. Что-то знакомое почудилось мне в этой высокой фигуре. Тем временем, подойдя к сходням, человек посмотрел мне прямо в лицо и, пристально вглядевшись, помахал рукой.

И тут я узнал его.

Это был доктор Д. Трокмартин. Трок — как я всегда называл его — обладал на редкость одаренным, незаурядным умом и могучим интеллектом, что не только для меня, его старинного друга и приятеля, но, насколько мне было известно, и для доброго десятка других почитателей его таланта, служило источником постоянного вдохновения.

В ту самую минуту, когда я признал своего старого друга, меня как громом поразило еще одно, неожиданное и почему-то неприятное чувство. Да, это был Трокмартин, но в то же время что-то в лице этого человека неуловимо искажало облик, который я так давно и хорошо знал.

Незадолго до того, как я отправился путешествовать по этим краям, — пожалуй, и месяца не прошло с того дня — я встречался с ним на небольшой вечеринке, куда он сам же меня и пригласил. Всего несколько недель назад Трокмартин женился на дочери профессора Уильяма Фрезира — Эдит. Разница в возрасте по крайней мере лет в десять не мешала молодой женщине разделять интересы и увлечения супруга и отвечать ему такой же горячей — если это, конечно, возможно представить, — любовью. Школа, которую Эдит прошла у своего отца, и пылкое, искреннее сердце — вот два несомненных достоинства, сделавшие ее для мужа незаменимой помощницей и нежной возлюбленной. (Я пользуюсь этим

словом в том смысле, который в него вкладывали в прежние времена!)

Вместе с доктором Чарли Стентоном и Торой Хальвенсен — эта женщина, шведка по национальности, растила Эдит с младенческого возраста — они отправились на Каролинские острова исследовать Нан-Матал: необычайно интересную группу островных развалин, разбросанных вдоль восточного побережья Понапе, входящего в состав этих островов.

Я знал, что Трокмартин намеревался провести по крайней мере год среди этих развалин и посетить не только Понапе, но и Леле: два места, похожие друг на друга как братья-близнецы и представляющие из себя величайшую загадку человечества. Нам мало что известно об этой таинственной цивилизации, которая столетиями процветала задолго до того, как в Египте научились сеять хлеб: немного об искусстве и почти ничего о науке. Трокмартин повез с собой необычайно сложное экспедиционное снаряжение для работы, которую он собирался там выполнить и которая, как он надеялся, увековечит его имя.

Что же случилось? Что привело Трокмартина в Порт-Морсби? С чем связаны те перемены, которые я почувствовал в нем?

Поспешно спустившись на нижнюю палубу, я нашел его там, стоящим вместе с корабельным экономом. Не успел я и рта открыть, как Трокмартин обернулся, остановив меня энергичным жестом руки, и вот тут-то я и увидел, в чем заключались так взволновавшие меня изменения. Он, конечно, понял по моему внезапному молчанию и по тому, как я непроизвольно отшатнулся, какой сильный шок я испытал, увидев его вблизи. Глаза Трокмартина рас-

ширились, он резко отвернулся от эконома, поколебался... и затем торопливо пошел в свою каюту.

— Э... какой странный, так? Сэр знает он хорошо? — сказал эконом. — Похоже вы его испугать.

Я промычал что-то невразумительное и неторопливо зашагал к своему месту на палубе. Усевшись в шезлонг, я напряг все свои умственные способности и попытался сформулировать, что же именно в облике Трокмартина заставило меня вздрогнуть, будто я внезапно наступил на змею.

И тут до меня дошло, в чем было дело.

Прежний Трокмартин, которому накануне его рискованного путешествия едва лишь перевалило за сорок, выглядел гибким, стройным и мускулистым человеком, энергичным и полным энтузиазма. Ярко выраженный интеллект и, я бы сказал, какое-то предвкушение исследовательского азарта определяли выражение лица Трокмартина, на котором как в зеркале отражался его вечно взыскующий и вопрошающий ум.

Но Трокмартин, которого я только что увидел, казался совсем иным. Можно было подумать, что этому человеку довелось пережить чрезвычайно сильное чувство восторга и одновременно не менее сильное чувство страха, и на вершине испытанного глубочайшего потрясения, испепелившего дотла его душу, черты лица моего друга преобразились настолько, что являли теперь собой какую-то застывшую маску, в которой неразрывно сплелись выражение экстаза и отчаяния, — как будто эти два, в сущности совершенно несовместимых состояния посетили его, держась рука об руку, словно лучшие друзья, овладели им и удалились прочь, оставив навсегда на его челе неизгладимый след своего пребывания.

Да... тут было от чего перепугаться. Ибо невозможно даже представить, как могут сочетаться ужас и восторг, Ад и Небеса, как могут они соединить свои руки... и уста.

И тем не менее именно эти чувства, слившиеся в жарком поцелуе, запечатлелись на лице Трокмартина!

Погрузившись в свои невеселые думы, я с невольной радостью следил за тем, как отступает назад береговая линия, приветствуя в душе первые порывы свежего ветра из открытого океана. Я надеялся, что увижусь с Трокмартином за ленчем, и между тем совершенно непостижимым образом все сжималось у меня внутри при этой мысли. Но он не спустился к ленчу, и я с облегчением вздохнул, испытывая, впрочем, некоторое разочарование. Время после полудня я провел, беспокойно слоняясь около каюты Трокмартина, но он так и не появился; признаться, у меня не было большого желания вызвать его самому. Не вышел он и к обеду.

Быстро сгущались сумерки и надвигалась ночь.

Желая немного развеяться, я вышел на палубу и направился к шезлонгам. «Сюзерн Куин» покачивалась на беспокойных волнах, и я поспешил быстрее занять свое место.

Плотная завеса облаков, слегка подсвеченная движущейся за тучами луной, закрывала небо; море вокруг сильно флюоресцировало. Прямо на ходу движения парохода и по обеим его сторонам спорадически возникали те странные завихрения, которые иногда встречаются в южных широтах Тихого океана; на поверхности воды появлялись и тут же исчезали маленькие водовороты, будто бы где-то внизу дышали морские чудовища.

Внезапно дверь на палубу отворилась и в темном проеме показалась фигура Трокмартина. Он нерешительно постоял, обводя небо каким-то странным, пристальным и алчным взглядом, потом, помедлив, закрыл за собой дверь.

— Трок, — позвал я. — Идите сюда! Это я, Гудвин!

Он направился ко мне.

— Трок, — сказал я, не тратя времени напрасно на пустые разговоры. — Что-то случилось? Могу я помочь вам?

Я почувствовал, как он весь напрягся.

— Я еду в Мельбурн, Гудвин, — ответил он. — Мне нужно достать там кое-какие вещи... они мне срочно понадобились. И еще мне нужны люди... белые люди.

Трокмартин внезапно замолчал; приподнявшись с шезлонга, он глядел на север пристальным взором. Я проследил его взгляд и увидел, что далеко-далеко, на очень большом расстоянии от нас, сквозь тучи пробивается луна. Почти на самом горизонте можно было различить ее слабое отражение на гладкой, словно полированной поверхности моря; издали казалось, что маленькое пятнышко света дрожит и пританцовывает. Тучи снова сошлись, и отражение пропало. Пароход полным ходом шел в южном направлении.

Трокмартин опустился в шезлонг. Он зажег дрожащими руками спичку, прикурил и затем, с внезапной решимостью, повернулся ко мне.

— Гудвин, — сказал он, — мне нужна помощь. Нет на свете такого человека, который бы нуждался в помощи больше, чем я. Гудвин, вообразите, что вы вдруг оказались в другом мире, чужом и незнакомом, который страшит и пугает вас, и нет ничего ужаснее,

чем его непонятные вам радости... И вот вы, чужестранец, находитесь там, совершенно один... Вообразите себе этого человека, и тогда вы поймете, как необходима мне помощь.

Он внезапно замолчал и выпрямился, сигарета выпала у него из пальцев. Луна снова прорезалась сквозь тучи, на этот раз уже значительно ближе. Не более мили отделяло нас от неровного пятнышка света, который она отбрасывала на воду. За ним двигалась узкая полоска лунного света — выглядело это так, словно гигантская светящаяся змея неуклонно двигалась на нас, нацелившись с самого края земли.

Трокмартин, увидев ее, окаменел, словно пойнтер перед найденным выводком птенцов. Волна пульсирующего ужаса прошла от него ко мне... но ужаса, смешанного с какой-то непередаваемой, инфернальной радостью. Волна ударила в меня и пропала, а я, испытывая сладостную муку, так и продолжал дрожать.

Наклонившись вперед, Трокмартин впился глазами в лунную дорожку, казалось вся душа его сосредоточилась в этом взгляде. Дорожка придвигалась все ближе и ближе, до нее оставалось уже меньше полумили. Наш пароход летел как на крыльях, будто бы убегал от преследования, а за ним, рассекая волны потоком света, быстро и неотвратимо неслась лунная река.

— Боже милосердный! — выдохнул Трокмартин с такой страстной мольбой о помощи, какой мне еще никогда и ни от кого не приходилось слышать.

А затем... впервые, я увидел... *это*!

Лунная дорожка, отчетливо выделяясь в темноте, протянулась до самого горизонта. Облака над нашими головами разошлись, образуя узкий проход, как

если бы раскрылись занавеси или расступились воды Красного моря, чтобы пропустить сонмища израильтян. С двух сторон поток лунного света обрамляли черные тени, отбрасываемые складками более высоких слоев облаков, а между темными и непрозрачными стенами прямой, как струна, играя, искрясь и сверкая, быстро мчался сияющий поток лунного света.

Я скорее почувствовал, нежели увидел, как далеко — казалось, неизмеримо далеко, — что-то движется на поверхности сверкающего серебром потока. Сначала в поле зрения появилось более яркое, чем сама дорожка света, как бы сильно раскаленное пятно. Оно безостановочно двигалось в нашем направлении: стремительно неслось опалесцирующее туманное облачко, казалось, что это летит, как стрела, какое-то крылатое существо. Мне смутно припомнилась дайякская легенда о птице Акла — крылатом посланнике Будды: перья ее сотканы из лунных лучей, сердце — оживший опал, а крылья в полете вторят прозрачной кристальной музыке, издаваемой белыми звездами... но страшный клюв этой птицы, говорит легенда, сделан из оледеневшего пламени, чтобы она терзала им души неверующих.

Все быстрее приближалось к нам неведомое существо, и тут я услышал настойчивое и мелодичное позвякивание, словно бы кто-то исполнял пиццикато на стеклянной скрипке: такие кристально чистые нотки издавали бы бриллианты, превращенные в звуки.

Сейчас это... *Нечто* уже достигло самого конца светлой дорожки, вплотную приблизившись к барьеру темноты, который все еще отделял наш пароход от края лунного потока. Оно билось об этот барьер, как птица бьется о прутья клетки. Оно кружилось и

вертелось в сверкающих струйках воздуха, в водоворотах кружевного света, в спиралях оживших испарений. Странные и непонятные вспышки мелькали в нем, напоминая радужные переливы перламутровых бликов. Еще я заметил, что через него медленно перемещались ослепительно яркие искры и блестки, как будто существо втягивало их в себя из омывающих его лунных лучей.

Все ближе и ближе подлетало оно, скользя по сверкающим волнам, — все тоньше становилась, сжимаясь, защищающая нас стена тени. Внутри туманности можно было отчетливо разглядеть ядро, некую сердцевину, в которой сконцентрировалось самое интенсивное свечение: пронизанное прожилками, лучезарное пятно молочно-белого цвета кипело и бурлило, как живое. А над ним, в путанице вибрирующих и кружащихся вихрей и спиралей, виднелись семь светящихся огоньков.

Невзирая на беспрестанное, но странным образом упорядоченное движение этой... этой *штуки*, огоньки висели над ней прочно и незыблемо. Их было семь, этих светлячков, похожих на семь маленьких лун: одна была окрашена в жемчужно-розовый цвет, другая — в нежный перламутрово-голубой, третья — в яркий шафранный цвет, у четвертой был тот изумрудный оттенок, который встречается в тропиках на отмелях около островов, еще две имели мертвенно-белый и призрачно-аметистовый цвета, а последняя отливала серебром, словно летучая рыба, когда она в лунную ночь выпрыгивает из воды.

Мелодичное позвякивание стало еще громче. Музыка вонзалась в уши ливнем крошечных наконечников острых стрел, заставляя сердце ликующе биться и замирать от отчаяния; она подступала к горлу

невероятным восторгом и сжимала его рукой бесконечной скорби.

Заглушая хрустальные нотки, послышались какие-то бормочущие вскрики: отчетливо различимые, в то же время они воспринимались как нечто абсолютно чужеродное нашему миру. Человеческое ухо могло воспринимать эти выкрики только после того, как мозг с помощью сознательных усилий переводил их в земные звуки, при этом у меня возникло странное двойственное ощущение, будто все мое существо с равно непреодолимой силой жаждет впитать в себя эти звуки и в то же самое время с ужасом отстраняется от них.

Трокмартин широким шагом устремился к борту палубы, повернувшись лицом к этому невероятному видению... еще несколько ярдов отделяло его от края кормы. Крайняя степень блаженного экстаза и крайняя степень мучительной боли мирно уживались на его лице, нимало не сопротивляясь друг другу; сверхъестественным образом эти противоположные чувства слились в нечеловеческом облике, который не могло иметь ни одно из существ, созданных Богом, все глубже и глубже проникая ему в душу.

Так, должно быть, выглядел Сатана сразу после своего падения: еще не утративший святости, еще созерцая небеса, он уже видит адскую бездну.

А затем... лунная дорожка мгновенно исчезла. На небо надвинулись тучи — словно их свела невидимая рука. Откуда-то с юга послышался рев штормового ветра. И как только исчезла луна, так сразу же исчезло и это странное видение... пропало, как пропадает картинка на волшебном фонаре, если погасить в нем свечу. Позвякивание резко оборвалось и воцарилась гробовая тишина... такая тишина насту-

пает после громового раската. И больше ничего — только тишина и непроглядная тьма.

Дрожь сотрясла все мое тело, словно я уже стоял на самом краю бездны, и все же, по чистой случайности, избежал падения в пучину, где по преданиям жителей Луизианы прячется рыбак и ловит на удочку человеческие души.

Трокмартин, протянув руку, обнял меня.

— Так я и думал, — сказал он. В его голосе появились новые интонации; холодная уверенность пришла на смену тягостному ужасу перед неизвестностью. — Да, теперь я все понял! Пойдемте-ка ко мне в каюту, дружище. Потому что теперь, когда вы тоже это видели, я могу рассказать, — он заколебался, — я смогу вам объяснить, что это было! — закончил Трокмартин.

Уходя с палубы, мы столкнулись в дверях с первым помощником капитана. Трокмартин, постаравшись придать своему лицу более или менее нормальный вид, обратился к нему:

— Надвигается шторм?

— Да, — ответил тот. — Похоже, что будет штормить на всем пути до Мельбурна.

Трокмартин вскинул голову, словно его осенила внезапная мысль. Он порывисто схватил за рукав помощника капитана.

— Как вы думаете, облачная погода продержится, — он замялся, — ну, хотя бы три следующие ночи, а?

— И даже больше, — ответил моряк.

— Благодарение Господу! — вскричал Трокмартин, и я подумал, что никогда еще не слышал в человеческом голосе столько надежды и облегчения, как сейчас.

Моряк замер в удивлении.

— Благодарение Господу? — повторил он. — Благодарить? За что?

Не слушая его, Трокмартин уже шел, направляясь к своей каюте. Я последовал было за ним, но помощник капитана остановил меня.

— Ваш друг, — спросил он удивленно. — Он болен?

— Это все море, — торопливо ответил я. — Он плохо переносит плаванье. Пойду пригляжу за ним.

Недоверие и сомнение отразились в его глазах, но я поспешил уйти. Ибо теперь я знал, что Трокмартин в самом деле болен, но эту болезнь не в силах был бы исцелить ни корабельный, ни любой другой врач на свете.

ГЛАВА 2

УМЕРЛИ! ВСЕ УМЕРЛИ!

Когда я вошел в каюту, Трокмартин, уткнувшись лицом в ладони, сидел на краю койки. Пиджак он снял.

— Трок, — вскричал я. — Что это было? Отчего вы сбежали? И где ваша жена... Стентон?

— Умерли, — монотонным голосом проговорил он. — Умерли! Все умерли!

Я вздрогнул.

— Все умерли, — снова заговорил он. — Эдит, Стентон, Тора... все умерли... или еще хуже. И Эдит осталась в Лунной Заводи вместе с ними... Их утащило то, что вы видели на лунной дорожке, то, что поставило клеймо на моем теле и теперь преследует меня!

Он распахнул рубашку.

— Вот, смотрите! — сказал он.

Кожа у него на груди, чуть повыше сердца, была необычайно белой, словно мел. Резко выделяясь на остальном, имеющем естественный цвет теле, белизна опоясывала грудь Трокмартина ровной лентой приблизительно около двух дюймов в ширину.

— Вот приложите сюда! — сказал он, протягивая мне зажженную сигарету.

Я отшатнулся.

Нахмурясь, Трокмартин сделал повелительный жест, и я прижал тлеющий кончик сигареты к белой полосе. Трокмартин даже не шелохнулся. Когда я убрал назад сигарету, на коже не осталось никаких следов ожога, а я не почувствовал характерного запаха паленого мяса.

— Теперь пощупайте! — снова скомандовал он.

Я приложил ладонь к этому месту — оно леденило руку... как заиндевевший на морозе мрамор.

Трокмартин снова запахнул рубашку.

— Две вещи вы видели, — сказал он, — *Нечто*... и его знак. И теперь, после всего увиденного, вы должны поверить моему рассказу. Гудвин, я снова повторяю вам, что моя жена умерла... или хуже, нежели умерла... я не знаю... она стала добычей того, что вы видели. И то же самое произошло со Стентоном и Торой... Как...

Слезы градом катились по его исстрадавшемуся лицу.

— Почему Господь допустил, чтобы оно завладело нами? Почему Бог позволил ему забрать мою Эдит? — вскричал Трокмартин с невыразимой горечью. — Или на свете есть вещи, которые сильнее Бога? Как вы думаете, Уолтер?

Я медлил с ответом.

— Есть? Ну скажите? — Он глядел на меня как безумный.

— Я не знаю, что вы подразумеваете под словом Бог... — Я, наконец, сумел привести в порядок свои потрясенные чувства, чтобы ответить на его вопрос. — Если вы имеете в виду жажду познания, работать ради науки...

Он нетерпеливо отмахнулся от меня.

— Наука! — сказал Трокмартин. — Что такое наша наука против *этого*. Или по сравнению с наукой тех дьяволов, что сумели сделать *это*... или смогли проложить дорогу, чтобы... *это* могло войти в наш мир?

Усилием воли он взял себя в руки.

— Гудвин, — сказал он. — Слыхали ли вы что-нибудь о развалинах, найденных на Каролинских

островах; о гигантских мегалитических городах и гаванях Понапе и Леле, о Кусаие, Руке, Хоголу и еще о нескольких десятках подобных им островов? И самое главное, знаете ли вы что-нибудь о Нан-Матале и Металаниме?

— Про Металаним я кое-что слышал и даже видел фотографии, — сказал я. — Это место называют, если я не ошибаюсь, затерянной Венецией Тихого океана.

— Взгляните на эту карту, — сказал Трокмартин, доставая лист бумаги. — Вот сделанная Кристианом схема, — продолжал он, — гавани Металанима и Нан-Матала. Видите прямоугольнички, помеченные словом Нан-Танах?

— Да, — ответил я.

— Вот здесь, — продолжал он, — под этими стенами находится Лунная Заводь и семь сверкающих огней, которые вызывают из заводи ее обитателя; здесь находится алтарь и место поклонения... невеломому божеству — тому, кто обитает в заводи. И там, в Лунной Заводи, вместе с ним, теперь покоятся и Эдит, и Стентон, и Тора.

— Обитатель Лунной Заводи? — недоверчиво переспросил я.

— Да, то... *Нечто*, что вы видели, — торжественно произнес Трокмартин.

Плотная лавина дождя обрушилась на дверь каюты, и «Сюзерн Куин» закачалась на вздымающихся волнах. Трокмартин опять вздохнул, глубоко и облегченно, и, отдернув занавески, вперился взглядом в ночную тьму. Непроглядная чернота, казалось, подействовала на него благотворно, во всяком случае, когда Трокмартин снова сел, он был уже совершенно спокоен.

— Во всем мире вы не найдете более удивительных развалин, — начал он издалека. — Они зани-

мают почти пятьдесят островов и покрывают вместе со своими пересекающимися каналами и лагунами чуть ли не двенадцать квадратных миль. Кто построил эти сооружения? Никто не знает. Когда их построили? Века разделяют те времена и память ныне живущих на земле, это уж точно. Десять тысяч, двадцать тысяч, сто тысяч лет прошло с тех пор, и последнее наиболее вероятно.

Все эти острова, Уолтер, имеют правильную прямоугольную форму, а их берега хмурятся дамбами, сложенными из гигантских базальтовых блоков. Всю эту колоссальную работу проделали люди, жившие здесь в глубокой древности. Каждая внутренняя гавань встречает вас террасой, сложенной из таких же базальтовых блоков и приподнятой не меньше чем на шесть футов над извилинами мелководных каналов. За стенами, на островах, скрываются сильно пострадавшие от времени развалины крепостей, дворцов, террас, пирамид, обширнейшие внутренние дворы, заваленные обломками, — и все это такое старое, что кажется сам ветшаешь на глазах, пока глядишь на эти развалины.

Некогда в этих местах произошло сильное понижение уровня земли. Если выйти из гавани Металанима и отойти на три мили в открытый океан, то под водой, всего на расстоянии двадцати футов, можно увидеть вершины таких же монолитных сооружений и стен, как на островах.

И все вокруг — обнесенные молом и пронизанные сетью каналов островки с их таинственными, проглядывающими сквозь густые заросли ризофоры,[1] стенами — все это мертвым-мертво: за долгие столетия

---

[1] Ризофора — род растений, образующих мангровые заросли по тропическим морским побережьям. Вечнозеленые деревья высотой до 30 м, в нижней части стволов и на ветвях которых в изобилии образуются тонкие придаточные корни. *(Прим. пер.)*

эти места превратились в пустыню, и люди, живущие поблизости, остерегаются посещать без особой нужды эти острова.

Вам, как ботанику, должны быть знакомы факты, говорящие о том, что в Тихом океане когда-то находился обширный континент. Исследования, которые я проводил на Яве, Папуа и в Ландроне, навели меня на мысль, что именно здесь-то и расположена эта тихоокеанская затерянная земля, подобная легендарной Атлантиде, только в отличие от Атлантиды она погибла, не расколовшись на части от действия вулканических сил, а целиком опустившись на дно. Вы должно быть знаете, что некоторые ученые полагают, будто Азорские острова — это последнее, что еще осталось на поверхности океана от самых высоких пиков Атлантиды, и по аналогии я предположил, что Понапе и Леле и все эти обнесенные молом острова точно такие же последние участки суши медленно погружающегося в воду западного материка. Земля эта все еще тянется к солнцу, и там находятся останки разрушенных дворцов и священных храмов правителей той древней расы, у которой поднявшиеся воды Тихого океана отняли обитель их предков.

Я надеялся, что, занявшись раскопками развалин, найду факты, подтверждающие мою правоту.

Мы... моя жена и я перед тем, как пожениться, пришли к единодушному решению проделать вместе эту грандиозную работу, и, как только закончился наш медовый месяц, мы занялись подготовкой экспедиции. Стентон не меньше нас горел энтузиазмом. Наконец, в последних числах мая, как вам известно, мы отплыли навстречу исполнению моей заветной мечты.

В Понапе мы столкнулись с неожиданными трудностями, когда стали набирать себе помощников для

землекопных работ. Мне пришлось улещивать туземцев всевозможными способами, прежде чем удалось сколотить нужный отряд. У жителей Понапе удивительно мрачные поверья. Они населяют свои болота, леса, горы и побережья злобными духами: *эни* — так они называют их. И они боятся... боятся до дрожи в коленках этих островов, покрытых развалинами, и того, что, — как они думают, — прячется в этих развалинах. И теперь, Гудвин — я понимаю их!

Как только туземцы узнавали, куда мы должны идти и сколько там пробудем, они отказывались наотрез. Некоторые все же соблазнились на наши условия, с одной, впрочем, оговоркой (я счел тогда ее не более, чем данью предрассудкам), что им позволят уйти на три ночи во время полнолуния. Великий Боже, почему мы не послушались их и не ушли вместе с ними!

Трокмартин задумался, потом, тяжело вздохнув, продолжал:

— Мы вошли в Металанимскую гавань; по левую сторону на расстоянии одной мили возвышался массивный прямоугольник острова. Вдоль каждой его стороны на сотни футов протянулись стены, высотой уж никак не меньше сорока футов. Пока мы проплывали мимо этого места, туземцы молчали, бросая украдкой в ту сторону боязливые взгляды. Я знал, что их поведение связано с находящимися за этими стенами руинами — они называют их Нан-Танах: «место хмурых стен». Наблюдая за примолкшими туземцами, я вспомнил описание Кристианом этого места: как он натолкнулся на «древние площади и четырехугольные дворы, окруженные каменной кладкой, поражающие воображение извилистые проходы и лабиринты мелководных каналов, мрачные громады

каменных стен, маячившие за зелеными изгородями растений, гигантские баррикады...» и как «под их призрачной сенью моментально улетучилась веселость проводников и шумная болтовня замерла, превратившись в робкий шепот».

Трокмартин помолчал некоторое время.

— Конечно, мне хотелось бы расположиться лагерем именно там, — спокойно продолжал он рассказ. — Но я вскоре отказался от этой идеи. Туземцы ударились в панику, угрожая немедленно вернуться обратно. «Нет, — сказали они. — Слишком большой эни живет там. Мы пойдем в любое другое место, только не туда».

Наконец мы выбрали для нашей базы остров под названием Ушен-Тау: он находился вблизи от облюбованного нами места и в то же время достаточно далеко, чтобы наши люди не возражали. Место было будто создано для лагерной стоянки, к тому же поблизости находился источник пресной воды. Мы разбили палатки, и через несколько дней работы уже шли полным ходом.

ГЛАВА 3

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

— Я не собираюсь рассказывать вам сейчас, — продолжал Трокмартин, — чем мы занимались следующие две недели, или о том, что мы там нашли. Позднее... если вы захотите, я расскажу вам все подробно. Достаточно сказать, что к концу этих двух недель я получил множество фактов, подтверждающих мою теорию.

Жизнерадостность нашей компании ничуть не пострадала от пребывания в этом заброшенном, тронутом тленом месте: и Эдит, и Стентон, и сам я чувствовали себя прекрасно. Но Тора выглядела очень несчастной. Она ведь шведка, как вы знаете, и насквозь пропитана религиозными предрассудками скандинавских поверий. Некоторые из них, как ни странно, имеют много общего с легендами этого далекого южного края. Здесь тоже верят в духов, обитающих в горах, лесах и воде, верят в оборотней, приносящих человеку несчастье.

С самого начала она проявила необыкновенную чувствительность к тому, что можно было бы назвать «духом» этого места. Она сказала, что нутром чует, как тут «пахнет» привидениями и колдунами.

Тогда я посмеялся над ней...

Время бежало незаметно, и на исходе второй недели туземцы прислали от себя доверенное лицо. Следующей ночью луна станет совсем круглая, сказал он и напомнил о данном мною обещании. Утром они уйдут в свою деревню и вернутся через три ночи, когда луна пойдет на убыль. Туземцы настойчиво убеждали нас держаться как можно дальше от Нан-

Танаха, пока они не придут назад, и надавали нам на прощанье целую кучу амулетов и прочей дребедени — для нашей «защиты» — так они сказали! Со смешанным чувством удивления и досады я смотрел, как они удалялись.

Продолжать без них работы не имело, разумеется, никакого смысла, так что мы решили посвятить эти дни отдыху и устроить пикник на южной оконечности островной гряды. У нас было намечено еще несколько любопытных местечек для дальнейших исследований, и вот утром третьего дня мы двинулись вдоль западной части стены волнореза, огораживавшего наш лагерь на Ушен-Тау с тем, чтобы все подготовить к моменту возвращения наших рабочих. Они должны были вернуться на следующий день.

Еле держась на ногах от усталости, мы прибыли в намеченное место незадолго до наступления сумерек, и, разложив котсы[1], тут же завалились спать. Было чуть больше десяти часов вечера, когда Эдит разбудила меня.

— Послушай, Дейв, что это? — сказала она. — Наклони ухо поближе к земле.

Я так и сделал, и, в самом деле, мне почудилось, что где-то далеко под землей, как бы ослабленное очень большим расстоянием, звучит церковное пение. Оно нарастало, потом, ослабевая, замирало совсем, через некоторое время начинало набирать силу и снова растворялось в тишине.

— Должно быть, где-то волны бьются о камни, — сказал я. — Вероятно порода, из которой образован этот риф, хорошо проводит звук.

---

[1] Cot *(англ.)* — походная складная кровать.

— Почему-то раньше я ничего подобного не слышала, — с сомнением покачала головой моя жена.

Мы прислушались снова.

Теперь на фоне звучащего глубоко внизу ритмичного пения появился новый звук. Слабо тренькающие волны поплыли через лагуну, разделяющую нас и Нан-Танах. Это была музыка... в некотором роде; я не в силах описать странное воздействие, которое она на меня оказала. Впрочем, вы и сами должны были это почувствовать...

— Вы имеете в виду то, что мы слышали на палубе? — спросил я.

Трокмартин кивнул.

— Я откинул полог палатки и выглянул наружу. В это же время заколыхалась палатка Стентона, и вскоре оттуда показался и он сам. Залитый лунным светом, Стентон стоял, вглядываясь в противоположный островок и прислушиваясь. Я окликнул его.

— Что за подозрительные звуки! — сказал он, и снова прислушался. — Нотки буквально кристальной чистоты! Такое тонкое звучание издает при ударе матовое полупрозрачное стекло... Чем-то напоминает перезвон хрустальных колокольчиков на систрах* в Деддрахском храме Изиды, — добавил он с мечтательным выражением лица.

Мы пристально вглядывались в соседний остров.

Вдруг мы увидели, что по стене дамбы, ритмично раскачиваясь, медленно движется маленькая кучка огоньков.

Стентон рассмеялся.

— Вот мерзавцы... — воскликнул он. — Так вот почему им надо было уйти! Разве вы не видите, Дейв, что это какое-то праздничное шествие или ритуальный обряд, который они справляют в дни полнолу-

ния. Теперь ясно, отчего они с таким пылом убеждали нас держаться подальше от этого места.

Объяснение казалось вполне правдоподобным и, хотя для этого не было никаких видимых причин, я с непонятным облегчением перевел дух...

— Махнем туда? — предложил Стентон, но я воспротивился...

— Вряд ли они придут в восторг от нашего появления, — сказал я. — Если мы нарушим их религиозную церемонию, они наверняка нам этого не простят. Хуже нет, чем являться непрошеными гостями на семейную вечеринку.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Стентон.

Непонятный хрустальный перезвон нарастал и ослабевал, нарастал и ослабевал...

— Тут что-то... что-то не в порядке, — наконец задумчиво проговорила Эдит. — Не могу понять, как им удается добиться такого эффекта. Эти звуки пугают меня до полусмерти и в тоже время наполняют предчувствием какого-то потрясающего восторга.

— Черт знает что такое! — вставил Стентон.

И только он произнес эти слова, как приподнялся полог палатки Торы и оттуда на лунный свет вышла, печатая шаг как заводная кукла, старая шведка.

Крупная женщина норманнского типа — высокая, широкоплечая, вылепленная по образу и подобию своих великих скандинавских предков, она в эту минуту напоминала древних жриц Одина. С трудом верилось, что ей уже шестьдесят лет.

Широко раскрытыми, горящими глазами Тора слепо уставилась перед собой, потом, резко вскинув голову, повернулась в сторону Нан-Танаха, глядя на колеблющиеся огни и прислушиваясь. Внезапно она подняла руки и, обращаясь к луне, сделала какой-то

замысловатый жест. Глубокой древностью повеяло от этого движения, словно она извлекла его из тьмы веков... словно она что-то требовала от ночного светила.

Тора повернулась к нам.

— Идем, — сказала она, и голос ее звучал глухо, как будто она находилась не рядом с нами, а где-то очень далеко. — Идем отсюда как можно быстрее! Пока мы в силах еще это сделать! Нас зовут... — Она указала на островок. — Оно знает, что мы здесь... Оно ждет, — застонала она, всхлипывая, — и манит... манит... манит.

Тора повалилась у ног Эдит, а над лагуной опять поплыла волна хрустального звона, и в нем теперь проскальзывали ликующие, если не сказать торжествующие нотки.

Остаток ночи мы просидели подле Торы, не смыкая глаз. Звуки, доносившиеся с Нан-Танаха, смолкли приблизительно за час до захода луны.

Утром Тора проснулась как ни в чем не бывало. Ей снились дурные сны, заявила она, но как ни старалась, не могла вспомнить ничего конкретного. Сны предупреждали ее об опасности, вот и все, что мы услышали от нее.

Вид у старой шведки был странный и угрюмый, и все утро она то и дело обращала к соседнему острову завороженный и изумленный взгляд.

После полудня вернулись туземцы, и следующей ночью на соседнем острове царила тишина; ни огни, ни звуки, ни другие признаки жизни не нарушали наш покой.

— Вы ведь понимаете, Гудвин, как случай, о котором я рассказал, должен был разбередить мою научную любознательность. Ну разумеется, мы с ходу

отвергли те объяснения, которые так или иначе допускали существование сверхъестественных сил.

Наши... если можно так выразиться... симптомы без труда поддавались объяснению. Мы пришли к выводу, что вибрация воздуха создавалась особого рода музыкальными инструментами, обладающими несомненным и временами чрезвычайно сильным воздействием на нервную систему. Такое предположение легко объясняло чувства, которые мы испытали, слушая непонятные звуки. Что же касается состояния полусомнабулической истерии, в которую впала Тора, с научной точки зрения тут не было никакой загадки: все ее поведение в ночной сцене несомненно было связано с нервозностью и мрачными предчувствиями, вызванными суеверными представлениями старой женщины.

Мы пришли к выводу, что существует какой-то путь сообщения между Понапе и Нан-Танахом, который известен туземцам и используется ими для своих ритуальных целей. И еще мы решили так: когда в следующий раз наши рабочие покинут лагерь, мы сразу же, без промедления отправимся на Нан-Танах. Днем мы его обследуем, к вечеру Тора и моя жена вернутся в лагерь, а Стентон и я проведем ночь на острове, спрятавшись где-нибудь в безопасном укрытии и наблюдая за происходящим.

Луна постепенно проходила все фазы своего развития: убывала, пока на западе не остался узкий светлый серпик, потом снова начала округляться... Приближалось полнолуние.

Перед тем как покинуть островок, наши люди чуть не плача умоляли нас уйти вместе с ними, но их назойливые просьбы лишь еще сильнее распаляли в нас страстное желание выяснить, что за странную

картину мы наблюдали в прошлый раз: мы были абсолютно убеждены, что нас водят за нос. Во всяком случае Стентон и я придерживались именно такого мнения.

С Эдит все обстояло иначе: она вдруг впала в какую-то странную задумчивость, всячески уклоняясь от разговоров на эту тему.

Не успели наши люди скрыться за поворотом гавани, как мы сели в лодку и направились прямиком на Нан-Танах. Вскоре над нами нависли его могучие, облицованные камнем берега. Мы прошли между базальтовыми гранями гигантских прямоугольных призм, ограждающих проход, и причалили у полузатопленной пристани.

Прямо перед нашими глазами начинался ряд гигантских ступеней; поднявшись по ним, мы попали на широкую площадь, заваленную обломками разбитых колонн. В центре площади, позади разрушенной колоннады, возвышалась терраса, сложенная из таких же базальтовых блоков: я знал, что там внутри скрыт еще один внутренний дворик.

И теперь, Уолтер, чтобы лучше понять эту историю... и... — Трокмартин замолчал, подбирая слова, — и если ты надумаешь вернуться туда вместе со мной или... в случае, если меня заберут, пойдешь туда один по нашим следам... тогда слушай внимательно описание этого места.

Нан-Танах состоит в буквальном смысле из трех прямоугольников. Первый, самый внешний, образуют стены дамбы. Сложенные из монолитных блоков, обтесанных в форме ровных прямоугольных призм, они доходят до двадцати футов в высоту. Для того, чтобы найти проход в дамбе, двигайтесь вдоль канала (вы найдете его на карте), разделяющего Нан-Танах и

островок-спутник под названием Тау. Вход в канал найти не так просто из-за густых зарослей ризофоры, но как только вы в него попадете, дальнейший путь уже не вызывает сомнений. Вы подниметесь по ступеням, ведущим прямо от причала и попадете во внутренний двор. Там вы увидите другую базальтовую стену: она представляет собой прямоугольник, с математической точностью повторяющий форму внешнего ограждения. Высота стен дамбы от тридцати до сорока футов, а первоначально, видимо, они были еще выше... теперь они частично оказались под водой. Стены, которые находятся в первом внутреннем дворе, возвышаются над дамбой футов на пятнадцать, и их высота меняется от двадцати до пятидесяти футов — здесь вследствие затопления суши стены тоже, по-видимому, постепенно опускаются под воду.

За стенами этого второго ограждения находится еще один внутренний дворик. В нем вы увидите террасу, сложенную из таких же блоков, что и базальтовые стены: высота у нее футов двадцать. Проникнуть за эти стены можно через многочисленные проломы, которые время проложило в каменной кладке.

Этот двор — сердце Нан-Танаха.

С террасой, вернее с огромным подземельем, которое под ней находится, связано имя реально существовавшей личности, дошедшее до нас из тумана далекого прошлого. Туземцы говорят, что там находилась сокровищница Хау-те-лур, могущественного короля, царствовавшего, по их выражению — «давно-давно до наших отцов».

Хау — это древнее слово, и на языке туземцев Понапе оно служит одновременно для обозначения

солнца и короля, поэтому Хау-те-лур, безусловно, переводится как «жилище солнечного короля». В этом названии почти наверняка отразилось воспоминание о династическом имени правителей народа, некогда обитавшего на тихоокеанском, ныне исчезнувшем, континенте: точно так же как правители династии древнего Крита носили имя миноса, а правители Египта — имя фараона.

И как раз напротив этого «жилища солнечного короля» вы найдете лунный камень, за которым скрывается Лунная Заводь.

Этот камень обнаружил Стентон. Мы с ним обследовали внутренний двор, пока Эдит и Тора готовили ленч. Выйдя из-под сводов подземелья Хау-те-лур, я увидел Стентона, стоящего у подножия террасы и с интересом изучавшего какую-то ее деталь.

— Что вы об этом скажете? — спросил он, и когда я подошел, указал на стену. Я перевел взгляд в это место. Стентон показывал на каменную плиту около пятнадцати футов в высоту и десяти футов в ширину. Прежде всего я отметил исключительную точность стыковки ее краев с окружающими блоками. Потом я обратил внимание на цвет плиты и отчетливо понял, что он несколько иной, чем у других камней: ее покрывал легкий матово-серый налет, неуловимо отдающий мертвечиной.

— Пожалуй, больше напоминает кальцинит, чем базальт, — сказал я.

Я дотронулся до плиты и тут же быстро отдернул руку. Легкая дрожь пробежала вдоль всей руки, как будто через меня разрядился заряженный «замерзшим электричеством» предмет. Я не могу назвать плиту холодной в том смысле, какой мы

привыкли вкладывать в это слово. В нем была заключена застывшая сила, и сочетание слов, которое я использовал — «замерзшее электричество», — мне кажется как нельзя лучше соответствует тому, что я хочу выразить.

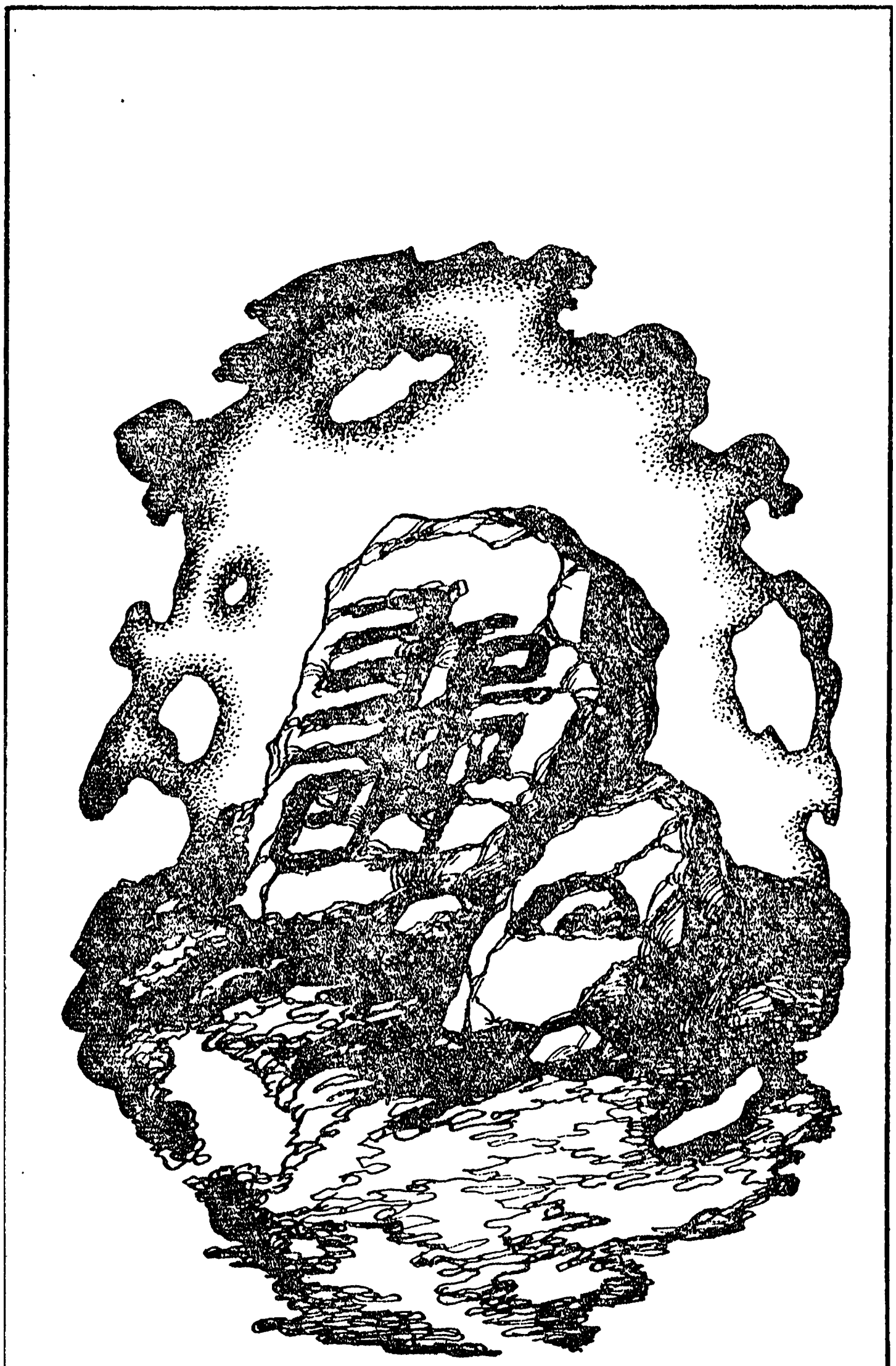
— Ага, — сказал Стентон, — и вас тряхнуло. А я уж было решил, что у меня тоже, как у Торы, начались галлюцинации. Кстати, обратите внимание, как нагрелись под солнцем соседние блоки.

Мы энергично принялись за обследование плиты. Тонкая, как волосок, линия отделяла ее от прилегающих блоков: настолько тщательно, с ювелирной точностью были обработаны ее края. Основание плиты имело слегка округлую форму и так же плотно, как верхняя и боковые части плиты, стыковалось с огромными камнями, на которых покоилась плита. И еще мы заметили, что в нижних камнях была выдолблена ложбинка, повторяющая линию основания серого камня. От одного края камня до другого бежала постепенно понижающаяся впадина, как если бы плита стояла в центре неглубокой чаши и делила ее точно пополам.

Что-то в этой впадине показалось мне необычным, и я, наклонившись, провел по ней рукой. Вообразите, Гудвин — впадина оказалась такой гладкой, словно над ней только что поработали руки полировщика, хотя другие, образовывавшие чашу камни, имели точно такую же, как и все остальные камни в дворике, шероховатую и изъеденную временем поверхность.

— Это дверь! — воскликнул Стентон. — Она проворачивается вдоль оси в этой чаше. Вот почему ее поверхность такая гладкая.

— Возможно, ты и прав, — отвечал я. — Но как нам открыть ее?



Мы заново облазили кругом всю плиту, нажимая на нее в разных местах. Навалившись плечом на край плиты, я случайно взглянул вверх и вскрикнул от неожиданности. Над головой, на расстоянии около фута, я увидел с каждой стороны на углах перемычки, отделяющей серый камень, какие-то выпуклости, заметные лишь под тем углом, под которым мой взгляд наткнулся на них.

Мы захватили с собой небольшую складную лестницу, и по ней я взобрался наверх. Шишечки, которые я обнаружил, представляли собой просто-напросто вырезанные в камне полусферы. Я положил машинально ладонь на одну из них, желая понять, что это такое, и тут же резко отдернул ее назад. В ладони, где-то в области большого пальца, я ощутил точно такой же удар, который испытал, прикоснувшись к плите. Я снова положил руку на шишечку: воздействие шло от пятнышка не более дюйма. Я принялся осторожно ощупывать всю выпуклость, и еще шесть раз холодная дрожь пробежала у меня вдоль руки. Всего я обнаружил семь кружочков диаметром приблизительно в дюйм, и каждое из них доставило мне описанное выше удовольствие. Точно такие же результаты я получил, обследуя выпуклость на противоположной стороне плиты.

Но как бы мы ни усердствовали, прикасаясь или надавливая на эти пятнышки — порознь или в отдельных комбинациях, — нам не удалось получить ни малейшего намека на то, что плита может двигаться.

— И тем не менее... именно с помощью этих кружков открывается дверь, — категорично заявил Стентон.

— Почему вы так решили? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Какое-то внутреннее чувство подсказывает мне это... Трок, — продолжал он, то ли шутливо, то ли серьезно, я не мог понять, — во мне борются две ипостаси: чисто научная с чисто человеческой. Моя ученая половинка побуждает меня искать, нет ли какого-нибудь способа заставить плиту открыться или упасть, человеческая — с той же силой убеждает меня не делать ничего подобного и бежать отсюда куда глаза глядят как можно скорее.

Он снова рассмеялся... стыдливо отвернувшись.

— Ну что будем делать? — спросил он, и я подумал, что, судя по тону, человеческая половинка одержала верх.

— Да, пожалуй, ничего не поделаешь, придется оставить все как есть... разве что попробовать подорвать ее динамитом...

— Я бы не посмел, — ответил Стентон и, помявшись, весьма мрачно добавил: — Я не посмел бы даже подумать об этом.

Своими словами Стентон выразил то чувство, которое я испытал, предложив разнести камень на куски: что-то прошло сквозь серый камень и толкнуло меня прямо в сердце, как будто невидимая рука ударила по губам, произносящим нечестивое слово.

Мы тревожно обернулись и увидели, что в проломе стены, глядя на нас, стоит Тора.

— Мисс Эдит говорит, чтобы вы шли быстрее, — начала она и остановилась.

Взгляд ее скользнул мимо меня и уперся в серый камень. Все тело Торы напряглось и одеревенело, она сделала несколько неверных шагов, а потом побежала к камню. Бросившись на камень грудью, она за-

мерла, прильнув к нему лицом, раскинув руки... мы услышали ее крик... казалось, с этим криком душа ее вылетела вон из тела, и Тора рухнула к подножию камня.

Когда мы поднимали Тору, я украдкой взглянул ей в лицо и увидел то же самое выражение, что видел на нем раньше, когда мы впервые услышали музыку хрустальных колокольчиков на Нан-Танахе: совершенно нечеловеческую смесь противоположных чувств ужаса и восторга!

ГЛАВА 4

ПЕРВЫЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Мы отнесли Тору назад, к тому месту, где ждала нас Эдит, и подробно рассказали ей обо всем случившемся, начиная с того момента, как мы обнаружили плиту. Эдит сосредоточенно выслушала наш рассказ; когда мы закончили, Тора вздохнула и открыла глаза.

— Я бы хотела взглянуть на камень, — сказала Эдит. — А вы, Чарли, побудьте пока с Торой.

Мы в полном молчании прошли через внешний двор и остановились перед плитой. Эдит коснулась ее рукой и, точно так же, как в свое время это произошло со мной, быстро отдернула руку, но потом решительно протянула ее снова и некоторое время держала, не отрывая от камня. Казалось, она прислушивается. Затем Эдит повернулась ко мне.

— Скажи, Дэвид, — сказала моя жена, и сердце у меня защемило от невыразимой тоски, прозвучавшей в ее голосе. — Дэвид, ты бы очень... очень огорчился, если бы мы ушли отсюда, оставив все как есть и не пытаясь понять, что это такое, а?

Уолтер, еще никогда в жизни мне ничего не хотелось так сильно, как выяснить, что же скрывается за этим камнем. И тем не менее я, постаравшись придать себе глубоко безразличный вид, небрежно ответил:

— Нет, Эдит, ни капельки. Конечно, если ты хочешь, мы уйдем отсюда.

Она все поняла по моим глазам. Эдит опять повернулась лицом к серому камню, и я увидел, как мелкая дрожь сотрясла ее тело.

— Эдит, — воскликнул я, терзаясь угрызениями совести и острой жалостью к жене, — Эдит, уйдем отсюда!

Она снова взглянула на меня.

— Наука — ревнивая особа, — процитировала она известное изречение. — А впрочем, — добавила Эдит, — возможно, у меня просто разыгралась фантазия. В любом случае, ты никуда не пойдешь! Нет! Но знай, Дэвид, что я останусь здесь с тобой.

И ничто уже не могло ее заставить изменить свое решение. Когда мы подходили к месту нашей стоянки, Эдит положила мне ладонь на руку.

— Дейв, — сказала она, — если этой ночью произойдет что-нибудь необъяснимое... что-нибудь, что покажется... ну, слишком опасным... ты обещаешь утром вернуться на наш остров, сразу же как это будет возможно, и там дожидаться возвращения туземцев?

Я был готов на все, лишь бы остаться здесь и посмотреть, что же произойдет ночью, и, не задумываясь, пообещал.

Мы приглядели местечко, расположенное футах в пятистах от ступеней лестницы, недалеко от входных ворот во внешний двор.

Закуток, на котором мы остановили свой выбор, служил надежным укрытием для сидящих внутри и в то же самое время оттуда были прекрасно видны ступени и входные ворота перед террасой. Незадолго до наступления сумерек мы обосновались там и стали ждать, что же произойдет. Ближе всех к гигантским ступеням находился я, рядом со мной — Эдит, затем Тора и, наконец, Стентон.

Надвигалась ночь.

Спустя какое-то время начал потихоньку светлеть восточный край неба, и мы знали, что это предвещает восход луны. Становилось все светлее и светлее; из-за

моря показался краешек светлого диска, и вот на небо выплыло во всей красе ночное светило.

Я поглядел на Эдит и Тору. Моя жена внимательно к чему-то прислушивалась. Тора с того момента, как мы здесь устроились, так и сидела, не меняя позы: положив руки на колени и спрятав лицо в ладонях.

А потом, когда все вокруг затопило серебряным светом, на нас напала жуткая сонливость. Казалось, она сочится прямо из лунных лучей и непреодолимо склеивает веки... заставляет закрывать глаза. Я почувствовал, как ослабла рука Эдит в моей ладони. Голова Стентона свесилась ему на грудь, он качался, словно пьяный. Я попытался приподняться, испытывая сильное желание упасть на землю и уснуть.

Дремота все сильнее и сильнее сжимала меня в своих тисках, и пока, я пытался преодолеть ее, Тора приподняла голову, будто прислушиваясь, и повернулась к входным воротам. Какое-то бесконечное отчаяние и... упоительный восторг были написаны на ее лице. Я снова попробовал встать, и волна глубокого сна нахлынула на меня. Уже проваливаясь в небытие, я словно через толщу воды услышал хрустальный перезвон; величайшим усилием воли приподняв веки, я открыл глаза в последний раз — Тора, омытая лунным светом, стояла на самой верхней ступеньке лестницы...

Сон обхватил меня своими тесными объятиями, и я окончательно погрузился в забвение.

Когда я очнулся, уже брезжил рассвет. Вспомнив о том, что случилось ночью, я стал в панике шарить вокруг себя, пока не наткнулся на Эдит, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Жена зашевелилась и села, протирая заспанные глаза. Стентон лежал на боку, позади нас, обхватив голову руками.

Эдит со смехом смотрела на меня.

— О небо! Все проспали! — сказала она. Память постепенно возвращалась к ней. — Что произошло? — прошептала она. — Что заставило нас так крепко уснуть?

Тут очнулся Стентон.

— Бог мой! — воскликнул он. — У вас такой ошарашенный вид, словно вы познакомились с привидением?

Эдит схватила меня за руки.

— Где Тора? — вскрикнула она.

И прежде чем я смог что-либо ответить, побежала к входным воротам, с криком: «Тора! Тора!»

— Тору забрали, — вот все, что я мог сказать Стентону.

Вместе мы подошли к Эдит. Остановившись возле громадных каменных ступеней, она со страхом глядела через входные ворота на террасу. И здесь я рассказал им все, что увидел перед тем, как сон окончательно свалил меня. Потом мы поднялись по ступеням, перешли двор и остановились около серого камня.

Не было видно ни малейших следов того, что плита открывалась; она так же плотно, как и вчера, примыкала к окружающим камням.

Никаких следов?

Не успел я так подумать, как Эдит опустилась на колени перед плитой и подняла что-то, лежащее у ее подножия. Это был крошечный лоскуток пестрого шелка. Я узнал ткань косынки, которой Тора повязывала себе голову. Эдит молча разглядывала лоскут с такими ровными краями, словно его срезали острой бритвой; несколько ниточек, выпавших из ткани, бежали к подножию плиты и исчезали под ним.

Этот серый камень был дверью! Она открылась, и Тора прошла сквозь нее!

Я думаю, что в ближайшие несколько минут мы вели себя так, словно вырвались из сумасшедшего дома. Мы орали и молотили по плите кулаками, били по ней палками и камнями. Наконец к нам вернулся здравый смысл.

Гудвин, за последующие два часа мы перепробовали все имеющиеся в нашем распоряжении средства, стараясь проделать в плите отверстие. Мы пытались ее сверлить — сверла ломались о камень. Мы пробовали подорвать плиту, обложив ее зарядами динамита, — ни одной царапины не появилось на поверхности плиты, только сверху градом сыпались камни.

К полудню мы потеряли всякую надежду. Пока не наступила ночь, мы должны были на что-то решиться. Я считал, что нужно идти на Понапе за помощью, но Эдит настаивала, что не стоит понапрасну терять драгоценное время: вряд ли мы сможем убедить наших людей вернуться сюда этой ночью, скорее всего мы тогда вообще их никогда не увидим.

Что нам оставалось делать? Ясно, что мы могли выбрать только один из двух вариантов: либо возвращаться в свой лагерь, дожидаться возвращения туземцев и уже тогда уговаривать их пойти вместе с нами на Нан-Танах, либо... Вы же понимаете, Гудвин, что мы не могли поступить так малодушно: это означало, что мы бросаем Тору по крайней мере на два дня...

Другой путь состоял в том, чтобы оставаться здесь и дожидаться наступления ночи; как только камень начнет открываться, можно было бы попробовать проскочить внутрь и постараться вызволить Тору, пока камень снова не захлопнулся.

Без колебаний наш выбор остановился на втором решении: мы проведем эту ночь на Нан-Танахе!

Ну разумеется, мы досконально обсудили феномен одолевшей нас сонливости. По нашей теории все эти огоньки, звуки и исчезновение Торы были связаны с таинственными ритуальными обрядами туземцев, и вполне естественно было предположить, что именно они-то и наслали на нас дремоту, возможно какими-нибудь воскурениями... вы не хуже меня знаете, как искушены жители Океании в знании подобных вещей. А возможно, это была простая случайность, и сон навеяли на нас какие-нибудь газообразные вещества или запахи растений — природные явления, которые совпали по времени с таинственным обрядом...

На всякий случай мы приготовили примитивные, но достаточно эффективные респираторы.

До наступления сумерек мы провели ревизию нашего арсенала. Эдит, если вы знаете, одинаково ловко управляется и с ружьем, и с пистолетом, поэтому было решено оставить ее в засаде; Стентон должен был занять позицию почти у самого верха лестницы, а я устроиться напротив него, с той же стороны, что и моя жена. От места, которое я наметил для себя, до Эдит было не больше двухсот футов: я мог бы время от времени поглядывать в закуток, где она укрывалась, чтобы увериться в ее безопасности. Стентон и я, каждый со своего места, могли контролировать поход через ворота, а позиция Стентона, кроме того, давала ему возможность заглянуть во внешний двор.

Слабое свечение возвестило восход луны. Стентон и я быстро заняли свои места. Из-за горизонта величаво выплыл круглый диск, и в одну секунду

море и лежащие вокруг нас развалины залило ярким светом.

Как только взошла луна, со стороны внутренней террасы послышался странный тихий вздох. Стентон выпрямился и стал внимательно смотреть под арку, вскинув ружье.

— Стентон, — осторожно позвал я. — Что вы видите?

Он сделал знак рукой, призывая меня к молчанию. Я повернул голову, чтобы взглянуть на свою жену, и чуть не вскрикнул. Эдит лежала на боку. Ее лицо, выглядевшее несколько карикатурно из-за респиратора, закрывавшего ей нос и рот, было обращено наверх, в сторону луны. Она снова спала глубоким сном.

Я опять повернулся, чтобы окликнуть Стентона, и, случайно скользнув взглядом по вершине лестницы, остолбенел от изумления. Лунный свет стал непрозрачным: он, казалось... как бы это выразиться... свернулся... как сворачивается молоко. Сквозь него бежали маленькие искорки и прожилки ослепительно яркого огня. Какие-то странные вялость и апатия, непохожие на сонливость предыдущей ночи, навалились на меня. Скованный по рукам и ногам, я не мог даже помыслить о том, чтобы пошевелиться. Я пытался крикнуть Стентону... я не мог даже двинуть губами. Гудвин, я не мог даже перевести взгляд в другую точку.

По счастью, Стентон оказался в поле зрения моего неподвижного взгляда, и я видел, как он, прыгая по ступеням, направляется к входным воротам. Мне показалось, что это странное, похожее на свернувшееся молоко свечение поджидает его. Стентон вошел в сверкающий туман... и скрылся у меня из глаз.

Наступила такая тишина, что я слышал удары своего сердца. Прошло несколько секунд и словно хлынули звонкие струйки дождя, заставляя сердце радостно и учащенно биться и тут же сжимая его крохотными ледяными пальчиками... а потом... из внутреннего дворика до меня донесся, прорезав лавину тренькающих звуков, голос Стентона: дикий крик... нет — вопль, наполненный чувством безмерного блаженства и невыносимого ужаса!

И опять наступила тишина...

Я силился разорвать опутавшие меня узы и не мог... даже опустить веки; глаза, сухие и воспаленные, мучительно болели.

А потом, Гудвин, я в первый раз в жизни увидел то, что не поддается никакому описанию!

Мелодичный перезвон стал еще громче. С того места, где я сидел, была видна подворотня и базальтовые ворота над ней, разбитые и покоробленные, они возвышались над стеной футов на сорок — совершеннейшие развалины, абсолютно неприступные. Из подворотни во все стороны брызнули лучи яркого света. Он нарастал, становясь все интенсивнее, он лился бушующим потоком... и из этого потока света вышел Стентон!

Это был Стентон... Но Боже... Что за вид!

Сильная дрожь сотрясла тело Трокмартина.

Я ждал продолжения... не в силах пошевелиться...

ГЛАВА 5

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ

— Гудвин, — Трокмартину наконец удалось справиться со своими чувствами, — я могу описать его, разве что предложив вам вообразить себе свет как живое существо — вот в каком виде Стентон появился передо мной. Свет переполнял его и изливался через край... Сияющее облако крутилось вокруг Стентона, пронизывая его насквозь огненными вихрями, светящимися щупальцами, сверкающимися и блистающимися спиралями.

Лицо Стентона излучало такой необыкновенно сильный восторг, что его не смог бы вынести ни один живой человек, и в то же самое время непередаваемая скорбь омрачала его; я бы сказал, что его лицо вылепили, работая в мире и согласии, одной рукой Господь Бог, а другой — сам Сатана. Вы уже видели, Гудвин, такое выражение на моем лице, но вы даже не можете себе представить, в какой сильной степени лицо Стентона отражало эти нечеловеческие чувства. Широко раскрытые глаза Стентона неподвижно уставились в одну точку, будто он заглянул к себе в душу, увидел там сразу и адскую бездну и райские кущи!

В свечении, со всех сторон охватившем Стентона и наполнявшем его изнутри, виднелось нечто вроде постоянно меняющего очертания ядра, и эта, напоминавшая по форме человеческую фигуру сердцевина, то растворяясь в сияющей дымке, то концентрируясь снова, пронизывала тело Стентона крутящимися вихрями. При каждом таком проходе оно содрогалось и испускало волну пульсирующего света. Я заметил,

что поверх светящейся туманности, разделяя ее беспрестанное движение, спокойно и безмятежно перемещались семь небольших шаров, окрашенных в различные цвета: они походили на семь маленьких лун, плывущих над облаками.

Потом Стентон быстро поднялся... взлетел как на крыльях на вершину неприступной стены и пошел вдоль нее. Сияние ослабло, почти слившись с лунным светом, мелодичное позвякивание стало затихать. Я снова попытался пошевелиться. Слезы, скатываясь из-под неподвижных век, заливали мне лицо, и это приносило некоторое облегчение моим измученным глазам.

Я уже сказал, что мой взгляд был прикован к одному и тому же месту. Да, так оно и было, но боковым зрением я все-таки мог видеть краешек дальней стены. Казалось, прошли столетия, и вот над ней начал разгораться свет. Вскоре в поле моего зрения вплыла человеческая фигура: это был Стентон. Медленно удаляясь, шествовал он по гигантской стене, но даже на таком большом расстоянии я мог разглядеть, с каким торжеством извивались вокруг него сияющие спирали, пронизывая тело несчастного Стентона; скорее чувствовал, чем видел его экстатически-восторженное лицо в ореоле семи разноцветных лун.

Взметнулся вихрь хрустальных звуков... и Стентон пропал. И все это время серебряный огонь, затмевая лунные лучи, изливался с лунного дворика, как будто там вдруг забил источник света. Как ни странно, у меня сложилось отчетливое впечатление, что этот огонь целиком и полностью зависит от лунного света.

Наконец луна приблизилась к горизонту; прозвучал оглушительный взрыв звонких нот; раздался второй... и последний крик Стентона, как слабый

отголосок первого... Снова мягкий вздох со стороны внутренней террасы... И полная тишина!

Свет потускнел, луна скрылась с горизонта, и ко мне внезапно вернулись жизненные силы и способность двигаться. Я помчался по лестнице, перепрыгивая через ступени, пробежал сквозь подворотню и прямым ходом бросился к серому камню. Он был закрыт... да я и не сомневался, что он будет закрыт. На самом ли деле я услышал, или мне показалось, но из-за камня, как будто бы с очень большого расстояния, прозвучали слабые отголоски торжествующих выкриков.

Я побежал назад к Эдит. Она очнулась, едва я прикоснулся к ней, и, приподнявшись на локте, посмотрела на меня блуждающим взглядом.

— О Дейв, — сказала она. — Я опять все проспала...

Она увидела отчаянное выражение моего лица и вскочила на ноги.

— Дейв, — крикнула она. — Что произошло? Где Чарли?

Я долго не мог справиться с обуревавшими меня чувствами. Затем я все рассказал ей. Остаток ночи мы просидели возле костра, взявшись за руки, словно двое испуганных ребятишек.

Неожиданно Трокмартин простер ко мне руки.

— Уолтер, дружище! — воскликнул он. — Не смотрите на меня так, будто я спятил. Это все правда, чистая правда! Подождите...

Я как мог успокоил его, и через некоторое время он продолжил свой рассказ.

— Никогда, — сказал он, — ни один человек на свете не радовался солнцу так, как радовались ему мы в это утро. Как только оно взошло, мы пошли во внутренний двор. Стены, на которых я видел

Стентона, были пусты и молчаливы. То же самое можно было сказать о террасе. Серый камень стоял на прежнем месте. В неглубокой впадине около его подножия ничего не было. Ничего...

И нигде на островке мы не увидели, как ни искали, никаких следов пребывания Стентона.

Что же мы теперь должны были делать?

Ровно те же самые соображения, что заставили нас остаться здесь прошлой ночью, сработали и на этот раз... с удвоенной силой. Теперь мы не могли покинуть в беде уже двоих: мы не могли уйти до тех пор, пока оставалась хоть малейшая надежда, что они живы... и все-таки я ума не приложу, почему мы не ушли, хотя бы ради любви друг к другу? До сих пор я и не подозревал, что так сильно люблю свою жену, и она отвечала мне такой же беззаветной любовью.

— Каждой ночью оно забирает только одного, — сказала Эдит. — О любимый, — молилась она, — пусть оно заберет меня.

Я плакал, Уолтер. Мы оба плакали.

— Мы встретим его вместе, — сказала Эдит.

Так мы и решили.

— Это очень смелый поступок, Трок, — заметил я.

Он бросил на меня лихорадочный взгляд.

— Вы верите мне? — воскликнул он.

— Верю, — твердо ответил я.

Трокмартин стиснул мне руку с такой силой, что чуть не сломал ее.

— Теперь, — сказал он, — я ничего не боюсь. Если меня... постигнет неудача, вы ведь придете к нам на помощь, а?

Я обещал.

— Мы все обсудили самым подробным образом, — продолжал он, — с учетом нашей способности подвергать все анализу. Используя хладнокровный склад научного мышления, мы все разложили по полочкам и проследили поминутно каждую фазу этой истории. Хотя подземное пение начинало звучать в самый момент начала подъема луны, не меньше пяти минут проходило между полным появлением светила на небе и странным вздохом, доносившимся из внутренней террасы. Я восстановил в памяти все события прошлой ночи: по крайней мере десять минут прошло между первым вздохом-предвестником и нарастанием лунного света во внутреннем дворе, и это свечение разгоралось еще примерно столько же времени, пока первый взрыв хрустального звона не нарушил тишину. На самом деле, должно было пройти не меньше получаса по моим подсчетам от момента, когда луна появляется на горизонте, и первой атакой нежного мелодичного звона.

— Эдит! — вскрикнул я. — Кажется, я понял, в чем дело! Серый камень открывается через пять минут после восхода луны. Но эта штука — что бы она из себя ни представляла, — которая выходит оттуда, должна ждать, пока луна не поднимется еще выше, или же она должна пройти какое-то расстояние. Весь фокус в том, чтобы не дожидаться ее появления, а предвосхитить его действия, прежде чем она пройдет через дверь. Мы заранее войдем во внутренний двор. Ты с ружьем и пистолетом спрячешься в таком месте, откуда можно будет контролировать выход... если, конечно, плита откроется. В тот момент, когда это произойдет, — я проскочу внутрь. Это наш единственный шанс, Эдит.

Моя жена долго не соглашалась: она хотела идти вместе со мной. Я уговаривал ее остаться снаружи

на тот случай, если мне придется силой прокладывать себе дорогу назад, — тогда она сможет прийти мне на помощь! В конце концов Эдит согласилась, что так, пожалуй, действительно будет лучше.

За полчаса до восхода луны мы пришли во внутренний дворик. Я занял свое место, встав рядом с серым камнем. Эдит примостилась у разбитой колонны футах в двадцати от меня, приклад ружья она положила поверх колонны, чтобы все время держать вход на мушке.

Минуты ползли еле-еле. Темнота рассеивалась, и сквозь разломы в террасе я видел, как постепенно светлеет небо над головой. С первым бледным проблеском света тишина вокруг внезапно приобрела какой-то гнетущий характер, постепенно делаясь все более и более зловещей: ожидание становилось невыносимым. Показался сначала краешек луны, потом четвертинка, и вот она вся огромным пузырем выплыла на небо.

Я не сводил глаз с плиты; внезапно, когда лунный свет упал на камень, над выпуклостями, которые я описывал раньше, заплясали семь маленьких светящихся кружочков. Они мерцали и переливались разноцветными огнями, становясь все ярче и... прекрасней. Гигантская плита прямо у меня на глазах разгоралась ярким светом, серебристая флюоресцирующая рябь запульсировала над ее поверхностью, и затем... с мягким звуком, напоминавшем вздох, плита легко, словно на шарнирах, повернулась вокруг своей оси.

Я сделал так, как мы условились с Эдит: проскользнул в открывшуюся дверь. Передо мной простирался длинный, подсвеченный слабым серебристым сиянием, туннель. Я быстрым шагом пошел вдоль него. Миновав крутой поворот, я некоторое время шел, по-видимому, параллельно внешней стене дворика, а

затем, постепенно понижаясь, туннель повел меня куда-то вглубь.

Туннель внезапно оборвался. Впереди я увидел высокую полукруглую арку. Казалось она открывается прямо в космос — в пространство, насыщенное сверкающим и переливающимся разноцветными огнями туманом. Он становился все ярче, пока я смотрел на него. Я прошел сквозь арку и замер, объятый благоговейным трепетом.

Прямо передо мной лежала заводь, наполненная бледно-голубой водой. Низкий, с покатыми краями бортик из мерцающего серебристого камня обегал вокруг почти идеально круглого водоема, что-то около двадцати футов в ширину. В обрамлении серебристого ободка эта заводь напоминала уставившийся вверх огромный голубой глаз.

Сверху на нее падали семь цилиндрических потоков света. Мощные струи изливались сверху вниз на голубой глаз заводи и напоминали сияющие колонны света, поднимающиеся над сапфировым полом.

Одна из колонн была нежного жемчужно-розового цвета, другая имела зеленоватый оттенок предрассветного неба; третья — мертвенно-белого цвета; четвертая — окрашена в перламутрово-голубой; и еще одна колонна — бледно-янтарного цвета... струя аметиста... луч расплавленного серебра. Окрашенные в такие вот цвета, семь потоков света вливались в Лунную Заводь. Замирая от благоговения и страха, я подошел поближе. Лучи света не проникали в глубину. Они играли на поверхности и, словно бы растворяясь в воде, смешивались с ней. Заводь пила эти лучи!

Из воды начали выстреливать крохотные фосфоресцирующие искорки, похожие на раскаленные добела блестки бенгальского огня. И глубоко, глубоко

внизу я уловил смутное движение: из воды медленно поднималось свечение, всплывало какое-то светящееся тело.

Я поднял голову, проследив взглядом разноцветные колонны до самого основания. Высоко вверху плавали семь светящихся шаров, из которых и струились эти лучи. По мере того как я смотрел на них, шары все больше наливались светом. Они напоминали семь маленьких лун, подвешенных под сводами пещеры. Все ярче и прекраснее делались они со временем, и одновременно возрастала величественная красота струившихся из них семи потоков света.

Я снова перевел взгляд на заводь и увидел, что цвет ее изменился на молочно-белый, опалесцирующий. По-видимому, лучи, падавшие на заводь, насытили ее до необходимого предела: заводь оживала, переливаясь вспышками, искрами и блестками. И все ярче, все сильнее становилось свечение, приближающееся из глубины.

На поверхности заводи закрутился вихрь туманной дымки. Тонкая, свивающаяся жгутом струйка медленно вплыла в середину розового луча и на какое-то мгновение зависла там неподвижно. Мне показалось, что луч, захвативший вихрь в свои объятия, посылал в него маленькие светящиеся частицы, крохотные розовые спиральки. Впитывая и накапливая полученную субстанцию, дымка, похоже, уплотнялась за счет этих частиц. Другой маленький водоворот тумана влился в янтарный луч и, прицепившись к нему, некоторое время питался его соками, потом не спеша двинулся к первому, и они слились вместе. И сразу же то тут, то там забурлили водовороты, слишком быстро, чтобы можно было их сосчитать; они перемещались по заводи, охваченные

разноцветными световыми потоками, вспыхивали и трепетали, проникая друг в друга.

Вскоре вся поверхность заводи обильно покрылась бурлящими воронками, и над ней, равномерно разрастаясь, запульсировал столб опалесцирующего тумана. Он постепенно наливался жизненной силой, впитывая ее из семи потоков света, падавших сверху, втягивая в себя сыпавшиеся из заводи раскаленные добела искры и блестки. По центру столба проходило свечение... то самое, что я заметил в глубине заводи. И вот из этого светящегося и пульсирующего столба... стали выскакивать рыскающие по сторонам щупальца и завихрения тумана.

Прямо у меня на глазах зарождалось... *Нечто*, — то, которое увело Стентона, забрало Тору... та тварь, за которой я сюда явился.

Я вышел из оцепенения, выхватил пистолет и стал палить без остановки в светящееся ядро, пока у меня не кончились патроны.

Пока я стрелял, эта штука тряслась и раскачивалась, но при этом не теряла своей формы. Я заслал в ствол вторую обойму патронов, и тут мне пришла в голову неожиданная мысль. Я тщательно прицелился в один из шаров, плавающий под крышей. Оттуда, как я уже понял, текла сила, которая формировала обитателя заводи, из лучей, струящихся сверху, черпал он свою жизнь. Если бы мне удалось уничтожить разноцветные шары, я смог бы остановить его формирование.

Я стрелял снова и снова, но даже если пули и попадали в цель, то никакого вреда мои выстрелы шарам не причинили. Маленькие пылинки в берущих из них начало световых потоках беспокойно плясали в такт с искрами светящегося столба тумана... Вот и все.

Однако из самой заводи посыпались звонкие металлические нотки, словно там трезвонили маленькие колокольчики или лопались крохотные стеклянные пузыри: высота тона постепенно возрастала, они, теряя свою мелодичность, звучали рассерженно, недовольно...

А потом из этого... необъяснимого выплыла, извиваясь, сияющая спираль!

Она схватила меня, обвившись вокруг груди, чуть повыше сердца. Смешанное чувство экстаза и ужаса пронзило меня. Каждая частичка моего естества трепетала от восторга и сжималась от ужаса. В этом не было ничего отвратительного. Скорее это походило на то, что моя душа оказалась сразу во власти ледяного холода зла и жаркого пламени добра.

Пистолет выпал у меня из рук.

Так я стоял в оцепенении, а заводь искрила и мерцала; потоки света наращивали свою интенсивность, а эта светящаяся тварь — та, что держала меня, — явно становилась все крепче и сильнее. Ее сияющее ядро приняло некую форму... но форму, которую отказывались воспринимать мои глаза и мозг. Складывалось такое впечатление, что существо из другого мира притворяется, подделываясь под человеческий облик, но ему никак не удается замаскироваться полностью, и то, что видит человеческий глаз, является всего лишь малой толикой этого существа. Я никак не мог разобрать, мужчина это или женщина: абсурдное нелепое существо обладало признаками обоего пола! Едва лишь в моем сознании складывалась определенная картина, как оно моментально меняло свою ипостась. И все это время смешанное чувство ужаса и восторга не покидало меня. Только в самом маленьком уголке сознания оставалось еще что-то, не затронутое этим нечеловеческим

чувством, — то, что давало мне способность отстраненно наблюдать за собой и происходящим. Была ли то моя душа? Я никогда не верил в ее существование... и все же...

Над головой призрачно-туманного туловища внезапно заплясали семь маленьких огоньков, и каждый из них был окрашен в цвет того луча, под которым оказался. Вот теперь, понял я, Двеллер[1]... готов окончательно!

Послышался крик... Эдит! Я понял, что она услышала выстрелы и теперь спешит ко мне на помощь. Невероятным усилием воли мне удалось собраться с силами, извернуться и освободиться от сжимающего тело щупальца. Оно неохотно спряталось обратно... Я повернулся, чтобы перехватить Эдит, но, не удержавшись на ногах, поскользнулся и упал.

Светящаяся фигура проворно выпрыгнула из заводи, и прямо в нее вбежала с протянутыми вперед руками Эдит. Боже мой, она пришла, чтобы защитить меня!

— Она влетела прямиком в самое пекло, — прошептал Трокмартин, — и эта тварь обволокла своим сиянием Эдит с головы до ног. Раздался радостный взрыв хрустального звона, свет наполнял Эдит, передвигаясь сквозь ее тело, и так же, как это было со Стентоном, я вдруг увидел лицо жены... Боже, ее взгляд!

Эдит бросилась к заводи и остановилась на серебристом бортике, на самом краю.

Пошатнулась...

И упала... Она бросилась в Лунную Заводь, охваченная свечением со всех сторон, — сверкающие вихри по-прежнему пронизывали ее насквозь! Эдит

---

[1] Dweller *(англ.)* — житель, обитатель.

утонула, и вместе с ней ушел под воду Двеллер, обитатель заводи!

Подтащив непослушное тело, я заглянул в заводь, свесившись через бортик. Там внизу светилось, медленно опускаясь, разноцветное облако с размытыми краями. В нем смутно проглядывало затянутое пеленой лицо Эдит, в последний раз ее глаза устремились на меня, и она исчезла.

— Эдит, — кричал я вновь и вновь, — Эдит, вернись!

А затем какое-то затмение нашло на меня. Я еще помню, как бежал обратно по светящемуся туннелю, как выскочил во дворик, и тут сознание покинуло меня. Когда оно вернулось, я находился в лодке посреди открытого океана, вдали от цивилизованного мира. На следующий день меня подобрала шхуна, на которой я и прибыл в Порт-Морсби...

— У меня сложился некий план действий, вот, послушайте, Гудвин...

Трокмартин ничком упал на койку. Я склонился над ним. Мой друг спал как убитый: сказалась, по-видимому, усталость всех последних дней и облегчение, которое он испытал, выговорившись до конца.

Всю ночь я просидел рядом, приглядывая за ним, а когда забрезжил рассвет, ушел в свою каюту, чтобы немного соснуть самому. Во сне меня преследовали кошмары.

Шторм не прекращался и весь следующий день.

Трокмартин, к которому, похоже, вернулась прежняя бодрость духа, подошел ко мне за ленчем.

— Пойдемте-ка ко мне в каюту, — сказал он.

Когда мы зашли к нему, Трокмартин распахнул на груди рубашку.

— Вот, смотрите, — сказал он, — что-то произошло. Метка уменьшилась.

В самом деле, так оно и было.

— Я удрал, — прошептал он с ликованием. — Теперь бы мне только добраться до Мельбурна, а там мы еще поглядим... кто возьмет верх. Знаете, Уолтер, в глубине души я не уверен, что Эдит мертва... в том смысле, как мы с вами понимаем смерть... и те, другие, тоже... Тут что-то находящееся за пределами нашего познания... какая-то великая тайна...

Весь день Трокмартин только и твердил мне о своих планах.

— Ну разумеется, — говорил он, — все можно трактовать самым натуральным образом. Моя теория строится на том, что лунный камень состоит из вещества, крайне чувствительного к воздействию лунных лучей. Подобным же образом элемент селен реагирует на солнечные лучи. Маленькие выпуклости на вершине камня, безусловно, служат для управления дверью. Когда на них попадают лучи лунного света, приходит в действие скрытый механизм и дверь открывается, точно так же, как можно открыть двери солнечными или электрическими лучами с помощью хитроумных приспособлений, в которых используются селеновые элементы. Очевидно, только в полнолуние силы лучей достаточно, чтобы открыть дверь и вызвать из заводи ее обитателя. Первым делом мы попробуем сконцентрировать на эти выпуклости лучи ущербной луны, и посмотрим, откроется ли дверь. Если это произойдет, у нас появится шанс исследовать заводь без всяких помех со стороны этого... этих испарений...

Вот, взгляните, на карте я отметил все подробно. Я сделал для вас копию... на тот случай, если со мной что-нибудь случится. Если я пропаду, ты придешь за нами, Гудвин, ты поможешь нам?

И снова я обещал.

Чуть погодя Трокмартин пожаловался на все возрастающую сонливость.

— Просто я переутомился, — сказал он. — Но это не похоже на ту, другую сонливость. До восхода луны еще остается время, — он зевнул. — Разбуди меня, пожалуйста, минут через пятнадцать.

Трокмартин прилег на койку. Задумавшись, я сидел рядом.

Я пришел в себя с внезапным ощущением вины. Я забыл обо всем на свете, погрузившись в свои думы. Сколько времени прошло? Я взглянул на часы и подскочил к иллюминатору. На небе сияла полная луна; она взошла по меньшей мере уже с полчаса. Я шагнул к Трокмартину и потряс его за плечо.

— Вставайте, быстро! — крикнул я.

Он, сонно щурясь, встал с койки. Рубашка на груди Трокмартина распахнулась, обнажив грудь; и я в немом изумлении посмотрел на белую ленту, опоясывавшую его тело. Даже при электрическом свете было заметно, как она мягко мерцает, словно усеянная маленькими светящимися крапинками.

Трокмартин, казалось, все еще никак не проснется. Он, зевая, опустил глаза на свою грудь и, увидев светящуюся полосу, улыбнулся.

— Ну что же, — вяло сказал он. — Оно пришло... чтобы забрать меня к Эдит. Ладно, я готов!

— Трокмартин, — закричал я, — проснитесь! Надо что-то делать!

— Что-то делать... — сказал он. — Бесполезно... но помните о своем обещании.

Как слепой, он подошел к окну и раздернул занавески. Луна прочертила широкую полосу света прямо к кораблю. Под ее лучами лента, опоясывающая грудь Трокмартина, светилась все ярче и ярче,

выстреливал в разные стороны маленькие лучи казалось, она шевелится, как живая.

В каюте погас свет: очевидно, это же произошло на всем пароходе: я услышал, как наверху закричали.

Трокмартин еще стоял у раскрытого окна. Я видел поверх его головы, как прямо на нас вдоль лунной дорожки движется светящийся столб. В окно каскадом струился ослепительный свет. Он вобрал в себя Трокмартина, окутав его облаком трепещущего сияния. Свет пульсировал, взад и вперед проходя через тело Трокмартина. Каюта наполнилась невнятным бормотанием...

Слабость волной накатила на меня и повлекла куда-то в темноту. Когда сознание вернулось ко мне, лампы светили в прежнюю силу... Но Трокмартин исчез бесследно!

ГЛАВА 6

СИЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛ ЗАБРАЛ ИХ

Мои уважаемые коллеги по Ассоциации и те, кто, быть может, станет читать мое повествование! Попытаюсь вкратце (насколько это возможно) представить на ваш суд объяснение, или, если угодно, оправдание того, что я сделал и чего не сделал, когда ко мне полностью вернулось сознание.

Прежде всего я кинулся к открытому окну. Я находился, по-видимому, в бессознательном состоянии несколько часов, так как луна уже находилась на западе, почти у самого горизонта. Я побежал к двери, намереваясь поднять переполох на корабле, и неистово рванул ее на себя. Дверь, однако, не поддалась моим усилиям и не открылась. Что-то, звякнув, упало на пол... Ключ! Я сразу же вспомнил, как Трокмартин повернул его, прежде чем мы начали полуночничать. Это воспоминание окончательно убило во мне последнюю надежду — оказывается, она еще теплилась во мне — надежду на то, что Трокмартин выбежал из каюты и что я найду беглеца где-нибудь на пароходе.

И пока я, наклонившись, трясущимися руками нашаривал ключ, в голове у меня промелькнула мысль, заставившая меня похолодеть. Я обмер! Никакого переполоха на «Сьюзерн Куин», чтобы начать поиски Трокмартина, я поднять не мог!

Положение мое было самым дурацким и плачевным. Весь состав нашего корабля от капитана до самого последнего юнги, в целом и порознь, примут мое сообщение весьма настороженно, это уж точно. Никто, как я понял, не считая меня с Трокмартином,

не видел первого, неожиданного появления Двеллера. Заметил ли кто-нибудь его второе появление? Я не знал. А в противном случае я не мог и рта раскрыть без риска, что меня сочтут либо просто сумасшедшим, либо... что более вероятно и гораздо хуже — убийцей Трокмартина. Да кто поверит моим словам, не увидев того, что видел я сам?

Щелкнув выключателем, я погасил свет в каюте; с величайшей осторожностью открыл дверь; подождал, прислушиваясь, и проскользнул, никем не замеченный, в свою комнату.

Показавшиеся мне вечностью долгие предрассветные часы я провел словно в кошмарном сне. Я долго мучился, прежде чем укрепился в своем мнении. Ну допустим, что мне бы поверили, рассуждал я. Где в этих пустынных водах спустя столько времени мы стали бы искать Трокмартина? Маловероятно, что капитан согласился бы повернуть корабль в Порт-Морсби. И даже если бы он это сделал, какой прок мне отправляться на Нан-Матал без снаряжения, которое Трокмартин счел необходимым взять с собой, если я надеюсь совладать с затаившимся там таинственным существом?

Оставался лишь один путь... Воспользоваться указаниями Трокмартина, достать, если это окажется возможным, необходимые предметы в Мельбурне или Сиднее; в противном же случае как можно быстрее плыть в Америку, приобрести их там и столь же быстро возвращаться на Понапе.

На этом я и остановился.

Хладнокровное спокойствие вернулось ко мне, как только я принял такое решение. Поднявшись на палубу, я убедился в своей правоте — никто не видел Двеллера. До сих пор только и толковали, что о взорвавшемся движке и о коротком замыкании, при-

водя еще с добрый десяток причин, объяснявших внезапно наступившее на корабле затемнение.

Только после полудня хватились, что Трокмартин исчез. Я признался капитану, что да, в самом деле, немного знаком с Трокмартином и встречался с ним вечером, но расстались мы довольно рано. Никому не пришло в голову усомниться в моих словах или допросить с пристрастием.

С чем это было связано?

Странность Трокмартина бросалась в глаза каждому, кто его видел, и служила предметом пересудов на корабле: его считали не вполне нормальным.

Меня слегка обескуражило такое впечатление, произведенное моим другом. И как нечто само собой разумеющееся предполагалось, что он мог упасть или выпрыгнуть с корабля прошлой ночью во время приступа.

В таком свете и представили дело полиции, когда мы прибыли в Мельбурн. Я тихонько сошел на берег; проглядывая потом прессу, я нашел в газете всего несколько строк, посвященных предполагаемой гибели Трокмартина. Мое присутствие в городе и на корабле осталось незамеченным.

По счастливой случайности я приобрел в Мельбурне почти все необходимые мне предметы, за исключением системы беккерелевских* конденсоров, но это была самая существенная принадлежность моего оборудования. Я продолжил поиски в Сиднее, и фортуна улыбнулась мне еще раз: там я нашел фирму, где все эти предметы ожидались в ближайшие две недели с партией товаров, которая должна была поступить из Штатов. В ожидании их прибытия, я поселился в Сиднее и проводил все дни в полном одиночестве.

И тут я предвижу, что меня спросят, отчего же за все время столь долгого ожидания я не связался по телеграфу с Ассоциацией и не потребовал от нее помощи. Или же не обратился к своим коллегам из университетов Мельбурна и Сиднея. И наконец, почему я не собрал, как рассчитывал Трокмартин, небольшой отряд крепких парней, чтобы отправиться вместе с ними на Нан-Матал?

На первые два вопроса отвечу откровенно: я не посмел. И каждый человек, которому дорога его научная репутация, поймет мою сдержанность и уклончивость в этом вопросе. История, рассказанная Трокмартином, события, свидетелем которых я стал — все это аномальные, неправдоподобные явления, лежащие за гранью научного понимания. Я мысленно поеживался, предчувствуя неизбежный скептицизм, возможно, насмешку... сверх того, я рисковал нарваться на более серьезные подозрения. Все эти соображения заставили меня умолчать о том, что произошло на корабле. Да я и сам с трудом верил, что это произошло на самом деле! Как же я мог надеяться убедить других?

Что же касается третьего вопроса... Посудите сами, как я мог привести людей в место, сопряженное с такой опасностью, не поставив их предварительно в известность, что они там могут встретить; а стоило бы мне об этом лишь заикнуться, то...

Я оказался загнанным в угол. Возможно, кому-то покажется, что я просто струсил... ну, что ж, читайте дальше, и вы увидите, что я искупил свою вину, если она и была. Но совесть моя абсолютно чиста.

Прошли две недели и уже подходила к концу третья, а я все ждал, когда прибудет нужный мне корабль. Все это время я, с одной стороны, терзался мучительным беспокойством за судьбу Трокмартина,

с отчаянием думая о том, что каждая минута промедления может оказаться решающей для его жизни, с другой стороны, мне не терпелось выяснить, на самом ли деле я видел то жутковато-восхитительное зрелище на лунной дорожке или же это были мои галлюцинации. Я находился буквально на грани безумия.

Но вот конденсоры в моих руках! Однако же прошло еще больше недели, прежде чем я добрался до Порт-Морсби, и там я проболтался еще целую неделю, пока наконец не очутился на борту «Суварны» и мы направились на север. Это небольшое парусное суденышко с запасным двигателем в пятьдесят лошадиных сил должно было доставить меня прямиком в Понапе, а затем на Нан-Матал.

«Брунгильду» мы заметили, когда до Каролинских островов оставалось что-то около пятисот миль. Ветер стих вскоре после того, как Новая Гвинея осталась у нас за кормой, но наша посудина даже при полном безветрии безотказно выдавала свои двенадцать узлов в час. Это почти примирило меня с тем, что издаваемое «Суварной» благоухание не имело ничего общего с яванским цветком, в честь которого она получила свое название.

Капитаном «Суварны» был маленький говорливый португалец — да Коста; его помощник, выходец из Кантона, на вид казался человеком долго и успешно занимавшимся пиратским промыслом; обязанности судового механика исполнял китаец с примесью малайской крови — один Бог знает, где он нахватался познаний в судовых двигателях, мне все время представлялось, что он просто преобразовал свои религиозные порывы в фанатическую преданность механическому божеству, созданному американцами. Шесть слуг из племени Тонга — огромного роста верзилы,

беспрерывно стрекочущие на своем языке, — завершали команду «Суварны».

Мы пересекли пролив Финшхафен-Хуон и вошли под защиту архипелага Бисмарка. Успешно преодолев лабиринт островков, «Суварна» выбралась на тысячемильный простор открытого океана, оставив далеко позади Нью-Ганновер, и теперь держала курс прямо на Нукуор на острове Монте-Верди. Пройдя Нукуор, мы должны были, если не произойдет ничего непредвиденного, достичь Попапе менее чем за шестьдесят часов.

Солнце уже клонилось к закату, и легкий ветерок, насыщенный пряными ароматами цветущего муската и других тропических растений, ненавязчиво подгонял яхту. Наше суденышко неторопливо покачивалось на зыбкой поверхности океана, как будто мягкие ладони великана осторожно приподнимали нас, мы так же осторожно соскальзывали вниз с голубой пологой горки и снова забирались наверх. Безмятежный покой океана убаюкал даже маленького португальца: капитан тихо дремал за рулем, ритмично раскачиваясь в такт размеренным движениям то поднимающегося, то опускающегося парусника.

Эту идиллию внезапно нарушил суматошный вопль тонганца, который, лениво растянувшись на носу судна, изображал из себя вахтенного:

— Парус ехать право руля!

Да Коста, встрепенувшись, уставился в ту сторону, а я поднес к глазам бинокль. От встреченного судна нас отделяло не больше мили, и оно давно уже должно было находиться в пределах видимости недремлющего ока нашего часового.

Я увидел парусный шлюп приблизительно такого же размера, что и «Суварна», но без двигателя. Все паруса, включая спинакер, были подняты, чтобы ис-

пользовать малейшее дуновение слабенького ветерка. Я попытался прочесть название яхты, но парусник круто развернулся против движения, будто рулевой вдруг выпустил колесо из рук... а затем так же резко снова лег на прежний курс. Перед моими глазами оказалась корма. Там было написано: «Брунгильда».

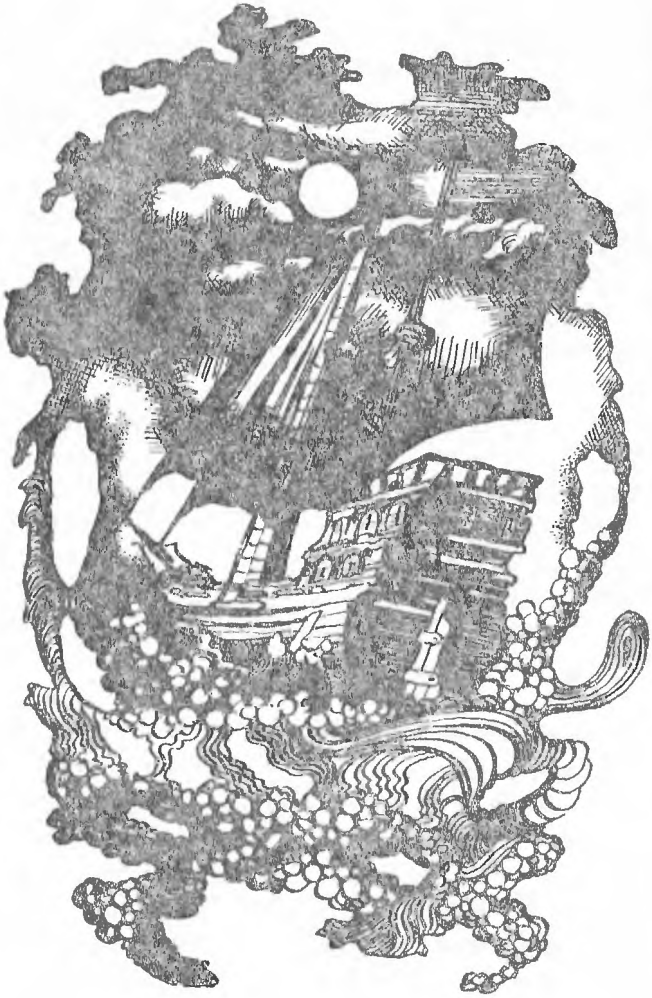
Я перевел бинокль на человека, стоящего за рулем. Ухватившись за ручки штурвала, он беспомощно повис на руле, навалившись на него всей тяжестью тела. Пока я разглядывал его, суденышко так же резко, как и в прошлый раз, крутанулось на месте. Я видел, что рулевой поднял голову и судорожным движением рванул колесо.

Некоторое время он так и стоял, глядя прямо на нас бессмысленными, ничего не выражающими глазами, и затем, по-видимому, отключился от внешнего мира. Он походил на человека, который из последних сил борется, преодолевая страшную усталость. Я обвел биноклем палубу: никаких признаков жизни. Обернувшись, я увидел изумленное лицо португальца, пристально разглядывающего яхту. Расстояние между нашими парусниками сократилось до полумили.

— Чего-то оченна плохо, я так думай, сайр, — произнес он на своем забавном английском. — Я знай тот человека на палубе. Он капитана и хозяина этой Бр-рю-унгильды. Его звать Олафа Халдриксон, вы называй, что он норвежец. Или он оченна больной, или оченна усталый... но я не соображай, где подевался его команда и зачем нету лодки.

Португалец подозвал к себе механика. Пока он давал ему какие-то указания, слабый ветерок окончательно стих, и паруса на «Брунгильде» безвольно поникли.

Мы шли теперь с ней почти вровень: какая-то жалкая сотня ярдов разделяла борта наших парус-



ников. Двигатель «Суварны» смолк, и тонганцы стали спускать на воду одну из лодок.

— Эй ты, Олафа Халдриксон! — прокричал да Коста. — Что такое случилася?

Человек, стоявший за рулем, повернулся к нам. Это был настоящий гигант с широченными плечами и могучим торсом: чудовищная сила угадывалась во всем его теле. Халдриксон возвышался над палубой, напоминая древнего викинга за рулем своей разбойничьей ладьи.

Я снова поднес к глазам бинокль и навел его на лицо норвежца. Никогда еще прежде не доводилось мне видеть такой застарелой, безысходной тоски, какую я прочел в глазах Олафа Халдриксона.

Тонганцы уже приготовили лодку и теперь ждали за веслами. Маленький капитан спускался в лодку.

— Эй, подождите! — крикнул я и побежал к себе в каюту. Прихватив сумочку, где у меня хранились медикаменты для оказания срочной помощи, я полез вниз по веревочной лестнице. Тонганцы заработали веслами, и мы очень быстро оказались рядом с парусником. Да Коста и я, схватившись за свисающие со штагов стропы, забрались на борт «Брунгильды». Да Коста осторожно приблизился к Халдриксону.

— Что такое, Олафа? — начал он и замолчал, уставившись на штурвал. Ремни, сплетенные из крепкой тонкой веревки, прочно привязывали к спицам колеса распухшие и почерневшие руки Халдриксона. Путы, стягивающие мускулистые запястья, с такой силой врезались в тело, что совершенно исчезли в истерзанной ране. Кровь сочилась из порезов и медленно, капля за каплей, текла к ногам Халдриксона.

Мы бросились к нему, чтобы хоть немного ослабить его узы, но не успели мы прикоснуться к ним, как Халдриксон судорожно, но очень метко пнул

ногой сначала меня, а затем да Косту, да так, что португалец полетел кувырком прямо в шпигат[1].

— Не трожь! — крикнул Халдриксон таким тусклым и безжизненным голосом, словно его опаленные связки почти утратили способность издавать звуки. Едва шевеля сухими растрескавшимися губами и натужно ворочая почерневшим языком, он снова захрипел:

— Не трожь! Оставь! Не трожь!

Пофыркивая от злости, португалец поднялся и, выхватив нож, направился было к Халдриксону, но что-то в голосе норвежца заставило его остановиться. По лицу португальца расползлось изумление и, пока он засовывал кинжал обратно в пояс, оно смягчилось от жалости.

— Что-то оченна плехо с Олафа, — забормотал он мне на ухо. — Я думай, он свиханулся!

И тут Олаф Халдриксон начал сквернословить, поливая нас отборной бранью. Он не говорил... он ревел, изрыгая проклятья из своей пересушенной глотки. И все время, пока это продолжалось, красные глаза норвежца блуждали по морской глади, а из его рук, мертвой хваткой вцепившихся в руль, капала кровь.

— Я пойду вниз, — нервно сказал да Коста. — Его женщина, его детка...

Он кинулся к трапу, ведущему вниз, к каюте, и скрылся.

Халдриксон замолчал, и снова его обмякшее тело повисло на штурвале.

Над верхней ступенькой появилась голова да Косты.

---

[1] Шпигат (*морск.*) — отверстие на палубе яхты, через которое сливается вода во время шторма. (*Прим. пер.*)

— Там никого нету... — он сделал паузу и снова повторил: — Никого нигде нету...

Он развел руками, изображая полнейшее недоумение:

— Я не понимай.

Тут Олаф Халдриксон раскрыл свои потрескавшиеся губы, и от того, что он сказал, меня прошиб холодный пот и замерло сердце.

— Сверкающий дьявол забрал их! — прокаркал Олаф Халдриксон, — их взял сверкающий дьявол! Он взял мою Хельму и мою маленькую Фриду! Сверкающий дьявол сошел с луны и забрал их.

Он покачивался от горя, слезы катились у него по лицу. Да Коста опять направился к нему, и снова Халдриксон нехорошо посмотрел в его сторону настороженными, налитыми кровью глазами.

Я вынул из саквояжа шприц и наполнил его морфием. Потом я подманил к себе да Косту.

— Отвлеки его как-нибудь, — прошептал я. — Поговори с ним.

Португалец подошел к рулевому.

— Где твои Хельма и Фрида, Олафа? — спросил он.

Халдриксон повернул к нему голову.

— Светящийся дьявол забрал их, — снова каркнул он. — Лунный дьявол, сверкающий как...

Он заорал, не договорив, потому что я всадил ему в руку, как раз над распухшим запястьем, иглу и быстро ввел наркотик. Халдриксон забился было в путах, стараясь высвободиться, но его повело, как пьяного, из стороны в сторону: морфий подействовал моментально. Вскоре тело норвежца обмякло, на лице появилось спокойное выражение, сузились зрачки неподвижных глаз. Несколько раз он покачнулся и

затем, все еще сжимая штурвал связанными кровоточащими руками, рухнул на палубу.

Стоило величайшего труда вызволить его из ремней, но в конце концов дело было сделано. Мы соорудили какое-то подобие подъемного крана, и тонганцы спустили огромное, безвольное тело в плоскодонку. Скоро Халдриксон уже спал в моей койке.

Половину нашей команды под начальством кантонца капитан отправил на «Брунгильду». Там они спустили все паруса, так что на яхте Халдриксона остались торчать одни голые мачты, и поставили за руль одного из слуг-тонганцев, а мы продолжили столь загадочным образом прерванный путь в сопровождении «Брунгильды», привязанной к нашей корме длинным стальным тросом.

Я обмыл и перебинтовал истерзанные руки норвежца, потом очистил ему почерневший, пересохший рот теплой водой и слабым раствором антисептика.

Внезапно я почувствовал, что рядом кто-то стоит и, повернувшись, увидел да Косту. По его встревоженному виду я догадался, что португалец мучается каким-то смутным подозрением.

— Что вы думаете об Олафа, сайр? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Вы думай, он убил своя женщина и свол детка? — Он помолчал. — Вы думай, он свиханулся и всех убила?

— Что за бред, да Коста, — ответил я. — Ты же видел, там нет шлюпки. Скорее всего, взбунтовалась его команда и в отместку привязала Халдриксона к рулю таким мучительным способом. Подобная история произошла с Хилтоном на «Коралловой Леди»; ты должен ее помнить.

— Нет, — сказал он. — Нет. Не команда. Там никто не был, когда связывался Олафа.

— Что? — вскрикнул я, подскочив на стуле. — С чего ты взял?

— Я взял, — сказал он медленно, — что Олафа сам себя связал.

— Подождите, — сказал он, увидев, что я скептически махнул рукой. — Подождите, сейчас я показать.

Да Коста вынул руки, которые до этого держал за спиной, и теперь я увидел, что в них болтались перепачканные кровью обрывки ремней, которыми был связан Халдриксон. Каждый из них заканчивался широким кожаным концом, мастерски вплетенным в веревку.

— Вот, — сказал он, поднося к моим глазам кожаные ремешки.

Я посмотрел и увидел на них следы зубов. Выхватив у него один из ремней, я подошел к человеку, лежащему без сознания на моей койке. Бережно приоткрыв ему рот, я просунул между зубов кончик ремешка и осторожным движением закрыл челюсти. И в самом деле, зубы Халдриксона оставили на ремешке точно такие же следы.

— Вот, — повторил да Коста, — я показывай.

Держа ремни в кулаках, он оперся руками о спинку стула. Потом быстрым движением обмотал один из ремней вокруг своей левой руки, сделал свободный узел, перекинул веревку через локоть. Левое запястье и рука еще могли свободно двигаться, и с их помощью он обмотал веревку вокруг правого запястья, оставив там такой же узел. Сейчас позиция его рук, обхвативших стул, ничем не отличалась от положения, в котором находились руки Халдриксона на «Брунгильде», только узлы и веревки свободно

провисали. Да Коста, опустив голову, взял зубами кончик веревки и рывком затянул узел, так что его левая рука оказалась крепко привязанной к стулу; то же самое он проделал со своей второй рукой.

Да Коста подергал руками, демонстрируя мне прочность узлов: прямо у меня на глазах он привязал себя к стулу так, что теперь не мог освободиться без посторонней помощи. Он находился точно в таком же положении, что и Халдриксон, когда мы в первый раз увидели его.

— Теперь вы должны разрезать меня для выпускания, сайр, — сказал да Коста. — Я не могу подвигать руками. Эта фокус давно известный в здешних морях. Иногда надо, чтобы человека стой у руля много-много часов без никого, и он так делай, чтобы если он засыпай, колесо его разбудит. Вот так, сайр!

Я перевел взгляд с да Косты на человека, лежащего у меня на кровати.

— Но почему, сайр, — медленно протянул да Коста, — почему Олафа нада была завязать себе руки?

Я снова обеспокоенно посмотрел на него.

— Не знаю, — ответил я. — А ты?

Да Коста засуетился, отводя глаза, потом украдкой быстро перекрестился.

— Нет, — ответил он, — я ничего не знай. Какие-то вещи я слыхал... но здесь чего только не болтай.

Он направился к дверям, но, не дойдя до них, обернулся.

— Но про это я знай, — прошептал он. — И будь я проклятай, если той ночью не свети полная луна.

С этими словами он удалился, а я остался стоять с открытым ртом, глядя ему в спину.

Что знал португалец?

Я склонился над спящим. На его лице я не увидел того сверхъестественного сочетания противоположных чувств, которым Двеллер помечал свои жертвы.

И все-таки... что там сказал норвежец?

«Сверкающий дьявол забрал их!» Нет, он выразился еще более определенно: «Сверкающий дьявол, который спустился с луны...»

Не случилось ли так, что Двеллер примчался к «Брунгильде» и утащил по лунной дорожке жену Олафа Халдриксона и его дочку, так же как он утащил Трокмартина?

В глубокой задумчивости я сидел в каюте, как вдруг услышал наверху крики и топот ног, и сразу же резко потемнело. На нас обрушился один из тех внезапных свирепых шквалов, что так часто случаются в этих широтах. Я привязал Халдриксона покрепче к койке и полез наверх.

Мирная и глубокая океанская зыбь сменилась беспокойными сердитыми буручиками, с верхушек которых резкие хлесткие удары ветра срывали клочья морской пены.

Прошло полчаса; шквал стих так же быстро, как и налетел. Море успокоилось. На западе, из-под рваного края разлетающихся штормовых туч показался красный шар закатного солнца; он медленно опускался, пока не коснулся края моря.

Я посмотрел на него, протер глаза и уставился снова. Там, на огненном фоне закатного солнца двигалось что-то огромное и черное, похожее на гигантский покачивающийся палец.

Да Коста тоже увидел это. Он повернул «Суварну» и направился прямиком к опускающемуся диску и странной тени, которую он отбрасывал. Когда мы подошли поближе, то увидели плавающую на воде небольшую кучку обломков, а кивающий палец ока-

зался не что иное, как крыло паруса, торчащее вверх и покачивающееся на волнах. На самой верхушке останков кораблекрушения сидела высокая фигура. Это был мужчина, спокойно покуривающий сигарету.

Мы подвели «Суварну», спустили лодку и под моим руководством подгребли к останкам гидроаэроплана. Его незадачливый владелец выпустил мощный клуб дыма и, одобрительно махая рукой, прокричал нам приветствие. Но, не успел он закрыть рта, как поднялась огромная волна, захлестнув груду обломков клубящейся и бурлящей пеной, и прошла дальше. Когда, успокоив лодку, мы снова посмотрели туда, на этом месте ничего не было: ни обломков, ни человека.

Резкий рывок наклонил лодку набок... слева от меня две мускулистые руки ухватились за борт лодки, и между ними показалась голова с облепившими ее черными мокрыми волосами. На меня уставились два блестящих голубых глаза, в глубине которых притаилась лукавая смешинка; высокая гибкая фигура осторожно подтянулась через банку лодки и уселась, отряхиваясь, у моих ног.

— Премного обязан, — сказал появившийся из моря человек. — Я так и знал, что кто-нибудь, уж будьте уверены, появится, коли баньши* О'Кифов не дает о себе знать.

— Кто-кто? — переспросил я в полном изумлении.

— Баньши О'Кифов... Ларри О'Киф — это я. До Ирландии, конечно, далеко, но нашу баньши не смутит никакое расстояние, если уж мне пришла пора сыграть в ящик.

Я снова поглядел на своего удивительного подопечного. Он выглядел абсолютно серьезным.

— У вас не найдется сигаретки? А то мои все вышли, — сказал он, усмехнувшись, протянул за сигаретой мокрую руку и закурил.

Я увидел худое интеллигентное лицо, несколько воинственное выражение которого, придаваемое ему нижней челюстью, смягчалось печальным изгибом губ и открытым взглядом голубых смеющихся глаз с проказливой искоркой, притаившейся на самой глубине, породистый нос с легким намеком на горбинку, высокую, гибкую, но крепко сбитую фигуру, наводящую на мысль о клинке хорошо закаленной стали, форму лейтенанта воздушных сил королевского флота Великобритании.

Он засмеялся, протянул ладонь и крепко пожал мне руку.

— Вы даже не представляете, как я рад, старина, — сказал он.

Я полюбил Ларри О'Кифа с самого начала... но, я и помыслить не мог, когда сидел с ним в лодке и слуги-тонганцы везли нас на «Суварну», как эта симпатия, закаленная в испытаниях, о которых тогда не подозревали ни я, ни он, ни вы — те, кто сейчас читает эту книгу, перерастет в крепкую мужскую дружбу... нет, я и мечтать не мог.

Ларри, Ларри О'Киф, где ты сейчас со своими лепрекоунами* и баньши, со своим ребячливым сердцем, смеющимися голубыми глазами и бесстрашной душой? Увижу ли я тебя когда-нибудь снова, Ларри О'Киф, которого я полюбил, как младшего брата?

Ларри!

ГЛАВА 7

ЛАРРИ О'КИФ

С трудом удерживаясь от вопросов, так и вертевшихся у меня на языке, я представился. Как ни странно, выяснилось, что Ларри знает меня, вернее, знаком с моими трудами. Он приобрел только что изданный томик моих работ, посвященных изучению уникальных растений, произрастающих на специфической почве, которая образовалась в результате вулканической деятельности: смеси дробленной лавы и пепла. Я дал книжке — несколько опрометчиво, как я сейчас понял, — название «Флора кратеров». Из наивного объяснения Ларри следовало, что он купил эту книжку, думая, будто это совершенно особый сорт литературы... что-то вроде сборника новелл, наподобие «Дианы перекрестков», который ему страшно нравился.

Он как раз закончил свои объяснения, когда мы причалили к борту «Суварны», и я был вынужден сдерживать свое любопытство, пока мы не поднимемся на палубу.

— Эта хреновина, с которой вы меня сняли, — сказал он, поклонившись маленькому шкиперу в знак благодарности за свое спасение, — все, что осталось от одного из лучших маленьких гидроаэропланов Ее Величества после того, как циклон отшвырнул его, как старую рухлядь. А кстати, где мы сейчас находимся?

Да Коста объяснил ему по солнцу наше приблизительное местоположение.

О'Киф присвистнул.

— Добрые три сотни миль от того места, где я покинул «Дельфин» — часа четыре назад, — сказал он. — Этот шквал, на котором я прокатился, шустрый малый, ничего не скажешь. «Дельфин», это наш военный корабль, — продолжал он, хладнокровно освобождаясь прямо у нас на глазах от промокшей одежды. — Мы направляемся в Мельбурн. Мне страшно захотелось прошвырнуться и поглазеть на местные красоты. А тут, откуда ни возьмись, шарахнул ветер, подхватил меня под микитки и заставил прогуляться вместе с ним.

Час назад я решил, что у меня есть шанс, сделав «свечку», избавиться от назойливого приставалы. Я развернулся, но тут — хрясь! — треснуло мое правое крыло, и я грохнулся вниз.

— Я не знаю, можем ли мы поставить в известность ваш корабль, лейтенант О'Киф, — сказал я. — У нас нет радиосвязи.

— Доктора Гудвин, — подал голос да Коста, — мы могли бы поменяй наш курс, сайр... или как?

— Ни в коем случае, — вмешался О'Киф. — Один Бог знает, где теперь «Дельфин». Воображаю, как они рыщут окрест, выглядывая меня. Во всяком случае, сейчас у них ровно столько же шансов нарваться на вас, как если бы вы отправились на их розыски. Возможно, нам как-нибудь удастся связаться с ними по радио: вот тогда я попрошу вас об этой услуге.

Он помолчал.

— Между прочим, куда вы направляетесь? — спросил О'Киф.

— На Понапе, — ответил я.

— Там нет радиосвязи, — задумался О'Киф. — Жуткая дыра. Мы заходили туда за фруктами неделю назад. Туземцы, по-моему, перепугались до

смерти: то ли при виде нас, то ли еще от чего-то... Куда вы потом пойдете?

Да Коста исподтишка метнул на меня взгляд. Мне это не понравилось.

О'Киф заметил мою нерешительность.

— О, — сказал он, — прошу прощения... Мне, по-видимому, не следовало бы задавать этот вопрос.

— Это не секрет, лейтенант, — ответил я. — Мне надо провести кое-какие исследования, связанные с раскопками развалин на Нан-Матале.

Произнося название места, я быстро взглянул на португальца. Бледность расползлась у него по лицу; он опять, отвернувшись, сотворил крестное знамение, причем бросил испуганный взгляд в сторону севера. Я подумал, что надо бы не забыть спросить у него, когда представится удобный случай, что все это значит.

Да Коста отвел взгляд от моря и обратился к О'Кифу:

— Здесь нет ничего подходящий вам, лейтенант.

— О капитан, меня устроит любая тряпка, лишь бы прикрыть наготу, — сказал О'Киф, и они ушли вместе в каюту да Косты.

Уже сильно стемнело. Проводив их взглядом, я прошел к своей каюте, осторожно приоткрыл дверь... прислушался. Халдриксон дышал ровно и глубоко.

Я вытащил электрический фонарик и, прикрывая рукой глаза от яркого света, осмотрел норвежца. Глубокий ступор, в котором он находился под действием наркотика, сменился уже близким к нормальному сном. Язык утратил прежнюю сухость и черноту; секреция полости рта происходила так, как положено. Вполне удовлетворенный состоянием больного, я вернулся на палубу.

О'Киф уже сидел там, задрапированный в белую простыню и похожий на привидение. На палубе разложили обеденный столик, и один из слуг-тонганцев хлопотал, накрывая на ужин. Вскоре его украсили самые аппетитные припасы из кладовой «Суварны»: О'Киф, да Коста и я набросились на еду.

Ночь надвигалась все быстрее. Позади нас светились огни «Брунгильды», огонек нактоуза отбрасывал слабый отсвет на черное лицо рулевого, тускло маячившее в темноте. О'Киф неоднократно с любопытством поглядывал в ту сторону, но ничего не спрашивал.

— Вы не единственный пассажир, которого мы сегодня приобрели, — обратился я к нему. — Капитана этого парусника мы обнаружили привязанным к штурвалу, чуть живого от истощения, и кроме него самого, на яхте не было ни одной живой души.

— Что вы говорите? — с удивлением спросил О'Киф. — В чем же дело?

— Мы не знаем, — ответил я. — Он не давался нам в руки, и мне пришлось ввести ему наркотик, чтобы без помехи развязать веревки и высвободить его. Он так и спит до сих пор в моей каюте. На яхте должны были находиться жена этого человека и его маленькая дочка — так сказал наш капитан — но они пропали.

— Пропали жена и ребенок! — воскликнул О'Киф.

— Если судить по тому, в каком состоянии находились язык и губы этого человека, то он, по-видимому, находился привязанным к рулю, в полном одиночестве и без воды по крайней мере два дня и две ночи, прежде чем мы нашли его, — продолжал я. — Вы понимаете, что разыскивать кого-либо в этих бескрайних просторах спустя столько времени — дело совершенно безнадежное.

— Да, это так! — сказал О'Киф. — Но его жена и малютка! Ах, бедняга!

Он замолчал, задумавшись, и потом, по моей просьбе, начал рассказывать о себе. Ему было чуть больше двадцати, когда он получил свои «крылышки» и началась война. На третьем году военных действий его серьезно ранили под Ипром, и к тому времени, как он поправился, война уже закончилась. Вскоре умерла его мать. Одинокий и неприкаянный, он снова поступил на службу в летные войска и пребывал в этом качестве до настоящего времени.

— И хотя война давно окончилась, мне до сих пор сильно недостает этой развлекаловки, когда немецкие аэропланы выбивают мотив на своих пулеметах, а их зенитки щекочут мне подошвы ног, — вздохнул он. — Знаете, док, уж если вы что-то любите, то любите без границ; а если ненавидите, будьте в ненависти подобны дьяволу; ну а если вы уж ввязались в драку, то лезьте в самое пекло и сражайтесь там, как черт... иначе вы не умеете ни жить, ни ценить жизнь, — подытожил он.

Слушая разглагольствования ирландца, я рассматривал его, чувствуя, как возрастает моя симпатия к этому человеку. Эх, с сожалением подумал я, если бы сейчас, вступая на полный неизвестности и опасности путь, я мог бы иметь рядом с собой такого человека, как он! Мы сидели, покуривая, за чашечкой крепкого кофе, отлично приготовленного португальцем.

Наконец да Коста поднялся, чтобы сменить за рулем своего помощника-кантонца. О'Киф и я подтащили свои стулья поближе к поручням. Небо было затянуто легкой дымкой, сквозь которую просвечивали самые яркие из звезд; фосфоресцирующие вспышки плясали на верхушках волн и с каким-то

рассерженным шипением рассыпались ворохом сверкающих искр. О'Киф, удовлетворенно вздохнув, затянулся сигаретой. Тусклый огонек осветил на миг узкое мальчишеское лицо и голубые глаза, сейчас от колдовских чар тропической ночи казавшихся черными и сумрачными.

— Кто вы, О'Киф, американец или ирландец? — спросил я неожиданно.

— Что это вы вдруг? — удивленно засмеялся он.

— Видите ли, — ответил я, — сначала по вашему имени и по тому, где вы служите, я было решил, что вы ирландец, но усомнился, услышав, как лихо вы пользуетесь американскими оборотами речи.

Он добродушно хмыкнул.

— Я расскажу вам, как это получилось. Моя мать, Грейс из Вирджинии, была американкой, а отец, О'Киф из Колерайне — ирландцем. И эти двое так сильно любили друг друга, что сердце, которое они подарили мне, — наполовину американское, наполовину ирландское. Отец умер, когда мне было шестнадцать лет. Я обычно каждый год ездил с матерью в Штаты и проводил там по месяцу или по два. А после смерти отца мы стали ездить в Ирландию почти каждый год. Вот так случилось, что я ирландец в той же мере, как и американец.

Стоит мне потерять над собой контроль — влюбиться, размечтаться или же сильно разозлиться, как у меня начинает проскакивать ирландский акцент. В обычных же обстоятельствах речь у меня как у коренного американца; и я так же хорошо знаю Биневене Лейн, как и Бродвей, а Саунд не хуже, чем канал Св. Патрика. Я немного учился в Итоне, немного в Гарварде; денег мне хватает на все мои нужды; я много раз влюблялся, но большой радости при этом не испытывал, и, пожалуй, жил без руля

и ветрил до тех пор, пока не поступил на королевскую службу и не заслужил свои «крылышки»; сейчас мне перевалило за тридцать... и все это я — Ларри О'Киф.

— Но я видел еще одного ирландского О'Кифа, который сидел, поджидая свою баньши, — рассмеялся я.

— Это так, — сказал он сумрачно, и я услышал, как бархатистые нотки акцента вкрались в его голос, а глаза снова потемнели. — Вот уже тысяча лет, как ни один О'Киф не уходил с этого света без ее предупреждения. И дважды я слыхал призывный крик баньши... в первый раз, когда умирал мой младший брат, и еще раз, когда мой отец лежал в ожидании, когда воды жизни отхлынут от него.

Он на мгновение задумался, а затем продолжил:

— А однажды мне довелось увидеть Аннир Хойла, девушку зеленого народца*, она порхала среди деревьев Канторского леса, словно отблеск зеленого огня, и однажды мне случилось задремать у Дунхрайе, на пепелище крепости Кормака МакКонхобара* — там, где его прах смешался с прахом Эйлид Прекрасной... Они все сгорели от девяти* языков пламени, что вылетели из арфы Крейвтина, и я слышал, как затихают вдали звуки его арфы...

Он снова помолчал и затем мягко, с необыкновенной мелодичностью, запел высоким голосом, свойственным только ирландцам:

О, белогрудая Эйлид*,
Златокудрая Эйлид, с губами краснее рябины!
Где тот лебедь, чья грудь белизною и нежностью
может поспорить с твоею,
Или в море волна, что поспорить с тобою посмеет
Красотою и плавностью бега, о Эйлид!

ГЛАВА 8

ИСТОРИЯ ОЛАФА

Некоторое время мы сидели молча. Я с любопытством поглядывал на ирландца: он был совершенно серьезен. Психология гэллов[1] всегда казалась мне крайне любопытной; я знаю, что древние поверья и легенды глубоко укоренились в сердцах этих людей. Слушать Ларри было смешно и трогательно.

Передо мной сидел прошедший войну солдат, бесстрашно, не закрывая глаз, смотревший на все ее уродливые проявления; избравший для себя самую опасную и наисовременнейшую из всех возможных военную профессию; понявший и полюбивший Бродвей при всей его прозаичности, и все-таки, в трезвом уме и здравой памяти, он засвидетельствовал мне сейчас свою веру в баньши, в сказочный лесной народ и в призрачных арфистов. Интересно, подумал я, что бы он сказал, увидев Двеллера... и тут же меня больно кольнула мысль, что, пожалуй, с такой склонностью к суевериям он мог бы стать для него легкой добычей.

С легкой досадой ирландец встряхнул головой и провел рукой по глазам, потом, усмехаясь, повернулся ко мне.

— Вы, должно быть, решили, что у меня мозги набекрень, профессор, — сказал он. — Нет, я в порядке. Но время от времени со мной такое случается: во мне вдруг начинает говорить Ирландия. Короче, хотите верьте, хотите нет, но я рассказал вам чистую правду.

---

[1] Гэллы — потомки древних кельтов, проживающие на территориях Ирландии и Шотландии. *(Прим. пер.)*

Я поглядел на восток, где поднималась луна: после полнолуния не прошло еще и недели.

— Вы, конечно, не можете показать мне того, что сами видели, лейтенант, — улыбнулся я. — А как насчет услышать? Меня всегда поражало, как это бестелесные духи умудряются наделать столько шума, не имея ни голосовых связок, ни каких-либо иных природных звуковоспроизводящих механизмов. Как выглядит крик баньши?

О'Киф серьезно поглядел на меня.

— Ну ладно, — сказал он, — я покажу вам.

Сначала где-то в глубине его горла возникло тихое, не похожее ни на какие земные звуки рыдание, постепенно нарастая, оно перешло в причитание, столь невыразимо скорбное и трагическое, что у меня мурашки по коже побежали.

О'Киф резко выбросил руку и схватил меня за плечо. Я застыл на стуле, похолодев от ужаса... ибо позади нас, сначала отголоском эха, потом, перерастая в крик, прокатился вопль, который, казалось, вобрал в себя всю вековечную скорбь мира. О'Киф отпустил мое плечо и быстро вскочил на ноги.

— Спокойно, профессор, — сказал он. — Это за мной. Меня нашли... это пришли за мной из Ирландии.

Снова тишину нарушил душераздирающий вой. Но теперь я понял, откуда он раздается. Вопль звучал из моей каюты и мог означать только одно: проснулся Олаф Халдриксон.

— Оставьте ваши глупости, лейтенант, — произнес я, с трудом переводя дыхание, и прыжком кинулся вниз, в мою каюту.

Краем глаза я отметил несколько глуповатый взгляд, которым О'Киф, облегченно вздохнув, проводил меня; затем он присоединился ко мне. Да Коста

уже что-то кричал помощнику, кантонец, живо примчавшийся на зов, перехватил у него штурвал, и маленький капитан, громко топая ногами, бежал нам навстречу.

В последнее мгновение, уже положив ладонь на дверь, я остановился. Что, если там внутри Двеллер... что, если мы заблуждались, и его появление происходит независимо от того, находится ли луна в стадии полнолуния или нет — факт, который Трокмартин считал основополагающим для возможности зарождения Двеллера в голубой заводи.

Внутри каюты вновь начал нарастать рыдающий вопль. Оттолкнув меня, О'Киф толчком распахнул дверь и, прижимаясь к стенке, прокрался в каюту. Я увидел, как в его руке тускло блеснуло дуло пистолета; видел, как, быстро озираясь по сторонам, ирландец обвел каюту пистолетом из угла в угол. Затем он распрямился, и его лицо, обращенное к койке, преисполнилось изумлением и состраданием.

Сквозь открытое окно потоком струился лунный свет. Он падал на широко раскрытые, неподвижные глаза Халдриксона, в которых медленно накапливались, стекая по щекам, крупные слезы; из раскрытого рта лился протяжный воющий рев. Я подбежал к окну и задернул занавески. Да Коста включил свет в каюте.

И в ту же секунду леденящий душу вопль резко оборвался. Взгляд норвежца упал на нас. Одним рывком он разорвал ремни, которыми я обвязал его, и вскочил с кровати, повернувшись к нам лицом. Глаза Олафа злобно сверкали; светлые волосы встали дыбом, наглядно свидетельствуя о ярости, бушевавшей у него в душе. Да Коста, стушевавшись, отступил назад. О'Киф, хладнокровно оценив обстановку, бы-

стрым шагом пересек каюту, загородив меня от норвежца.

— Где вы меня подобрали? — прорычал Халдриксон голосом, напоминавшим громовые раскаты. — Где моя лодка?

Я вежливо отстранил О'Кифа и предстал перед гигантом.

— Послушайте меня, Олаф Халдриксон, — сказал я. — Мы подобрали вас там, где сверкающий дьявол забрал вашу Хельму и вашу Фриду. Мы идем по следам дьявола, который спустился с луны. Вы слышите меня?

Я говорил медленно и членораздельно, прилагая все усилия, чтобы пробиться через туман, в котором (как я отлично понимал!) пребывал сейчас истощенный переживаниями мозг гиганта. И мои слова возымели действие.

Норвежец протянул мне трясущуюся руку.

— Вы говорите, что идете по его следу? — спросил он, запинаясь. — Вы знаете, куда надо идти? Вы знаете, где тот, кто забрал мою Хельму и мою маленькую Фриду?

— Вот именно, Олаф Халдриксон, — ответил я. — Вот именно! И я ручаюсь вам своей жизнью, что знаю, куда надо идти.

Да Коста выступил вперед.

— Он знай правда, Олафа. Ты ехай быстро-быстро на «Суварна», не на «Брю-у-унги-ильда», да-да!

Огромный северянин, все еще сжимая мою руку, посмотрел на него.

— Я знаю тебя, да Коста, — прошептал он. — Ты честный человек. Ja! Тебе можно верить. Где «Брунгильда»?

— Она ехай на большой веревка за нами, Олафа, — утешил его португалец. — Скоро ты ее по-

глядишь. А теперь ложись вниз и рассказывай, если способнай, почему ты вязать себя на свой штурвал и что случилася, Олафа.

— Если вы расскажете нам, как появился сверкающий дьявол, Халдриксон, то нам легче будет справиться с ним, когда мы прибудем на место, — сказал я.

На изумленное лицо О'Кифа нельзя было смотреть без смеха: он недоумевающе переводил глаза то на меня, то на норвежца. Гигант, оторвав от меня напряженный взгляд, посмотрел на ирландца, и одобрительный огонек засветился в его глазах. Он отпустил мою ладонь и пожал руку О'Кифу.

— Staerk! Ja, сильный парень, смелое сердце... Мужчина... Ja! Он пойдет с нами... он нам поможет... Ja!

— Я расскажу, — прошептал он, усаживаясь на край койки. — Это случилось четыре ночи назад. Моя Фрида.... — голос его дрогнул, — mine Yndling! Она любила смотреть на луну. Я стоял за штурвалом, а моя Фрида и моя Хельма были у меня за спиной. Сзади светила луна, и «Брунгильда» неслась, как лебедь по воде, распустив паруса, как будто ее подгонял не ветер, а лунный свет, Ja!

— Я услышал, как моя Фрида сказала: «Я вижу, что nisse идет по следу луны». И я услышал, как засмеялась ее мать — тихо-тихо, как смеется мать сонным грезам своего Yndling. Я был так счастлив... этой ночью... со своей Хельмой и со своей Фридой, и «Брунгильдой», что неслась под распущенными парусами, словно лебедь. Я услышал, как ребенок сказал: «Nisse бежит очень быстро». А потом я услышал, как закричала моя Хельма — дико и отчаянно, — так кричит кобыла, когда от нее забирают жеребенка. Я быстро обернулся, Ja! Я бросил штурвал и

быстро обернулся... Я увидел... — Халдриксон прикрыл глаза руками.

Португалец прижался ко мне поближе, и я услышал, как он тяжело и шумно дышит, словно перепуганная собака.

— Я увидел, что белый огонь перепрыгнул через поручни, — прошептал Олаф Халдриксон. — Он крутился волчком по кругу; и светился... как светятся звезды сквозь пылевой смерч. И тут я услышал какой-то шум. Он напоминал звон колокольчиков, Ja! Звон маленьких колокольчиков... Мелодичный звук... вроде как звенит бокал, когда по нему пробегают пальцами. У меня закружилась голова, и я почувствовал себя совсем больным, когда услышал звон этих колокольчиков.

Моя Хельма стояла... — indehole — как это вы говорите? В середине белого огня. Она повернула лицо ко мне, и она повернула лицо к ребенку, и лицо моей Хельмы пронзило мне сердце. Потому что оно было полно страха и было полно счастья... glyaede. Я скажу вам, что от страха, который я увидел на лице Хельмы, у меня появился лед здесь... — и он ударил себя в грудь сжатым кулаком... — но счастье на ее лице жгло меня, как огонь. И я не мог пошевелиться... я совсем не мог двигаться.

— Я сказал себе вот здесь, — он дотронулся до головы, — я сказал себе: «Это Локи* вышел из Хельведе*. Но он не может забрать мою Хельму, потому что в мир пришел Христос и у Локи нет силы, чтобы повредить моей Хельме или моей Фриде. Христос жив! Христос жив!» — сказал я себе. Но сверкающий дьявол не отпускал мою Хельму. Он тянул ее к поручням, и уже наполовину вытащил за борт. Я видел ее глаза, обращенные на ребенка, и немножко ей удалось вырваться и потянуться к девочке. И моя

Фрида прыгнула прямо в руки к матери. Затем огонь окутал их обоих, и они ушли. Еще немного я видел, как они, кружась, уходят от «Брунгильды» по лунному следу на воде, и они исчезли!

Сверкающий дьявол забрал их! Локи вырвался на свободу, и он взял власть на миром! Я повернул «Брунгильду» и направил ее по следам Хельмы и Фриды в ту сторону, куда они ушли. Мои слуги вылезли на палубу и стали просить меня повернуть обратно. Но я не согласился. Тогда они спустили лодку и бросили меня. Я вел яхту прямо по полосе лунного света. Я привязал руки к штурвалу, чтобы во сне не выпустить его из рук. Я вел судно вперед, и вперед, и вперед...

— Где был Бог, которому я молился, когда забирали мою жену и мою дочь? — крикнул Олаф Халдриксон.

И я как будто услышал слова Трокмартина, с горечью вопрошавшего о том же самом.

— И я оставил Бога, как он оставил меня, Ja! Я теперь молюсь Тору* и Одину*, которые могут обуздать Локи.

Норвежец откинулся на спину, снова закрыв глаза.

— Олаф, — сказал я, — то существо, которое вы называете сверкающим дьяволом, забрало дорогих мне людей. Я, как и вы, шел по его следу, когда мы встретили вас. Вы пойдете со мной туда, где живет этот дьявол, и мы попытаемся отобрать у него и вашу жену, и вашего ребенка и, кроме того, моих друзей. Но сейчас вам нужно снова уснуть, иначе у вас не будет сил, чтобы справиться с предстоящим делом.

Олаф Халдриксон поднял на меня глаза, и то, что я прочитал в них, должно быть, видели души

усопших в глазах того, кого древние египтяне называли Исследователем сердец* в Судилище Озириса.

— Да, все правильно, — наконец промолвил он. — Я сделаю так, как вы сказали!

По моему требованию норвежец вытянул руку; я сделал ему еще один укол. Халдриксон лег на спину и вскоре уже спал глубоким сном. Я повернулся к да Косте. Вид у него был самый жалкий: мертвенно-бледное лицо покрывала испарина, тело била мелкая дрожь.

О'Киф, вздохнув, пошевелился.

— Классно вы все это провернули, доктор Гудвин, — так классно, что я чуть было и сам не поверил вам.

— Что вы скажете по поводу его истории, мистер О'Киф? — спросил я.

Ответ прозвучал предельно кратко и нелитературно.

— Фигня! — сказал ирландец.

Признаться, я был слегка шокирован.

— Я думаю, что он чокнулся, доктор Гудвин, — быстро поправился О'Киф. — А что я еще могу подумать?

Не задавая ему больше никаких вопросов, я повернулся к маленькому португальцу.

— Сегодняшней ночью у вас больше не будет причин для беспокойства, капитан, — сказал я. — Поверьте моему слову. Вам самому необходимо немного отдохнуть. Хотите, я приготовлю вам снотворное?

— Я делай то, что вы хотеть, доктор Гудвин, сайр, — ответил он с благодарностью. — Завтра, когда я лучше себя почувствовай... я бы хотеть разговаривай с вами.

Я кивнул в знак согласия. Он действительно что-то знает! Я приготовил португальцу изрядной кре-

пости настойку опиума. Он выпил снотворное и удалился к себе в каюту.

Прикрыв дверь за капитаном, я сел рядом со спящим норвежцем и поведал О'Кифу свою историю с начала до самого конца. Пока я говорил, он почти не перебивал меня вопросами. Но потом, когда я закончил рассказ, он самым подробнейшим образом допросил меня, выуживая из моей памяти до мелочей все, что касалось изменения фаз свечения при каждом появлении Двеллера, и сравнивая их с наблюдениями Трокмартина этого же феномена в зале, где находилась Лунная Заводь.

— Ну, и что вы теперь думаете обо всем этом? — спросил я.

О'Киф молчал, разглядывая спящего Халдриксона.

— Совсем не то, что вам кажется, доктор Гудвин, — наконец серьезно ответил он. — Давайте-ка лучше спать. Во всей этой истории лишь одно не вызывает сомнений: вы, ваш друг Трокмартин и лежащий здесь человек в самом деле что-то видели. Но... — Он снова замолчал, а затем, с несколько уязвившей мое самолюбие игривостью, добавил: — Но я уже давно заметил, что, когда ученый имеет склонность к религиозным предрассудкам, о, это тяжелый случай!

— Но кое-что, пожалуй, я хотел бы вам сказать прямо сейчас, — продолжал О'Киф, пока я, открыв рот, судорожно искал подходящие слова. — Я всем сердцем молю Бога, чтобы нам не встретился ни «Дельфин», ни любое другое судно, у которого есть радиосвязь. Потому что, доктор Гудвин, мне до чертиков хочется прищучить вашего Двеллера.

— И еще одно, — сказал О'Киф. — В самом деле, док, не пора ли вам отбросить условности и называть меня просто Ларри. Знаете, профессор, пусть вы даже

не вполне в своем уме, но вы мужественный человек и нравитесь мне.

— Спокойной ночи! — добавил он и, прихватив под мышку гамак, полез устраивать себе ночлег на палубе, хотя наш капитан настойчиво уговаривал Ларри воспользоваться его каютой.

Все еще не опомнившись от полученного комплимента, я проводил ирландца взглядом, выражающим довольно сложную гамму чувств. Суеверный! Это я-то... всю жизнь гордившийся тем, что моя научная деятельность посвящена служению фактам, и только фактам. Подумать только: суеверный... услышать такое, да от кого? От человека, который верит в баньши и слышит, как духи играют на арфе, видит лесных ирландских нимф и ничуть не сомневается в существовании лепрекоунов и прочей дребедени.

Я рассмеялся, отчасти раздосадованный, а в сущности совершенно счастливый от того, что Ларри пообещал поддержать затеянное мной рискованное предприятие. Составив вместе пару стульев и постелив на них подушки, я с наслаждением вытянул ноги, приготовившись к ночному бдению подле нашего больного.

ГЛАВА 9

ЗАТЕРЯННАЯ СТРАНИЦА ЗЕМНОЙ ИСТОРИИ

Когда я проснулся, солнце уже вовсю светило в иллюминатор каюты. Где-то рядом бодрым голосом напевали песенку. Я лежал на стульях и слушал. Песня оказывала на меня такое же благотворное воздействие, как солнечное сияние и сильный напористый ветер, треплющий занавески.

Это Ларри щебетал, как утренняя пташка:

Жаворонок-крошка крылья расправляет,
От груди подруги в небо воспаряет.
Крылышки и перья как заря красны.

Голос его воспарил еще выше:

Песней славит солнце и приход весны...
Просыпайтесь, док! Уж хватит видеть сны!

Последняя фраза, как я хорошо понял, представляла собой вольную и не совсем почтительную импровизацию. Открыв дверь, я обнаружил за ней смеющегося Ларри.

«Суварна» с выключенными двигателями лихо неслась, подняв все паруса, а следом за ней, весело подпрыгивая на волнах, — «Брунгильда».

От ветра море покрылось барашками волн и мелкой рябью. Весь мир, насколько хватал глаз, казался голубым и белым. По обеим сторонам от нашей яхты мелькали маленькие стайки летучих рыб: прорезав серебром голубовато-зеленую воду и вспыхнув на мгновение в воздухе, они снова уходили под воду. Над волнами, с криком ныряя в воду, носились чай-

ки. Даже легкая тень мистического наваждения прошлой ночи не омрачала этот прекрасный и совершенно проснувшийся мир; и хотя где-то в глубине души я помнил о том, что подстерегает нас впереди, но сейчас, пусть даже на очень краткий миг, сознание мое освободилось от тягостных предчувствий.

— Ну, как наш пациент? — спросил О'Киф.

Он получил ответ от самого Халдриксона, который, должно быть, вышел из каюты сразу вслед за мною. Облаченный в пижамные штаны, блестя на солнце могучим торсом, норвежец размашистым шагом пересек палубу, представ перед нами. Все с некоторой тревогой посмотрели на него. Но беспокойство наше было напрасным: безумие оставило Олафа, и хотя в глазах у него по-прежнему стояла печаль, ничто уже в нем больше не напоминало разгневанного берсека[1].

Халдриксон обратился прямо ко мне:

— Прошлой ночью вы сказали, что идете по следу?

Кивнув, я подтвердил его слова.

— Куда? — снова спросил он.

— Мы пойдем сначала на Понапе, а потом к бухте Металанима... к Нан-Маталу. Вы знаете это место?

Халдриксон наклонил голову, и я увидел, как его глаза холодно сверкнули, словно осколки льда.

— Это там? — спросил он.

— Это то место, откуда мы начнем поиски, — ответил я.

— Отлично, — сказал норвежец, — просто замечательно.

---

[1] Берсек — древнескандинавский воин. *(Прим. пер.)*

Он испытующе посмотрел на да Косту, и маленький португалец, сразу поняв, что от него требуется, ответил на невысказанный вопрос норвежца:

— Мы прибывай на Понапе завтра рано утром, Олафа.

— Отлично, — повторил норвежец.

Он смотрел вдаль глазами, полными слез.

Наше веселое настроение моментально испарилось. Замешательство, которое сейчас охватило нас, довольно часто возникает в тех случаях, когда люди, испытывая сильную симпатию или сочувствие, не знают, как выразить свои чувства. По молчаливому согласию мы обсуждали за столом только самые обыденные предметы.

Когда с едой было покончено, Халдриксон выразил желание перейти на борт «Брунгильды».

Наша яхта немного сбавила ход, чтобы да Коста и он могли спустить шлюпку. Они поднялись на палубу «Брунгильды». Я увидел, как Олаф взялся за штурвал и двое моряков углубились в серьезный разговор.

Я поманил к себе О'Кифа, и мы растянулись на решетке носового люка в тени фок-мачты. Закурив сигарету, Ларри выпустил несколько легкомысленных колечек и выжидательно посмотрел на меня.

— Ну? — спросил я.

— Ну, — сказал О'Киф, — давайте вы будете рассказывать мне, что вы думаете, а я возьму на себя труд выявлять ваши научные ошибки.

И плутовато подмигнул.

— Ларри, — строго ответил я, не принимая шутки, — вы, наверное, не знаете, и, отбросив ложную скромность, я вам скажу, что моей научной репутации многие могут позавидовать. Прошлой ночью вы

сделали мне комплимент, который я никак не могу принять. Вы более чем намекнули, что я подвержен суевериям и религиозным предрассудкам. Позвольте поставить вас в известность, Ларри О'Киф, что я считаю себя исключительно собирателем, наблюдателем, аналитиком и систематиком фактов — и только! Во всяком случае, — и я постарался, чтобы по силе сарказма мой тон не уступал словам, — во всяком случае, я не верю в духов и привидений, лепрекоунов, баньши или призраков, играющих на арфе.

О'Киф откинулся на спину и разразился хохотом.

— Простите меня, Гудвин, — задыхаясь от смеха, проговорил он. — Но если бы вы только видели себя самого, с обалдевшим видом слушающего крик баньши, — и снова у него в глазах промелькнул лукавый огонек. — Знаете ли, вот сейчас, при ярком солнечном свете, когда мир вокруг нас распахнут настежь... — он пожал плечами, — как-то очень трудно вообразить что-нибудь в том духе, как описываете вы с Халдриксоном.

— Я понимаю, что трудно, Ларри, — ответил я. — Но напрасно вы думаете, будто я допускаю участие в этом феномене сверхъестественных сил — в том смысле, как понимают сверхъестественное спиритуалисты и любители вертеть столы. Отнюдь, я назвал бы его аномальным явлением; то есть вызванным действием неизвестных пока науке сил. И я не думаю, что его в принципе нельзя объяснить с научной точки зрения.

— Изложите мне вашу теорию, доктор Гудвин, — сказал О'Киф.

Я заколебался... Все-таки мне пока не удалось создать удовлетворяющую полностью меня самого концепцию возникновения Двеллера.

— Я полагаю, — наконец решился я заговорить, — вполне могло случиться так, что удалось уцелеть отдельным представителям расы, которая населяла в древности континент, предположительно находившийся здесь, в Тихом океане. Нам известно, что многие из этих островков буквально изрешечены пещерами и обширными подземными пустотами; можно предположить, что в отдельных местах глубоко внизу, под океанским дном, раскинулись целые неизведанные страны. Возможно, по каким-то соображениям уцелевшие жители древней расы нашли себе прибежище в этой ужасной бездне, а один выход из нее на поверхность земли находится на островке, где встретила свою кончину экспедиция Трокмартина.

Что касается возможности существования в этих пещерах... Мы знаем, что жившие здесь люди обладали высокоразвитой наукой. Не исключено, что они в совершенстве овладели некоторыми универсальными формами энергии — особенно той, которую мы называем светом. Вполне вероятно, что их цивилизация и наука продвинулись вперед значительно дальше, чем наши. И то, что я называю Двеллером, скорее всего, одно из достижений их науки. Ларри... с очень большой вероятностью, можно ожидать, что эта затерявшаяся под землей раса собирается снова выйти на земную поверхность.

— И поэтому они избрали своим посланником вашего Двеллера; запульнули в нас, так сказать, научным голубком из своих зениток?

Я предпочел пропустить мимо ушей каверзный вопрос. Ларри явно подтрунивал надо мной.

— Вы что-нибудь слышали о хаматах? — спросил я.

Ларри отрицательно покачал головой.

— На Новой Гвинее, — объяснил я, — издавна и повсеместно распространена старинная легенда, будто существует «заключенная в холмы» раса титанов, которые когда-то управляли этими землями... «Когда земля простиралась от солнца до солнца, пока лунное божество не утащило ее под воду», — я дословно процитировал фразу из легенды. Не только на Папуа, но и во всей Малазии вы услышите эту историю. И эти люди... хаматы в один прекрасный день — так повествует предание — выберутся из холмов и возьмут власть над всем миром: «сделают конец света» — так звучит дословный перевод фразы, что проходит рефреном по всему рассказу. Кажется, еще Герберт Спенсер указал на то, что в основе всех созданных человечеством мифов и легенд лежат реальные факты. И можно предположить, что для малазийских преданий фактической основой служат именно те самые пережившие наводнение люди, о которых я вам говорил.[1]

Достаточно многое убеждает меня — к примеру, лунная дверь, управление которой несомненно осуществляется через воздействие лунных лучей на какие-то неизвестные элементы или их соединения; кристаллы, проходя через которые лунный свет раскладывается на спектральные составляющие и потом только попадает в заводь — что это устройства, напоминающие земные механизмы. И поскольку они

---

[1] Вильям Бибе, известный американский натуралист и орнитолог, еще недавно сражавшийся во Франции в составе американских воздушных сил, привлек внимание общественности к этому удивительному поверью, опубликовав не так давно статью в «Atlantic Monthy». Еще более интересно, что он упоминает там про настойчивые слухи и кривотолки, будто бы недалек тот день, когда эта заточенная под землей раса выйдет наружу. W. J. B Pres. I. A. of. S.

сработаны человеческими руками и поскольку очевиден факт, что Двеллер черпает силу для своей материализации из лунного света, прошедшего через эти устройства, то и сам Двеллер, может быть, не что иное, как продукт умственной деятельности человека или, по крайней мере, от человеческого разума зависит его появление.

— Подождите минутку, Гудвин, — прервал меня О'Киф. — Вы что, в самом деле думаете, что эта хреновина, сделана из... ну... из лунного сияния.

— Лунный свет, — отвечал я, — это, как известно, отраженный от поверхности Луны солнечный свет. Но лучи, попадающие на Землю после своего отражения, имеют уже существенно другую структуру.

Спектральный анализ показывает, что в них отсутствует практически вся низкочастотная область спектра — та, которую мы называем красной и инфракрасной, в то время как высокочастотная — так называемая фиолетовая и ультрафиолетовая — содержит спектральные линии еще более высоких частот, чем солнечный свет. Многие ученые связывают этот факт с присутствием на Луне некоего неизвестного элемента, существование которого, возможно, могло бы объяснить наблюдаемые на поверхности Луны гигантские светящиеся треки: например, расходящиеся в радиальных направлениях из лунного кратера Тихо. Лунные лучи могут поглощать и распространять дальше энергию излучения этих неизвестных на земле элементов.

В любом случае, то ли из-за потери красной составляющей спектра, то ли из-за появления какого-то таинственного источника энергии, но свет луны становится совершенно иным, нежели просто ослаб-

ленный солнечный свет; точно так же, добавляя в соединение или изымая из него какой-нибудь элемент, мы получаем совершенно другое вещество с совершенно иными признаками и свойствами.

К тому же эти лучи, Ларри, проходя через шары, висящие, по словам Трокмартина, над Лунной Заводью, по-видимому, приобретают еще более загадочные свойства. В результате образуется фактор, необходимый для формирования Двеллера. В таком процессе — если бы он имел место на самом деле — не было бы ничего невероятного с научной точки зрения. Известный русский физик Кубальский, занимавшийся выращиванием кристаллов, демонстрировал, подвергая определенные комбинации химических элементов действию сильно сфокусированных лучей различных цветов, некоторые свойства, которые мы считаем присущими исключительно живой природе. Какая-то составляющая светового излучения и ничего более вызывала у них псевдовитальность. Мы еще очень далеки от полного понимания природы электромагнитных колебаний эфира, которые мы называем светом, и использования всех заложенных в нем возможностей.

— Послушайте, док, — серьезно сказал Ларри. — Я готов принять без доказательства все сказанное вами по поводу этого затерянного континента и людей, живущих там в каких-то пещерах. Но клянусь мечом Бриана Бору*, вы никогда не убедите меня, что какой-то пучок лунных лучей может совладать с такой крупной женщиной, какой, по вашим рассказам, была нянька жены Трокмартина, ни с таким энергичным мужчиной, каким, опять же с ваших слов, я представляю себе самого Трокмартина, ни женой Халдриксона — бьюсь об заклад, что она,

скорее всего, тоже принадлежала к северному типу рослых, могучих женщин... Нет, вам никогда не заставить меня поверить, что какой-то пучок, пусть даже сильно сфокусированного лунного света мог бы овладеть ими настолько, чтобы, пританцовывая от восторга, они пошли бы за ним в ритме вальса по полосе лунного света. Не-е, доктор, как ни старайтесь, но даже лунный свет Теннеси не способен такое проделать.

— Ну хорошо, О'Киф, — отвечал я, теперь уже и впрямь сильно рассерженный. — Что же это такое, по-вашему? — и я не смог удержаться, чтобы не прибавить: — Феи?

— Профессор, — усмехнулся он, — если эта хреновина — фея, она, ясное дело, из Ирландии, и когда она увидит меня, она так обрадуется, что сразу бросит валять дурака. «О Ларри, я потерялась, сбилась с пути и заблудилась, avick[1], — скажет она, — я так соскучилась по дому, по родным пенатам, я просто в отчаянии, — скажет она, — забери меня быстрей обратно, я больше никогда не буду вреднича-а-а-ть!» — скажет она мне... И это будет правда.

Я молчал, словно воды в рот набрав.

— Поймите меня правильно, док. Я верю, что вы все что-то видели. Но я думаю — это был просто какой-то газ. Вся эта местность вулканического происхождения: острова и всякие штучки-дрючки беспрерывно выпукиваются из моря, как чертики из табакерки. Да, скорее всего, это газ вулканической природы... какой-то неизвестный газ, от которого вы сходите с ума: очень многие виды газов так дейст-

---

[1] Avick *(ирл.)* — сынок.

вуют. Он ударил по мозгам всей экспедиции Трок-мартина на том островке; они, по-видимому, все время ходили слегка прибалдевшие, думая, что на самом деле видят все это, все время говорили об этом — и на тебе! — массовая галлюцинация... что-то вроде Ангелов Моны и других диковинок, случавшихся на войне. Как это бывает: некто видит нечто, и это нечто напоминает ему еще что-то. Он показывает на это стоящему рядом с ним. «Вы видите это, сэр?» — спрашивает он. «О да, конечно, я вижу это, сэр!» — отвечает тот. И вот, пожалуйста, — готова массовая галлюцинация.

Когда ваши друзья нанюхались газа, они, скорее всего, просто попрыгали за борт, один за другим. Халдриксон тоже вляпался в такое же местечко, где газ ударил в голову его жене. Она схватила в охапку ребенка и сиганула за борт. Может быть, лунные лучи делают газ светящимся. Мне приходилось видеть на фронте газ при лунном свете: это выглядит так, будто тысячи шаманов вертятся в дьявольской пляске. Да-да, и вам ничего не стоит увидеть дьявольские хари в этом кружении. И если газ наполнил вам легкие, больше уже ничего не требуется, чтобы вы думали, будто видите самых настоящих чертей.

Некоторое время я хранил молчание.

— Ларри, — сказал я наконец, — правы я или вы, это неважно, в любом случае я должен пойти на Нан-Матал. Пойдете вы вместе со мной, Ларри?

— Гудвин, — ответил он, — я пойду, не сомневайтесь. Меня все это заинтриговало не меньше вас. Если нам не встретится на пути «Дельфин», я ваш, с потрохами. Я оставлю на Понапе записку, если

они решат искать меня. Если они сообщат о моей смерти через некоторое время — всем это будет до лампочки. Так что все в порядке. Только вот что, старина, послушайтесь меня: не забивайте себе голову всерьез этой историей, так и свихнуться недолго, уверяю вас.

И снова радость от сознания, что со мной пойдет Ларри О'Киф, была так велика, что я позабыл рассердиться.

ГЛАВА 10

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ

Мы заметили появившегося на «Суварне» да Косту лишь когда он, похлопав меня по руке, прервал наш разговор.

— Доктора Гудвин, — сказал он, — могу я повидать вас в моя каюта, сайр?

Ну вот, наконец-то он заговорил! Я пошел за ним следом.

— Доктора, — сказал он, когда мы вошли в его каюту, — оченна странная вещь приключилась с Олафа. Оченна странный. И туземцы на Понапе, они за недавнее время оченна много беспокоиться. Я ничего не знай, зачем они боятся, ничего.

Снова это быстрое крестное знамение.

— Но вот что я вам хотеть рассказывай. Прошлый месяц один человек, русский, пришел ко мне из Раналоа. Он доктора, такая же, как вы. Его было звать Маракинофф. Я привозить его на Понапе, и эти туземцы, они не хотеть возить его на Нан-Матал, куда он хотеть ехать... нет, не хотеть. Так я возить его. Мы покидать в его лодка оченна много всякий крепко завязанный инструмент. Я покидать его там вместе с лодка и едой. Он мне говорить, ничего не надо никому говорить, и совсем ничего мне не заплатить. Но вы друг, и Олафа вы помогать оченна сильно, так что вам я говорить, сайр.

— Ты ничего больше не знаешь, да Коста? — спросил я. — Ты ничего не слышал о другой экспедиции?

— Нет, — он лихорадочно затряс головой. — Ничего больше.

— Ты не слышал такого имени — Трокмартин, когда был на Понапе? — не отставал я.

— Нет, — отвечая, он смотрел мне прямо в глаза, но бледность опять поползла у него по лицу.

Я не вполне поверил искренности его ответа. Но если он знал больше, чем сказал, почему он боялся говорить? Мое беспокойство все усиливалось, и я попытался отвлечься, отправившись поболтать с Ларри.

— О, эти русские, — сказал он. — Да, они могут быть чертовски милы или чертовски... совсем наоборот. Будем надеяться, что удастся познакомиться с ним прежде, чем покажется «Дельфин».

Следующим утром мы без приключений добрались до Понапе, и уже к полудню «Суварна» и «Брунгильда» встали на якорь в гавани. Я не буду описывать возбуждение и неприкрытый страх, охвативший туземцев, когда мы стали искать носильщиков и рабочих себе на подмогу. Достаточно сказать, что никакие денежные посулы не смогли склонить ни одного из них пойти на Нан-Матал. И никто не сказал, почему он отказывается.

В конце концов было решено, что «Брунгильда» останется под присмотром полукровки-китайца; оба — и да Коста, и Халдриксон — хорошо знали его как человека, которому можно доверять. Мы доверху нагрузили баркас с «Брунгильды» моими инструментами и едой, а также лагерным снаряжением. «Суварна» доставила нас в гавань Металанима. Когда под нами в глубине воды показались верхушки древних морских дамб и сквозь мангровые заросли замаячили островные руины, «Суварна», оставив нас на расстоянии не более мили от берега, отправилась обратно.

Халдриксон взял на себя управление маленьким парусом нашего баркаса, Ларри сел за руль; обогнув чудовищной высоты стену, уходящую глубоко под воду, мы в конце концов нашли вход в канал, помеченный на карте Трокмартина как разделяющий «хмурящийся» Нан-Танах и его островок-спутник — Тау. Этот канал прямым ходом должен был вывести нас к воротам и таинственному месту, находящемуся за ними.

Как только мы попали в канал, нас со всех сторон охватила тишина; и тишина столь напряженная, столь... я бы сказал, весомая, что казалась вполне материальной: враждебная тишина, которая обволакивала и душила, и в то же время казалось, что она стоит где-то рядом, отдельно от нас — словно живое существо.

Полное безмолвие! Как будто миллионы живых людей с грохочущим топотом прошествовали к могиле и скрылись в ней... может быть, вам покажется мое сравнение парадоксальным, но я хочу подчеркнуть. что такое безмолвие наступает после того, как жизнь навсегда покидает какое-нибудь место...

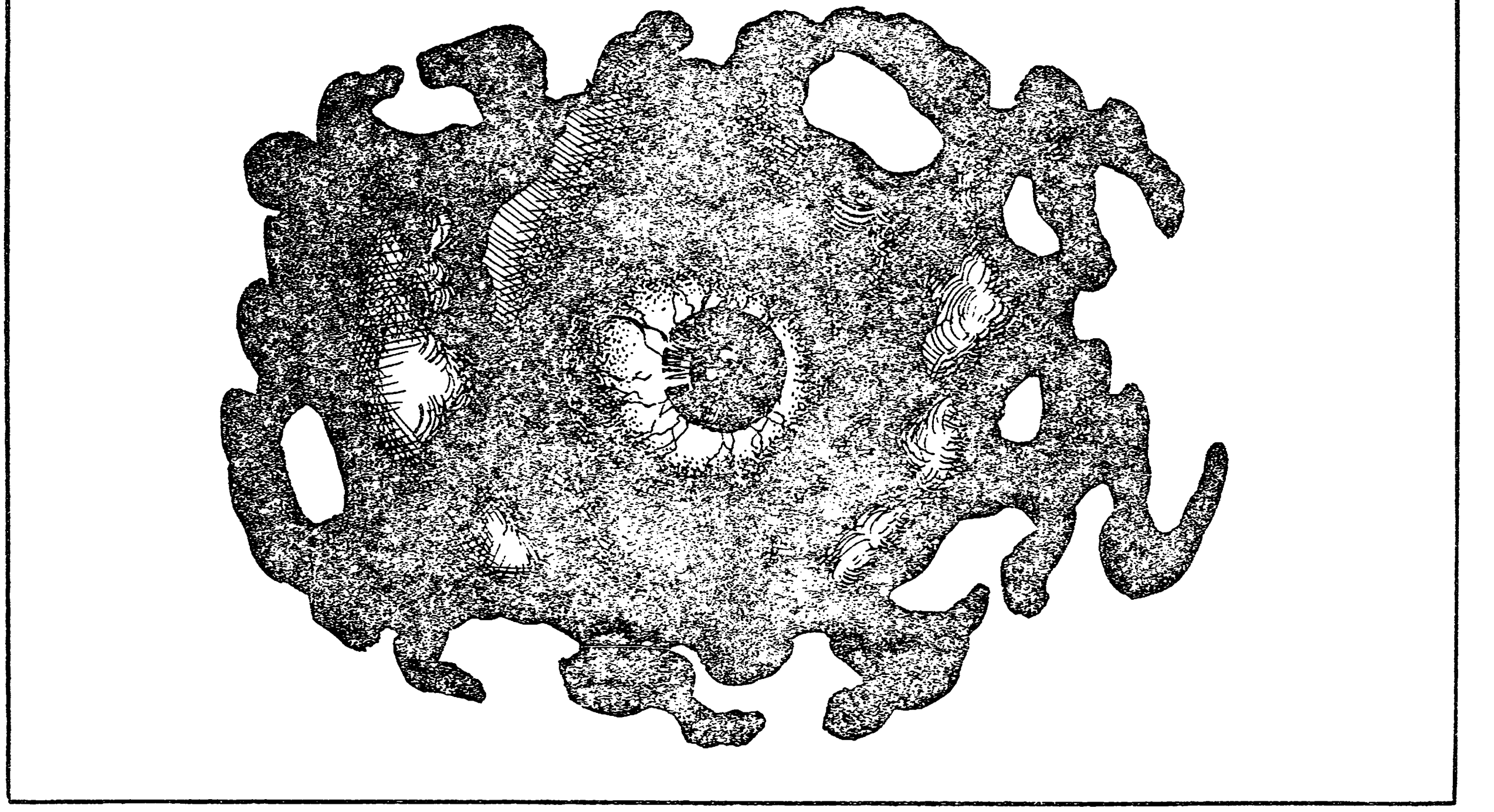
Однажды мне довелось испытать нечто подобное, стоя в комнатке в глубине Великой Египетской пирамиды, но не в такой сильной степени, как сейчас. Ларри тоже что-то почувствовал и вопросительно поглядывал на меня. Олаф, сидевший на носу баркаса, пристально вглядывался вперед, голубые глаза снова отсвечивали ледяным блеском; если он и заметил что-то необычное, то не подавал виду.

С левой стороны канала поднимались стены, сложенные из черных базальтовых блоков: циклопические сооружения возвышались над нашими головами футов на пятьдесят, если не больше. То тут, то там

в стенах виднелись проломы, вызванные затоплением и оседанием их фундаментов.

Прямо перед собой мы увидели разросшиеся и заполонившие весь канал заросли ризофоры. Справа по ходу движения нашего баркаса проскользнули не такие высокие стены островка Тау: мрачные камни, отполированные и ограненные с математической точностью, вызвавшей во мне смутное ощущение благоговейного преклонения перед их создателями. Сквозь проломы в стенах я мимоходом разглядел угрюмые руины и поверженные наземь каменные глыбы — казалось, что, затаившись, они со скрытой угрозой наблюдают за нашим продвижением вдоль канала. Где-то там, невидимые взору, находились семь шаров, наполнявшие заводь жизненной силой.

Но вот мы очутились среди мангровых зарослей и, спустив парус, вся наша троица принялась тянуть и толкать баркас, продираясь сквозь путаницу корней и ветвей ризофоры. Казалось, что шум, вызванный нашим передвижением, оскверняет эту страшную тишину, и от старинных крепостных стен шло осуждающее... и странно зловещее бормотание. Наконец мы выбрались из зарослей на небольшое открытое пространство темной непрозрачной воды. Прямо перед нами высились входные ворота Нан-Танаха: гигантские, наполовину обвалившиеся, невероятно старые. Глядя на сильно пострадавший от времени портал, я думал о живших на заре земной истории мужчинах и женщинах, которые когда-то проходили через него. Ворота выглядели баснословно древними — такими старыми, что казалось, будто тяжесть их лет словно свинцовый груз давит на глаза людей, которые смотрят на них... и все-таки, я отчетливо ощущал в них подспудно затаившиеся угрозу и вызов.



По ту сторону входных ворот начинался ряд чудовищной величины базальтовых плит: в самом деле, будто бы какая-то лестница для великанов, и с каждой стороны лестничный марш сопровождали высокие стены — те самые, по которым Двеллер уводил свои жертвы. Мы молчали, как воды в рот набрав, пока протаскивали по мелководью баркас к полузатопленному пирсу. А когда мы наконец заговорили, выяснилось, что переговариваемся мы почему-то шепотом.

— Что дальше? — спросил Ларри.

— Я думаю, надо сначала осмотреться, — ответил я ему таким же тихим голосом. — Давайте залезем на эту стену и посмотрим с нее. С такой высоты вся местность будет видна, как на ладони.

Халдриксон кивнул, глаза его оживленно заблестели. С величайшим трудом мы забрались наверх по разломам базальтовых блоков.

С южной и с восточной сторон, напоминая детские игрушечные кубики, разбросанные посреди сапфирового моря, лежали десятки островов, и ни один из них не занимал более двух квадратных миль морской поверхности; каждый островок представлял собой почти совершенную математическую фигуру: квадрат или прямоугольник, со всех сторон огороженный стенами, которые защищали его с моря.

И ни на одном из этих островков не было видно никаких признаков жизни. Только вдалеке с криками носились чайки, пикируя в голубые волны, да несколько больших птиц там и сям парили высоко в небе.

Мы перевели взгляды на лежащий под нами островок. По моим приблизительным оценкам он занимал около трех четвертей квадратной мили. Со всех сторон его окружали стены дамбы. Мы видели под собой громаднейший открытый куб с базальтовыми

стенками, внутри которого, вложенные один в другой, располагались еще два открытых куба поменьше. Огороженное пространство между стенками первого и второго куба было вымощено каменными плитами; то тут, то там виднелись разбитые колонны и длинные каменные скамейки. Гибискус, деревца алоэ и кучки низкорослого кустарника нашли себе здесь пристанище, но, казалось, что их присутствие еще больше усиливает впечатление заброшенности и безжизненности этого места.

— Интересно, где может быть русский? — спросил Ларри.

Я пожал плечами. Островок выглядел абсолютно пустым. Ушел Маракинов сам... или его тоже забрал Двеллер? Что бы ни произошло, ни на лежащем под нами острове, ни на каком другом — в пределах нашей видимости — не было видно никаких следов пребывания человека. Мы с трудом слезли по боковой стене подворотни. Олаф с тоской поглядел на меня.

— Мы начинаем поиски, Олаф, — сказал я. — И первым делом, Ларри, давайте поищем, нет ли тут в самом деле серого камня. Потом мы разобьем лагерь и, пока я распаковываю вещи, вы с Олафом обследуете остров. Это не займет много времени.

Ларри бросил взгляд на свой пистолет и усмехнулся.

— Веди, Макдуф! — сказал он.

Поднявшись по ступеням до самого верха, мы прошли через внутренние дворики и попали на центральную площадь. Не скрою, что к снедающему меня огню научного рвения и любознательности подмешивалась боязнь, вдруг предположения О'Кифа окажутся справедливыми.

Найдем ли мы движущуюся плиту, и, если найдем, будет ли она такова, как ее описывал Трокмартин?

Если да, тогда даже Ларри вынужден будет признать, что существует нечто, не объясняющееся присутствием газа и светящихся испарений. И тем самым эта необычайная история пройдет свой первый этап проверки.

А если нет?

Не успел я так подумать, как прямо перед собой увидел подернутую легчайшим серым налетом, несколько отличающим ее от соседних базальтовых блоков, Лунную дверь!

Ошибиться было невозможно. Вне всякого сомнения, именно про это место рассказывал мне Трокмартин, именно отсюда появлялось, восхищая своим великолепием и поражая смертельным страхом, призрачное видение, которое он называл Двеллером. У подножия плиты находилось углубление, по виду напоминавшее плоскую широкую чашу; по ее полированной поверхности (как утверждал мой пропавший друг) двигалась, проворачиваясь, открывающаяся дверь.

Что представляла собой эта дверь... более загадочная, чем пресловутый сфинкс? Куда она вела?

Какую тайну скрывала за собой гладкая каменная глыба, чья леденящая сердце мертвенная бледность наводила на мысль о невероятно старых, древних туннелях, уводящих в глубь времен — туда, где открываются чуждые человеческому оку невообразимые пейзажи. Эта тайна уже стоила миру земной науки выдающегося ума Трокмартина... так же, как сам Трокмартин заплатил за нее теми, кого любил. Эта тайна привела сюда меня в поисках Трокмартина... и тень этой же тайны легла на душу норвежца Олафа Халдриксона и тех тысяч и тысяч людей — как я теперь догадывался! — которые исчез-

ли, соприкоснувшись с ней, и унесли навсегда с собой неразгаданную загадку.

Что лежало за камнем?

Я неуверенно протянул руку и прикоснулся к плите. Легкая дрожь пробежала по пальцам и дальше — по всей руке; странно незнакомое и странно неприятное ощущение — как будто я дотронулся до наэлектризованного предмета, содержащего помимо прочего еще и субстанцию холода. Глядя на меня, О'Киф проделал то же самое. Как только ладонь его легла на камень, лицо ирландца изумленно вытянулось.

— Это та самая дверь? — спросил он.

Я кивнул.

Ларри тихонько присвистнул и показал куда-то наверх, на вершину серого камня. Проследив за движением его руки, я увидел наверху, с каждой стороны лунной двери, две плавно очерченные шишечки, возможно, около фута в диаметре.

— Ключи, открывающие лунную дверь, — сказал я.

— Хорошо бы посмотреть, как они работают, — ответил Ларри. — Если получится, конечно, — добавил он.

— До восхода луны мы все равно ничего не сможем сделать, — ответил я. — И у нас совсем не так много времени, чтобы все приготовить до ее появления. Пошли!

Немного погодя мы уже возились около нашей лодки. Разгрузив ее, мы установили палатку, и, поскольку до захода солнца оставалось совсем мало времени, я велел всем оставить меня и заняться обследованием острова. Ларри и Олаф ушли вместе, а я принялся распаковывать привезенное с собой оборудование.

Прежде всего я достал приобретенные мною в Сиднее два беккерелевских лучевых конденсора. Конденсорные линзы, как известно, способны собирать и усиливать во много раз любой свет, направленный на них. Я уже с большим успехом пользовался этой системой, занимаясь спектроскопическим анализом светящихся испарений, и знал о блестящих результатах, полученных в Йеркской Обсерватории: с помощью этих конденсоров удалось сфокусировать рассеянное излучение газовых туманностей и определить их спектральный состав.

Если я в принципе правильно представлял себе механизм действия серой плиты, то можно было не сомневаться, что сегодня, когда прошло всего несколько дней после полнолуния, мы сможем без значительных усилий получить достаточно яркий световой поток, направить его на выпуклости-ключи и открыть дверь. И поскольку потоки лучей, проходящих через семь шаров, описанных Трокмартином, были бы слишком слабы, чтобы напитать энергией заводь, то мы могли бы войти в зал, не опасаясь нечаянной встречи с ее жильцом, проделать необходимые наблюдения и удалиться, прежде чем лунный свет ослабнет настолько, что, даже будучи усиленным с помощью конденсоров, перейдет нижний порог яркости, который необходим, чтобы удерживать дверь открытой.

Я взял с собой также маленький спектроскоп и еще кое-какие приборы, необходимые для анализа некоторых световых явлений и для определения состава металлов и жидкостей. И уж, разумеется, я не забыл положить рядом мою сумочку с медикаментами на случай оказания первой помощи.

Не успел я все проверить и привести в порядок, как появились О'Киф и Халдриксон. Они рассказали,

что обнаружили следы лагерной стоянки по крайней мере десятидневной давности рядом с северной стеной внешнего двора, и все — никаких других признаков, что на Нан-Танахе кроме нас еще кто-то есть!

Мы приготовили ужин и поели, перекидываясь отдельными словами, преимущественно же хранили молчание. Даже жизнерадостный Ларри заметно приутих; я неоднократно видел, как он вытаскивал свой пистолет и внимательно его разглядывал. Ирландец был серьезен, как никогда на моей памяти. Вдруг он зашел в палатку, повозился там немного и вынес еще один револьвер, который, как он сказал, ему дал да Коста, и полдесятка патронных обойм. Ларри вручил оружие Олафу.

Наконец просветлела юго-восточная часть неба, возвестив восход луны. Я схватил свои инструменты и медицинскую сумочку; Ларри и Олаф взвалили на спины по короткой лесенке (которые я не забыл привезти). Подсвечивая себе дорогу электрическими фонарями, мы поднялись по громадным ступеням, пересекли внутренние дворики и остановились перед серым камнем.

К этому времени луна уже поднялась, и ее косые лучи полностью осветили плиту. Я увидел, как слабые фосфоресцирующие блики побежали по ее поверхности... но такие слабые, что я не мог бы поручиться за достоверность моего наблюдения.

Лесенки разместили по обеим сторонам плиты. Олафа я отрядил стоять перед плитой и наблюдать за появлением первых признаков ее открытия... если оно произойдет, конечно. Беккерелевские системы я поместил внутри трехдюймовых треножников, на ножки которых я предварительно надел резиновые присоски, дабы они крепче держались на камне.

Забравшись по лестнице наверх, я укрепил один конденсор над шишечкой и оставил рядом Ларри в качестве наблюдателя. Затем, быстро спустившись и так же быстро взобравшись по второй лесенке, подобным же образом установил второй конденсор. Все заняли выжидательные позиции: мы с Ларри сидели, как петухи на насесте, подле конденсоров, Олаф не отрывал от плиты глаз. Так началось наше ночное бдение.

Внезапно Ларри с удивлением вскрикнул:

— Эге, над камнем засветились семь маленьких огоньков!

Но я уже и сам увидел под ставшими серебристо-глянцевыми линзами моего конденсора пляшущие огоньки. Очень быстро лучи, прошедшие через систему, начали набирать силу и яркость, и, когда они усилились в достаточной степени, то из сумрака выскочили семь маленьких кружков, сверкающих ярким, словно звездочки, светом, и окруженные причудливым... как... как свернувшееся молоко — вот лучшее определение, которое я могу подобрать, — излучением, совершенно неизвестным и непонятным мне.

Внизу под ногами я услышал слабый, похожий на вздох шорох, и затем голос Халдриксона:

— Она открывается... камень поворачивается.

Я лихорадочно полез вниз по лестнице.

Снова послышался голос Олафа:

— Этот камень... он открылся.

И затем раздался дикий крик, нет — вопль, полный слепой ярости и отчаяния, жалости и гнева... Послышался быстрый топот ног, бегущих через стену.

Я спустился на землю. Лунная дверь была широко раскрыта, и, мельком заглянув в нее, я увидел коридор, наполненный слабым, похожим на предрас-

светную дымку призрачно-жемчужным свечением. Но Олафа нигде не было видно. Пока я стоял, переводя дыхание, раздался резкий треск винтовочного выстрела; линза конденсора, рядом с которым сидел Ларри, разлетелась вдребезги на мелкие кусочки. Ларри быстро соскочил на землю; один, другой раз прорезали темноту вспышки выстрела из его пистолета.

И Лунная дверь начала медленно поворачиваться, постепенно возвращаясь на прежнее место.

Я бросился к закрывающемуся камню с дикой мыслью удержать дверь открытой. Упираясь в нее руками, я услышал, как за спиной у меня раздалось рычание и посыпались проклятия. Какой-то человек, набросившись на Ларри, схватил ирландца за горло. Зашатавшись под натиском его тела, Ларри взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие на покатом крае чашеобразной впадины у подножия плиты; подскользнувшись на полированной поверхности, он упал и полетел кувырком вместе с нападавшим, брыкаясь и отбиваясь, через сужающуюся щель прямиком в туннель.

Позабыв про все на свете, я кинулся ему на помощь. Уже в прыжке я почувствовал, как закрывающаяся дверь задела меня за бок. Я успел заметить, как Ларри замахнулся кулаком и нанес сокрушительный удар по черепу повисшего на нем человека. Тот дернулся и затих; Ларри стоял, покачиваясь, на нетвердых ногах. Содрогнувшись, я услышал зловещий шорох и резко обернулся, словно меня развернула чья-то гигантская рука.

В конце коридора больше уже не виднелась залитая лунным светом площадь Нан-Танаха и стоящие там развалины. Его перегораживала твердая глыба мерцающего камня. Лунная дверь закрылась!

Спотыкаясь, Ларри сделал несколько неверных шагов, направляясь к преграде, отрезавшей нас от внешнего мира. Мы не увидели ни малейшего признака соединения плиты со светящимися стенами — плита вошла в проем так плотно, словно была частью мозаики.

— Классно сработано, — сказал Ларри. — Но если сюда можно войти, значит, отсюда можно и выйти. Как говорится — за что боролись, на то и напоролись. В любом случае, док, тут тепло, светло и мухи не кусают — так о чем же пока беспокоиться?

Он весело улыбнулся мне. Человек, лежащий на полу, застонал; Ларри присел рядом с ним.

— Маракинов! — вскрикнул он.

При этом восклицании человек зашевелился, повернувшись таким образом, что я смог увидеть его лицо. Определенно, это был русский, и столь же определенно его значительная внешность с ярко выраженным интеллектом на лице говорила о том, что это профессор.

Широкие густые брови, чрезмерно развитые массивные надбровья, крупный породистый нос, вытянутые в ниточку губы, по которым угадывался жесткий нрав, и решительно выдвинутая нижняя челюсть с черной остроконечной бородкой — все это свидетельствовало о том, что перед нами личность далеко не ординарная.

— А кого еще тут можно встретить? — сказал Ларри, врываясь в мои мысли. — Должно быть, он все время следил за нами из подземелья Хау-те-лур.

Ларри с профессиональной ловкостью обшарил тело русского профессора, затем выпрямился, протягивая мне два внушительного вида магазина патронов и нож.

— Я попал ему в предплечье, — сказал он. — Пуля задела только мякоть руки, но это заставило его выронить ружье. Неплохой арсенальчик у нашего маленького русского профессора, а?

Я раскрыл свою медицинскую сумку. Мне тоже рана показалась довольно легкой. Ларри стоял рядом, глядя, как я перебинтовываю руку раненого.

— Вы захватили с собой еще один конденсор? — внезапно спросил он. — И как вы считаете, Олаф сможет разобраться, как им пользоваться?

— Ларри, — ответил я, — Олаф не там, где вы думаете... он где-то здесь.

У Ларри отвисла челюсть.

— Какого черта... Что вы говорите? — прошептал он.

— Вы что, не слышали, как он истошно закричал, когда открылся камень?

— Нет, конечно же, я слышал, как он завопил, — сказал Ларри, — но я не понял, что произошло. И тут эта дикая зверюга накинулась на меня... — Он помолчал, глаза его расширились. — Куда пошел Олаф? — быстро спросил он.

Я показал на слабо освещенный проход.

— Тут только одна дорога, — ответил я.

— Приглядывайте получше за этой птичкой, — прошипел Ларри, кивнув на Маракинова, вскочил на свои длинные ноги и, с пистолетом в руках, побежал вдоль туннеля.

Я опустил взгляд на русского. Он лежал с открытыми глазами, протягивая ко мне руку. Я помог ему подняться на ноги.

— Я все слышал, — сказал он. — Мы пойдем за ними и побыстрее. Если бы вы взяли мне руку, я все-таки... в сотрясении, йес!

Я молча обхватил его за плечи, и мы двинулись по коридору следом за О'Кифом. Маракинов тяжело дышал, навалившись на меня всем телом, изо всех сил стараясь двигаться как можно быстрее.

Пока мы шли, я торопливо разглядывал светящиеся стены туннеля. Складывалось такое впечатление, будто свет исходит не от их гладкой, словно полированной поверхности, а откуда-то из глубины, придавая стенам иллюзорную глубину и объемность; каким-то необъяснимым способом создавался стереоскопический эффект. Проход круто повернул, некоторое время мы шли прямо, потом снова повернули... Вдруг меня осенило, что туннель освещался излучением крошечных точек, спрятанных глубоко в камне: они служили источником светящейся пульсирующей волны, которая потом распространялась дальше по всей полированной поверхности.

Где-то впереди послышался крик Ларри: «Олаф!»

Я половчее подхватил Маракинова, и мы прибавили шагу. До конца туннеля оставалось совсем немного: впереди виднелась высокая арка и исходящее оттуда неяркое переливчатое сияние. Мне оно показалось похожим на туманную дымку, сквозь которую просвечивает радуга.

Наконец мы дотащились до конца туннеля, и я заглянул в зал, как будто перенесенный сюда из сказочного дворца короля Джинов, что находится за волшебной горой Каф*.

Передо мной стоял О'Киф, а шагах в десяти поодаль — Халдриксон, что-то крепко прижимая к груди. Ноги норвежца упирались в самый край покатого бортика, сделанного из сияющего серебристым светом камня, который обегал кругом голубой заводи. На заводь, напоминающую огромный голубой глаз, уставившийся в потолок, сверху падали семь при-

зрачно мерцающих столбов света: один из них был аметистового цвета, другой — розовый, третий — белый, четвертый — голубой, и еще три — изумрудного, серебряного и янтарного цветов. Все они опирались на лазурную поверхность заводи, и я знал, что это и есть те самые потоки излучения, внутри которых обретал свое существование Двеллер... но сейчас я видел только бледное подобие великолепной картины, какая предстала бы перед нами в дни полнолуния.

Халдриксон наклонился и положил на мерцающий серебристый бортик предмет, находившийся у него в руках. Я увидел, что это было тельце ребенка. Бережно и осторожно положил он его на край заводи, перегнулся через бортик и сунул в воду руку. В тот же миг он с диким воплем отдернул руку, задев при этом лежавшее перед ним маленькое тельце. В считанные доли секунды оно соскользнуло по краю заводи и упало в голубую воду.

Халдриксон, сжав кулаки, перевалился через бортик, до локтей погрузив руки в воду... и из его губ исторгся протяжный, хватающий за сердце вопль ярости и боли, в котором, казалось, не оставалось ничего человеческого.

Сразу вслед за ним прозвучал крик Маракинова.

— Держите его! — заорал русский. — Тяни его обратно! Быстро!

Он кинулся вперед, но не успел еще Маракинов преодолеть и половины расстояния, как О'Киф, опередив его прыжком, поймал норвежца за плечи и опрокинул его навзничь. Халдриксон остался лежать на полу, издавая хриплые всхлипывания и стоны. Подбегая к заводи вслед за Маракиновым, я увидел, как Ларри наклонился над бортиком и, отшатнувшись, прикрыл глаза трясущейся рукой; увидел, как

русский тоже пристально посмотрел туда, и в его холодных глазах появилась невыразимая жалость.

Заглянув в Лунную Заводь, я увидел там погружающуюся в воду маленькую девчушку, чье неподвижное мертвое лицо и застывшие, полные ужаса глаза были обращены прямо на меня... и медленно, медленно опускаясь вниз, она исчезла! И я понял, что то была Фрида, любимая Yndling Олафа.

Но где была ее мать и где Олаф нашел свое дитя?

Русский первым нарушил молчание.

— У вас там есть нитроглицерин, а? — спросил он, показывая на мою медицинскую сумочку, которую я бессознательно захватил с собой и крепко прижимал к груди, пока мы совершали свой безумный рейд по коридору.

Я утвердительно кивнул и достал лекарство.

— Шприц, — коротко скомандовал русский; я подал ему шприц. Набрав в него одну сотую грана нитроглицерина, он наклонился над Халдриксоном. Маракинов закатал рукав норвежцу до середины предплечья. Руки моряка отливали неестественной полупрозрачной белизной — точно так же выглядела грудь Трокмартина в том месте, где ее коснулось щупальце Двеллера; ладони тоже покрывала белизна, чем-то напоминавшая редчайшей красоты жемчужину. Выше границы, отделяющей живую плоть от неестественно белого тела, Маракинов ввел иглу.

— Ему потребуется сделать все, что может его сердце, — сказал он мне.

Затем русский залез в пояс, обвязанный у него вокруг талии, и вытащил оттуда маленький плоский флакон. Мне показалось, что он сделан из свинца. Открыв флакон, Маракинов несколько раз капнул его содержимым поочередно на обе руки норвежца. Жидкость засверкала и моментально начала расте-

каться по коже, точно так же, как это происходит, если капнуть на воду маслом или бензином — только гораздо быстрее. Разлившаяся по коже жидкость покрыла мраморное тело тонкой искрящейся пленкой, слабые струйки пара поднялись над руками Халдриксона. Могучая грудь норвежца с трудом, словно в агонии, начала подниматься и опускаться. Руки сжались в кулаки. Русский, увидев это, удовлетворенно хмыкнул и капнул еще немного жидкости, затем, внимательно приглядевшись, снова хмыкнул и распрямился.

Затрудненное дыхание Халдриксона перешло в нормальное, голова опустилась на колени Ларри, белизна постепенно уходила из рук и ладоней.

Маракинов поднялся и задумчиво, почти снисходительно поглядел на нас.

— Он будет в полном порядке за пять минут, — сказал он. — Я знаю. Я так плачу за тот выстрел от меня, и также еще потому, что мы будем нужны даться им. Йес! — Он повернулся к Ларри. — Вы имеете хороший удар, мой юный друг, совсем как мул, когда лягает, — сказал Маракинов. — Какой-то раз вы отплатите мне за это тоже, а? — Он ухмыльнулся.

Выражение лица у него, впрочем, было не очень-то убежденное. Ларри насмешливо глянул на него.

— Вы, конечно, Маракинов? — сказал ирландец.

Русский кивнул, ничем не выражая удивления, что его признали.

— А вы? — спросил он.

— Лейтенант О'Киф, Королевские воздушные силы, — ответил Ларри, отдавая честь. — А этот джентльмен — доктор Уолтер Т. Гудвин.

Лицо Маракинова просияло.

— Американский ботаник? — осведомился он.

Я кивнул.

— Ах, — страстно сказал Маракинов, — но это очень удачно. Я давно мечтал, чтобы познакомиться с вами. Ваши работы для американца очень выдающиеся, я даже удивляюсь. Но вы ошибаетесь с вашей теорией развития покрытосеменных из Cycadeoidea dacotensis. Да-да, все неправильно...

Я принялся горячо возражать ему, отлично зная, что умозаключения, полученные из рассмотрения первобытных Cycadeoidea, явились моим величайшим достижением. Но тут, достаточно грубо, вмешался Ларри.

— Послушайте, — зашипел он на нас, — вы что, совсем обалдели? Не могли найти другого места и времени, чтобы устроить научную перепалку? Англосеменные[1]? — воскликнул Ларри. — Черт знает что такое!

Маракинов снова обернулся к нему с тем же вызывающим раздражение снисходительным видом.

— У вас нет научного мышления, мой юный друг, — сказал он. — Удар — это да! Но так может и мул. Вам следует записать себе на лбу, что важны факты, и только факты: ни вы, ни я, ни этот человек, — он показал на Халдриксона, — с его печалями. Только факты, и ничего кроме фактов — вот то, что не подлежит никакому сомнению. Ну, что же, — обратился ко мне Маракинов, — пожалуй, в другой раз...

Халдриксон прервал его. Громадный моряк неуклюже поднялся на ноги и стоял, опираясь на плечо Ларри. Он протянул ко мне руки и заговорил:

---

[1] Здесь непереводимая игра слов: в английском языке покрытосеменные звучит почти как англосеменные (Angiospermae).

— Я видел ее, — прошептал он. — Я увидел mine Фриду, когда повернулся камень. Она лежала там... прямо у моих ног. Я схватил ее на руки и увидел, что mine Фрида мертва. Но я надеялся... и потом я подумал, что, может быть, где-то здесь и моя Хельма. И вот я побежал с mine Yndling... прямо сюда. — Голос его прервался. — Я подумал, может быть, она не совсем умерла, — продолжал он. — И вот я увидел это, — он показал на Лунную Заводь, — и подумал, что я мог бы умыть ее лицо и она могла бы ожить снова. А когда я сунул в воду руки... о, жизнь покинула их, и холод, смертельный холод побежал по ним прямо в мое сердце. И mine Фрида... она упала... — он прикрыл глаза и уперся лбом в плечо О'Кифа.

Так он стоял, давясь рыданиями; и казалось, что душа его рвется на части.

ГЛАВА 11

ПРИЗРАКИ В ОРЕОЛЕ ПЛАМЕНИ

Олаф закончил рассказывать. Маракинов многозначительно наклонил голову.

— Йес, — сказал он. — Тот, который выходит отсюда, забрал их двоих — и женщину, и ребенка. Йес! Они прошли сюда, схваченные в нем, и камень закрылся за ними. Но почему выбросили ребенка, я не понимаю.

— Откуда вы все это знаете? — воскликнул я, пораженный.

— Потому что я это видел, — просто ответил Маракинов. — Я не только увидел все это, но едва нашел время, чтобы выбежать через вход, прежде чем эта штука прошла сюда, кружась и мурлыкая, и колокольчики его звучали очень радостные. Йес! Оно было — как вы это говорите? — на волосок от меня, вот!

— Погодите, — сказал я, делая Ларри знак не вмешиваться. — Из ваших слов я понял, будто вы побывали в этом месте?

Маракинов буквально озарил меня улыбкой.

— Йес, доктор Гудвин, — сказал он. — Я вошел сюда, когда тот, который выходит отсюда, — вышел!

Потеряв дар речи, я смотрел на него, едва ли не разинув рот; на воинственной физиономии Ларри отразилось нечто вроде смешанного чувства зависти и почтения; Олаф, по-прежнему сотрясаясь всем телом, молча наблюдал за нами.

— Доктор Гудвин, и вы, мой юный драчливый друг! — продолжил Маракинов, эффектно выдержав красноречивую паузу (краем сознания я отметил, что

русский почему-то не включил Халдриксона в свое обращение). — Настало время сделать нам взаимопонимание. Я имею сказать вам предложение. Вот оно: мы все — как вы это говорите? — в одной лодке... йес, и сели на мель. Нам нужны все наши руки, разве нет? Давайте соберем сообща наши знания и наши головы и способности... ведь даже пинок как у мула — это способность! — Он задорно посмотрел на Ларри. — И вытянем нашу лодку снова на хорошую воду. А потом...

— Все это звучит очень трогательно, Маракинов, — перебил его Ларри, — но ни в какой лодке я не буду чувствовать себя в безопасности рядом с человеком, от которого того и гляди получишь выстрел в спину.

Маракинов умоляющим жестом прижал руки к груди.

— Но это ведь так натурально, — жалобно сказал он, — так логично, йес! Здесь очень большой секрет, возможно, много секретов, полезных в моей стране...

Русский замолчал. Лицо у него вдруг сделалось как у человека, охваченного каким-то необычайно бурным чувством: вены на лбу набухли, глаза засверкали, он вдруг заговорил срывающимся гортанным голосом.

— Я не извиняюсь и не объясняюсь, — проскрежетал Маракинов. — Но я хочу кое-что сказать вам, йес! Вот моя страна покрывается кровавым потом в эксперименте, чтобы освободить весь мир. И вот другие народы, окружающие ее, как волки, и они только и поджидают прыгнуть на наши глотки при малейшей мере признаке слабости. И вот вы, лейтенант О'Киф, — из волков Англии и вы, доктор Гудвин, — из банды янки... и вот вы здесь, в том месте, что,

может быть, будет способно для моей страны выиграть войну для рабочих. Что есть жизни вас двух и этого моряка ради всего этого? Меньше, чем мухи, которых я хлопаю своей рукой, меньше, чем пылинки в солнечном луче!

Он внезапно осадил себя.

— Но это сейчас не такая важная вещь, — почти холодно подвел итог русский. — Ни это, ни мое стреляние. Давайте честно глядеть ситуации в лицо. Мое предложение есть такое: что мы соединяем интересы и — как это вы говорите? — смотрим на мир одними глазами, мы поищем наш путь через это место и поизучаем его секреты, о которых я говорил, если, конечно, сумеем. И когда это будет сделано, мы пойдем по нашим дорогам в каждую свою страну, чтобы сделаться полезными для наших стран, как каждому из нас это возможно. На моей стороне я предлагаю свои знания — и это вещь очень, очень неоценимая, — не так ли, доктор Гудвин? — и еще мой опыт. Вы и лейтенант О'Киф делаете так же самое, и этот человек, который Олаф, делает, что он может своей силой, потому что я не думаю, чтобы его полезность лежала в его мозгах, — нет.

— В сущности, Гудвин, — вмешался Ларри, пока я медлил с ответом, не зная, как отреагировать на предложение русского, — позиция профессора такова: ему дико хочется разнюхать, что скрывается в этом месте, но он начинает понимать, что одному человеку такая задача не по силам, и, кроме того, ему на голову неожиданно сваливается вся наша компания. Нас трое против него одного. И мы забрали у него пушку и все остальные его побрякушки. И нам, и ему сейчас одинаково выгодно быть заодно, а не держать за спиной противника. Но это временная уступка. Как только он дорвется до той инфор-

мации, которая его интересует, все становится на свои места: тогда вы, и Олаф, и я — снова для него волки, мухи и пылинки, и не пройдет и семи секунд, как душка-профессор размажет нас всех по стенке. В любом случае, нас трое против одного, и если ему удастся удрать с тем, что он узнал, — ну что ж, значит, он это заработал. Я за то, чтобы взять его в компанию, если вы не возражаете.

Маракинов едва ли не развеселился.

— Тут не совсем так, как я бы разместил слова, возможно, — сказал он, — но, в своей сущности, он правильно выражается. Я никак не буду поднимать на вас руку, пока мы все еще имеем опасность. Я клянусь вам об этом своей честью.

Ларри расхохотался.

— О'кей, профессор, — успокоившись, сказал он. — Как вы понимаете, я искренне верю каждому вашему слову. Тем не менее, советую вам помнить — пистолет у меня всегда под рукой.

Маракинов невозмутимо поклонился.

— А теперь, — сказал он, — я расскажу вам, о чем узнал. Я нашел секрет дверного механизма точно так же, как это сделали вы, доктор Гудвин. Но из-за неосторожности побились мои конденсоры. Я был вынужден ждать, пока я посылал за другими... и ожидать возможно было бы месяцы. Я совершил определенные предосторожности и на первую ночь этого полнолуния я запрятался изнутри подземелья Хаутe-лур.

Невольно трепет восхищения перед этим человеком, отважно решившимся броситься в тьму неизвестности, охватил меня. На лице Ларри я мог видеть отражение того же чувства.

— Я запрятался в подземелье, — продолжал Маракинов, — и увидел, как тот, который выходит

отсюда, — вышел. Я ждал... много часов. Наконец, когда луна опустилась уже низко, он вернулся... в полном экстазе... с мужчиной, туземцем, захвативши его в объятия. Он прошел через дверь, и скоро луна забралась еще ниже, и дверь закрылась. В следующую ночь мне было больше уверенно, йес! После того, как ушел тот, который выходит, я заглянул в его обиталище через открытую дверь. Я сказал: «Этот не вернется за три часа. Пока будет его отсутствие, почему не пойти бы мне в его дом через дверь, когда она остается открытой?» Вот так я пошел... точно сюда. Я разглядывал колонны света, и я испытывал жидкость заводи, на которую они падали. Эта жидкость, доктор Гудвин, не есть вода, и это не есть вещество, известное на земле.

Он подал мне небольшой сосуд, обвязанный за горлышко длинным ремешком.

— Вот, возьмите, — сказал он, — и посмотрите сами.

Заинтригованный, я взял бутылочку и опустил ее в заводь. Жидкость оказалось необыкновенно легкой, столь легкой и невесомой, что сосуд прошел сквозь нее, как через воздух. Вытащив бутылочку, я повернул ее к свету. Содержимое сосуда пронизывали полосы и извилины, как будто сквозь него бежали маленькие трепещущие жилки. И даже через стенки сосуда пробивался свет, который интенсивно излучала голубая жидкость.

— Радиоактивность, — сказал Маракинов. — Некоторые жидкости, как мы знаем, также сильно радиоактивны, но что это за такое, я не понимаю до конца. На кожу живого человека она действует как радий в n-й степени силы, и добавляется еще действие какого-то элемента, совсем неизвестного. Раствор, с которым я его лечил, — он указал на Халдриксона, —

я приготовил, прежде чем идти сюда, исходя из определенной информации, что я обладал. Он представляет собой в большой степени соли радия, и в основе его лежит формула Лейба для нейтрализации ожогов, сделанных радием и Х-лучами. Взявшись за этого человека сразу, пока изменения не оказались по-настоящему действительными, я смог все убрать назад. Но после прошествия двух часов, я ничего не смог бы сделать.

Он немного помолчал.

— Затем я изучил природу этих светящихся стенок. Я пришел к выводу, что тот, кто их сделал, кто бы он ни был, знал секрет Всемогущего Бога производства света из самого эфира. Колоссально! Йес! Кроме того, субстанция этих блоков включает в себя атомные — как бы вы сказали? — атомные расстановки, упорядоченное расположение электронов, световую эмиссию и, возможно, бесконечно много всего другого. Эти блоки на самом деле — лампы, йес, в которых масло и фитиль... это электроны, выбивающие световые волны из самого эфира. Прометей — вот первооткрыватель этого! Я поглядел себе на часы, и этот маленький ангел-хранитель предупредил, что время для меня все вышло. Я ушел. Тот, который приходит, вернулся... в этот раз с пустыми руками. И следующей ночью я сделал такую же вещь. Захваченный в исследования, я потерял момент до самой опасной точки, и только что я разместился внутри подземелья, когда эта светящаяся тварюга побежала поверх стен, и в ее лапах держались женщина и ребенок... Потом вы пришли... и все это от меня! А теперь... что знаете вы?

Очень кратко я изложил свою историю.

Время от времени в глазах Маракинова вспыхивали искорки, но он не прерывал меня.

— Большой секрет! Колоссальный секрет! — пробормотал он, когда я закончил рассказывать. — Мы не можем оставить его спрятанным.

— Первым делом надо попытаться открыть дверь, — сказал Ларри, возвращая нас к действительности.

— Это не полезно, мой юный друг, — мягко уверил его Маракинов.

— Все равно — надо попытаться! — сказал Ларри.

Мы прошли назад тем же путем по извилистому туннелю, но вскоре даже О'Киф убедился, насколько безнадежна сама мысль о том, чтобы открыть плиту изнутри. Мы вернулись в зал, где находилась Лунная Заводь. Столбы света стали гораздо бледнее, и мы поняли, что луна садится. Связь с внешним миром скоро прервется! Я начал ощущать жажду... и голубое подобие воды внутри серебристого ободка теперь мне казалось огромным глазом, который насмешливо подмигивал, когда мой взгляд останавливался на нем.

— Йес! — Маракинов словно каким-то чудом прочел мои мысли. — Йес! Мы будем сильно захотеть пить. И это станет очень плохо для того, кто потеряет свой контроль и попьет отсюда, мой друг. Йес!

Ларри распрямил плечи, словно отбрасывая от себя тягостные мысли.

— Чудное местечко, ничего не скажешь. Тут и самого развеселого ангела прошибла бы трясучка, — сказал он. — Я предлагаю осмотреться кругом и поискать, нет ли другой возможности выбраться отсюда. Держу пари, что люди, построившие это место, предусмотрели гораздо больше способов попасть сюда, чем парадный вход, действующий три дня в месяц, через который мы сюда попали. Вот что, доктор, —

вы с Олафом идите вдоль левой стены, профессор и я пойдем направо.

Ларри красноречивым жестом расстегнул кобуру одного из своих пистолетов.

— Только после вас, профессор, — вежливо поклонился он русскому.

Мы разделились и отправились на разведку.

Начиная с арки, через которую мы вошли, зал плавно расширялся, по всей видимости, следуя дуге круга невероятных размеров. Мерцающие стены заметно выгибались, и по их кривизне я прикинул, что крыша, должно быть, находится футах в трехстах у нас над головой.

Пол был вымощен гладкими, со слабым желтоватым отливом блоками, плотно, как детали мозаики, подогнанными друг к другу. В отличие от блоков, из которых были сложены стены, они не испускали свет. Излучение этих последних, как я уже заметил, обладало своеобразным свойством загустевать на расстоянии нескольких ярдов от источника — именно это-то и создавало эффект дымки, скрадывающей истинное расстояние до источника света. Пока мы шли, яркость семи столбов света, берущих начало из кристаллических шаров, что плавали высоко над нашими головами, равномерно ослабевала; свечение внутри зала постепенно теряло свою спектральную окраску и приобретало такой же тускло-серый цвет, какой дает луна, пробивающаяся сквозь тонкий слой облаков.

Вдруг перед нами, прямо из стены, выросла терраса. Она вся целиком была сделана из перламутрового камня розового цвета и украшена изящными, стройными колоннами, вытесанными из точно такого же камня. Фасад террасы, высотой около десяти футов, украшал барельеф с рисунком, представлявшим собой что-то вроде коротких побегов лозы, увен-

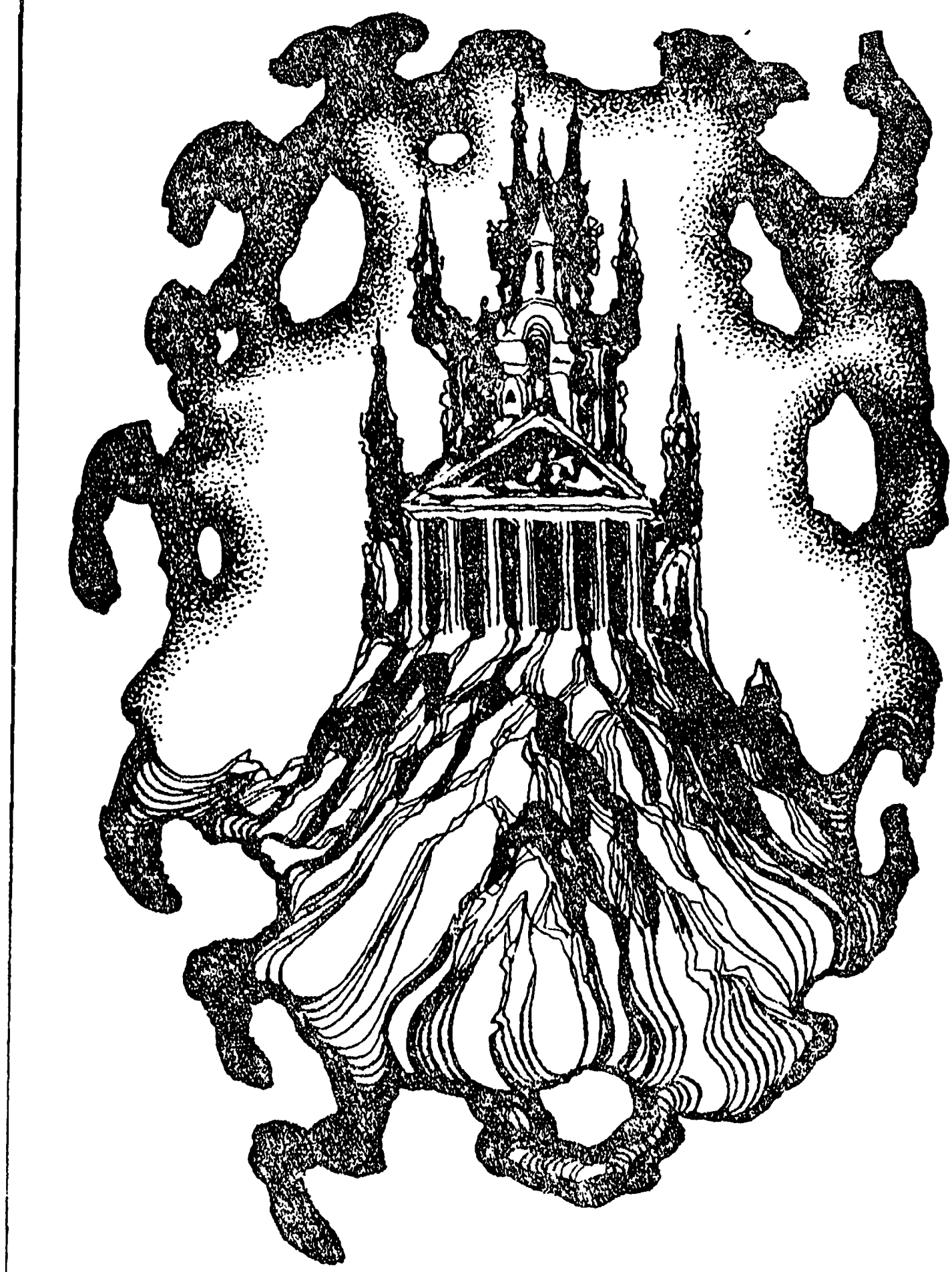
чанных пятью стебельками. Каждый стебель заканчивался цветком.

Мы двинулись вдоль крутого изгиба террасы; вскоре я услышал приветственный оклик и увидел стоящих впереди — шагах в пятидесяти от меня, у закругленного края стены, совершенно идентичной той, у которой стояли мы, — Ларри и Маракинова. Очевидно, правая сторона зала ничем не отличалась от уже исследованной нами левой части. Мы встретились. Прямо перед нами колонны террасы, отступая вглубь футов на сто, образовывали альков; в задней части ниши находилась еще одна стена из такого же розового камня, но резные лозы и цветы были на ней гораздо крупнее и массивнее.

Мы подошли поближе, и... норвежец ахнул с благоговейным восхищением, Маракинов гортанно вскрикнул.

Ибо на стене, а точнее внутри нее, прямо у нас на глазах начало просвечивать большое овальное пятно, постепенно разгораясь почти до яркости пламени. Оно сияло ровным светом, словно бы позади камня находился источник света, лучи которого пронизывали камень насквозь.

Вот внутри светло-розового овального пятна появились охваченные огненным ореолом две тени; на какой-то миг неподвижно замерли, и затем словно выплыли на поверхность камня. Тени колебались, язычки пламени, окружающие их, пульсировали, так что ярко-алые трепещущие кончики то втягивались внутрь этих фигур, то выстреливали обратно. Еще несколько раз огненные язычки быстро прошили тени и втянулись обратно. Призрачные пятна обрели резкие и отчетливые контуры, и внезапно перед нами предстали две фигуры.



Одна из них была девушка... Да, девушка с огромными глазами золотого цвета. Глядя на них, я вспомнил легенду о сказочных лилиях Хуан-Иня*, появившихся на свет от поцелуя солнца, подаренного янтарной богине, которую демоны изваяли для Лао-Дзы. Ее мягко очерченные губы краснели как королевский коралл, а волна золотисто-бронзовых волос спускалась до самых колен.

Вторая фигура оказалась гигантской лягушкой... причем лягушкой-женщиной. На голове у нее красовался шлем из черепахового панциря, вокруг которого обвивалась узкая полоска отливающих желтизной драгоценных камней, громадные круглые глаза голубого цвета окружала широкая кайма зеленого цвета, чудовищное полосатое, оранжевое с белым, туловище опоясывали виток за витком сверкающие желтые драгоценные камни. Она была, пожалуй, футов шести в высоту, не меньше, перепончатые пальцы одной из ее коротких, мускулистых передних лап покоились на белых плечах девушки.

Должно быть, прошло немало времени, пока мы, остолбенев от изумления, разглядывали это невероятное призрачное видение. Две фигуры, казавшиеся почти столь же реальными, как и те, что стояли рядом со мной, вовсе не походили на фантомы; скорее, можно было предположить, что это чьи-то изображения, спроецированные на стену.

Они стояли совсем рядом с нами: золотоглазая девушка и похожая на карикатуру женщина-лягушка, отчетливо различимые каждой своей черточкой и линией, и все-таки меня не оставляло ощущение, что они отделены от нас невероятно большим расстоянием, как будто — попытаюсь выразить почти невыразимое! — две фигуры, которые мы видели перед собой, завершали собой ряд бесконечного числа

звеньев тянущейся издалека, вытянутой в одну линию, связанной цепочки изображений; наши глаза видели из них только ближайшее, в то время как мозг какой-то своей способностью более высокого порядка, нежели зрение, осознавал и регистрировал вереницу остальных, невидимых глазу.

Громадные глаза женщины-лягушки, не мигая, взирали на всю нашу компанию: слабые фосфоресцирующие искорки вспыхивали внутри металлической зелени, кольцом окружающей ее глаза. Она стояла, вытянувшись во весь рост на раскоряченных ногах; чудовищная, слегка приоткрытая ротовая щель обнажала ряд белых, острых и колючих, как ланцеты, зубов; огромная лапа, покоившаяся на плече девушки, наполовину покрывала шелковистую кожу; торчавшие из пяти перепончатых пальцев длинные желтые когти блестели, резко контрастируя с нежным телом.

Но если женщина-лягушка глядела на всех нас сразу, то с девушкой из розовой стены дело обстояло иначе. Ее взгляд был прикован к одному только Ларри, она не сводила с него глаз, в которых ясно читалось не просто любопытство, а какое-то значительно более глубокое чувство. Девушка была высокой, значительно выше, чем в среднем бывают женщины, почти такого же роста, что и Ларри, лет двадцати, так мне показалось, не больше. Неожиданно она наклонилась вперед, напряженное выражение золотых глаз смягчилось, и в них появилась нежность; красные губы задвигались, словно она заговорила.

Ларри быстро шагнул вперед, и его лицо в эту минуту походило на лицо человека, который после многочисленных смертей и рождений наконец-то обрел родственную душу, потерянную века назад. Жен-

щина-лягушка обратила глаза на девушку, ее невероятно большие губы зашевелились — я понял, что она говорит! Девушка, словно бы стараясь привлечь внимание Ларри, выставила вперед ладонь, и затем, подняв ее, положила каждый пальчик на один из пяти цветков резной лозы, находившейся поблизости. Один, два, три раза нажала она на сердцевинки цветков, при этом я отметил, что рука у нее была необыкновенно длинная и гибкая, а пальцы с вытянутыми кончиками напоминали тонкие удлиненные пальцы, с какими художники, которых мы называем примитивистами*, изображали на своих картинах деву Марию.

Трижды она нажала на цветок и затем еще раз выразительно поглядела на Ларри. Медленная сладостная улыбка изогнула малиновые губы. Она страстно протянула к нему обе руки, и неожиданно вспыхнувший румянец разлился по белой груди и нежному, как цветок, лицу.

Словно погасший экран в кинематографе, потемнел пульсирующий овал, и золотоглазая девушка с женщиной-лягушкой исчезли!

Вот так произошла первая встреча Лаклы — служительницы Молчащих Богов и Ларри, когда сердца их открылись друг другу.

Ларри стоял, не отрывая от камня восхищенных глаз.

— Эйлид, — услышал я его шепот. — Эйлид, чьи губы краснеют, подобно красным гроздьям рябины, а волосы сияют, как золотистая бронза...

— Определенно, это семейство лягушкообразных, — сказал Маракинов, — развившихся в процессе эволюции первобытных лабиринтозубых, вы видели ее зубы? Йес?

— Ясное дело, лягушкообразные, — ответил я, — но из вида котелкоголовых, отряд хвостатых.

Я даже не мог представить себе, что Ларри способен на такое бурное негодование, когда он с возмущением накинулся на нас.

— Что вы мелете... о каких-то там первобытных и котелках? — заорал он. — Это была девушка — чудная девушка... самая настоящая, и она ирландка, или я не О'Киф.

— Мы говорили о женщине-лягушке, Ларри, — сказал я примирительным тоном.

Он посмотрел на нас как ненормальный.

— Послушайте, — сказал он, — если бы вы оба оказались в садах Эдема в тот момент, когда Ева срывала яблоко, вы, верно, не нашли бы свободной минутки, чтобы взглянуть на нее, занятые подсчетом чешуек на змее.

Ларри широким шагом устремился к стене. Мы последовали за ним.

Остановившись, Ларри протянул руку к цветкам, на которых лежали удлиненные пальчики золотоглазой девушки.

— Вот сюда она положила свою ручку, — пробормотал он и безмятежно нажал на резные чашечки — один, два, три раза — точно так же, как это сделала девушка...

Мягко и бесшумно стена начала расщепляться надвое: обе половинки огромного камня медленно повернулись вокруг оси, и нам открылся входной проем, и за ним — узкий коридор, подсвеченный тем же самым розоватым сиянием, которое испускали язычки пламени, окружающие тени на стене.

— Приготовь свое оружие, Олаф, — сказал Ларри. — Мы идем следом за Золотыми Глазками, — бросил он, повернувшись ко мне.

— За Золотыми Глазками? — тупо отозвался я.

— Да, следом за ней, — сказал Ларри. — Она пришла, чтобы указать нам путь. И я пойду вслед за ней даже к черту на рога.

Мы переступили порог. Впереди — О'Киф, потом мы с Маракиновым, последним шел норвежец. Ларри и Олаф держали в руках по пистолету.

С правой стороны на расстоянии нескольких футов коридорчик круто обрывался, упираясь в прямоугольный полированный камень, от которого шло слабое розоватое свечение. Крыша у нас над головой находилась меньше чем в двух футах над головой О'Кифа.

Слева от нас поднималась примерно на высоту четырех футов плавно закругленная загородка, протянувшаяся от стены до стены.... а позади нее чернела беспросветная тьма — абсолютная и ужасающая, которая, казалось, свидетельствовала о бесконечных глубинах. Розовое свечение, окружающее нас со всех сторон, обрезалось этой чернотой так резко, словно она была материальна: розовый свет мерцал и колебался, будто наткнувшись на какую-то преграду.

Столь отчетливо создавалось впечатление зловещей и неестественной силы, присущей этой густой, как чернила, непрозрачной субстанции, что я отпрянул назад, и Маракинов вместе со мной. Но только не Ларри! В сопровождении Олафа он твердым шагом подошел к загородке и заглянул за нее. Потом подозвал меня.

— Посветите-ка туда вашим фонариком, — сказал он, показывая вниз, в кромешную тьму.

Маленький кружок электрического света, подрагивая, словно от страха, опустился вниз и уперся в поверхность, которая, по моим представлениям, больше всего походила на черный лед.

Я поводил фонариком в разных направлениях, обегая ее кружком света. Пол коридора был сделан из вещества настолько гладкого, настолько отполированного, что ни один человек не смог бы пройти по нему; коридор спускался под уклон с постепенно увеличивающимся углом.

— Да, без тормозов на ногах тут не удержаться, — задумчиво произнес Ларри. — Разве что съехать на заднице!

Машинально он провел ладонями по краю загородки, наклонившись над которой он стоял. Вдруг Ларри замер в нерешительности, а затем крепко сжал ее руками.

— Тут что-то странное, — воскликнул Ларри. Правая ладонь у него лежала на плавно очерченной выпуклости, на которой располагались три маленьких закругленных выступа. — Что-то странное, — повторил он... и вдавил пальцами зубчики.

И тут раздался резкий щелчок. Створки дверей, которые открылись, чтобы пропустить нас, быстро сомкнулись снова; странная быстрая вибрация сотрясла нас, поднялся ветер и засвистел над нашими головами.

Ветер все усиливался, пока не превратился в пронзительный визг, затем рев, и потом перешел в ровное мощное гудение, отзываясь на которое, наши тела мучительно содрогались, словно готовые рассыпаться на мельчайшие атомы.

Розовая стена в мгновение ока стянулась в светящуюся точку и исчезла!

Окутанные со всех сторон непроглядной, непроницаемой чернотой, мы мчались с бешеной скоростью, падали вниз, будто нас вышвырнули с ужасающей силой... но куда?

Мы неслись, сопровождаемые гудением обезумевшего ветра, с молниеносной скоростью разрезая почти осязаемую темноту. Мне вдруг пришла в голову дикая, абсурдная мысль, что, должно быть, именно так только что освободившаяся душа мчится сквозь полнейшую тьму запредельного мира, устремляясь к трону Высшего Судии, где сам Господь Бог восседает над всеми светилами Вселенной.

Я почувствовал, что Маракинов теснее прижался ко мне. Взяв себя в руки, я включил свой маленький фонарик. Он осветил Ларри, твердо стоящего на ногах, и Халдриксона, который поддерживал его, обняв за плечи сильной рукой. А затем скорость начала спадать. Я услышал голос Ларри, словно удаленный на расстояние в миллионы миль и заглушаемый шумом неземного урагана. Тонкий и эфемерный голосок едва пробивался сквозь его рев.

— Держитесь! — пищал голос. — Держитесь! Не бойтесь!

Гудение ветра спустилось до уровня рева, прошло стадию свистящего визга и постепенно снизилось до ровного шума. В наступившей относительной тишине голос Ларри обрел прежнюю силу и сочность тона.

— Вот это прокатились, а? — крикнул он. — Как на саночках с ледяной горы. Послушайте... не иначе, как они устроили тут Кони-Айленд или Хрустальный дворец: жмешь покрепче в эти дырки — скорость возрастает до предела — ослабишь давление — скорость уменьшается. А изгиб этого... щитка управления устроен так, что заставляет ветер проноситься над нашими головами... как над ветровым стеклом. Что там сзади?

Я посветил фонариком назад. Устройство, на котором мы стояли, заканчивалось другой стеной, в точности подобной той, за которую держался О'Киф.

— Ну, по крайней мере, мы отсюда не свалимся, — засмеялся он. — И теперь, черт возьми, я знаю, где тормоза. Эй, берегись!

Мы с головокружительной быстротой ринулись вниз по кажущейся бесконечной наклонной плоскости, под крутым углом уходящей вниз. Мы падали... падали, будто в бездну, затем из густой черноты резко влетели в дрожащее зеленое свечение. Должно быть, О'Киф слишком сильно прижал пальцами управляющие нашим движением зубчики, потому что неслись мы почти со скоростью света. Краем глаза я мельком уловил проблеск светящегося безмерного пространства, по краю которого мы скользили. Из немыслимой глубины вспорхнули, осеняя необозримые дали, гигантские тени... словно крылья Израэля — если верить арабским легендам, они так широки, что могут накрыть собой мир, подобно гнезду... и затем снова окунулись в густую черноту.

— Что это было? — послышался голос Ларри.

Все-таки даже его взяло за живое: голос звучал почти с благоговейным ужасом.

— Трольдом! — гаркнул Олаф.

— О черт! — отозвался Маракинов. — Это же космос.

— Как вы считаете, доктор Гудвин, — продолжил он после небольшой паузы, — любопытная штучка, разве нет? Мы знаем, или, по крайней мере, девять из десяти астрономов верят, что Луну вышвырнуло вон из того самого региона, который мы называем сейчас Тихим океаном во времена, когда Земля была похожа на густую патоку: немножко расплавленная, я бы сказал. И разве не странно, что тот, который выходит из Лунной залы, требует лунных лучей, чтобы двигаться? И разве это не многозначительно, что тот камень зависит от Луны для

своего открывания? Йес! И наконец — такое пространство в чреве матери-земли, какое только что замелькало перед нами, оно не могло быть выдрано ничем другим, кроме разве что при рождении чего-то гигантского... вроде луны. Йес? Я не выдвигаю вперед это утверждение, как факт... нет! Но как предположение...

Я вздрогнул: в самом деле, его слова могли многое объяснить: например, неизвестный элемент, который реагировал на лунный свет и открывал дверь; голубую заводь с ее непонятными радиоактивными свойствами; силу, что таилась в ее глубинах и активизировалась потоками лунных лучей...

Не таким уж невероятным представлялось предположение, что колоссальную бездну, которая образовалась после того, как наша планета родила своего спутника, затянула тонким слоем пленка, что материнское чрево не закрылось напрочь, когда сияющее дитя Земли вырвалось наружу... да, это вполне могло случиться. И, в конце концов, что такое наши познания о земных глубинах, если они охватывают всего лишь четыре мили... это из восьми-то тысяч!

Что там, в сердце земли? Что представляет собой неизвестное излучение какого-то элемента из кратера Тихо? Что представляет собой элемент, неизвестный у нас на Земле и наблюдаемый только в короне солнца при затмении, который мы называем короний-ум*? Как бы то ни было, Земля — это дитя Солнца, так же, как Луна — это дочь Земли. И что представляет собой тот другой неизвестный элемент, который нашли ученые, наблюдая излучение протянувшихся на необозримые пространства Вселенной туманностей и названный учеными небулиум*... он излучает линии зеленого цвета, так же, как светилось то, что мы только что миновали в полете.... Ведь

Солнце — то дитя туманности, так же как Земля — это дитя Солнца, а Луна — это дитя Земли.

И какие еще чудеса преподнесут нам кориниум и небулиум, которые достались нам в наследство, как детям Солнца и туманности? И еще... загадка лунного кратера Тихо, не связана ли она с чревом Земли?

С невероятной быстротой мы приближались к сердцу нашей планеты. И какие удивительные тайны поджидали нас там?

ГЛАВА 12

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

— Послушайте, док, — прервал мои мысли голос Ларри. — Я все думаю про эту чертову лягушку. Мне кажется, это ее ручное животное. Будь я проклят, если я вижу какую-нибудь разницу между лягушкой и змеей, а одна из самых хорошеньких женщин, которых я когда-либо встречал, держала у себя двух ручных питонов, и они ходили за ней повсюду, как котята. Если бы пришлось выбирать между этими чертовыми созданиями... я бы, пожалуй, предпочел лягушку. В любом случае, какую бы тварь ни пожелала держать при себе эта девушка, — это ее дело, будь то хоть прыгающий омар с дюжиной клешней или скорпион размером с кита. Понимаете?

Из чего я заключил, что наши замечания по поводу женщины-лягушки все еще волнуют О'Кифа.

— Он думает о дурацких пустяках, вроде этого глупого моряка, — хмыкнул Маракинов, вкладывая в свои слова максимум язвительного презрения. — Что такое их женщины, сравнивая с... этим? — Он повел рукой и, будто дождавшись сигнала, машина на мгновение замерла, а затем нырнула, можно сказать, ухнула вниз по отвесной прямой, заскользила вперед по какой-то несомненно искривленной траектории, стремительно преодолела подъем... и начала быстро сбавлять свою ужасающую скорость.

Где-то далеко впереди показалась световая точка, она неумолимо надвигалась на нас, превращаясь в огромное светящееся пятно: мы оказались внутри... и тут движение незаметно прекратилось. Только попытавшись встать на ноги и тут же осев назад, я

понял, сколько сил и напряжения потребовало от меня это необыкновенное путешествие: мускулы ног мелко тряслись, не в силах выдержать вес тела.

Машина остановилась в расщелине, проходившей по центру полированной стены зала, пожалуй, около двадцати квадратных футов площадью. В стене, расположенной прямо напротив нас, было пробито отверстие — низкий дверной проем, от которого шел вниз ряд ступеней.

Свет струился из этого не очень большого стенного проема; его нижний порог находился от пола на расстоянии, раза в два превышающем рост самого высокого мужчины. К нему вела винтовая лестница с широкими и низкими ступенями. И сейчас снова обретя способность трезво мыслить, я понял, что с этим светом творилось что-то чрезвычайно непонятное и загадочное. Серебристое, с едва заметным нежно-голубоватым отливом свечение пронизывали ис-

корки мертвенно-розового цвета, но этот розовый цвет отличался от цвета террасы в зале, где лежала Лунная Заводь так же, как розовый цвет опала отличается от розовеющей сердцевины жемчужины. В нем виднелись крошечные светящиеся вкрапления, похожие на пылинки, роящиеся в солнечном луче. Они сверкали ослепительным белым светом, подобно бриллиантовой пыли, и все время беспорядочно двигались, словно живые. И этот свет не отбрасывал тени!

Из овального отверстия дохнуло легким ветерком. Потянуло странным незнакомым ароматом, в котором смешались запахи пряных растений и хвойных деревьев. Этот ветерок, играя с моими волосами и одеждой, оказал на меня удивительно освежающее и бодрящее действие. Сверкающие бриллиантовым блеском

пылинки дрожали и словно пританцовывали от его слабых порывов.

В сопровождении русского я вышел из машины и начал подниматься по закрученным спиралью ступеням, направляясь к входному проему. Там уже стояли О'Киф и Олаф. Я заметил, как изменились их лица, когда они заглянули туда: у Олафа лицо озарилось благоговейным восхищением, у О'Кифа — вытянулось от неописуемого изумления. Я заспешил к ним.

Прежде всего я увидел пространство... пространство, насыщенное таким же лучезарным блеском, который, вспыхивая и снова угасая, пульсировал вокруг нас. Я поглядел наверх, невольно повинуясь инстинктивному побуждению всякого земного человека взглянуть на небо, чтобы обнаружить источник света. Неба не было... по крайней мере, неба в нашем понимании... все заполнял собой искрящийся туман, поднимавшийся в необозримые дали, все равно как в ясный безоблачный день на земле вам кажется, будто лазурь до краев переполняет небесный свод. Сквозь этот туман бежали пульсирующие волны света и вспыхивали стрелы лучей: больше всего это красочное зрелище напоминало сияющие отблески северного сияния, слабые отголоски — октавой ниже — тех бриллиантовых аккордов и арпеджио, которые играют на полюсах Земли. Мои глаза не выдержали такого великолепия. Я отвел их и посмотрел прямо перед собой.

Впереди на расстоянии нескольких миль я увидел исполинские светящиеся утесы, чьи отвесные стены ограждали со всех сторон озеро с молочно-белой опалесцирующей водой. Вне всякого сомнения именно этими, покрытыми блестящей, сверкающей россыпью искр по мерцающей поверхности утесами наводилась

опалесценция озера. Они тянулись слева и справа, так далеко, насколько хватал глаз, и растворялись в лучезарном тумане высоко вверху.

— Поглядите-ка сюда! — воскликнул Ларри.

Я перевел взгляд на то место, куда он показывал. Над озером повисла, протянувшись между колоссальных размеров колоннами, умопомрачительной красоты вуаль, переливающаяся всеми оттенками спектральных цветов. Я бы сравнил ее с многокрасочной тканью, сотканной пальцами дочерей Джина. Прямо перед этой разноцветной завесой и немного выдаваясь с каждой стороны, располагался полукруглый пирс, или, лучше сказать, площадь, сделанная из какого-то блестящего бледно-желтого материала, напоминавшего слоновую кость. На обеих концах полукруга виднелось несколько прилепившихся друг к другу строений с низкими стенами, сложенными из розового камня; каждое из них увенчивал ряд оконечных изящных башенок.

Мы посмотрели друг на друга, — думаю, вид у нас всех в ту минуту был довольно глупый — и снова обратили взоры к выходу.

Толщина стены, в которой находилось отверстие, была не менее десяти футов, и, разумеется, мы могли видеть только то, что находилось выше овального проема выхода.

— Давайте-ка поглядим, что там внизу, — сказал Ларри.

Он выполз на уступ и уставился вниз; все остальные последовали его примеру. Под нами, не далее как в ста ярдах раскинулись обширные сады — и должно быть, так выглядели сады многоколонного Ирама*, которые насадил легендарный царь аддитов Шаддат для своих услаждений еще за многие столетия до всемирного потопа и которые Аллах из

ревности — так утверждают арабские сказки — украл и спрятал от человеческих глаз в центре Сахары, не оставив людям ни малейшей надежды обрести их вновь, и сделал он это потому, что они затмевали красотой его собственные райские сады. Мы увидели внизу море цветов и рощицы ажурных, похожих на папоротники деревьев, среди которых гнездились украшенные колоннами павильоны и беседки.

Стволы деревьев были окрашены в яркие изумрудные, алые и лазурно-голубые цвета, а цветы, чье благоухание доносилось даже сюда, сверкали как драгоценные камни. Между деревьев просвечивали стройные колонны нежнейших палевых тонов. Я обратил внимание, что беседки были двойные... точнее сказать — двухэтажные, и что они как-то странно были запачканы непрозрачными для глаз кругами, квадратиками и прямоугольниками; еще я заметил, что над многими из них простиралась что-то вроде темной пленки, укрывая их подобно крыше: у меня не создалось ощущения, что эта непрозрачная субстанция материальна — больше всего она походила на легкую, непроницаемую для света тень.

Этот город садов насквозь прорезала широкая оживленная магистраль, блестевшая, как зеленое стекло, и перекрытая через равные промежутки изящными арками мостов. Дорога упиралась в широкую площадь, где на фундаменте из такого же серебристого камня, который окаймлял валиком Лунную Заводь, возвышалось исполинское сооружение, украшенное семью террасами; а вдоль дороги проносились какие-то забавные скорлупки, чем-то напоминающие по внешнему виду лодку Наутилуса. Там внутри сидели... человеческие фигуры! А по обе стороны от дороги между ровными рядами деревьев прохаживались другие люди!

Справа мы заметили отблеск еще одной магистрали с таким же изумрудным покрытием. Между этими двумя дорогами раскинулись плодородные сады, спускаясь к самой кромке опалесцирующей воды, обрамленной светящимися утесами и таинственной завесой.

Вот так случилось, что мы впервые увидели город Двеллера — проклятый и ненавистный, как ни одно место на свете: ни на земле, ни под землей, никогда не было и не будет ничего более прекрасного и ужасного, что под силу создать творцу, — или, если угодно — Всевышнему!

— О черт, — присвистнул Маракинов. — Невероятно!

— Трольдом, — прохрипел Олаф Халдриксон, — это Трольдом!

— Слушай, Олаф, — повернулся к нему Ларри. — Пошли ты свой Трольдом к чертям собачьим. Это не Трольдом и не сказочная страна. Это даже не Ирландия! Опомнитесь, профессор... — это он сказал Маракинову, — вы что, не видите, что там внизу люди — самые обыкновенные люди! И если там могут жить люди — значит, там смогу жить и я! Ясно?

Нет другой возможности войти куда-то, кроме как войти туда... и нет другой возможности выйти откуда-нибудь, кроме как взять и выйти. Вот здесь для нас лестница. Яйцо — это всегда яйцо, неважно, как оно приготовлено... и люди — это всегда люди, дорогие братья-путешественники, неважно, как они выглядят, — закончил он свою тираду. — Пошли!

И сопровождаемый по пятам нашей троицей Ларри решительно зашагал к выходу.

ГЛАВА 13

ЙОЛАРА, ЖРИЦА СИЯЮЩЕГО БОГА

— Вот что, док, держите-ка его лучше при себе.

О'Киф, остановившись на вершине лестничного марша, протянул мне один из пистолетов, отобранных у Маракинова.

— Я не получу пистолет тоже? — несколько встревоженно поинтересовался русский.

— Когда будет надо, вы его получите, — ответил О'Киф. — По правде говоря, профессор, вы должны еще доказать мне, что вам можно доверять оружие. Вы слишком метко стреляете... из-за угла.

Вспыхнувший было гнев в глазах русского сменился рассудочным холодком.

— Вы говорите всегда, что у вас на голове, лейтенант О'Киф, — высокомерно процедил он сквозь зубы. — Да... я это буду припоминать.

Позднее мне пришлось вспомнить его туманное высказывание: Маракинов в самом деле ничего не забыл.

Построившись в цепочку — с О'Кифом во главе и Олафом, замыкающим шествие, — мы прошли через дыру в стене. Перед нами оказался уходящий вниз круглый ствол шахты, в которую едва просачивался свет из комнаты; по краю шахты закручивались спиралью ступеньки лестницы. Мы осторожно начали спускаться по ним.

Лестничный пролет уперся в круглую стену: мы обомлели — никаких признаков выхода. Круглые камни соединялись друг с другом везде одинаково герметично. Я заметил, что на одной из плиток вырезана лоза, украшенная пятью цветками, и нажал

пальцами на их чашечки, точно так же, как это сделал Ларри в Лунном зале.

Горизонтальная трещина... длиной в четыре фута показалась в стене. Она медленно расширялась, и, когда постепенно утопающая в стене плита опустилась на уровень наших глаз, мы смогли заглянуть в расщелину, образовавшуюся в неожиданно проснувшейся скале. Камень неуклонно опускался, пока не принял устойчивое положение, и тогда стало видно, что этот исполинский клин, вставленный в расщелину, образовывал коридор длиной около ста футов. Каменная плита опустилась до уровня наших ног и остановилась. В дальнем конце туннеля, пол которого, сделанный из полированного камня, минутой раньше герметично соединялся с крышей, виднелся низкий и узкий треугольник выхода. Оттуда струился свет.

— Вперед, и только вперед! — лихо усмехнулся Ларри. — И бьюсь об заклад, что Золотоглазка с нетерпением уже поджидает нас в такси!

Он сделал шаг вперед. Мы последовали за ним, словно на коньках скользя по стеклянной поверхности. Что касается меня, то я живо вообразил мрачную картину нашей дальнейшей участи в том случае, если эта чудовищная глыба поднимется раньше, чем мы выскочим наружу. Мы добрались до конца туннеля и выползли через узкий треугольник наружу.

Мы стояли на широком уступе, покрытом толстым слоем желтого мха. Я оглянулся... и невольно вцепился в руку О'Кифа. Дверь, через которую мы только что вышли, — исчезла! Я увидел лишь обрывистый склон тускло отсвечивающей скалы, к поверхности которой прилепились большущие клочья янтарно-желтого мха. Вокруг подножия скалы обегал выступ, на котором мы стояли, а вершина — если вершина

имела место, конечно, — скрывалась в светящейся дымке у нас над головой, так же, как у сияющих утесов, что мы видели сверху.

— Вперед, и только вперед... и надеюсь, Золотоглазка не опоздает к нам на свидание! — засмеялся О'Киф... но как-то не очень весело.

Мы прошли несколько ярдов вдоль выступа и, завернув за угол, оказались у самого конца моста — одного из тех, чьи изящные очертания мы наблюдали издалека. С этой выгодной позиции мы могли отчетливо видеть проносившиеся под нами машины странной формы: в самом деле — эти сказочно-прелестные скорлупки чем-то напоминали обтекаемую форму «Наутилуса». Водители машин сидели на высоких, выступающих вперед сиденьях, напоминавших завиток раковины. Позади, на высоких грудах подушек, возлежали женщины, полуобнаженные тела которых окутывали яркие шелковые ткани. Из садов, где мы видели беседки и павильоны, выбегали тоненькие, отблескивающие зеленым цветом ручейки и вливались в широкую дорогу, совершенно таким же образом, как это происходит на земле с автомобильными дорогами; взад и вперед по ним проносились волшебные скорлупки.

Громкий возглас раздался в одной из машин — нас заметили. Ее хозяева, размахивая руками, показывали в нашу сторону, привлекая внимание других водителей, которые останавливались и изумленно таращили на нас глаза. Одна скорлупка развернулась и поспешно рванула в обратную сторону. Очень скоро на другом конце моста появилось десятка два людей. Они показались нам чуть ли не карликами — ни один из них не превышал ростом пяти футов, но зато были невероятно широкоплечими и, по-видимому, обладали чудовищной силой.

— Тролли! — высказался Олаф; он подошел к О'Кифу, встал рядом, поигрывая пистолетом.

Однако примерно на половине моста предводитель карликов остановился, отправив назад своих людей взмахом руки, и в одиночку пошел к нам навстречу, выставив ладони вперед в универсальном жесте, истари свидетельствующем о мирных намерениях.

Карлик остановился, разглядывая нас с неприкрытым любопытством, и мы, в свою очередь, испытующе оглядели его. Карлик оказался на редкость светлокожим с таким же белым лицом, как у Олафа, — гораздо более белым, чем лица всех остальных из нашей компании. Резко выраженные черты благородного, почти классического лица, широко расставленные глаза необычного серо-зеленого оттенка и черные кудрявые волосы — все это делало голову карлика похожей на греческую статую.

Невзирая на малый рост, он вовсе не производил впечатления болезненного уродца. Просторная зеленая туника, сшитая из какого-то, похожего на тонкое полотно материала, ниспадала с могучих плеч. В талии тунику подхватывал широкий пояс, усыпанный драгоценными камнями (мне показалось, что это амазонит). За поясом торчал длинный кривой кинжал, напоминающий малайский крис, икры забинтованы полосками ткани такого же зеленого цвета, что и верхнее одеяние. Ступни ног обуты в сандалии.

Я снова обратил взгляд на его лицо и обнаружил в нем что-то неуловимо искажающее в целом довольно приятное впечатление, которое произвело на меня сначала это лицо, — какая-то смутная затаенная угроза угадывалась в выражении его отчасти злобного, отчасти веселого лица, глумливая усмешка свидетельствовала о жестокосердии и полном пренебрежении к страданиям и горестям других людей... и

что-то в моей душе встревожилось и враждебно насторожилось.

Он заговорил... и, к своему несказанному удивлению, я услышал довольно много знакомых слов — вполне достаточно, чтобы ухватить смысл сказанного в целом. Слова были полинезийские и принадлежали к распространенной на Самоа наиболее древней форме этой языковой группы. Исключение составляли совершенно незнакомые мне слова, по-видимому, архаизмы. Позднее мне довелось узнать, что этот язык находится в такой же связи с нынешним полинезийским, как современный английский соотносится даже не с чосеровским языком[1], а с языком времен Бэды Достопочтенного[2]. Сопоставив некоторые факты, я перестал удивляться, поняв, что мы имеем дело с языком, который являлся основой для всех ныне существующих полинезийских наречий.

— Откуда вы явились, чужеземцы, и как вы нашли дорогу сюда? — спросил зеленый карлик.

Я махнул рукой в сторону утеса, находившегося у нас за спиной. Карлик недоверчиво прищурился. Он выразительно обвел взглядом отвесный склон утеса, по которому не смог бы спуститься и горный козел, и засмеялся.

— Мы прошли через камень, — уточнил я, отвечая на его невысказанную мысль. — И мы пришли с миром, — добавил я.

— Ну что ж, пусть мир будет с вами, — сказал он и с легкой иронией добавил: — Если так пожелает Сияющий Бог.

Он снова пытливо оглядел нас.

---

[1] Чосер — Chaucer (?1340—1400) — знаменитый английский поэт. (*Прим. пер.*)

[2] Бэда Достопочтенный — Bede (?672—735) — монах, английский историк и теолог. (*Прим. пер.*)

— Покажите мне, о чужеземцы, где вы прошли через скалу, — приказал он.

Мы подошли к тому месту в скале, откуда, спустившись по лестнице, явились на свет божий.

— Вот здесь, — сказал я, ткнув пальцем в утес.

— Но я не вижу никакого выхода, — вкрадчиво возразил карлик.

— Он закрылся за нами, — ответил я; и тут впервые понял, сколь невероятно звучит подобное объяснение.

В глазах карлика вновь мелькнул насмешливый огонек. Тем не менее он с важным видом вытащил кинжал и постучал по камню.

— Вы как-то непонятно выражаетесь, — сказал он. — И ваша манера говорить такая же странная, как и смысл ваших ответов. — Он лукаво поглядел на нас. — Интересно, где вы этому научились? Ну ладно, все это вы сможете объяснить *Афио Майе*.

Карлик наклонил голову и широко развел руками, изображая гостеприимное приветствие.

— Соблаговолите пройти со мной, о чужеземцы, — закончил он коротко.

— С миром? — спросил я.

— С миром, — ответил он. И затем, помедлив, добавил: — Со мной, во всяком случае.

— Поспешим же, док, воспользоваться приглашением! — воскликнул Ларри. — Раз уж мы сюда попали, нельзя упускать возможности обозреть местные достопримечательности. — Allons, mon vieux,[1] — весело обратился он к карлику.

Последний, угадав если не смысл, то дух сказанного, посмотрел на Ларри с одобрением, а затем повернулся к огромному норвежцу и, восхищенно ог-

---

[1] Allons, mon vieux (*фр.*) — Вперед, старики.

лядев его с головы до пят, потянулся, чтобы пощупать невероятной величины бицепс.

— Уж Лугур-то вам будет рад меньше всех, — буркнул он себе под нос.

Карлик сделал шаг в сторону и вежливым движением руки пригласил нас пройти. Мы перешли через дорогу. У подножия мостового пролета нас ожидала одна из сказочных скорлупок.

Чуть поодаль сбилось в кучу еще десятка два таких экипажей: их владельцы что-то обсуждали между собой с большим воодушевлением — судя по всему, наши особы. Зеленый карлик махнул рукой, указывая нам на груды подушек, и потом взгромоздился рядом сам. Машина плавно тронулась с места и с бешеной скоростью понеслась по зеленой автостраде, направляясь к огромному сооружению, украшенному семью террасами, причем мы плыли словно по воздуху, без обычного для земных автомобилей грохота и тряски.

Пока мы летели по трассе, я пытался определить, где же находится источник движущей силы, но безрезультатно. Я не увидел никаких признаков приборов и механизмов, хотя и не сомневался, что движение скорлупки зависит от какой-то формы энергии: водитель сжимал в руке маленький рычаг, повороты которого, безусловно, оказывали влияние не только на нашу скорость, но и на направление движения.

Мы резко свернули с дороги и помчались по боковой дорожке, проходящей по одному из садов; вскоре машина плавно затормозила перед украшенным колоннами павильоном. Теперь я увидел, что павильон был значительно больше, чем мне показалось сверху.

Строение, подле которого мы остановились, занимало под собой площадь, как я прикинул, не меньше

акра. По периметру прямоугольника здания через равные расстояния стояли окрашенные в разные цвета изящные колонны; стены представляли собой раздвижные ширмы — что-то вроде японских шодзи.

Зеленый карлик поспешно подвел нас к широким ступеням лестничного марша. По бокам его охраняли огромные, вытесанные из камня змеи, крылатые и чешуйчатые. Наш провожатый дважды ударил в мозаичный гонг, подвешенный между двумя колоннами, и ширма отодвинулась в сторону, открывая за собой просторный холл с разбросанными там и сям низкими диванчиками. На них, развалившись в ленивой истоме, полулежали одетые так же, как наш спутник, и такого же карликообразного вида мужчины; их было человек десять или чуть больше.

Карлики направились к нам ленивой фланирующей походкой, к удивленному интересу, написанному на их лицах, примешивалось уже подмеченное мною нечеловеческое выражение, одновременно сочетавшее в себе злобу и веселость: похоже, что такая характерная смесь чувств была свойственна всем, проживающим в этом подземном мире.

— Афио Майя ожидает их, Радор, — сказал один из карликов.

Зеленый карлик кивнул и, сделав нам знак следовать за ним, направился, пересекая длинный холл, к маленькой комнатке, чья задняя часть была закрыта чем-то темным и непрозрачным: на эти темные пятна я обратил внимание еще когда разглядывал живописную картину из нашего орлиного гнезда на утесе. Так и загоревшись жгучим любопытством, я направился к ней, намереваясь исследовать эту черноту.

Она не походила ни на ткань, ни на вещество: она вообще, по-видимому, не являлась чем-то мате-

риальным, хотя у меня отчетливо сложилось ощущение, что это какая-то преграда. В этом месте происходило полное исчезновение, абсолютное поглощение света; черная вуаль в одно и то же время производила впечатление невещественной и вместе с тем осязаемой субстанции. Я непроизвольно протянул к ней руку и почувствовал, что эта загадочная штука быстро отодвинулась.

— Вы так быстро хотите найти свой конец? — прошептал Радор. — Впрочем, я и забыл, вы ведь не знаете, что это такое, — прибавил он. — Если вы дорожите своей жизнью, ни в коем случае не прикасайтесь к ней. Это...

Он замолчал, ибо внезапно в непроницаемой для света завесе появилось изображение дверного проема, словно она возникла на экране кинематографа. Мы увидели комнатку, наполненную мягким розовым светом. Приподнявшись с кушеток, заваленных подушками, и перегнувшись через низкий, сделанный из какого-то материала, напоминающего джет[1], столик, уставленный цветами и незнакомыми мне фруктами, нас разглядывали мужчина и женщина.

В комнате (по крайней мере, в той части, которую я мог видеть) стояло несколько непривычной формы стульев, сделанных из того же материала, что и столик. Высокие серебряные треножники поддерживали три больших шара; именно от них исходил розовый свет. Рядом с женщиной стоял шар меньшего размера, по его розовой поверхности бежала рябь голубого света.

— Входи, Радор, входите и вы, чужеземцы, — произнес мелодичный голос.

---

[1] Джет — черный янтарь. (*Прим. пер.*)

Радор низко поклонился и, пропуская нас вперед, сделал шаг в сторону. Мы вошли, зеленый карлик последовал за нами; краем глаза я увидел, что дверной проем исчез так же внезапно, как и появился: плотная темная пелена затянула место, где он только что находился.

— Подойдите ближе, чужеземцы. Не бойтесь! — приказал звонкий как колокольчик голос.

Мы приблизились.

Даже у такого хладнокровного, трезвомыслящего ученого, как я, перехватило дыхание при взгляде на эту женщину. Никогда в жизни я не видел женщины прекраснее, чем была Йолара из города Двеллере, и никогда еще женская красота не казалась мне столь пугающей.

Ее волосы цвета спелых колосьев пшеницы обвивались вокруг головы, уложенные в царственную корону над широким белоснежным лбом с соболиными бровями; огромные серые глаза, цвет которых менялся от васильковой синевы до пурпурно-красного, когда она гневалась. Если глаза ее были серого или голубого цвета, то в них плясали маленькие лукавые смешинки, но если они темнели от гнева... то они уже больше не смеялись, о нет!

Яркое шелковое покрывало, небрежно накинутое на полуобнаженное тело, не скрывало от наших глаз сладостных очертаний округлых плеч и грудей, подчеркивая белизну гладкой, как слоновая кость, кожи. Но при всей своей чудной красоте эта женщина производила необыкновенно мрачное и зловещее впечатление. Какая-то бессердечная жестокость угадывалась в ее музыкальном голосе и форме извилистых губ... и что особенно пугало — жестокость бессознательная, естественным образом присущая ее натуре.

Вот девушка на розовой стене — та была действительно прекрасна! И красота ее казалась вполне человеческой и доступной; ее легко можно было представить с ребенком на руках, но эту женщину невозможно было вообразить в таком виде. Над всем ее восхитительно-прелестным обликом витала тень чего-то неземного и противоестественного.

Сладчайшим женским воплощением Двеллера была Йолара, его жрица, такая же прекрасная и отвратительная, как эта нечисть.

ГЛАВА 14

ПРАВОСУДИЕ ЛОРЫ

Пока я разглядывал жрицу, мужчина поднялся и, обогнув стол, направился к нам. Только сейчас я в первый раз посмотрел на Лугура. Он был на несколько дюймов повыше, чем зеленый карлик, и значительно шире его в плечах: с еще большей вероятностью можно было предположить в этом человеке страшную физическую силу, которой, по-видимому, обладали здесь мужчины.

Чудовищные плечи, достигавшие чуть ли не четырех футов в ширину, переходили, постепенно сужаясь, в мощные мускулистые бедра. Грудные мышцы рельефно выделялись под красной туникой. Надо лбом сияла диадема из ярких голубых камней, поблескивающих между густых кудрей серебристо-пепельного цвета.

Женщина заговорила снова.

— Кто вы, чужеземцы, и как вы попали сюда? — Она повернулась к Радору. — Или, может быть, они не понимают наш язык?

— Один понимает и может говорить... но очень плохо, о Йолара, — ответил зеленый карлик.

— Вот пусть он и говорит, — приказала она.

Но тут неожиданно подал голос Маракинов, и я поразился, как бегло и гладко он говорит — гораздо лучше, чем я сам.

— Мы пришли с различными намерениями. Я ищу знания одного рода, он, — Маракинов показал на меня, — другого. Этот человек, — он посмотрел на Олафа, — ищет жену и ребенка.

Серо-голубые глаза со все возрастающим откровенным любопытством внимательно разглядывали О'Кифа.

— А зачем пришел ты? — спросила она Ларри. — Нет, я хочу, чтобы он сам ответил, если сможет, — властно заявила она Маракинову.

Ларри заговорил, запинаясь и останавливаясь, чтобы подобрать подходящее слово: он неважно владел этим языком.

— Я пришел, чтобы помочь этим людям, и еще потому, что меня позвало что-то непонятное мне самому, о леди, чьи глаза подобны лесным озерам в рассветный час, — ответил он с мягким ирландским акцентом, и маленькие веселые чертенята плясали в его глазах, пока он декламировал свои поэтические сравнения.

— Я могла бы найти ошибки в том, что ты сказал, но в целом все понятно, — сказала она. — Что такое лесные озера, я не знаю, и народ Лоры многие сайс лайя[1] не видел рассвета, но я чувствую, что ты хотел сказать.

Глаза ее все наливались и наливались синевой, пока она глядела на Ларри. Она улыбнулась.

---

[1] Позднее я выяснил, что муриане ведут счет времени, основываясь на периодическом изменении излучательной способности светящихся утесов. В тот период времени, когда на земле наступает полнолуние, их светимость очень сильно возрастает. Этот факт, по моему мнению, связан либо с усилением воздействия лунного света, льющегося из разноцветных шаров в Лунную Заводь (а она берет начало именно из светящихся утесов), либо с тем, что излучение светящихся элементов, из которых состояли эти утесы, обладало каким-то загадочным свойством реагировать на усиление лунного света непосредственно, и последнее более вероятно, потому что луна довольно часто бывает закрыта облаками, а феномен увеличения светимости утесов проявлялся всегда в одинаково равной степени.

Время, отделяющее одно такое усиление яркости утесов до следующего, — называется лат. Тринадцать латов образуют лайю. Десять *лайя* — это *са*. Если взять десятью десять раз по десять *са* — будет *сайд* (т. е. тысяча *са*). Десять сайдов называются

— Там, в том мире, откуда ты пришел, многие похожи на тебя? — мягко спросила она. — Впрочем, мы скоро увидим...

Лугур, сверкнув глазами, оборвал ее почти грубо.

— Лучше давай узнаем, как они попали сюда, — проворчал он.

Жрица метнула на него быстрый взгляд, и маленькие смешинки снова заплясали в ее удивительных глазах.

— Да, верно, — сказала она. — Как вы сюда попали?

И опять начал отвечать Маракинов, не торопясь, размышляя над каждым словом.

— В том верхнем мире, — сказал он, — есть очень странные развалины городов, и нынешние обитатели этих мест не знают, кто их построил. Нас заинтересовали эти руины, и мы отправились на поиски знаний мудрецов, которые построили эти го-

---

сайс. Итак, *сайс лайя* — это буквально означает десять тысяч лет.

Отрезок времени, соответствующий нашему земному часу, муриане называют *са*. Надо отметить, что вся их система отсчета времени, безусловно, сложилась из тех понятий, которыми пользовались их далекие предки, обитавшие на земной поверхности, и тех специфических факторов, которыми определяется их существование в этих обширных подземных пустотах.

Вне всякого сомнения, существует еще одна, очень тонкая разница между временем, которым пользуемся мы, и тем временем, которое протекает в этой подземной стране — здесь его движение несколько замедленно. Этот факт находится в полном согласии с хорошо известными принципами теории относительности, из которой следует, что пространство и время не есть понятия неизменные и застывшие, а привязаны к тем условиям, в которых находится наблюдатель. Я довольно часто предпринимал попытки измерить эту разницу, но мне так и не удалось получить полностью удовлетворяющих меня результатов. Я смог только приблизительно оценить, что час нашего времени эквивалентен $1^{5}/_{8}$ часу мурианского. Пожалуй, за эту цифру я рискну поручиться. Получить более подробную информацию, касающуюся теории относительности, читатель сможет, обратившись к специальной литературе по данному вопросу. (*У. Т. Г.*)

рода. Мы нашли какой-то коридор; дорога, ведущая вниз, привела нас к двери в том утесе, про который мы вам уже говорили, через нее мы и вышли наружу.

— Тогда вы нашли то, что искали, — сказала она. — Ибо мы и есть те, кто построил эти города. Но этот выход в скале... где он?

— После того, как мы прошли, выход закрылся за нами; и мы, как ни старались, не нашли потом никаких следов, — ответил Маракинов.

На их лицах показалось такое же недоверчивое выражение, которое мы видели на лице зеленого карлика. У Лугура лицо буквально потемнело от бешенства. Он резко повернулся к Радору.

— Я не смог обнаружить никакого выхода, господин, — быстро ответил зеленый карлик.

Глаза Лугура, когда он вновь повернулся к нам, налились такой лютой злобой, что О'Киф украдкой скользнул рукой по бедру, нащупывая пистолет.

— Лучше говорите правду, когда находитесь пе-
ред Йоларой, жрицей Сияющего, и Лугуром, его Прорицателем! — угрожающе вскричал он.

— Это чистая правда, — вмешался я. — Мы шли вдоль туннеля. Там, где он кончался, была вырезана лоза с пятью цветами, — огонь погас в глазах карлика, и я мог бы поклясться, что он побледнел. — Я нажал пальцами на цветочные головки, и дверь отворилась. Но когда мы, пройдя сквозь нее, обернулись, позади нас уже ничего не было, только незыблемая скала. Дверь исчезла.

Я сейчас подыграл Маракинову: если он выкинул из рассказа эпизод с машиной и Лунной Заводью, значит, у него были на то свои соображения, и я тоже повел себя с осторожностью. Кроме того, что-то подспудно предупреждало меня не говорить ничего о предмете, в поисках которого я сюда явился; не упоминать даже имени моего друга, как будто сам

Трокмартин настоятельно и властно повелевал мне не делать этого.

— Лоза с пятью цветами? — воскликнул красный карлик. — Не была ли она похожа на эту, вот, смотрите?

Он выбросил вперед длинную руку. В широком кольце, надетом на большой палец, тускло светился голубой матовый камень, на котором был выгравирован такой же символ, что мы видели на розовой стене в Лунной Заводи и с чьей помощью нам удалось преодолеть две преграды. Но поверх лозы находились семь кружков — по одному над каждым цветком и еще два, больших размеров, которые перекрещивались с пятью более маленькими.

— Да, то же самое, — сказал я, — но вот этого не было, — я указал на кружки.

Женщина судорожно вздохнула и пристально уставилась на Лугура.

— Это знак Молчащих Богов, — тихо сказал он, почти прошептал.

Женщина первая оправилась от потрясения.

— Чужестранцы устали, Лугур, — сказала она. — Они отдохнут и покажут нам место, где открылся камень.

Я почувствовал неуловимую перемену, происшедшую в их отношении к нам; появился какой-то неожиданный интерес, а к прежнему недоверию, видневшемуся на их лицах, теперь присоединились тревога и озабоченность.

Что так напугало их?

Почему, услышав про лозу, они так переменились? И кто... или что были Молчащие Боги?

Глаза Йолары обратились на Олафа и, посуровев, снова сделались холодного серого цвета. Подсозна-

тельно я отметил, что норвежец с самого начала смотрел только на эту пару, ни на что другое не отвлекаясь; он, можно сказать, не отводил от них глаз. Еще я заметил, что во время разговора жрица все время незаметно бросала в его сторону быстрые взгляды.

Норвежец безбоязненно встретил ее испытующий взгляд, лишь легкое презрение отразилось в ясных глазах — он походил на ребенка, разглядывающего змею, которой он не боится, но, однако, хорошо знает, как она опасна.

Йолара беспокойно поежилась под его взглядом, несомненно угадав, что о ней думает норвежец.

— Почему ты так смотришь на меня? — крикнула она.

На лице Олафа появилось недоумевающее выражение.

— Я не понимаю, — сказал он по-английски.

Я поймал вспыхнувший и тут же погасший огонек в глазах О'Кифа. Он так же, как и я, отлично знал, что Олаф должен все понимать. А Маракинов? Догадался ли он?

Нет, видимо, он ничего не понял. Но зачем же Олафу понадобилось ломать комедию?

— Этот человек из тех краев, которые мы называем северными, — с расстановкой проговорил Ларри. — Он помешанный, так мне кажется. Он рассказывает странную историю... о каком-то холодном огне, который забрал его жену и ребенка. Мы случайно наткнулись на него, когда он блуждал по морю. А поскольку он очень сильный, мы решили взять его с собой. Вот так, о леди, чей голос слаще, чем мед диких пчел!

— Призрак холодного огня? — переспросила она.

— Да, призрак холодного огня, который крутился под луной и издавал звуки, похожие на звон маленьких колокольчиков, — ответил Ларри, внимательно наблюдая за ней.

Жрица посмотрела на Лугура и засмеялась.

— Тогда ему тоже повезло, — сказала она, — ибо он попал в такое место, где обитает призрак холодного огня... И скажите ему, что, когда придет время, он присоединится к своей жене и ребенку, это *я* ему обещаю.

Ни малейшего признака понимания сказанного не отразилось на лице норвежца, и в этот момент мое мнение об интеллекте Олафа круто изменилось: в самом деле, надо было обладать незаурядной силой воли, чтобы, понимая все, что говорится, сдерживать свои чувства.

— Что она сказала? — спросил он.

Ларри перевел на английский.

— Отлично! — сказал Олаф. — Просто отлично!

Он посмотрел на Йолару с хорошо разыгранным чувством благодарности. Лугур, который давно уже изучающе оглядывал его фигуру, подошел ближе и пощупал мускулы гиганта; Олаф, наклонившись, услужливо напряг бицепс.

— Но он еще встретится с Вальдором и Тахолой, прежде чем увидит свое семейство, — лицемерно усмехнулся карлик, — и если он возьмет верх над ними... то получит в награду жену и ребенка!

Судорожная дрожь пробежала по телу моряка, но он мгновенно овладел собой. Женщина величественно наклонила свою прекрасную голову.

— Эти двое, — сказала она, указывая на русского и на меня, — представляются мне людьми учеными. Они могут оказаться полезными. Что касается этого человека, — она ласково улыбнулась Лар-

ри, — я бы хотела, чтобы он объяснил мне некоторые вещи.

Она помедлила, потом выговорила по слогам:

— Что такое «ми-ед ди-ких пьче-ол»?

Ларри сказал эти слова по-английски, и она пыталась повторить их.

— Что же до этого человека, моряка... поступай с ним по своему усмотрению, Лугур, но все время помни о данном мною обещании, что он соединится со своей женой и ребенком. — Она засмеялась мелодичным и вместе с тем зловещим смехом. — А сейчас... забери их, Радор, дай им еды и питья и пусть они отдыхают, пока мы снова не призовем их к себе.

Жрица протянула руку О'Кифу. Ирландец, театрально склонившись в низком поклоне, нежно прижал ее руку к губам. Лугур что-то прошипел, но Йолара, не обращая на него внимания, не отрывала от О'Кифа нежно заголубевших глаз.

— Ты мне нравишься, — прошептала она.

И лицо Лугура еще больше помрачнело.

Мы направились к выходу. Розовый шар с лазурными переливами — тот, что стоял рядом с Йоларой, внезапно потемнел. Внутри у него что-то зазвенело — словно где-то в отдалении проиграли мелодию маленькие колокольчики. Женщина наклонилась и прижала к нему ухо. Шар завибрировал, и по его поверхности пробежала мелкая рябь тусклого цвета, изнутри послышался невнятный шепот, такой тихий, что я не мог различить слова... если то были слова.

Йолара повернулась к красному карлику.

— Они поймали троих, осмелившихся хулить Сияющего Бога, — сказала она тихо. — Мне пришло в голову показать этим чужестранцам правосудие Лоры. Что скажешь на это, Лугур?

Красный карлик согласно кивнул головой и с каким-то злорадным предвкушением сверкнул глазами.

Женщина опять наклонилась к шару.

— Введите их сюда.

По шару быстро пробежала разноцветная рябь, он потемнел и теперь уже светился только однотонным розовым светом. Снаружи послышалось шарканье множества ног по ковровому покрытию. Йолара нажала гибкой рукой где-то внизу на подставке стоящего подле нее шара. Внезапно повсюду погас свет, и в тот же миг исчезли темные непрозрачные стены, обнаружив за собой очаровательный сад с неведомыми мне растениями, огражденный со всех сторон рядами колонн. Пространство у нас за спиной затянулось мягкими складками занавеса, скрывшего все, что находилось в комнате, а перед нами возник коридор, стены которого образовывали цветастые ширмы. Мы пошли по проходу, битком набитому зелеными карликами, теми самыми, что я раньше видел в холле.

Карлики все прибывали. Я обратил внимание, что у всех них были такие же, как у Радора, черные густые волосы. Толпа расступилась и пропустила вперед три фигуры... Сначал вышел юноша, не более чем двадцати лет от роду, маленького роста, но с такими же широкими плечами, как у всех виденных нами мужских представителей этой расы, потом девушка лет семнадцати (так, во всяком случае, мне показалось) с белоснежным лицом, на голову выше, чем юноша, с длинными черными волосами, в беспорядке разметавшимися по плечам, и наконец, позади этих двоих показалась скрюченная и сгорбенная фигура старика. Голова, глубоко утонувшая меж огромных вздернутых плеч, и белая, до пояса,

борода делали его похожим на какого-то сказочного дряхлого гнома. Глаза его яростно пылали ярким огнем. Девушка с рыданиями бросилась к ногам жрицы, юноша, вызывающе вскинув голову, смотрел на Йолару с усмешкой.

— Так ты и есть Зонгар с Нижних Вод? — беззаботно прощебетала Йолара. — А это, выходит, твоя дочь и ее любовник?

Гном кивнул, и пламя в его глазах вспыхнуло еще ярче.

— До меня дошло, что вы трое посмели возводить хулу на Сияющего Бога, его жрицу и его Прорицателя, — мягко продолжала Йолара. — И еще мне стало известно, что вы обращались с призывом к Троице Молчащих Богов. Это правда?

— Твои шпионы... они все сказали... и разве ты уже не осудила нас? — с горечью проговорил старый карлик.

В глазах Йолары, которые снова приобрели холодный серый цвет, вспыхнула искра. Девушка протянула дрожащую руку к вышитому краю покрывала жрицы.

— Расскажи-ка нам, почему ты все это делал, Зонгар, — сказала жрица. — Почему ты делал это, — угрожающе повторила она, — отлично зная, какая награда ожидает тебя.

Но карлик не испугался, он поднял свои высохшие руки, и глаза его гневно заблистали.

— Потому что злы ваши мысли и злы ваши дела, — крикнул он. — Твои и твоего любовника, вот, — он наставил палец на Лугура. — Потому что из Сияющего Бога вы тоже сделали зло, и все более гнусные выходки придумываете вы... ты и он, вместе с Сияющим Богом. Но я скажу тебе, что вы переоценили свои возможности: история вашего греха

подходит к концу. Да... Молчащие Боги долго терпели, но они скоро заговорят.

Вот они, — карлик указал на нас, — их появление — это предупреждение тебе... шлюха! — выплюнул он последнее слово.

В глазах Йолары, потемневших до черноты, заплясали злобные пурпурные огоньки.

— Даже так, Зонгар? — ласково промурлыкала она. — Ну что ж, тогда проси Молчащих Богов помочь тебе! Хоть они и далеко, но, конечно, слышат тебя.

Мелодичный голос ласкал и дразнил.

— Что касается этих двоих — они будут молить Сияющего Бога о прощении... и, разумеется, он простит их и заберет в свое лоно. Ну, а ты... ты жил слишком долго, Зонгар. Молись Молчащим Богам, Зонгар, и отправляйся в ничто!

Она скользнула рукой за пазуху и выхватила оттуда какой-то отливающий тусклым серебром предмет, по внешнему виду напоминающий маленький конус. Жрица навела его на гнома, и тут же из конуса с резким щелчком выстрелил узкий пучок яркого зеленого света.

Он поразил старого карлика прямо в сердце. Свет охватил со всех сторон тело старика, покрывая его светящейся бледной пленкой. Жрица сжала в ладони конус, и свет исчез. Сунув за пазуху этот странный предмет, она наклонилась вперед, жадно впившись в старика глазами, так же поступили Лугур и остальные карлики. Девушка горько, с надрывом, запричитала; юноша упал на колени, закрыв лицо руками.

На какое-то мгновение белобородый гном застыл недвижимый, затем одеяние, покрывавшее его тело, казалось, стало постепенно расплавляться, обнажая корявое безобразное туловище. И вдруг тело гнома

мелко завибрировало; частота колебаний нарастала с невероятной скоростью. Карлик дрожал и расплывался, как дрожит и расплывается отражение на водной глади, покрываясь мелкой рябью от сильного порыва ветра. Все сильнее и сильнее нарастала вибрация, пока не достигла такого сумасшедшего ритма, что глазам стало невыносимо больно следить за происходящим, и в то же время я не мог отвести их в сторону.

Фигура старика таяла, расплывалась туманной дымкой. Бесчисленное множество крошечных искорок плясало внутри нее. Вся эта картина чем-то напоминала мне эмиссию радия — если наблюдать ее под микроскопом, то хорошо видно, как хаотично двигаются частицы в светящемся потоке. Все быстрей происходило превращение человеческого тела в призрачный туман... вот еще немного постояла перед нами трепещущая, слабо светящаяся тень, сквозь которую там и сям вспыхивали крохотные искрящиеся атомы, похожие на те, что плясали вокруг нас в воздухе... и исчезла. Сверкающие атомы еще какое-то мгновение сохраняли контуры тела, а потом, брызнув во все стороны, присоединились к остальным частицам, танцующим в розовом свете.

Там, где еще несколько секунд назад стояла фигура старика, похожего на гнома, — там больше ничего не было!

О'Киф глубоко вздохнул, а у меня, признаюсь вам честно, зашевелились волосы на голове.

Йолара наклонилась к нам.

— Вы все видели, — сказала она, впившись немигающими, как у рыси, глазами в бледное лицо Олафа. — Так запомните это! — прошептала она и повернулась к человеку в зеленом, который уже беззаботно смеялся с другими карликами.

— Забирай этих двоих, Радор, и отправляйтесь! — приказала она.

— Правосудие Лоры, — торжественно произнес красный карлик. — Правосудие Лоры и Сияющего Бога под властью Танароа*!

Я увидел, как судорожно вздрогнул Маракинов, услышав последнее слово. Опущенной вниз рукой он сделал быстрый незаметный жест, такой мимолетный, что я не успел его хорошенько разглядеть. Красный карлик выпучил глаза, глядя на русского с неописуемым изумлением.

Так же быстро, как Маракинов, он повторил жест.

— Йолара, — заговорил красный карлик. — Я хотел бы на некоторое время взять к себе этого мудрого человека. Гиганта, пожалуй, тоже.

Женщина, очнувшись от своих мрачных дум, кивнула.

— Как хочешь, Лугур, — сказала она.

И когда, потрясенные до глубины души, мы проходили через сад, наполненный трепетным мерцанием, я подумал, неужели все эти крошечные, сверкающие как бриллиантовая пыль точки, которые беспорядочно суетились вокруг нас, тоже когда-то были людьми, такими же, как Зонгар с Нижних Вод... и душе моей стало больно, невыразимо больно...

ГЛАВА 15

РАЗГНЕВАННЫЙ ШЕПОТ ШАРА

Мы шли извилистой тропинкой между пышными куртинами источающих мягкий свет цветущих растений, между клумбами перистых папоротников, чьи пушистые султанчики украшали похожие на звездочки голубые и белые цветы. На усиках гибких ползучих лиан, обвивавших ветви деревьев, стволы которых удивили меня странной непривычной формой, покачивались огненно-красные цветы, пышным великолепием и утонченной хрупкостью напоминающие орхидеи.

Дорожку, по которой ступали наши ноги, украшало мозаичное покрытие, составленное с тонким, изысканным вкусом: пастельные розовые и зеленые цвета на нежном сером фоне. Мозаика изображала крылатых змей, из пастей которых свешивались гирлянды охваченных ореолом пламени цветов, похожих на огненные розы Розенкрейцеров*. Впереди показался небольшой павильончик — одноэтажный, с открытым фасадом.

Ступив на порог, Радор слегка помедлил, низко поклонился и провел нас внутрь. Комната, в которой мы оказались, была довольно большой, с двух сторон ее ограждали серого цвета ширмы, заднюю стену скрывали пестрые занавески. Около одной из боковых стен располагался низкий столик из голубого камня, покрытый тонкой белой скатертью; по бокам стояли диванчики, заваленные грудами подушек.

По левую сторону от стола находился высокий треножник, поддерживающий розовый шар, — точно такой же, как те, что мы видели в доме Йолары. Во

главе стола стоял шар меньшего размера, напоминающий тот, с которым шепотом разговаривала жрица. Радор нажал что-то на его подставке, и еще две ширмы скользнули на место, закрывая вход в комнату.

Карлик хлопнул в ладоши; занавески раздвинулись, и оттуда выбежали две девушки. Они были высокие и гибкие, как ивовые ветви; отливающие синевой черные волосы спадали локонами на белые плечи; ясные глаза, голубые, как незабудки; кожа необычайно нежная и чистая... короче, исключительно привлекательные особы. Наряд каждой состоял из пышной юбочки, едва прикрывающей хорошенькие коленки, и шелкового голубого корсажа, достаточно многое открывающего нашим взглядам.

— Еды и питья, — приказал Радор.

Они опять скрылись за портьерами.

— Они вам нравятся? — спросил нас карлик.

— Какие цыпочки! — причмокнув, мгновенно отозвался Ларри и перевел Радору с английского: — Они услаждают наши взоры!

То, что затем сказал зеленый карлик, заставило меня поперхнуться.

— Они — ваши! — объявил он.

Прежде чем я успел попросить его расшифровать свое потрясающее заявление, девушки вернулись, неся большой поднос с маленькими булочками, незнакомыми нам фруктами и тремя внушительного вида хрустальными графинами: два из них наполняла слабо искрящаяся жидкость, а третий — напиток пурпурного цвета. Я неожиданно остро ощутил, что у меня уже много часов не было ни крошки во рту. Желтые графины поставили передо мной и Ларри, пурпурный — возле Радора.

Девушки по его знаку снова удалились. Я поднес к губам свой бокал и сделал глубокий глоток: вкус был незнакомый, но приятный.

Почти мгновенно с меня как рукой сняло всю усталость, разум прояснился, появилось необычайно приподнятое настроение и, показавшееся мне, как ни странно, удивительно приятным безответственное чувство освобождения от всех забот и тревог. Ларри немедленно опять принялся за свои старые шуточки.

Зеленый карлик, насмешливо прищурившись, поглядывал на нас, постепенно осушая свой графинчик из горного хрусталя.

— Мне не терпится побольше узнать о том мире, откуда вы пришли, — сказал он, наконец. И ехидно добавил: — Пройдя сквозь скалу.

— И нам тоже не терпится побольше узнать о вашем мире, о Радор, — ответил я.

Стоит ли мне расспрашивать его о Двеллере; выяснять, не знает ли он чего-нибудь о Трокмартине? Снова отчетливое, как веско произнесенное слово, пришло приказание воздержаться и ждать. И снова я повиновался.

— Так давайте же учиться друг у друга, — смеялся карлик. — Прежде всего, скажите: вы все там наверху такие... с приветом? — Он выразительно покрутил рукой у виска. — И сколько вас там?

— Нас... — Я заколебался, не зная, как выразиться, и, наконец, как это делают полинезийцы, говоря об очень больших числах, воспользовался аллегорией: — Нас столько, сколько капель воды в этом озере, которое мы видели с утеса, когда вышли к вам... — Потом добавил:. — И сколько листьев на деревьях, растущих в садах вокруг озера. И мы похожи друг на друга... с некоторыми различиями.

Насколько я мог заметить, карлик довольно скептически воспринял мое сообщение относительно численности нашего народа.

— В Мурии, — сказал он, помолчав, — все мужчины похожи или на меня, или на Лугура. Наши женщины, как ты уже понял, похожи или на Йолару, или на этих двух, что прислуживают вам. — Он заколебался, потом добавил. — Есть еще третья, но она только одна!

Ларри страстно наклонился вперед.

— Каштановые волосы с рыжевато-бронзовым отливом, золотые глаза, длинные узкие руки, и вся она восхитительна, как сладкий сон.

— Где ты видел ее? — оборвал его карлик, вскакивая на ноги.

— Видел ее? — Ларри опомнился. — Что ты, Радор, где я мог ее видеть... я просто размечтался, вообразив себе такую женщину.

— Смотри же, не проговорись о своей мечте Йоларе, — мрачно сказал карлик. — Ибо та, о которой я подумал и которую ты так подробно описал, — это Лакла, служительница Молчащих Богов; ни Йолара, ни Лугур, ни сам Сияющий Бог не очень-то жалуют ее, чужестранец.

— А где она живет? — равнодушным голосом спросил Ларри.

Карлик заколебался, с беспокойством оглядывая его.

— Не надо, — ответил он, — больше ничего о ней спрашивать.

— Помалкивай-ка, пока, Ларри о Золотоглазой девушке, — сказал я по-английски. — Подожди до тех пор, пока не станет ясно, почему о ней нельзя говорить.

Карлик, немного помолчав, спросил:

— И чем же вы, которых столько, сколько листьев на дереве и капель воды в озере, чем вы занимаетесь там, в вашем мире? — сказал он с явным намерением переменить тему разговора.

— Любим и воюем, достигаем успеха, надрывая пупок, и умираем, терпим неудачу и тоже умираем, — ответил Ларри, быстрым кивком подтвердив, что он принял к сведению мое предупреждение.

— Ну, в таком случае ваш мир мало чем отличается от нашего, — сказал карлик.

— Как велик ваш мир, Радор? — спросил я.

Он не спешил отвечать, разглядывая меня.

— Насколько он велик, я точно не знаю, — откровенно ответил наконец карлик. — Та земля, где мы обитаем вместе с Сияющим Богом, простирается вдоль белых вод до... — тут он употребил выражение, в котором я ровным счетом ничего не понял. — За этим городом Сияющего Бога на близлежащем побережье белых вод живут майя ладала — простолюдины. — Радор сделал глубокий глоток и подлил себе еще из графина. — Наше общество состоит, во-первых, из тех, у кого белокурые волосы — это потомки древних правителей. Во-вторых, — продолжал он, — это мы, воины, и последние, майя ладала: те, кто сеет и пашет, выделывает ткани и вообще занят тяжелым трудом. Они дают господам и нам, воинам, своих дочерей, и еще, они танцуют с Сияющим Богом.

— А кто управляет вами? — спросил я.

— Нами правят белокурые под руководством Совета Девяти, подвластного Йоларе — жрице, и Лугуру — Прорицателю, — ответил он. — В свою очередь, те подчиняются Сияющему Богу.

Едкая горечь прозвучала в его голосе при упоминании последнего имени.

— А кто были те трое, которых судили? — задал вопрос Ларри.

— Они были из майя ладала, — ответил Радор, — вроде этих двух красоток, которых я отдаю вам. Эти трое стали слишком беспокойны. Им не нравится, видите ли, танцевать с Сияющим Богом, этим охальникам.

Он внезапно рассмеялся резким коротким смешком.

Из его слов у меня в голове мгновенно сложилась картина жизни этой расы: старинная, привыкшая купаться в роскоши вырождающаяся олигархия, объединенная вокруг некоего таинственного божества; класс воинов, на который они опираются, а в самом низу — задавленные и бессловесные толпы тружеников.

— И это все? — спросил Ларри.

— Нет, — ответил тот. — Есть еще Винноцветное Море...

Неожиданно гневно и требовательно затренькал шар, стоящий у нас на столе. С побледневшим лицом Радор повернулся к нему. Из шара, как злобно шипящие насекомые, медленно выползали едва слышные звуки.

— Слушаю, — гаркнул, вцепившись руками в стол, Радор. — Повинуюсь.

Он повернулся к нам лицом, моментально утратившим всю свою злобную веселость.

— Не задавайте мне больше никаких вопросов, чужестранцы, — сказал он. — Пойдемте. Я покажу вам, где вы сможете помыться и лечь спать, когда пожелаете.

Он резко поднялся из-за стола. Мы последовали его примеру. Раздвинув занавески, мы пошли по ко-

ридору и попали в маленькую комнатку, у которой вместо стен стояли ширмы темно-серого цвета. Потолка не было. В комнате находились две кушетки с грудами подушек, а через обрамленный портьерами дверной проем виднелся открытый дворик, где посреди широкого бассейна били струи фонтана.

— Ваша ванная, — показал туда Радор.

Он опустил портьеру и вернулся к нам, дотронувшись мимоходом до резного цветка на стене. Тихий шорох раздался у нас над головой, и в тот же миг верхнюю часть комнаты затянула черная вуаль, непроницаемая для света, но не для воздуха, ибо через нее просачивались струйки ветерка, напоенного ароматами сада. В спальню спустились прохладные сумерки; я почувствовал, как улетучивается моя усталость и в то же время меня неудержимо потянуло в сон. Зеленый карлик показал на кушетки.

— Спите! — сказал он. — Спите и ничего не бойтесь. Мои люди охраняют вас снаружи.

Он подошел поближе, и прежний веселый и издевательский огонек засверкал у него в глазах.

— Но кое-что я вам скажу, — быстро прошептал он. — Уж не знаю, то ли потому, что Афио Майя опасается их язычков, то ли... — и он хохотнул, метнув на Ларри многозначительный взгляд, — но служанки больше не ваши.

Продолжая хихикать, он скрылся за занавеской в дворике с фонтаном, прежде чем я успел выяснить, почему мы получили столь необычный подарок, почему его отобрали назад и что означало его крайне загадочное последнее замечание.

— Давным-давно, в старые добрые времена, — прервал мои мысли мечтательный голос Ларри, — в Ирландии жил Кайрилл Маккайрилл по прозванию

Кайрилл Быстрое Копье. И вот этот Кайрилл чем-то крепко насолил Кивену из Эмайн Абла*, принадлежащего к роду Энгуса, славного и великого народа, когда тот спал, приняв вид бледного тростника. Тогда Кивен наложил на Кайрилла эпитимью: в течение года Кайрилл должен был носить тело Кивена и жить в Эмайн Абла, которая есть не что иное, как Волшебное Царство, а Кивен весь этот год будет носить тело Кайрилла. Так оно и было.

В этот год Кайрилл встретил Имар-Птицу, одну из тех птиц, которые меняют свой цвет то на белый, то на красный, то на черный, и они полюбили друг друга, и от этой любви у них родился сын, Айлиль. И вот, едва родившись, Айлиль взял тростниковую флейту и заиграл на ней. Сначала его игра навеяла на Кайрилла дремоту, потом он наиграл Кайриллу старость, так что он стал весь белый и высохший, а Айлиль все играл и играл, и Кайрилл превратился в тень... а потом в тень от тени, потом от него осталось одно только дыхание, и это дыхание унес ветер. — Ларри содрогнулся. — Как произошло с тем старым гномом, — прошептал он, — которого они называли Зонгар с Нижних Вод.

Ирландец встряхнул головой, словно отгоняя одолевавшие его мысли. Затем, весь подобравшись, продолжал уже совсем другим голосом:

— Но то случилось в Ирландии, много лет назад. А то, что мы видели здесь, — это совсем другое дело, док, — он засмеялся. — Я ничуточки не напугался, дружище! Эта хорошенькая ведьмочка промахнулась. Знаете ли, док, когда подле вас стоит ваш приятель и, полный жизни, веселья, силы и энергии, рассказывает вам, как он собирается перевернуть весь мир вверх тормашками, когда выберется из этой кровавой

заварушки, а бодрость и жизнерадостность так и брызжут из него, док... да, а в следующую минуту кусок проклятой гранаты сносит ему полголовы вместе с радостью, энергией и всем таким прочим... — лицо Ларри исказилось, — знаете ли, старина, по сравнению вот с этим сцена таинственного исчезновения, которую нам демонстрировала эта ведьма, ровным счетом ничего не значит. Для меня, во всяком случае. Но клянусь башмаками Бриана Бору... если бы у нас была такая хреновина на войне, о, тогда дела бы там пошли совсем иначе... да, дружище!

Он замолчал, очевидно, с огромным удовольствием размышляя над этой мыслью. А у меня в этот момент развеялись последние сомнения относительно личности Ларри О'Кифа: я видел, что он верит, причем искренне верит во всех своих баньши, лепрекоунов и во все эти старинные гэлльские выдумки — но только в пределах Ирландии!

Где-то у него в голове, в отдельном ящичке хранились все его суеверия и весь его мистицизм, и проявлялись только тогда, когда Ларри позволял себе расслабиться. Но, стоило ему оказаться перед лицом опасности или трудной проблемы, как ящичек в тот же миг задвигался на место, а Ларри вновь становился обладателем бесстрашного, недоверчивого и крайне изобретательного ума, очищенным метлой скепсиса от всей этой мистической паутины до самого дальнего уголка сознания.

— Потрясающая штука! — глубочайшее восхищение звучало у него в голосе. — Эх, если бы что-то вроде этого было у нас, когда шла война... воображаю, как человек пять-шесть наших чешет прямо через вражеские батареи, а пулеметчики падают как подкошенные, начиная трястись и разваливаться на

кусочки. Ура — и победа за нами! — восторженно заорал он.

— Это все довольно просто объясняется, Ларри, — сказал я. — Эффект связан... я, конечно, не знаю, что собой представляет зеленый луч, но абсолютно ясно, как он действует: суть в том, что он усиливает колебания атомов до такой степени, что разрываются связи между частицами материи; в итоге тело разлетается на мелкие части, точно так же, как это происходит с маховым колесом в том случае, когда скорость его вращения превысит некий предел, и тогда его составные части не могут уже удерживаться вместе.

— И тогда оно разлетается на куски! — воскликнул Ларри.

— Совершенно верно, — кивнул я. — Все во Вселенной участвует в колебательном движении. Вся материя... будь то человек или животное, камень, металл или растение — все состоит из колеблющихся молекул, которые складываются из колеблющихся атомов, а те, в свою очередь, — из поистине бесконечно малых частиц электричества, которые называются электронами. Электроны, эта первооснова всей материи, сами, возможно, представляют собой колебания таинственного эфира.

Если можно было бы взять увеличительное стекло достаточного размера и оптической силы и поместить под него кого-нибудь из нас, то вместо тела мы увидели бы нечто вроде сита с ячейками, нашу так называемую пространственную решетку. И для того, чтобы разрушить эту решетку и отправить нас в небытие, только что и надо, как подействовать на нее неким фактором, который заставит атомы нашего тела колебаться с такой силой, что они наконец сорвутся с невидимых веревочек, связывающих их

вместе, и разлетятся куда попало. Зеленый луч Йолары и есть такой фактор. Именно он вызвал в теле карлика тот сумасшедший ритм колебаний, который мы наблюдали, что и заставило его рассыпаться даже не на атомы... а, скорее, на электроны.

— На Восточном Фронте у нас была пушка — семидесятипятимиллиметровка, — сказал О'Киф, — у каждого, кто стрелял из нее, лопались барабанные перепонки, как бы они ни старались защитить свои уши. Она выглядела как все другие семидесятипятимиллиметровки... но что-то там происходило со звуком, что вызывало такой эффект. Пришлось отдать ее в переплавку.

— Да, это практически то же самое, — ответил я. — Из-за какого-то дефекта собственные частоты этой пушки были другими, что отражалось на барабанных перепонках артиллеристов. Низкий голос тонущей «Лузитании», как известно, сотряс до основания все здание Зингеровского небоскреба, в то время как «Олимпик» оказал такое же действие не на Зингеровский небоскреб, а на Вульвортовский. В каждом из этих случаев были спровоцированы атомные колебания отдельного здания[1]...

Я замолчал, внезапно ощутив сильную сонливость. О'Киф, зевая во весь рот, наклонился, чтобы расстегнуть свои краги.

— Бог ты мой! — воскликнул он. — Я засыпаю. Не понимаю, в чем дело... То, что... вы... говорите... так интересно... — Он снова зевнул... и резко выпрямился. — С чего это вдруг красный воспылал такой любовью к русскому? — спросил он.

---

[1] При всем уважении к д-ру Гудвину мы все же отметим, что в данном случае имело место явление обычного механического резонанса, не имеющее никакого отношения к атомно-молекулярному строению вещества. *(Прим. пер.)*

— Танароа, — ответил я, с трудом удерживая глаза открытыми.

— Что?

— Когда Лугур произнес это имя, я увидел, что Маракинов подал ему сигнал. Танароа, как я предполагаю, это первоначальная форма имени Тангароа — могущественнейшего божества полинезийцев. На островах распространен посвященный ему тайный культ. Маракинов, возможно, тоже принадлежит к нему, во всяком случае, осведомлен о нем. Лугур понял поданный русским знак и, несмотря на удивление, ответил тем же.

— Выходит, он ответил на пароль русского, так? — задумался Ларри. — Как могло случиться, что они оба знают его?

— Культ очень древний, Ларри. Несомненно, он возник еще задолго до того, как этот народ переселился сюда, в далекие, малоизвестные нашей истории времена, — ответил я. — Это звено... одно из немногих звеньев цепочки, соединяющей нынешние времена и затерянные в прошлом.

— Что за черт, — пробормотал Ларри, — проклятое зелье! Я чую запах... Эй, док, это естественная сонливость, как вы думаете? Интересно... где мой... проти... во... газ... — добавил он почти бессвязно.

Но я сам отчаянно сопротивлялся одурманивающей мозги дремоте.

— Лакла! — послышался шепот О'Кифа. — Лакла, девушка с золотыми глазами... а не фея... Эйлид! — он сделал невероятное усилие, чтобы приподняться, и усмехнулся.

— Я решил, что нахожусь в раю, когда увидел ее, док, — вздохнул он. — Теперь-то я знаю, что лучшее на земле место для медового месяца — здесь, в стране этих нелюдей! Они... они овладели нами,

док, — Ларри упал на спину. — Всего наилучшего... дружище, где бы вы ни оказались, не забывайте... меня!.. — он вяло покачал рукой. — Рад... был... познакомиться... надеюсь... увидеть... вас... снова...

Голос Ларри растворился в тишине. Сопротивляясь изо всех сил каждым нервом, каждой клеточкой мозга надвигающемуся на меня сну, я чувствовал, что он неодолимо овладевает мною. Но прежде чем я погрузился целиком в забвение, мне почудилось, будто на стене из серой ширмы, рядом с ирландцем, начал разгораться розовый овал; наблюдая до тех пор, пока мои неумолимо слипающиеся веки не закрылись окончательно, я успел увидеть, как появилась колеблющаяся тень, охваченная язычками пламени: она сфокусировалась и четко обрисовалась на стене... и вот уже, глядя сверху вниз на лежащего Ларри похожими на золотые звезды глазами, в которых боролись сильнейшее любопытство и застенчивая нежность, слегка изогнув губы в сладостной улыбке, стояла девушка по имени Лакла (как ее называл зеленый карлик) — видение, которое призывал Ларри, прежде чем неумолимый сон заставил его замолчать.

Ближе... все ближе подходила она, устремив на нас глаза! И тут я окончательно провалился в небытие!

ГЛАВА 16

ЙОЛАРА ИЗ МУРИИ ПРОТИВ ЛАРРИ О'КИФА

Я проснулся от хорошо знакомого, привычного чувства, будто в темной комнате, где я спал, подняли на окне штору. Угольно-черная вуаль, которая вчера затягивала верхнюю часть спальни, исчезла, и вся комната была залита ярким серебристым светом. С огромным наслаждением я потянулся, разминая тело; от вчерашней усталости не осталось ни малейшего следа, и я чувствовал себя бодрым как никогда, физически и морально. Из дворика, где вчера нам показали бассейн с фонтаном, доносились мощные взрывы смеха и плеск воды. Я прыжком подскочил к двери и отдернул портьеры. О'Киф и Радор как сумасшедшие гонялись друг за другом в бассейне; Радор плавал легко и свободно, словно выдра, выделывая в воде всевозможные фортели.

Так что же, выходит, вчерашний непреодолимый сон был не что иное, как естественная реакция утомленного мозга и до предела вымотанных нервов? Мне пришлось признаться самому себе, что все мои тщетные потуги сохранить бодрость и не заснуть были спровоцированы страхом... да-да, я просто испугался, что меня одолевает та аномальная сонливость, которая в рассказах Трокмартина предвещала появление Двеллера, после чего он забирал свои жертвы.

А то видение, что явилось мне напоследок: золотоглазая девушка, склонившаяся над Ларри? Не было ли это тоже галлюцинацией переутомленного мозга? Ну может так оно и было, я уже ни за что не мог поручиться с уверенностью. В любом случае, ре-

шил я, надо бы рассказать об этом видении О'Кифу, как только мы останемся одни.

А затем, отбросив в сторону все мысли и ощутив мощный прилив жизненных сил, я завопил как мальчишка, скинул с себя одежду и бултыхнулся в бассейн, присоединившись к резвящейся парочке. Вода была теплая; я обратил внимание на какое-то необычное покалывание и пощипывание, из-за чего кровь быстрее побежала у меня по жилам: вода будто массировала кожу, так что в каждой клеточке моего организма забурлила жизнь и энергия. Наконец, всласть наплававшись и наигравшись, мы вылезли из бассейна.

Зеленый карлик быстро накинул тунику и стал ждать, пока Ларри неторопливо облачался в свою форму.

— Афио Майя вызывает нас, док, — сказал Ларри. — Мы должны... ну полагаю, что нас зовут позавтракать с ней. После чего, как сказал мне Радор, мы должны провести сессию Совета Девяти. Сдается мне, что Йолара, как вы уже могли убедиться, любопытна так же, как и всякая женщина из... ну, из верхнего мира. Не стоит заставлять ее ждать... — добавил он.

Ларри стряхнул с себя невидимую пылинку, запрятал пистолет поглубже в рукав и беззаботно свистнул.

— Только после вас, мой дорогой альфонс, — сказал он, отвесив Радору низкий поклон. Карлик хохотнул и, передразнивая Ларри, ответил ему такой же картинной позой. Мы пошли к дому жрицы.

Дав Радору отойти на несколько шагов вперед, я, придержав Ларри, прошептал ему на ухо:

— Ларри, перед тем, как уснуть вчера, ты не заметил ничего необычного?

— О чем вы, док, что я мог видеть? — усмехнулся он. — Да меня будто шарахнуло по башке немецкой гранатой. Я подумал, что на нас напустили какой-то газ. Я уж было собрался устроить сцену трогательного прощания навеки. Если не ошибаюсь, я, кажется, даже приступил к исполнению?

Я молча кивнул.

— Хотя... подождите, — замедлил шаг Ларри, — вообще-то мне снился какой-то странный сон... удивительный сон...

— Какой? — нетерпеливо спросил я.

— Ну, — протянул он. — Я подумал, что мне приснился этот сон, потому что я все время думал... про Золотоглазку. Мне снилось, что она прошла сквозь стену и склонилась надо мной, положив мне на голову свою нежную белую ручку. Я никак не мог поднять веки... но каким-то непостижимым образом все время видел ее. Такое иногда бывает, когда засыпаешь. Почему вы спрашиваете?

Радор повернулся и двинулся нам навстречу.

— Позже, — ответил я. — Не сейчас. Когда мы будем одни.

Но я уже уверился в своем предположении. Чем бы ни являлся тот лабиринт, через который мы попали сюда, что бы ни представляла из себя эта затаившаяся и угрожающая нам нечисть... но Золотая девушка несомненно следит за нами... следит с помощью каких-то неизвестных нам сил, которыми она умеет управлять.

Мы подошли к фасаду, украшенному колоннадой, прошли по длинному, устланному ковром коридору и остановились перед дверью, вырезанной (так мне показалось) из цельного куска бледно-зеленого нефрита: высокая, узкая панель была вставлена в стену из молочного-белого опала.

Радор дважды стукнул и раздался тот же божественный мелодичный звук, похожий на перезвон серебряных колокольчиков, что мы слышали вчера, — уже не в первый раз я позволил себе так выразиться, хотя в этом мире вечного, непреходящего дня слово «вчера» не имело никакого смысла.

Мы вошли в небольшую уютную комнатку. С трех сторон ее ограждали опаловые стены, вместо четвертой стены висела непрозрачная вуаль, в ней виднелось отверстие, ведущее в маленький, обнесенный стеной прелестнейший садик, весь наполненный хрупкими светящимися цветами и окрашенными в нежные тона фруктами. Перед входом в сад стоял маленький столик из красного дерева, и, приподнявшись с подушек, без которых, кажется, не мыслили свое существование здешние жители, нас приветствовала Йолара.

Ларри, вылупив на нее глаза, непроизвольно приоткрыл рот от восторга и низко поклонился. Видимо, на моем лице было написано не менее искреннее восхищение, так что жрица осталась довольна произведенным эффектом.

Сквозь тонкую, как паутинка, ткань бледно-голубого цвета просвечивала белая кожа. Шелковистые, пшеничного цвета волосы были убраны в золотую сеточку с крупными петлями, в которой вспыхивали искорками крохотные драгоценные камни, то ли сапфиры, то ли алмазы. Бирюзовые глаза жрицы блестели так же ярко, как эти камни, и когда они останавливались на гибкой, ладно скроенной фигуре ирландца и на его узком, точеном лице, я каждый раз замечал в них огонек неприкрытого страстного томления. Маленькие изящные ступни были обуты в мягкие сандалии, с тонкими ремешками, которые охватывали крест-накрест стройные, изящно выточен-

ные ножки жрицы почти до самых круглых с ямочками коленок.

— Сногсшибательная красотка, — воскликнул Ларри и закатил глаза, прижимая ладонь к сердцу. — Поместите ее на крышу нью-йоркского небоскреба, и она опустошит весь Бродвей, — добавил он, скосив на меня глаз. — Дарю вам это сравнение, док.

Он повернулся к Йоларе, на чьем лице сейчас появилось выражение растерянного недоумения.

— Я сказал, о леди, чьи блестящие волосы опутали сетью мое сердце, что в нашем мире твоя красота ослепляла бы мужчин, словно солнце, превратившееся в женщину, — в цветистых оборотах, которые так и слетали с его языка, высказался Ларри.

Легкий румянец окрасил полупрозрачную кожу. Голубые глаза смягчились, жрица повела рукой, приглашая нас прилечь на подушки.

Черноволосые служанки, неслышные и неприметные, как тени, поставили перед нами фрукты, маленькие булочки и какой-то напиток, от которого поднимались струйки пара, цветом и запахом напоминающий шоколад. Я почувствовал нестерпимый голод.

— Как вас зовут, чужестранцы? — спросила Йолара.

— Этого человека зовут Гудвин, — сказал О'Киф, — а меня можно называть просто Ларри.

— Нет ничего лучше, как сразу встать на короткую ногу при первом знакомстве, — сказал он мне, не отрывая от жрицы восторженных глаз, как будто отвесил ей очередной комплимент.

Видно, она так и решила.

— Ты должен научить меня своему языку, — проворковала она.

— В таком случае у меня будет в два раза больше слов, чтобы говорить о твоей красоте, — любезничал напропалую Ларри.

— Это потребует некоторого времени, — сказал он мне. — Раз уж мы тут оказались, почему бы не устроить этим шутникам Римские каникулы[1], док, а? Годится?

— Ла-арри, — задумчиво протянула Йолара. — Мне нравится, как звучит твое имя. Очень мелодично...

И в самом деле, она словно пропела имя ирландца.

— Как называется твоя страна, Ларри, — продолжала расспрашивать жрица, — а Гудвина?

Она отлично справлялась с английским произношением.

— У меня, о прелестная госпожа, две страны — Ирландия и Америка. У Гудвина только одна — Америка.

Она медленно стала повторять оба названия, одно за другим. Мы воспользовались предоставившейся возможностью и с жадностью накинулись на еду, Йолара снова заговорила, и мы замерли с виноватым видом.

— О, да вы же голодны! — вскричала Йолара. — Ешьте, ешьте, не стесняйтесь.

Она оперлась подбородком на руки и принялась внимательно разглядывать нас; по глазам жрицы было видно, что вся она, словно чаша фонтана, переполнена вопросами. Наконец, не в силах больше справиться с любопытством, она вновь заговорила:

---

[1] Римские каникулы — распространенное выражение в английском языке. Устроить кому-либо римские каникулы означает повеселиться за чужой счет. (*Прим. пер.*)

— Как же так получилось, *Лаарри*, что у тебя две страны, а у Гудвина только одна?

— Я родился в Ирландии, он в Америке. Но я долгое время жил в его стране и полюбил ее от всей души, — ответил Ларри с набитым ртом.

Она понимающе кивнула головой.

— И что, в Ирландии все мужчины похожи на тебя, *Лаарри*? Так же, как у нас все мужчины похожи или на Лугура или на Радора? Мне нравится смотреть на тебя, — сказала она с наивной откровенностью. — И мне уже до смерти надоели наши мужчины, такие как Лугур и Радор. Но они очень сильные, — с живостью добавила она. — Двумя руками Лугур может справиться с десятью, и удержать шестерых, правда, только одной рукой.

Это было нам не очень понятно, и она подняла вверх белые пальчики, иллюстрируя сказанное.

— Мужчин из Ирландии этим не удивишь, о моя прекрасная госпожа, — отпарировал Ларри. — Представляешь, я видел одного нашего парня, который шутя справлялся с десять раз по десять этих наших... как вы называете ту быстроходную штуковину, на которой Радор привез нас сюда?

— Кориал, — ответила она.

— Короче, он справлялся с взятыми десять раз по двадцать нашими кориалами...

— Кориа, — сказала она.

— Да, и все это он проделывал только двумя пальцами. А еще я видел другого парня, так тот мог одним движением руки устроить вокруг себя настоящий ад. Вот так!

— Я не вру, — прошептал он мне. — И обоих я видел на перекрестке сорок второй и пятой авеню, Нью-Йорк, Соединенные Штаты.

Йолара размышляла с явно выраженным сомнением на лице.

— Ад? — спросила она наконец. — Я не знаю такого слова.

— Ну, — ответил небрежно Ларри, — тогда скажи — Мурия. Я пришел к выводу, о услада моего сердца, что это примерно одно и тоже.

Сомнения в голубых глазах не убавилось. Она встряхнула головой.

— На это не способен никто из наших мужчин, — проговорила она после непродолжительного молчания. — И я не думаю, что ты можешь совершать такие подвиги, *Лаарри*!

— Нет, конечно, — непринужденно отвечал О'Киф. — Я никогда и не стремился стать таким сильным. Я летаю, — добавил он небрежно.

Жрица, выпрямившись, поднялась во весь рост, с изумлением уставясь на него.

— Летаешь? — повторила она недоверчиво. — Словно *Зития*? Как птица?

Ларри кивнул головой и, поняв по ее глазам, что она вот-вот взорвется от гнева, поспешно добавил:

— Но не на своих крыльях, Йолара. Я летаю в кориале, который движется в... этом, ну, в воздушном пространстве, ну, док... как это назвать...

Он сделал замысловатый жест, обведя рукой туманную дымку у нас над головами. Потом Ларри вытащил карандаш и бегло набросал эскиз аэроплана на белой скатерти.

— Вот видишь, — сказал он, — так выглядит мой кориал...

Жрица внимательно разглядывала набросок, потом вынула откуда-то из-за пояса маленький узкий кинжал. Этим кинжалом она вырезала из скатерти рисунок Ларри и бережно отложила его в сторону.

— Вот это я могу понять, — сказала она.

— Исключительно интеллигентная молодая женщина, — пробурчал ирландец, — ей бы работать у нас в разведке... глядите-ка, док, как она меня расколола.

— А какие женщины у вас там, наверху, *Лаарри*? — прошептала она. — Они похожи на меня? И многих из них ты любил?

— Ни в Ирландии, ни в Америке нет ни одной женщины хоть немного похожей на тебя, Йолара, — ответил ирландец. — Думаю, тебе это понравится, — тихо добавил он по-английски.

Как и следовало ожидать, жрица приняла слова Ларри с нескрываемым удовлетворением.

— У вас есть богини? — продолжала она.

— Каждая женщина в Ирландии и Америке — это богиня, — незамедлительно последовал ответ Ларри.

— А вот этому я ни за что не поверю, — гнев и насмешка засверкали в ее глазах. — Я знаю женщин, *Лаарри*, и если верно то, что ты сказал, то в вашем мире люди не будут знать покоя.

— Так оно и есть, — ответил Ларри.

Гнев погас в ее глазах, и жрица понимающе рассмеялась переливчатым голоском.

— А какой богине ты поклоняешься, Лаарри?

— Тебе, — не задумываясь, дерзко ответил ирландец.

— Ларри, Ларри, — прошептал я. — Осторожней... не играй с огнем.

Но жрица млела от удовольствия, заливаясь трелями мелодичного смеха, словно позванивали серебряные колокольчики.

— Ты ведешь себя дерзко, *Лаарри*, — игриво сказала она, — предлагая мне свое поклонение. Но мне

нравится твоя дерзость... Однако Лугур очень силен, а ты не из тех, кто... ну, про которых ты рассказывал. И здесь нет твоих крыльев, *Лаарри*!

Она снова залилась смехом.

Ирландец вспыхнул, как спичка; видно было, что слова жрицы задели его за живое.

— Не бойся за меня, — мрачно сказал он. — Лучше бойся за Лугура.

Она перестала смеяться, изучающе оглядела ирландца, легкая загадочная улыбка показалась у нее на губах... такая сладкая, и такая жестокая.

— Ну... там видно будет, — пробормотала она. — Ты сказал, Лаарри, что вы воюете между собой, там, в вашем мире. Чем же?

— О, чем попало, — легкомысленно ответил Ларри, — что подвернется под руку, тем и лупим. У нас есть...

— У вас есть кез?.. Я хочу сказать то, чем я отправила Зонгара в ничто? — быстро спросила она.

— Нет, вы только подумайте, что интересует эту дамочку? — так же быстро отреагировал Ларри. — Нет уж, дудки! Тут я ее запросто обведу вокруг пальца!

— Я сказал ему, о госпожа, — он повернулся к жрице, — что твой голос звучит как серебряный огонь, а твой разум по силе не уступает твоей красоте и влечет к себе души мужчин так же, как твоя миловидность притягивает их сердца. А теперь слушай внимательно, Йолара, ибо то, что я сейчас скажу, — истинная правда.

Отсутствующее выражение появилось в глазах О'Кифа, а в голосе — мягкий ирландский выговор.

— На моей родине, в Ирландии, давным-давно, это было столько лет назад, сколько бы ты прожила на свете, — вот смотри, — он поднял растопыренные

пятерни обеих рук, сжимая и разжимая кулаки раз двадцать. — Так вот, еще тогда могущественные люди моего народа — Туа Де Даннен* умели отправлять людей в ничто точно так же, как это делаешь ты своим кезом. И знаешь, Йолара, как они делали это? Они просто играли на арфах и говорили слова... и эти слова обладали властью над телами и душами людей, и еще они играли на волынках, которые издавали такие волшебные звуки, что люди умирали, услышав эту музыку.

В те времена жил некто Крейвтин, и стоило ему лишь заиграть на своей арфе, как из нее тут же начинали вылетать языки пламени. Они лизали руки слушателей и заставляли их отступать прочь. А еще там был Далуя, родом с Хай Бразиль*, который своей игрой на волынке умел выманивать у людей и животных и вообще у всех живых существ их тени, и постепенно, пока он играл, сами они тоже превращались в тени, так что куда бы Далуя ни шел, его повсюду сопровождали эти тени... они кружились и тихо шелестели, словно ворох сухих опавших листьев. Вот так! А еще у нас был такой Белл Арфист, который мог расплавить своей игрой женские сердца, так что они делались мягкими, как воск, и испепелить дотла сердца мужчин, и еще от его игры на арфе сотрясались могучие утесы, а огромные деревья гнулись до самой земли.

Глаза Ларри мечтательно блестели; жрица слегка отодвинулась от него, и легкая бледность разлилась по ее изумительной коже.

— Я скажу тебе, Йолара, что это все было в Ирландии, было и есть, — голос Ларри окреп и возвысился. — И еще мне приходилось видеть множество людей... если взять всех тех, кто сейчас находится в твоем большом холле вот столько раз, —

он снова сжимал и разжимал кулаки, может, раз десять или больше, показывая, сколько их было, — так вот, все они разлетались на кусочки, превращаясь в ничто, прежде чем твой кез успел бы дотронуться до них... И скалы, могучие, как тот утес, сквозь который мы прошли, взлетали на воздух в мгновение ока, быстрее, чем ты моргнула бы своими голубыми глазками. И все это правда, Йолара... чистая правда! Погоди... эта маленькая штучка, которую ты называешь кез и которой ты уничтожила Зонгара — она при тебе?

Йолара кивнула, завороженно глядя на ирландца: испуг и недоверчивое удивление смешались в ее взгляде.

— Вот, испробуй-ка его на этой вазе.

Ирландец снял со стола хрустальную вазу и поставил ее на пороге двери, ведущей в сад.

— Покажи, как действует твой кез, а потом я покажу тебе, что могу я.

— Лучше я испробую его на одном из ладала... — горячо начала она.

На Ларри словно вылили ушат холодной воды: повернувшись, он с ужасом посмотрел на жрицу.

Йолара опустила глаза.

— Ну, ладно, пусть будет по-твоему, — торопливо проговорила она.

Из-за пазухи она вытянула тускло отсвечивающий конус, навела его на вазу. Зеленый луч вылетел из узкого конца конуса и ударил в хрустальную вазу, но прежде чем на ней сказалось его действие, в руке ирландца мелькнула вспышка света и раздался хлопок пистолетного выстрела: ваза, покачнувшись, разлетелась на мелкие кусочки. Спрятав пистолет так же молниеносно, как и достал его, Ларри стоял перед жрицей с пустыми руками, сурово глядя на нее.

В примыкающем к комнате холле послышались крики и топот ног.

Йолара, сильно побледнев, смотрела на него оцепеневшим взглядом, но голос ее, когда она обратилась к переполошившейся охране, звучал по-прежнему спокойно и мелодично.

— Ничего не случилось... Идите к себе на место...

Когда затихли звуки шагов удаляющихся стражников, она с тем же напряженным лицом повернулась к Ларри... потом поглядела на разбитую вазу.

— Ты сказал правду, — вскрикнула она, — но посмотри, мой кез... он действует.

Я проследил взглядом за ее пальцем. Каждый отбитый кусочек хрусталя мелко вибрировал, разбрызгивая в окружающее пространство мельчайшие светящиеся частицы. Разумеется, ваза была разбита пулей Ларри, но это не избавило ее от разрушительного действия зеленого луча. На лице жрицы появилось торжествующее выражение.

— Скажи-ка мне, о сияющий сосуд красоты, не все ли равно, что произойдет с осколками, после того как ваза уже разбита? — важно и назидательно спросил Ларри.

Выражение триумфа исчезло у нее с лица, и некоторое время Йолара молчала, мрачно о чем-то раздумывая.

— Ага, сработало, — прошептал мне на ухо Ларри. — Думает, чем бы нас еще удивить, держите теперь, док, ухо востро и смотрите, что будет дальше.

Нам не пришлось долго ждать. Сверкая глазами, в которых явственно читались гнев и уязвленная гордость, Йолара хлопнула в ладоши, и что-то прошепнула прибежавшим на зов слугам. Затем, злобно поглядывая на нас, она уселась на место.

— Вы показали мне свою силу, но не думайте, что уже победили, — вы ответили только на мой кез. А теперь ответьте на это! — выпалила она, показывая на садик.

Я увидел, как пригнулись цветущие ветви деревьев, и услышал треск, как будто бы чья-то сильная рука ломала их... но никакой руки не было! Все новые и новые деревья трещали, пригибаясь к земле, некоторые маленькие деревца падали, вырванные с корнем; все ближе и ближе подбиралась к нам полоса искореженных деревьев, а между тем я ничего не видел в серебристом свете, заливавшем садик. Вдруг большой кувшин, стоявший рядом с колонной, взлетел на воздух и, брошенный на пол, с грохотом закрутился у моих ног. Подушки, лежащие подле нас, разлетелись во все стороны, словно их разметало ураганом.

Чьи-то невидимые могучие объятия стиснули меня так, что я не мог пошевелить плотно прижатыми к телу руками, а другая невидимая рука ухватила меня за горло; я почувствовал, что острый как игла кинжал проколол мою рубашку и уже коснулся тела, как раз у самого сердца.

— Ларри! — отчаянно вскрикнул я. Вывернув голову, я увидел, что ирландец тоже оказался в плену невидимых объятий. Но вид у него был абсолютно невозмутимый, отчасти даже восхищенный.

— Не суетитесь, док, — сказал он сквозь зубы. — И помните — она очень хочет выучить наш язык.

Йолара зашлась в приступе издевательского смеха. Она сделала знак, и невидимые руки разжались, кинжал отняли от моего сердца. С неожиданной противной дрожью и слабостью во всем теле я почувствовал, что свободен.

— Ну так как, *Лаарри*? Такое тоже есть у вас в Ирландии? — воскликнула жрица и еще больше затряслась от смеха.

— Неплохо сработано, Йолара. — Голос у ирландца был такой же невозмутимый, как и лицо. — Но знаешь, такое делали в Ирландии еще до того, как Далуя дал сигнал к отбытию своей первой человеческой тени. А вот в стране Гудвина, там делают корабли... это такие кориа, которые плавают по воде, и ты можешь плыть на таком корабле и видеть кругом одно лишь небо и море... так вот эти водяные кориа... каждый из них во много раз больше, чем весь твой дворец.

Но жрица только хохотала.

— Похоже, тут мы вляпались, — прошептал Ларри. — На этот раз пролетели мимо цели. Нет, но какова штучка! Эх, если бы нам удалось разгадать секрет и завладеть ею!

— Нет уж, *Лаарри*, — проговорила, задыхаясь от смеха Йолара. — Нет, не старайся! Крик Гудвина выдал вас.

Мгновенно к ней вернулось прежнее веселое настроение: сейчас она напоминала шаловливого ребенка, радующегося особенно удачной выходке, и, как ребенок, она закричала и захлопала в ладоши: «Сейчас вы поймете, в чем дело».

Снова вызвали слуг. Через некоторое время они быстро вернулись и поставили перед жрицей какой-то длинный металлический ларец. Вынув из-за пояса какой-то предмет, по виду напоминающий маленький карандашик, Йолара сжала его в руке и в тот же миг оттуда вылетел тонкий пучок света, абсолютно ничем не отличающийся от луча электрического света. Она направила его на замок ларчика. Крышка плавно поднялась. Жрица достала из ларца три пло-

ских, овальной формы кристалла слабого розоватого оттенка. Один она вручила О'Кифу, а другой мне.

— Смотрите! — приказала жрица и поднесла третий кристалл к своим глазам.

Последовав ее примеру, я поглядел через стеклышко и, к вящему моему изумлению, у меня перед глазами оказались, словно материализовавшись из воздуха, шесть ухмыляющихся карликов. От макушки до самых пят каждый из них был закутан в такую легкую и воздушную ткань, что через нее полностью просвечивало все тело. Казалось, что эта газообразная ткань дрожит, как живая, нити, из которых она была соткана, непрерывно сбегались и разбегались, словно ртутные шарики. Я убрал от глаз кристалл — в комнате, кроме нас троих, никого не было. Вернул его на место... и снова увидел шестерых карликов, насмешливо скалящих зубы.

Йолара сделала знак рукой, и они пропали совсем, даже глядя через стекло, я никого не видел в комнате.

— Это все из-за их одежды, *Лаарри*, — снисходительно объяснила Йолара. — То, что вы видели, досталось нам от... ну, от Древних Богов. Но, к сожалению, этой одежды у нас слишком мало, — вздохнула она.

— Знаешь, Йолара, такая штука при всей ее ценности может оказаться палкой о двух концах, — задумчиво сказал Ларри. — Откуда ты можешь знать, не крадется ли кто-нибудь из них к тебе, чтобы нанести удар исподтишка?

— Это не опасно, — равнодушно ответила Йолара. — Я их владычица.

Еще какое-то время она сидела, задумавшись, потом резко сменила тему разговора.

— Ну, довольно развлекаться. В назначенное время вы должны будете предстать перед Советом, но ничего не бойтесь. Ты, Гудвин, поезжай пока с Радором, осматривай наш город и увеличивай свою мудрость. А ты, *Лаарри*, жди меня здесь в саду... — Она обворожительно и, вместе с тем, угрожающе улыбнулась ирландцу. — Надо же дать человеку, устоявшему против целого сонма богинь, время, чтобы приготовиться к поклонению, когда он находит свою единственную и неповторимую?

Она искренне, от души рассмеялась, и ушла. Надо сказать, что в этот момент Йолара была мне очень симпатична, ни в прошлом, ни — увы! — в будущем, она не нравилась мне так, как сейчас.

Заметив стоящего снаружи, за открытой нефритовой дверью, Радора, я уже было собрался выйти к нему, как О'Киф схватил меня за руку.

— Постойте минуту, док, — настойчиво зашептал он. — Вы что-то хотели сказать мне о... ну, о Золотоглазке. У меня это не выходило из головы все время, пока мы тут пикировались с этой красоткой.

Я рассказал ему о возникшем перед моими смыкающимися глазами видении. Он внимательно выслушал меня и рассмеялся.

— Тьфу ты пропасть, — усмехнулся он. — Ну никакого уважения к личной жизни в этом проклятом месте! Одни дамы умеют проходить сквозь стены, у других есть шапка-невидимка, позволяющая им вытворять, что вздумается. Да ладно, не стоит из-за этого слишком переживать. Не забывайте, док, — он многозначительно поднял палец, — всему есть естественное объяснение. Эта их тряпка — отличный маскировочный халат. Ах, Бог ты мой, если бы нам удалось свистнуть хоть лоскуток.

— Просто эта ткань пропускает через себя световые волны всей видимой области спектра, или же искривляет их траекторию, все равно как непрозрачные для света предметы поглощают световые волны, — ответил я. — Известно ведь, что человек частично невидим, если рассматривать его в Х-лучах, ну а эта ткань делает его полностью невидимым. Он находится за кадром изображения, как сказали бы киношники.

— Камуфляж! — сделал вывод Ларри. — А что касается этого Сияющего Бога... Ха! — фыркнул он. — Хотел бы я поглядеть, как он схлестнется с баньши О'Кифов. Держу пари, что старое шустрое привидение даст сто очков вперед этой светящейся хреновине, да моя баньши вытрясет из него всю душу, прежде чем он поймет, с кем имеет дело. Бах! Ура! Молодец, малыш!

Я еще слышал, как ирландец, дав волю воображению, весело хихикает, представляя себе картину драки между двумя призраками, когда шел вдоль опаловой стены вместе с зеленым карликом.

Скорлупка уже ждала нас. Я не сразу сел в нее, задержавшись, чтобы обследовать полированные покрытия подъездной дорожки и главной магистрали. Это был обсидиан — вулканическое стекло нежно-изумрудного цвета. Полупрозрачная поверхность без малейшего изъяна или трещинки выглядела совершенно монолитной, без каких-либо признаков соединительных швов или линий. Потом я перенес свое внимание на скорлупку.

— Как она движется? — спросил я у Радора.

По его приказанию водитель дотронулся до потайной пружинки, и внизу под рычагом управления, о котором я уже упоминал в предыдущей главе, появилось отверстие. Там внутри находился малень-

кий кубик из черного кристалла, сквозь стенки которого смутно просвечивал вращающийся с бешеной скоростью огненный шарик, не более двух дюймов в диаметре. Под кубиком располагалась причудливо изогнутая цилиндрическая палочка, вертевшаяся в нижней части корпуса скорлупки.

— Смотри внимательно! — сказал Радор.

Он пригласил меня сесть в машину и занял место рядом со мной. Водитель тронул рычаг, из шарика по направлению к цилиндру вылетела струя сверкающего света. Скорлупка плавно тронулась с места; тонкий пучок светящихся частиц стал шире и тут же возросла скорость нашего движения.

— Кориал не касается дороги, — пояснил Радор. — Он поднят над поверхностью вот на столько, — Радор сложил щепотью большой и указательный пальцы, оставив между ними щелочку примерно в одну шестнадцатую дюйма.

Мне кажется, что сейчас наступил самый подходящий момент, чтобы разъяснить устройство этих скорлупок, или, как их называют в Мурии, кориа. Движущей силой для них служила атомная энергия. Вылетая из вращающегося шарика, ионизированные частицы пронизывали цилиндр и потом попадали на две полоски специального металла, приклеенного к нижней части корпуса, что-то вроде полозьев саней. За счет ударов ионов об эти полозья, возникала сила, частично компенсирующая силу притяжения и легко приподнимающая скорлупку, а заодно создавалась мощная реактивная тяга из-за выброса струи частиц, которую можно было направлять назад, вперед, или в любую другую сторону, по желанию водителя. Создание такого источника энергии и механизм его использования вкратце можно описать следующим образом:

(Ясное и чрезвычайно доступное описание доктором Гудвином действия этого необычайного устройства было изъято из книги Исполнительным Комитетом Международной Ассоциации Ученых из соображений государственной безопасности, дабы не дать наводящие соображения ученым военно-промышленного комплекса Центральной Европы, с которой мы еще недавно находились в состоянии войны. Тем не менее, нет необходимости делать тайну из того факта, что наблюдения доктора Гудвина поступили в распоряжение экспертов нашей страны; к сожалению, у них возникли трудности в дальнейшем исследовании не только из-за дефицита радиоактивных элементов, известных земной науке, но и в связи с тем, что отсутствует элемент (или несколько элементов), входящих в состав огненного шарика, расположенного внутри кубика из черного хрусталя. В любом случае, принцип действия этого механизма настолько прозрачен, что нет никаких сомнений в том, что со временем все трудности будут окончательно преодолены. — *Дж. Б. К.* Президент Международной Ассоциации Ученых.)

Широкая блестящая дорога пестрела разноцветными скорлупками. Они сновали взад и вперед, пулями выскакивая из садов. В машинах, раскинувшись на вездесущих подушках, возлежали белокурые женщины редкостной красоты, словно закутанные в роскошные нарядные ткани принцессы из волшебной сказки, отдыхающие на чашечках цветов. В некоторых кориалах мы видели карликообразных мужчин со светлыми, льняными волосами, похожих на Лугура, в других торчали черноволосые головы офицерской братии Радора; довольно часто попадались девушки с черными, блестящими как вороново крыло, распущенными волосами; и время от времени нам

навстречу шли красотки из низшего сословия в сопровождении какого-нибудь белокурого карлика.

Мы сейчас мчались вдоль крутого изгиба дороги, напоминающего в этом месте сделанную из драгоценного камня чудовищную подкову. Очень быстро с правой стороны дороги к нам стали приближаться сияющие утесы, через один из которых мы вышли, завершив тем самым свое путешествие из Лунной Заводи. Уже были видны облепившие их клочья мха. Эти утесы образовывали собой сплошную преграду, исполинский скалистый рельеф. Впереди, в самом центре выделялся, выступая острым ребром, утес, из которого мы появились; а по обе стороны от него слабо светились провалы, отступающие назад и пропадающие вдалеке.

Изящные грациозные арки мостов, под которыми мы скользили, упирались своими концами в протянувшиеся вдаль и ввысь стены буйно зеленеющей растительности. Каждый проем в стене зелени, где заканчивался конец моста, охраняла небольшая кучка солдат. Через некоторые из них протекали узкие ручейки зеленой обсидиановой дороги. Это были дорожки, ведущие в глубь страны, туда, где жили «ладала», — так объяснил мне Радор, — и добавил, что никто из простолюдинов не имеет права войти в город с павильонами и садами, без специального разрешения или если его не вызвали по делу.

Преодолев резкий поворот, мы вылетели на ту самую отдаленную дорогу, изумрудную ленту которой мы видели, высунувшись из овального отверстия в скале. Перед нами выросли светящиеся утесы и озеро. На расстоянии полумили от них или около того находился последний из вереницы мостов. Этот мост казался гораздо более массивным, нежели остальные, и весь он был словно овеян дыханием старины; чего

я не мог сказать об остальных ажурных конструкциях. Кроме того, гарнизон солдат у этого моста был более многочисленным, а прямолинейный участок дороги у самого его подножия охранялся двумя внушительного вида сооружениями (они являлись, по-видимому, чем-то вроде сторожевых будок), стоявшими по обе стороны от дороги. Что-то в этом зрелище возбудило во мне сильнейшее любопытство.

— Куда ведет эта дорога, Радор? — спросил я.

— В такое место, о котором я ничего не должен тебе говорить, Гудвин, — откровенно заявил карлик.

Любопытство мое сделалось еще более жгучим.

Наша скорлупка плавно сбросила скорость, и мы выехали на огромную пристань. Вдалеке, по левую сторону от нас, между двумя исполинскими столбами повисла переливающаяся всеми цветами радуги таинственная завеса. На молочно-белых водах озера плавали другие изящные скорлупки: точные копии сказочных колесниц эльфов, но только приспособленные для движения по воде. Ни одна из них не подплывала к удивительной завесе ближе, чем на некоторое определенное расстояние.

— Радор... что это? —воскликнул я.

— Это Вуаль Сияющего Бога, — помедлив, ответил он.

Был ли Сияющий Бог тем существом, которое мы окрестили Двеллером?

— А что такое Сияющий Бог? — с нетерпением продолжал расспрашивать я.

На этот раз карлик ничего не ответил. И не открывал рта до тех пор, пока мы не повернули на дорогу, ведущую обратно, к дому Йолары.

Но странное дело, несмотря на живой интерес, пробудивший во мне любознательность ученого, я внезапно почувствовал глубочайшую депрессию и подав-

ленность. Прекрасно, поистине прекрасно было это место, и все-таки к испытываемому мною восхищению примешивалось ощущение какой-то острой пронзительной тревоги, смутной угрозы и невыразимой нечеловеческой скорби: чувство, охватившее меня, могла бы, наверное, испытывать душа, обитающая в недоступных райских кущах, которая вдруг почувствовала на себе взгляд притаившегося в засаде духа зла, — каким-то образом он пробрался в святилище и теперь только выжидает подходящий момент, чтобы наброситься исподтишка.

ГЛАВА 17

ЛЕПРЕКОУН

Скорлупка доставила нас обратно, прямо к дому Йолары. Ларри уже поджидал меня. Мы снова стояли перед мрачной теневой завесой — там, где впервые увидели жрицу и прорицателя Сияющего Бога. Мы стояли и ждали, пока, как и в прошлый раз, с обескураживающей быстротой в стене не появился дверной проем.

На этот раз сцена выглядела иначе. Мы увидели людей, сидящих в ряд за столиком из черного янтаря, среди них — Йолару и Лугура. За исключением единственной женщины, сидевшей по левую руку от жрицы, все остальные были мужчины, и все с белокурыми волосами. Рядом с Йоларой сидела совершенно дряхлая старуха, настолько старая, что я даже примерно не мог определить, сколько ей лет, По чертам сморщенного лица можно было предположить, что в молодости она, должно быть, была невероятной красавицей. Наверное, она не уступала тогда красотой Йоларе, но сейчас эта старая развалина производила поистине устрашающее впечатление: жутковатая злобная радость весело сверкала в запавших глазницах, делая ее похожей на расшалившийся труп.

Нам стали задавать вопросы, — для чего, собственно говоря, все и собрались. И чем дольше продолжался допрос, тем сильнее я поражался происходившей с Ларри переменой. Куда только подевалась вся его ветреность и легкомыслие; редко, очень редко в его ответах давало себя знать присущее ему от при-

роды чувство юмора. Он напоминал мне сейчас опытного фехтовальщика; то нападая, то прикрываясь, Ларри будто осторожно прощупывал своего противника; или еще точнее, его можно было сравнить с шахматистом, хладнокровно обдумывающим сложную комбинацию на несколько десятков ходов вперед. Он вел себя настороженно, сдержанно, вдумчиво. Все время подчеркивал, насколько велика сила народов, живущих на поверхности земли, их возможности, их солидарность.

Вопросов была тьма-тьмущая! Чем мы занимаемся? Наши способы управления обществом? Какую часть поверхности земли занимает вода? Суша? Особенно интересовало их все, связанное с Мировой Войной; они дотошно вникали в причины ее возникновения, в способы ведения. С жадностью расспрашивали, каким оружием мы обладаем. С чрезвычайным пристрастием выпытывали все, что имело отношение к островным развалинам: чем они пробудили интерес у наших исследователей, где расположены и что их окружает, и еще, не может ли случиться так, что кто-нибудь другой найдет это место и проникнет сюда вслед за нами.

Тут я метнул быстрый взгляд на Лугура. Вид у него был не слишком заинтересованный. Интересно, подумал я, рассказал ли ему русский о девушке на розовой стене, которую мы видели в зале, где находится Лунная Заводь, и об истинных причинах нашего здесь появления.

Затем я стал отвечать, как можно более сжато, опуская все, что так или иначе затрагивало упомянутые мной предметы. Красный карлик уставился на меня с не оставляющим никаких сомнений изум-

лением, и я понял, что русский обо всем доложил ему. Точно так же мне было абсолютно ясно, что Лугур утаил полученную информацию от членов Совета, даже от Йолары, а она, в свою очередь, ни словечком не обмолвилась про тот случай, когда выстрел Ларри разнес на кусочки вазу, пораженную кезом. В полнейшем замешательстве, не в силах разобраться во всей этой неразберихе, я уж не знал, что и думать.

Не меньше двух часов подряд мы отвечали на вопросы, затем жрица кликнула Радора и позволила нам уйти.

Всю обратную дорогу Ларри шел мрачнее тучи. Придя в нашу комнату, он беспокойно заметался из угла в угол.

— Эти дьяволы явно что-то замышляют, — наконец проговорил он, остановившись передо мной. — Эта мысль сидит во мне, как заноза в пальце, — никак не могу от нее избавиться. Нам следует готовиться к отчаянной битве — это ясно как день. Чего бы мне сейчас хотелось, так это срочно отыскать Золотоглазку, док. Вы больше не видели ее на стене? — осведомился он с надеждой в голосе.

Я покачал головой.

— Можете смеяться надо мной, сколько влезет, — продолжал Ларри. — Но эта девушка — наша беспроигрышная карта! Если бы намечалось состязание между ней и баньши О'Кифов, я, не задумываясь, ухлопал бы на нее все денежки. — Немного помолчав, он добавил: — После того, как вы ушли, док, со мной приключилась странная история, пока я сидел тут, в саду.

Ирландец торжественно возвысил голос:

— Приходилось ли вам, док, видеть когда-нибудь лепрекоуна?

Я с таким же торжественным видом отрицательно помотал головой.

— Это такой маленький человечек в зеленом, — пояснил Ларри. — Ну не выше вашего колена. Я однажды видел его в Карнторских лесах. Короче, пока я сидел в саду Йолары, и уже почти засыпал, из кустов вышел, помахивая дубинкой, гномик, как две капли воды похожий на того, которого я видел раньше.

— Ничего не скажешь, в скверную историю ты влип, Ларри, avick, — сказал он, — но не надо падать духом, парень.

— Да я вообще-то ничего, держусь, — ответил я, — но уж слишком далеко отсюда до Ирландии, — сказал я, или мне померещилось, что я это сказал.

— У тебя там много друзей, — продолжал он. — Слушайся своего сердца, Ларри, и беги со всех ног туда, куда оно тебя зовет. Да, не могу сказать, чтобы мне хотелось жить в этом месте, — добавил он.

— Я-то знаю, куда тянет меня мое сердце, — сказал я ему. — Оно принадлежит девушке с золотыми глазами и каштановыми волосами, с лебединой шеей и белой грудью, как у Эйлид Прекрасной, но мои ноги не знают куда надо бежать, — так я сказал ему.

— Вот что я пришел тебе сказать, — сказал он. — Смотри, не попадись на удочку к Ван-Нивр, этой гадюке с голубыми глазами, она — дочь Айвора, парень, помни это, и не натвори часом чего-нибудь такого, чтобы девушке с каштановыми волосами не пришлось краснеть за тебя, Ларри О'Киф. Я знал

твоего прапрапрадедушку и знал еще их прадедушку, и хочу тебе сказать, aroon[1], что у всех у вас — О'Кифов, один недостаток: вы думаете, будто сердце у вас так велико, что может вместить в себя всех женщин мира. Сердце, avick, устроено так, что в нем может постоянно жить только одна, — сказал он, — и я скажу тебе, что никакая хорошенькая девушка не захочет пойти жить в такое место, где уже похозяйничали до нее другие, занимаясь стиркой, уборкой, штопкой и стряпней и всем остальным, чем обычно занимаются в доме женщины. Сдается мне, что та, голубоглазая, не очень-то рвется заняться штопкой и стряпней, — добавил он.

— Незачем было проделывать столь долгий путь, чтобы сообщить мне это, — ответил я ему.

— Да, в общем это я так, к слову, — сказал он мне. — Ты еще набьешь себе шишек в этом местечке, Ларри. Можно сказать, все вы попали в лапы к самому черту. Но не забывай, парень, что ты теперь главный в роду О'Кифов, — сказал он мне. — Хоть вся твоя родня готова прийти тебе на помощь, avick, ты должен сам справиться со своей работой.

— Я надеюсь, — сказал я ему, — что баньши О'Кифов сможет найти сюда дорогу, если понадобится... хотя было бы лучше, конечно, чтобы ей не пришлось этого делать.

— Об этом не беспокойся, — сказал он мне. — Не то что бы ей хотелось сорваться со старого обжитого места, Ларри. Но все души твоих предков сейчас только о тебе и думают, aroon. Я чуть не забыл сказать тебе, парень, что твоя баньши уже

---

[1] Aroon *(ирл.)* — *здесь:* между прочим.

привела весь ваш клан в полную боевую готовность, и коли уж она сюда заявится и приведет с собой всю эту ораву, то они поддадут жару этим чертям, прежде чем отбыть обратно. Они такого натворят, что им ураган покажется летним ветерком, гуляющим по Лок Лейн, вот так, парень. Ну вот и все, Ларри! Мы думаем, что голос с Зеленого острова подбодрил тебя, avick. И заруби себе на носу, что ты теперь главный в роду О'Кифов, и я опять повторю тебе, что вся твоя родня только о тебе и думает. Смотри не ударь в грязь лицом, парень, чтобы им не пришлось за тебя краснеть! — сказал он и юркнул в кусты.

— Я посмотрел ему вслед, но там только колыхались ветви.

Выслушав Ларри, я даже не улыбнулся, а если в глубине души и появилось что-то похожее на улыбку, то, поверьте, с большой долей нежности и любви.

— Ну я пошел спать, — резко сказал он, — не сводите глаз со стены, доктор Гудвин!

В промежутках между последующими семью ночами мы с Ларри едва виделись друг с другом. Йолара вцепилась в него мертвой хваткой. Трижды нас вызывали предстать перед Советом, а один раз нам довелось присутствовать на большом празднестве, и я никогда не забуду это грандиозное, потрясающее воображение зрелище. Большей же частью я проводил время в компании Радора. Дважды мы посетили с ним, миновав зеленые заграждения, места проживания «ладала».

Казалось, что эти люди ни в чем не нуждаются. Но повсюду, где бы мы ни появлялись, нас встречала какая-то гнетущая, насквозь пропитанная ненави-

стью, атмосфера. Что-то в этом было иррациональное, не связанное ни с какими объективными причинами. И все-таки это чувство, носившееся в воздухе, было таким сильным, что казалось чем-то осязаемым и материальным.

— Им не нравится танцевать с Сияющим Богом, — постоянно твердил Радор, отметая все мои попытки доискаться истинной причины.

Как-то раз мне пришлось воочию убедиться в справедливости моих предположений. Случайно оглянувшись назад, я увидел белое, искаженное мстительной радостью лицо, выглядывающее из-за ствола дерева, поднятую руку и блеск дротика, летящего прямо в спину Радору. Не задумываясь, я отшвырнул его в сторону. Радор злобно кинулся на меня, но я молча указал вниз, там, еще продолжая вибрировать, лежал на земле маленький метательный снаряд.

— Теперь я у тебя в долгу, — сказал карлик.

Я поднял дротик и внимательно оглядел его. Наконечник его был вымазан какой-то блестящей, студнеобразной пастой. Радор сорвал с дерева, под которым мы стояли, похожий на яблоко плод.

— Гляди-ка! — сказал он.

Радор насадил плод на кончик дротика и в считанные доли секунды, прямо у меня на глазах, плод разложился в гниющую массу.

— Вот что стало бы с Радором, если бы не ты, друг, — промолвил зеленый карлик.

Мне представляется уместным, прежде чем приступить к повествованию второй части этой драматической истории, высказать сейчас несколько отрывочных, не связанных между собой наблюдений.

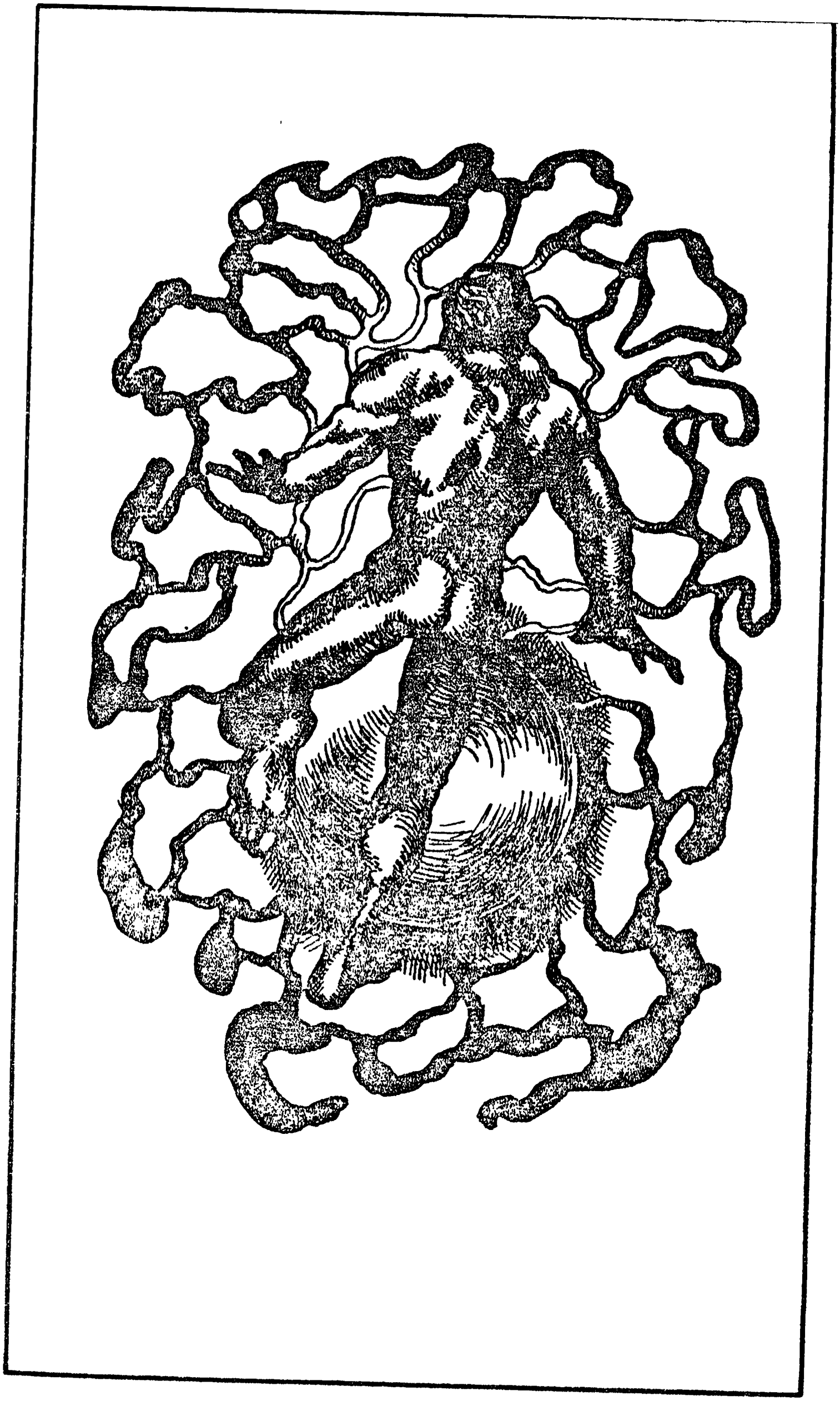
Прежде всего — несколько слов о природе этих непрозрачных до угольной черноты полотен, блокирующих проходы между колоннами павильонов или укрывающих их сверху, подобно крыше. Как я понял, это было просто идеально поглощающее свет электромагнитное поле, полностью гасящее волны излучения на всех частотах в видимой области спектра: можно сказать, что экранирующее действие электромагнитных сил было такой же непроходимой преградой для света, как стальная заслонка.

Попутно они обладали способностью создавать видимость ночи там, где не могло быть никакой ночи. Но воздух или звук проходили сквозь них без всякой помехи. Принцип действия электромагнитных экранов был исключительно прост, и не более загадочен, чем, к примеру, действие стекла, которое, напротив, беспрепятственно пропускает световые волны, но частично задерживает колебания, распространяющиеся в более грубой среде (той, что принято называть воздухом), которые воздействуют на наш слуховой аппарат и которые мы называем звуком.

Вот краткое описание механизма действия этих экранов.

(По тем же самым причинам, по которым было изъято из книги описание действия атомных автомобилей, Исполнительным Комитетом было решено убрать объяснение устройства поглощающих свет экранов. — *Дж. Б. К.* Президент Международной Ассоциации Ученых.)

В среде «ладала» существовало два привилегированных класса — воины и мечтатели. Эти мечтатели представляли собой, как мне кажется, наиболее интересный социальный феномен из всего увиденного мною там. Лишенные возможности расширять свои познания путем изучения внешнего мира из-за спе-



цифики своей среды обитания (уже описанной мною раньше), муриане довели до совершенства удивительную систему ухода от действительности с помощью воображения.

Надо отметить, что все они отличались необыкновенной музыкальностью. Излюбленными инструментами у них были двойные флейты, огромные, построенные из великого множества труб органы, всевозможные арфы, большие и маленькие. Еще я впервые там увидел удивительный инструмент; составленный из шестнадцати — расположенных в две октавы! — маленьких барабанчиков, чье ритмичное постукивание оказывало сильное возбуждающее действие на нервную систему.

Именно их любовь к музыке и послужила причиной нескольких забавных эпизодов, скрасивших наше подземное существование. Как-то раз (как я припоминаю, это случилось после четвертой нашей ночевки) Ларри заявился ко мне с необычайным предложением.

— Пойдемте на концерт, — сказал он.

Мы подкатили к одному из гарнизонов солдат, охраняющих мост. Выстроив десятка четыре стражников в два ряда, Радор призвал всех к вниманию и, к моему величайшему потрясению, повергшему меня в состояние, близкое к прострации, вся эта компания под предводительством О'Кифа грянула луженными глотками английский гимн: «Боже, Храни Короля!» Если учесть, что все действо происходило на глубине в несколько десятков миль под уровнем Англии, то, пожалуй, исполнение звучало вполне прилично. «Пошли ему победу! Счастья и веселья!» — ревели они.

Ларри затрясся от сдерживаемого смеха, поглядев на мое ошарашенное лицо.

— Хорош подарочек для Маракинова, а? — сквозь смех прохрипел Ларри. — Подождите, их еще услышит красный. Он просто лопнет от злости.

— Скоро, док, вы услышите, как сюсюкает наша красотка, когда я научу ее петь одну очаровательную вещичку, — пообещал мне Ларри, пока мы ехали домой, вернее, в то место, которое мы называли своим домом. Озорные искорки так и плясали у него в глазах.

И я услышал. Прошло не так уж много времени, и жрица соблаговолила призвать меня вместе с Ларри пред свои ясные очи.

— Покажи-ка Гудвину, как ты научилась нашему языку, о леди, чьи губы сладкие как мед и горячие как огонь, — ворковал Ларри.

Йолара заколебалась, потом кокетливо улыбнулась Ларри, и тут я услышал, как из этого очаровательного ротика, из прелестного трепещущего горлышка полилась хорошо знакомая мне мелодия. Нежнейшим голоском, словно вызванивая на маленьких серебряных колокольчиках, уснащая пение трелями и фиоритурами, Йолара старательно выводила:

Она лишь птичка в клетке позолоченной —
Прекраснейшее зрелище, друзья...[1]

И так далее, до самого конца.

— Она думает, что это любовная песня, — сказал Ларри, когда мы шли обратно. — Это далеко не весь репертуар, которому я обучил ее. Честно говоря, док,

---

[1] «Птичка в золоченной клетке» и «Забирай-ка свое золото обратно» — популярные в начале XX века кафе-шантанные песенки. (*Прим. С. Троицкого.*)

для меня это единственный способ хоть как-то шевелить мозгами, когда я рядом с ней, — продолжал он, сразу став серьезным. — Она ведьма, дьяволица из ада, вне всякого сомнения. Когда же я начал учить ее песенкам вроде той, что вы сейчас слышали, или «Забери назад свои паршивые деньги», или же некоторым другим старинным балладам, я опять почувствовал себя прежним: ап! — и я снова на коне! Поп-музыка смела начисто всю мистику. «Вот черт! — сказал я себе. — Она же просто женщина».

ГЛАВА 18

ДЖЕТОВЫЙ АМФИТЕАТР

Уже несколько часов подряд я наблюдал за тем, как черноволосые «ладала», потоками струившиеся через мосты, наполняли пешеходную часть дороги, стекаясь ручейками к грандиозному, украшенному семью террасами храму. До сих пор мне еще ни разу не довелось побывать там внутри, да и снаружи это сооружение, превосходящее размерами все остальные, мне приходилось видеть только издали: ненавязчиво, но достаточно твердо, меня все время держали от него подальше, пресекая все мои поползновения рассмотреть его подробнее. Несмотря ни на что, мне все же удалось оценить его размеры — эта монументальная постройка возвышалась никак не меньше, чем на тысячу футов над своим серебристым фундаментом и приблизительно такого же размера был диаметр его круглого основания.

Хорошо бы узнать, думал я, что привлекло в Лору такое несметное множество «ладала» и куда они идут. У всех без исключения головы были украшены венками, сплетенными из самых красивых, мерцающих блестками цветов; и все они: старые и молодые, гибкие, стройные девушки с дразнящим, лукавым взглядом, карликообразные юноши, матери с младенцами на руках, похожие на гномов старики — все они лились нескончаемым потоком, по большей части в полном молчании, с мрачным и угрюмым видом. Едкая горечь светилась в их глазах, что-то еще показалось мне необычным в характерном выражении полузлобного, полувеселого коварства на их лицах... Я пригляделся и стал замечать в толпе то

вызывающе вскинутую голову, то брошенный украдкой угрожающий взгляд.

Вдоль всего пути, по которому они следовали, выстроилось множество солдат, одетых в зеленую форму, а гарнизон того единственного моста, который находился в поле моего зрения, показался мне усиленным по крайней мере вдвое.

Все еще недоумевая, я оторвался от своих наблюдений и направился назад, к нашему павильону, в надежде, что Ларри уже вернулся от Йолары — он находился у нее уже больше двух часов.

Едва лишь я ступил на порог нашего дома, как появился запыхавшийся Радор и в своей обычной экзальтированной и немного смешной манере напустился на меня, но сейчас я почувствовал, что карлик на самом деле нервничает.

— Пошли быстрей, — велел он мне, прежде чем я успел что-то сказать. — Совет принял решение, и *Лаарри* уже ждет тебя.

— Какое еще такое решение? — задыхаясь, спросил я; мы уже торопливо шли по мозаичной тропе, ведущей к дому Йолары. — И почему Ларри ждет меня?

Услышав ответ Радора, я почувствовал, как лихорадочно забилось сердце у меня в груди, а по телу пробежала холодная дрожь панического ужаса и страстного нетерпения.

— Танцует Сияющий Бог, — вот что сказал зеленый карлик! — И вы будете участвовать в богослужении.

Неужели мы наконец-то увидим танцы этого неведомого существа, о которых столько наслышаны?

У Ларри, похоже, начисто отсутствовали мучившие меня дурные предчувствия.

— Вот повезло! — крикнул он, когда мы встретились в большой приемной зале, где сейчас не было ни одной живой души. — Думаю, это стоящее зрелище, док, и скучать нам не придется, хотя после всего, что я видел на фронте, меня трудно удивить, — добавил он, подмигнув мне.

И тут я, вздрогнув, как ужаленный, припомнил, что Ларри не знает о Двеллере ничего, кроме моего невыразительного отчета об этом явлении: ибо нет в человеческом языке слов, способных описать то невероятное сплетение радости и ужаса, которое я испытал... Интересно, подумал я, как повел бы себя Ларри О'Киф, если бы ему пришлось столкнуться с этой тварью, и какими словечками из своего лексикона он бы ее описывал.

Радор начал проявлять нетерпение.

— Пошли, пошли, — подгонял он нас. — Надо еще многое успеть, а времени все меньше!

Радор привел нас в крохотную комнату с фонтанчиком; в миниатюрной чаше бассейна скопилась молочно-белая вода, похожая на огромную жемчужину, оправленную в серебристое кольцо.

— Все моются! — приказал он, и подал нам пример, быстро разоблачившись и плюхнувшись в бассейн. Всего лишь минуту-другую позволил поплескаться нам карлик. Когда мы вылезли и уже было собрались одеваться, он остановил нас.

В этот момент, повергнув меня в состояние крайнего замешательства, впорхнули, без всякого предупреждения, две черноволосые девушки, держа перед собой на вытянутых руках какие-то странные одеяния, отливающие тускло-голубым цветом. Увидев, как мы заметались, прикрываясь чем попало, Радор разразился хохотом. Он забрал от девушек одежду и, все еще посмеиваясь, выпроводил их из комнаты,

потом набросил одно из одеяний на меня. Ткань оказалась на удивление мягкой, хотя явно имела какую-то металлическую структуру: она походила на паутину, сплетенную из тончайших, металлических нитей. Платье плотно застегивалось на горле. Подхваченное в талии широким поясом, оно ниспадало складками до самого пола, причем складки скреплялись между собой полдюжиной свитых петлями шнуров, а на плечах свободно лежал капюшон, напоминающий монашеский куколь.

Радор набросил мне его на голову, так что капюшон полностью закрыл мое лицо, но ткань была такая прозрачная, что я мог все видеть сквозь нее, хотя и несколько расплывчато. Под конец он надел мне на руки длинные перчатки, сделанные из такого же материала, и высокие чулки, носок которых разделялся на пять пальцев, так же как у перчаток.

Увидев наше нескрываемое удивление, Радор снова принялся смеяться.

— Кажется, жрица Сияющего Бога не очень-то доверяет Прорицателю Сияющего Бога, — насмеявшись вволю, сказал Радор. — Эта одежда будет вас охранять от всяких непредвиденных... скажем так, случайностей. Ничего не бойся, Гудвин, — продолжал он доброжелательно, — даже самому Сияющему Богу не позволит Йолара хоть чем-то повредить своему *Лаарри*, и тебе тоже, раз ты его друг. Но я бы не поручился за того белобрысого верзилу с такой же уверенностью. Да, я беспокоюсь за него, ибо он мне тоже полюбился.

— Он будет с нами? — нетерпеливо спросил Ларри.

— Он будет там, куда мы идем, — с мрачным видом отвечал карлик.

Ларри, сразу посуровев, протянул руку и вытащил из кармана своей формы пистолет; запасную обойму патронов он засунул в кармашек, образованный складками пояса, а пистолет пристроил у себя под мышкой.

Зеленый карлик с любопытством следил за манипуляциями Ларри.

— Эта штука, — сказал Ларри, похлопав карлика по плечу, — убивает гораздо быстрее, чем ваш кез. Я возьму ее с собой, чтобы оградить от непредвиденных... случайностей голубоглазого парня, которого зовут Олаф. Если увидишь у меня в руках эту штуку, Радор, то держись от меня подальше, — добавил он выразительно.

Карлик, блеснув глазами, кивнул головой. Он пожал нам обоим руки.

— Что-то должно произойти, — сказал он. — Не знаю, что и как, но что-то случится. Помните твердо — Радор вам друг, и в большей степени, чем вы сами думаете. А теперь — пошли!

Радор повел нас, но не к выходу, а по какому-то идущему с легким наклоном вниз коридору, пока мы не уперлись в глухую стенку, на которой был вырезан какой-то странный знак. Карлик дотронулся до него и точно так же, как это произошло в зале, где находилась Лунная Заводь, стена раскрылась. В конце коридорчика находилась низкая закругленная перегородка, напоминающая панель машины, на которой мы отправились в наше необыкновенное путешествие под землю, но значительно меньших размеров. Заглянув за эту перегородку, я увидел уходящий вниз ствол шахты, но на этот раз слабо светящейся, а не черной, словно обитель леденящей душу тьмы. Радор склонился над перегородкой. Механизм щелкнул и включился; сначала сомкнулись входные двери,

потом скользнули на место створки машины, и мы быстро понеслись вдоль туннеля: ветер как сумасшедший засвистел у нас над головами.

Не прошло и нескольких минут, как машина начала замедлять движение. Она остановилась в маленькой комнатушке, немного больше той, из которой мы начали свой путь.

Достав из-за пояса кинжал, Радор дважды стукнул в стенку рукояткой. В тот же миг панель стены отодвинулась в сторону, открывая пространство, наполненное голубоватой светящейся дымкой. По обеим сторонам открывшегося входа стояло двое карликообразных мужчин. Это были седоголовые старцы, облаченные в мягко спадающие до самого пола одежды белого цвета. Карлики тут же наставили на нас короткие серебряные жезлы.

Радор вынул из-за пояса кольцо и протянул его первому карлику. Тот внимательно изучил кольцо и передал стоявшему рядом с ним; до тех пор пока каждый самым тщательным образом не обследовал поданное кольцо, они не опустили свое необычное оружие. Я решил, что в этих жезлах заключалась та самая, наводящая ужас смертоносная сила, которую здесь называли кезом, позднее оказалось, что я не ошибся.

Нас впустили, и двери сомкнулись за нашими спинами. Место, где мы очутились, имело достаточно необычный вид. Все вокруг, и стены и пол, было облицовано зеленовато-голубым, напоминающим лянис-лазурь, камнем. Вдоль стен размещались высокие пьедесталы со стоящими на них изваяниями из такого же голубоватого камня. Я насчитал что-то около двух десятков статуй, но в призрачном тумане не мог отчетливо различить их контуры. Заунывный

монотонный шум ударил нам в уши, наполняя гулом всю пещеру.

— Это море, — неожиданно сказал Ларри. — Я нутром чую.

Гул перешел в рокочущий грохот, и прямо у наших ног вдруг образовалась трещина. Она прорезала пол пещеры футов на двадцать в длину и тянулась в обе стороны, пропадая в голубоватом, легком мареве. Через расщелину была перекинута одна-единственная узкая каменная плита шириной не более двух ярдов, ничем не защищенная с боков, — не было даже перил.

Четверо жрецов, возглавляя наше шествие, медленно пошли по ней, один за другим. Мы последовали за ними. На середине мостика они преклонили колени. Я тоже остановился и посмотрел вниз. В глубине, на расстоянии десяти футов, с невообразимой скоростью мчался между полированными стенами пропасти поток голубой морской воды. Казалось, что это бездонная пучина. Вода с шумом и ревом проносилась под нами и исчезала в низком сводчатом отверстии, видневшемся далеко справа. Поверхность стремительно несущейся воды блестела, точно клинок из полированной голубой стали. До боли знакомый, наш земной, благословенный запах моря донесся до меня оттуда. Он вдохнул в меня свежие силы и бодрость, и в то же время с щемящей сердце грустью я понял, как стосковался по земле.

Откуда могла попасть сюда океанская вода, изумился я, забыв на мгновение, как мы сами очутились здесь. Неужели мы были ближе к земле, чем мне казалось, или же этот могучий водяной вал извергался из огромной дыры в океанском дне. Один Господь Бог знает, сколько миль отделяет нас, затерявшихся на дне глубочайшей бездны, от поверхности

земли. Я положил себе непременно доискаться до истины, и выяснить, как глубоко мы находимся... должен сказать вам, что я получил ответ, но никогда еще правда не доставалась человеку столь ужасным образом.

Рев воды постепенно затихал, голубоватая дымка рассеялась. Прямо перед собой мы увидели широкие ступени ведущей вверх лестницы, такие же громадные, как те, что привели нас к разрушенной арке и внутреннему дворику Нан-Танаха. Мы стали подниматься по ступеням, лестница постепенно становилась все у́же, и стало видно, что она ведет в небольшое отверстие, из которого струился слабый свет. Мы с Ларри по очереди выбрались через него наружу.

Оказалось, что мы стоим на огромной площадке, сделанной из какого-то блестящего, гладкого вещества, напоминающего слоновую кость. Площадь простиралась перед нами на добрую сотню ярдов или даже больше и потом незаметно уходила в белую воду. Мы оказались лицом к лицу, и очень близко (не более мили) с той великолепной, словно сотканной из разноцветных лучей радуги, завесой, которую Радор называл Вуалью Сияющего Бога. Она явилась нашим глазам во всем своем неземном величии, повиснув между исполинскими колоннами — словно гора, протянув к небу могучие руки, подняла ввысь волшебный стяг, символизирующий наступление утренней зари. Под этой завесой, как кривая турецкая сабля, круто изгибалась полоса пирса, на которой сгрудились кучки слабо отсвечивающих храмовых построек.

Но едва окинув взором эту завораживающую своим величием картину, я почувствовал какое-то странное стеснение в груди и упадок духа, — невыносимая тоска легла мне на душу, словно что-то

огромное, навалившись на меня, сжимало сердце тисками, душило за горло. Я повернулся... и Ларри едва успел подхватить меня, когда я пошатнулся.

— Держитесь, старина! Держитесь, — прошептал он.

Первое, что ухватило мое уплывающее сознание, — это была взметнувшаяся на невообразимую головокружительную высоту стена, при виде которой желудок подкатил у меня к горлу, словно я заглянул вниз, в бездонную пропасть; затем в моем мозгу отпечатались размытые пятна неразличимых белых лиц и еще блеск, нестерпимый блеск сотен и тысяч горящих глаз. Гигантский, невероятных размеров, колоссальный амфитеатр, построенный из черного джета навис надо мной уходящими в поднебесье ярусами, охватывая огромным полукругом площадку из слоновой кости, на которой мы стояли.

Ряды амфитеатра поднимались вверх почти перпендикулярно на многие сотни футов и пропадали в сверкающей дымке, заменяющей здесь небо; с каждой стороны их поддерживали, словно лапы чудовищного зверя, угольной черноты подпоры.

Сейчас, когда первоначальная оторопь от вида этой умопомрачительной громады отпустила меня, я увидел, что это и в самом деле амфитеатр, ярусы которого почти нависают друг над другом, сдвигаясь назад под едва заметным углом; а белые пятна лиц, резко выделяющихся на черном фоне, и бесчисленное множество ярко блестевших глаз принадлежат мириадам людей. Они сидели до ужаса тихо и неподвижно, украшенные гирляндами светящихся цветов, сосредоточив свои взоры на переливающейся всеми цветами радуги завесе, взгляды их скользили надо мной, словно поток воды; мне стало страшно, напря-

жение их взглядов было столь велико, что казалось чем-то материальным.

На расстоянии пятисот футов от нас поднималась гладкая глухая стена амфитеатра, поддерживая выступающую вперед террасу, с сиденьями, а над ней, отделяя ярусы для другой части амфитеатра, я увидел что-то вроде панно: на мертвенно-черной поверхности панели слабо светился голубоватым светом гигантский диск, со всех сторон его симметрично окружало огромное количество собранных в гроздья кружков, значительно меньших размером.

Площадку, на которой я стоял, с двух сторон обрамляли маленькие, украшенные колоннами ниши, — я насчитал что-то около двух десятков — низкая каменная ограда протянулась вдоль них по всему фасаду; каждую нишу наглухо закрывала (если не считать смотрового отверстия) изящная, украшенная прямоугольным орнаментом решетка: эта картина напомнила мне чем-то исповедальни в старинных римских соборах, куда приходили преклонить колена рыцари средневековья и сейчас приходят люди моего народа, живущие на нашей благословенной земле. А внутри я увидел, что эти зарешеченные ниши битком набиты представителями господствующей в Мурии белокурой расы: сказочно красивыми женщинами и похожими на карликов мужчинами.

Справа от меня, на расстоянии нескольких футов от дыры, через которую мы сюда попали, между украшенными лепным орнаментом нишами, шел проход; а на полпути между нами и массивным основанием амфитеатра находилось какое-то возвышение.

От площадки к этому возвышению вел широкий, пологий пандус. Вдоль этого помоста, на возвышении и через центр блестящей площадки вниз, туда, где

ее отлогий край целовали белые воды, вела широкая полоса рассыпанных, испускающих слабое свечение цветов, подобно роскошному ковру из восточной сказки.

На одном краю этого усыпанного цветами возвышения стояла Йолара в одеянии из легкой шелковистой ткани, которая не скрывала ни одной линии, ни одного изгиба ее великолепно сложенного тела, сквозь складки тонкой материи просвечивала нежная белая кожа; на противоположном краю, увенчанный диадемой из голубых камней, сверкающей на серебристых кудрях, с обнаженным могучим торсом стоял Лугур!

Ирландец судорожно вздохнул. Радор тихонько тронул меня за руку, и все еще находясь в каком-то оцепенении, я позволил провести себя между рядами, и дальше, по коридору, расположенному позади огороженных лож. Около одной из них зеленый карлик остановился, открыл находившуюся в задней стене дверь и пригласил нас с Ларри пройти внутрь.

Мы вошли и огляделись вокруг, я обнаружил, что наша ложа располагается как раз напротив того места, где пологий помост взбегал на возвышение, и Йолару отделяет от нас не больше пятидесяти шагов. Она бросила на О'Кифа быстрый взгляд и ласково улыбнулась ему. В глазах жрицы вспыхивали крохотные огненно-красные искорки, она всем телом трепетала и содрогалась от возбуждения, под полупрозрачной кожей пробегала сладостная дрожь радостного ожидания.

Ларри присвистнул.

— Глядите-ка, док! Маракинов! — воскликнул он.

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал. Напротив нас сидел русский точно в такой же экипировке, как и мы с Ларри; наклонившись вперед,

он с жадностью разглядывал все вокруг блестящими от любопытства глазами. Если Маракинов и заметил нас, то ничем этого не показал.

— А вон там — Олаф! — сказал О'Киф.

Под резной загородкой ложи, в которой сидел русский, находился открытый вход, и там я увидел Халдриксона. Не защищенный ни колоннами, ни решеткой выход из его ложи открывался прямо на площадку из слоновой кости, совсем рядом тянулся след цветочной дорожки, бегущей на возвышение, на котором стояли в окружении других жриц и жрецов Йолара и Лугур. Олаф сидел один, и сердце мое дрогнуло при виде его печального лица.

Ларри смотрел на норвежца мягко и задумчиво.

— Приведи его сюда, — попросил он Радора.

Зеленый карлик, как и мы, смотрел на северянина, легкая тень жалости смягчила выражение его как обычно насмешливого лица. Радор покачал головой.

— Нет, — ответил он, — сидите и ждите. Вы ничего уже не сможете изменить... да может ничего особенного и не случится, — прибавил он, но я мог бы поклясться, что он сам слабо верит в то, что говорит.

ГЛАВА 19

БЕЗУМИЕ ОЛАФА

Йолара вскинула вверх белые руки. На всех ярусах амфитеатра, от подножия, где сидели мы, до самой вершины раздался дружный вздох; по рядам пробежало волнение. И в тот же миг, не успела еще Йолара опустить воздетые руки, окружающий воздух наполнился глубоким могучим гудением: казалось, что все органы мира, собранные воедино, с космической торжественностью зазвучали в унисон на самой низкой, какую еще воспринимает человеческое ухо, ноте — величественно, требовательно, призывно! И если боги играют в те же игры, что и люди, то, пожалуй, так мог бы закричать от радости один из них, забросивший солнце в звездную сетку.

Грохот небесных сфер, катящихся в бесконечность! Песнь рождения, возвещающая появление светила из чрева космического пространства! Эхо божественного аккорда, сопровождающего сотворение мира! От этого громоподобного звука содрогнулось все тело, как будто отзываясь на удар сердца Вселенной... ударило и замерло навсегда...

Но, подхватив этот умирающий звук, на смену ему взревели трубы и фанфары, словно все завоеватели мира со времен первого египетского фараона повели на приступ сонмища войск — победоносно и торжествующе! Громко орущие толпы Александра Македонского; надрывающие луженые глотки волчьи стаи легионеров Цезаря Великого; трубный рев слонов Чингисхана и его Золотой Орды; бряцанье и лязг оружия сборщиков дани Тамерлана; пронзительный визг флейт и барабанный бой наполеоновских армий:

воинственные клики всех когда-либо существовавших на земле войск-завоевателей! Грянул мощный аккорд и... растаял вдали...

И не успело еще растаять в воздухе эхо последнего замирающего звука, как пробежало по струнам арф нежное трепещущее арпеджио, сочно и мягко отозвались миллионы деревянных рожков, задушевно и мелодично пропели флейты высокими голосами, призывно и маняще вскрикнули свирели Пана — пробуждая воспоминания о том, как шумит вдалеке невидимый водопад, как журчат стремительно бегущие ручьи, как шелестит листва лесных дубрав под внезапным порывом налетевшего ветра... Музыка — если то была музыка — звала и томила, убаюкивала и манила, просачиваясь в оцепеневшую душу медоточивой квинтэссенцией звуков.

Вдруг наступила резкая тишина... Тишина, о которую, казалось, разбилось даже воспоминание об этой музыке, но в каждой трепещущей жилке тела еще слабо дрожали ее отголоски.

Весь мой страх, все мои дурные предчувствия как рукой сняло. Не осталось ничего, кроме радостного трепета ожидания, божественного освобождения от всех забот, и даже малейшая тень тревоги не омрачала сейчас внутреннего ликования души. Теперь мне ни до чего не было дела: что там Олаф с его навечно застывшей ненавистью в глазах; или Трокмартин с его роковой судьбой... не было больше ни муки, ни боли, ни малейшего желания с чем-то бороться и чему-то сопротивляться, все это осталось в том прежнем, отошедшем на задний план мире, который казался мне теперь только беспокойным сновидением.

Снова, как в первый раз, прогудел могучий колокол! И опять звук его растаял вдали... тут же следом,

словно дождавшись сигнала, из голубых кружков, гроздьями облепивших гигантский диск на панно между ярусами, брызнули яркие, многоцветные, как стеклышки калейдоскопа, лучи света. Они упали стрелами на молочно-белую воду, протянувшись до радужной вуали. И едва лучи коснулись ее поверхности, как вуаль заискрилась, полыхнула огнем, заходила ходуном, и разноцветный сноп лучей ударил из нее.

Свет, падающий на вуаль, разгорался все ярче и ярче, и по мере того, как он усиливался, постепенно сгущались сумерки в серебристом воздухе. Померкла мозаика белых лиц в венках из светящихся цветов, контрастно выступающих на черным фоне джетового амфитеатра; спустились тени на протянувшиеся в неизмеримую высь ряды амфитеатра, окутав их пеленой савана. А края защищенных решетками лож, в которых сидели мы и белокурые правители, вспыхнули яркими, переливчато-радужными бриллиантовыми огнями.

Я почувствовал, как бешено заколотилось сердце в груди, дикое возбуждение охватило меня с головы до самых ног. У меня появилось такое ощущение, что я воспарил над землей и медленно приближаюсь к престолу Всевышнего... сейчас, вот сейчас в меня хлынут его сила и мощь!

Я нечаянно взглянул на Ларри. Глаза у него были обезумевшие!

Я перевел взгляд на Олафа, но на его лице не было ничего похожего на испытываемые мною чувства, только ненависть, ненависть, и еще раз ненависть...

Словно развернувшийся павлиний хвост, прокатились по белой воде переливающиеся волны, протянулась, рассекая темноту, разноцветная триумфальная

дорога. И в тот же миг вспыхнула Вуаль, как если бы внутри нее загорелись в одночасье все радуги мира.

Снова прогудел могучий колокол...

В центре вуали появилось, постепенно разгораясь до нестерпимой яркости, светящееся пятно, взметнулся вихрь хрустальных нотоk, и сопровождаемый сумятицей трезвона серебряных колокольчиков из-за вуали выбежал Сияющий Бог.

Устремившись по образовавшейся световой дорожке, Сияющий Бог бежал прямо на нас; мерцали взлетевшие вверх султаны из огненных перьев, крутились его сверкающие спирали, над раскаленной добела сердцевиной повисли семь маленьких разноцветных лун. Словно рассыпавшиеся мелкие бриллианты, на нас обрушился ураган радостных, ликующих звуков.

Я почувствовал, как О'Киф схватил меня за руку. Йолара в приветственном жесте протянула вперед белые руки; с ярусов амфитеатра раздался восторженный вздох, но мне показалось, что я слышу в нем приглушенный вопль смертельной муки... Скользя над водой, едва касаясь световой дорожки, подлетало к пирсу из слоновой кости Сияющее Нечто! Сквозь сопровождающее его пиццикато стеклянных скрипок пробивалось невнятное бормотание — сладостное до жути, — от которого сердце то проваливалось куда-то вниз, то начинало неистово колотиться в груди.

На мгновенье оно остановилось, замерло... точно в нерешительности, и затем в беспрерывном вращении кругами двинулось по цветочной дорожке к своим священнослужителям, постепенно замедляя бег. Повиснув в воздухе между женщиной и карликом, оно как будто разглядывало их; повернулось к жрице — сквозь затихающий шторм хрустального звона его мурлыканье звучало бесконечно ласково и нежно.

Изогнувшись к нему всем телом, Йолара, казалось, вбирала в себя пульсирующие волны энергии — она была ужасна в эту минуту, воплощая в себе торжествующую, за пределами человеческого сознания дьявольскую злобу и такую же торжествующую, запредельную ангельскую доброту!

Афродита и Дева Мария! Танит* из Карфагена и Святая Бриджет с Зеленого Острова*. Княгиня тьмы и царица света!

Только на одно мгновенье задержалось около нее неведомое существо, которое мы называли Двеллером и имя которому было — Сияющий Бог! Он взлетел по пандусу на возвышение, остановился, медленно поворачиваясь из стороны в сторону, трепеща и пульсируя, распуская и втягивая в себя султаны и спирали. Сейчас его сердцевина начала принимать устойчивую форму, контуры которой чем-то напоминали человеческий облик, и в то же время — совершенно нечеловеческий — ни мужской, ни женский, ни божественный, ни дьявольский — с неуловимой примесью того и другого. Но я уже ничуть не сомневался, что это Нечто, заключенное внутри сияющего ядра — чем бы оно ни являлось — чувствовало, испытывало желания и стремления, и каким-то жутким, сверхъестественным образом обладало способностью мыслить!

Снова вострубили фанфары, — словно раскрылась небесная твердь, — и с протяжным воплем беспредельной душевной муки что-то смутное и неразличимое двинулось вдоль реки света: сначала медленно, потом все быстрее и быстрее плыли по ней неясные тени.

Их было человек десять: девушек и юношей, мужчин и женщин. Сияющий Бог медлил в нерешительности, разглядывая их. Люди были уже так близко,

что в их глазах, на их лицах я мог разглядеть зародыш того ужасного слияния противоположных чувств: радости и горя, экстаза и ужаса, которое, распустившись на лице Трокмартина пышным цветком, поразило меня до глубины души.

Снова эта тварь принялась за свое неразборчивое бормотание, и теперь оно, лаская слух бесконечной нежностью, размягчало душу, как пение сирены из какого-то неведомого заколдованного мира. Снова настойчиво и призывно зазвенели колокольчики: они влекли и манили, влекли и манили...

Я увидел, как Олаф подался вперед, привстав со своего места, полубессознательно отметив, что по сигналу Лугура трое карликов осторожно подкрались к норвежцу и незаметно сели позади него.

Вот уже первая фигура стремительно взлетела на возвышение и остановилась как вкопанная. Это была та самая девушка, которую я видел на судилище, когда Йолара отправила в небытие, развеяла по воздуху гнома по имени Зонгар! С быстротой молнии Сияющий Бог выбросил вперед одну из своих спиралей, и она обвилась вокруг девушки.

Едва лишь спираль прикоснулась к девушке, как та дико, невообразимо содрогнувшись, скорчилась и кинулась прямо в светящуюся сердцевину Бога. В одно мгновение девушку окутало светящимися вихрями, раздался мощный взрыв хрустального звона, и сквозь тело девушки, словно сосуд с водой, наполненное светом, заходило взад и вперед пульсирующее излучение.

Начались те самые, полные бесконечного ужаса и бесконечного блаженства, ритмичные движения, которые здесь назывались танцами Сияющего Бога. Вот уже девушка вся целиком скрылась из наших глаз, затянутая в водоворот сверкающего тумана, а в объ-

ятия этой твари продолжали вплывать все новые и новые фигуры, пока все возвышение не превратилось в какое-то невообразимое буйство света и звуков.

О, безумная звезда колдовского праздника Саббат! Белые лица и тела, брошенные на ее жертвенник, просвечивали в животрепещущем пламени, глаза светились невыносимым блаженством и диким ужасом... все дальше протягивались светящиеся султаны и спирали, все расширялось и разрасталось ядро, сердцевина Сияющего Бога, как будто оно вскармливало себя жизненной силой, высосанной им из своих жертв.

Так кружились они, переплетаясь руками, ногами, телами с Сияющим Богом, жизнь кипела, бурлила и била в них ключом, как будто все их естество переполняли, изливаясь через край, жизнь и энергия. Смутно я понимал, что вижу сейчас не что иное, как картину страшного, немыслимого вампиризма!

На ярусах амфитеатра затянули тягучими голосами что-то похожее на церковный гимн. Один за другим накатывали громовые раскаты колоколов!

Вакханалия полубогов!

Потом водоворотом светящихся вихрей, рассыпаясь звоном серебряных колокольчиков, Сияющий Бог медленно потянулся с возвышения, проплыл вдоль помоста, по-прежнему не разжимая объятий, по-прежнему переплетясь щупальцами и спиралями с телами тех, кто сам отдался ему на заклание. Человеческие фигуры уплывали вместе с ним, кружась в каком-то кошмарном танце, на белых лицах застыла — навечно! — нечеловеческая маска: облик существа, в котором слились божественное и сатанинское начало...

Я закрыл глаза!

Не могу сказать вам, сколько прошло времени, но вдруг я услышал хриплое проклятие О'Кифа. Открыв глаза, я поглядел на Ларри. Напряженно вытянувшись, весь подавшись вперед, он смотрел куда-то, голубые глаза сверкали трезво и холодно. Поглядев вслед за ним, я увидел, как Олаф высунулся из своего укрытия, и тут же карлики, сидящие рядом с ним, то ли с заранее намеченным умыслом, то ли предугадав непроизвольное движение самого Олафа, быстро швырнули его навстречу Двеллеру. Эта тварь остановилась, перестав вертеться, казалось, что она разглядывает Олафа. Лицо норвежца побагровело, глаза дико засверкали. Он отступил назад, с вызывающим криком ухватил одного из карликов поперек туловища и мощным броском отправил его прямо в Сияющее Нечто! Судорожно дрыгая руками и ногами, карлик летел кувырком по воздуху... вдруг в середине полета, словно пойманный чьей-то гигантской невидимой рукой, он остановился и рухнул на площадку не более чем в ярде от Сияющего Бога.

Похожий на раздавленного паука, он слабо дернулся несколько раз. Из Двеллера выстрелило сверкающее щупальце, дотронулось до него, и моментально спряталось обратно. Перезвон хрустальных колокольчиков сменился сердитым, недовольным позвякиванием.

Весь огромный амфитеатр — и сидящие в привилегированных ложах господа и простолюдины, до самой верхотуры заполнявшие джетовую гору, — вздохнул с ужасом и ожиданием. Лугур прыгнул вперед. И в ту же секунду, перескочив через низкий барьерчик между колоннами, Ларри бросился к норвежцу. Пока они бежали к Олафу с двух сторон, тот, с тем же диким, вызывающим воплем, рванулся

вперед, явно намереваясь вцепиться прямо в глотку Двеллера!

Но еще до того, как он прикоснулся к Сияющему Богу, сейчас совершенно молчаливому и неподвижному, — и невозможно вообразить себе ничего отвратительнее и ужаснее этой твари, подобно человеку опешившей от неожиданности, — Ларри отбросил Олафа в сторону.

Я кинулся было следом, но Радор удержал меня. Он весь дрожал, но вовсе не от страха: на лице светилась невероятная надежда, страстное нетерпение.

— Подожди! — сказал он мне. — Подожди.

Сияющий Бог неуверенно вытянул вперед сверкающую спираль... и я скажу вам, что не всякий храбрец решился бы сделать то, что я потом увидел... Не задумываясь ни на миг, О'Киф, вытащив пистолет, кинулся между этой тварью и норвежцем. Щупальце коснулось Ларри, и его тускло-голубое одеяние вспыхнуло ослепительно ярким лазурным светом. Подняв пистолет рукой, затянутой в перчатку, Ларри разрядил его в Двеллера. Сияющее Нечто отпрянуло назад; перезвон колокольчиков нарастал и убывал, нарастал и убывал...

Лугур остановился, резко выбросив вперед руку, в ней тускло блеснул серебристый конус кеза. Но прежде чем карлик успел ударить из него по норвежцу, Ларри распахнул свое одеяние, накинул полу плаща на Олафа и, придерживая его одной рукой, чтобы тот не бросился на Сияющего Бога, наставил пистолет, который он держал в другой руке, на живот Лугура. Губы ирландца задвигались, но я не слышал, что он сказал. Видимо, Лугур понял, потому что опустил руку с кезом.

Там уже была Йолара... все происшедшее не заняло и пяти секунд. Она бросилась между тремя мужчинами и Сияющим Богом. Женщина что-то прошептала ему, и раздраженное жужжание затихло, снова раздался взрыв хрустального звона. Эта Тварь что-то ответила жрице неразборчивым бормотанием, и начала опять кружиться... все быстрее и быстрее, двинулась по пирсу из слоновой кости, спустилась на воду и побежала, унося с собой свои жертвы, опутанные светящимися вихрями и спиралями... Так неслась она, сопровождаемая торжествующим перезвоном, и все вертелась, вертелась вместе со своей страшной добычей, пока не скрылась за радужной Вуалью.

В тот же миг с резким щелчком исчезла многоцветная дорожка. Со всех сторон лился серебристый свет. На ярусах амфитеатра поднялась невообразимая суматоха, крики и шум. Маракинов, блестя очками, высунулся из своей ложи, он внимательно прислушивался к происходящему. Радор ослабил свои железные объятия, я перескочил через барьер и помчался к своим ребятам. Но прежде я успел услышать, как зеленый карлик пробормотал:

— Выходит, есть кое-что, над чем не властен Сияющий Бог! Да, две вещи сильней него... смелое сердце и... и ненависть...

Весь дрожа и задыхаясь, Олаф с горящими глазами кинулся ко мне и схватил меня за руку.

— Это тот дьявол, который забрал мою Хельму! — услышал я его возбужденный шепот. — Это Сияющий Дьявол!

— Оба эти человека... — Лугур был вне себя от бешенства, — оба они будут танцевать с Сияющим Богом. И этот тоже, — он свирепо ткнул в меня пальцем.

— Этот человек — мой! — произнесла жрица угрожающим тоном. Она положила руку на плечо Ларри. — Он танцевать не будет. Ни он, ни его друг. А с этим, — она показала на Олафа, — я уже говорила тебе — можешь делать что пожелаешь.

— Никому из них, Йолара, — твердо сказал О'Киф, — не причинят никакого вреда. Запомни мое слово.

— Да будет так, как ты сказал, — покорно ответила жрица и добавила: — Мой господин.

Я заметил, что Маракинов с каким-то странным выражением лица уставился на Ларри, словно ему в голову пришла неожиданная мысль. Лугур, дико вращая глазами, взмахнул рукой, будто собирался ударить жрицу. Пистолет Ларри, уткнувшийся в грудь карлика, мигом охладил его пыл.

— Эй, парнишка, не надо хамить даме, — сказал О'Киф по-английски.

Все еще дрожа от ярости, красный карлик повернулся, выхватил свою одежду из рук стоящего рядом жреца и, что-то злобно прошипев сквозь зубы, набросил ее на себя. «Ладала» с криками и бранью дралась с солдатами, на ярусах амфитеатра творилось настоящее столпотворение.

— Пойдем, — сказала Йолара, не отрывая от Ларри восхищенных глаз. — Сердце твое и в самом деле велико, мой господин, — прошептала она голосом сладким, словно мед. — Пойдем.

— Этот человек пойдет вместе с нами, Йолара, — сказал О'Киф, показывая на Олафа.

— Бери его с собой, — сказала жрица. — Бери, но только скажи ему, чтобы он больше не смотрел на меня такими глазами, как прежде, — грозно добавила она.

Все вместе мы прошли следом за жрицей вдоль ряда лож, мимо сидевших в молчании и задумчивости белокурых господ, вид у них был недоумевающий. Олаф молча шагал рядом со мной. Радор куда-то подевался. Спустившись по лестничному маршу, мы прошли через зал, наполненный голубоватым маревом, перебрались по мостику над бушующим потоком морской воды и остановились перед стеной, сквозь которую попали сюда. Людей в белых одеждах уже не было.

Йолара на что-то нажала рукой; проход открылся. Все зашли в машину, жрица встала перед панелью управления, и мы помчались по слабо светящемуся коридору прямо к ее дому.

В одном я теперь уверился окончательно: с щемящей болью в сердце я знал теперь, что мне уже больше не нужно искать Трокмартина. Там, за радужной вуалью, в логове Двеллера, и мертвые и живые одновременно, как те люди, что окутанные сияющим шлейфом проплыли мимо нас, — там теперь находились и Трокмартин со своей Эдит, и Стентон с Торой, и жена Олафа Халдриксона...

Машина остановилась, раздвинулись входные двери, и мы вышли наружу. Йолара, легко выпрыгнув из машины, сделала нам знак следовать за ней и птичкой порхнула по коридору. Остановившись перед угольно-черной ширмой, она прикоснулась к ней, и ширма исчезла, обнаружив за собой маленькую комнатушку, пронизанную насквозь голубыми лучами, словно вся она была вырезана из цельного куска огромного сапфира. Комната была совершенно пуста, если не считать, что в самом центре, на низком постаменте, стояла огромная полупрозрачная глыба горного хрусталя в форме гигантского шара. На его поверхности прослеживались смутные очертания мо-

рей и континентов, но если это и вправду было что-то вроде глобуса, то либо какого-то иного, неизвестного нам мира, либо это была наша Земля, но в очень далеком прошлом, ибо никоим образом он не походил на привычную глазу карту нашей планеты.

Взявшись за руки и прижавшись друг к другу губами, на шаре, слабо покачиваясь, стояли, устремившись телами в небо две фигуры — мужчины и женщины. На какое-то мгновение я подумал, что они живые, не заметив, что они тоже выточены из хрусталя: столь тонко искусная рука мастера поработала над ними. А перед этой святыней — ибо ничем иным, как я сразу догадался, и не могло быть это место — возвышались три остроконечных конуса: один — из чистейшего яркого огня, другой — из молочно-белой воды, а третий... третий состоял из лунного света.

Ошибиться было невозможно, но каким образом вода, пламя и свет сохраняли устойчивую остроконечную форму (ведь высота каждого из них равнялась человеческому росту) — я не мог объяснить.

Йолара трижды низко поклонилась. Потом, не удостаивая всех остальных ни словом, ни взглядом, она повернулась к О'Кифу. Ставшие бездонными голубые глаза жрицы расширились, она подошла к ирландцу вплотную и, положив ему на плечи белые руки, поглядела в глаза проникновенным взглядом.

— О мой господин, — прошептала она, — слушай меня внимательно, ибо я, Йолара, дарю тебе три вещи: себя, Сияющего Бога и силу, которой обладает Сияющий Бог. И еще одну вещь я дам тебе в придачу к этим трем — власть над всем тем миром, из которого ты пришел! Все это ты получишь от меня, мой господин! Я клянусь тебе в

этом, — она повернулась к алтарю и вскинула вверх руки, — клянусь Сийей и Сийаной, клянусь огнем, водой и светом[1].

В глазах жрицы сгустилась пурпурная тьма.

— Никто не посмеет забрать тебя у меня! — грозно прошептала она. — И сам ты не уйдешь от меня, даже если захочешь!

Потом быстрым движением, по-прежнему игнорируя наше присутствие, она обвила руками шею О'Кифа, прижавшись к его груди всем своим великолепным телом. Ларри крепко схватил жрицу в объятия. Опустил голову... нашел ее губы: они слились в страстном поцелуе!

Олаф глубоко, судорожно вздохнул, почти простонал. Но я... даже в глубине сердца я не мог осудить ирландца...

Наконец жрица, открыв ставшие дымчато-голубыми глаза, отстранилась от Ларри и пристально поглядела на него. О'Киф, смертельно-бледный, поднял к лицу трясущуюся руку.

— Вот этим я скрепила свою клятву, о мой господин! — прошептала она.

И кажется только сейчас впервые заметила наше присутствие. Скользнув по мне с Олафом пустым равнодушным взглядом, она снова повернулась к О'Кифу.

---

[1] У меня нет здесь возможности обрисовать вам подробно ни эсхатологические представления этих людей, ни составить каталог пантеона их богов. Сийа и Сийана символизируют мировую любовь. Ритуал поклонения этим богам, однако, совершенно свободен от унизительных обрядов, которыми обычно изобилуют любовные культы. Жрицы и жрецы этих богов проживают в том огромном храме с семью террасами, сторона которого, обращенная к воде, представляет собой джетовый амфитеатр. Священным изображением Сийа и Сийаны служат хрустальный глобус и две устремившиеся ввысь фигуры на нем. Они символизируют собой

— А теперь — идите! — сказала она. — Скоро за вами придет Радор. И потом... потом пусть случится все, что должно случиться.

Она еще раз улыбнулась ирландцу, все той же сладостной улыбкой, и, повернувшись к фигурам, парящим над огромным шаром, опустилась на колени. Тихонько мы вышли из комнаты и, не произнеся ни одного слова, направились к нашему павильону. По дороге мы слышали какой-то непонятный шум на зеленой автостраде: крики мужчин время от времени прорезал пронзительный женский визг. Сквозь щель в садовой ограде я мельком разглядел суматоху в толпе, образовавшейся на одном из мостов; зеленые карлики сражались с «ладала», оттуда, как из развороченного гигантского улья, доносилось громкое монотонное гудение.

Едва лишь мы вошли в нашу комнату, как Ларри, закрыв лицо руками, повалился на один из диванчиков. Олаф с немым упреком смотрел на него. Ларри опустил руки и поглядел ему в лицо, потом перевел взгляд на меня.

человеческую любовь, ибо ноги их прикованы к земле, а глаза устремлены к звездам.

Я никогда не слышал, чтобы в Мурии упоминали рай и ад, или же какие-нибудь другие, эквивалентные им понятия — если не считать, что владения Сияющего Бога служат собирательным образом сразу и того и другого. Над этими богами находится Танароа. Этот очень далекий и уже почти позабытый бог по-прежнему считается создателем и властителем всего сущего, персонифицируя собой первопричину создания мира — божество, которое сотворив мир, потом устранилось от управления им, передав эти функции другим богам. Кажется, бог Танароа являлся одним из ключевых пунктов в вероучении солдат Мурии — наш Радор с его почитанием Древних Богов был исключением. Как бы то ни было, но это далекое верховное божество вызывало у муриан при упоминании его имени всплеск неподдельного религиозного восторга. Я нахожу сей факт исключительно интересным, ибо он прекрасно иллюстрирует мою теорию, которую я сформулирую в излюбленном для меня виде математической формулы: сила притяжения между богами и человеком возрастает равномерно и пропорциональна квадрату расстояния, разделяющего их. *(У. Т. Г.)*

— Я ничего не мог с собой поделать! — чуть ли не с вызовом сказал он. — Боже, что за женщина! Я не мог ничего сделать!

— Ларри, — осторожно спросил я, — почему бы тебе не сказать ей, что ты не любишь ее? Почему?

Он изумленно уставился на меня и, как прежде, озорные смешинки запрыгали в голубых глазах.

— Вас, ученых, ничем не прошибешь! — воскликнул он. — Если вам на голову свалится огненный ангел и потащит вас за собой, воображаю, док, с каким достойным видом вы приметесь объяснять ему, что вовсе не хотите гореть в пламени. Ради всего святого, Гудвин, не городите ерунду! — закончил он почти раздраженно.

— Нечистая сила! Нечистая сила! — монотонно бубнил норвежец, произнося эти слова, как заклинание. — Все здесь порождение зла: Трольдом и Хельведе — вот что это такое. Ja! И эта djavelsk красоты, она просто шлюха этого Сияющего дьявола, которому они все тут поклоняются. Я, Олаф Халдриксон, я знаю, что она имела в виду, когда обещала тебе, Ларри, власть над всем миром! Ja... можно подумать, что в нашем мире и сейчас мало всякой нечисти.

— Что? — одновременно вскричали мы с Ларри.

Олаф предостерегающим жестом прижал палец к губам и снова замолчал с угрюмым видом. Снаружи послышались шаги по мозаичной дорожке, и перед нами возник Радор... до неузнаваемости переменившийся. На необычайно торжественном лице не осталось и следа от обычной его глумливой ухмылочки. Он отдал честь О'Кифу и Олафу, приветствуя их тем же образом, каким (я видел это раньше) он обра-

щался только к Йоларе или Лугуру. За стеной вспыхнул шум драки и замер в отдалении.

— «Ладала» разбушевалась! — сказал он. — Вот что могут натворить двое храбрых мужчин! — Он помолчал в задумчивости. — Кости и прах не станут драться друг с другом за место у кладбищенской стены, — загадочно изрек Радор, — но если кости и прах вдруг обнаружат, что они еще живы...

Он резко оборвал себя, обратившись глазами к внезапно пробудившемуся шару, из которого послышалось неразборчивое бормотание.

— Афио Майя прислала меня приглядеть за вами, пока она не призовет вас к себе, — громко и четко объявил он. — Там будет... пиршество! Ты, Ларри, и ты, Гудвин, — пойдете туда. Я останусь здесь, с Олафом.

— Смотри, чтобы с ним не случилось ничего плохого! — вырвалось у Ларри.

Радор прикоснулся руками к глазам, приложил их к груди.

— Я клянусь тебе в этом Древними Богами, моей любовью к вам и тем, что вы совершили перед лицом Сияющего Бога... — прошептал он.

Радор хлопнул в ладоши. Вошел солдат, держа в руках длинный плоский ларец из полированного дерева. Взяв его в руки, зеленый карлик отпустил солдата, и только потом приподнял крышку.

— Здесь твое платье для праздника, Ларри, — сказал он, поднося ирландцу ларец.

Заглянув внутрь, Ларри запустил в ящик руку и вытащил оттуда отливающую мягким металлическим блеском белую тунику с длинными рукавами, широкий серебряный пояс, полосы ткани из такого же серебристого материала для оборачивания ног по

здешней моде и, под конец, достал сандалии, будто вырезанные целиком из серебра. Повертев все это в руках, Ларри с раздражением бросил одежду обратно в ящик.

— Нет, Ларри, нет, — прошептал карлик. — Надень это, я прошу тебя... я умоляю тебя... не спрашивай, зачем это надо, — быстро добавил он, снова поглядев на шар.

О'Киф, так же как и я, был сражен его страстной просьбой. Карлик смешно и трогательно сложил руки в умоляющем жесте. Ларри, сплюнув в сторону, резко схватил одежду и вышел в соседнюю комнату, с фонтаном.

— Что, снова будет танцевать Сияющий Бог? — спросил я.

— Нет, — ответил Радор, — это обычное пиршество, которым отмечают... таинство! Лугур и этот двуличный, что пришел с вами, тоже будут там.

— Лугур? — поперхнулся я от изумления. — После всего, что случилось? Он придет туда?

— Может быть именно из-за того, что случилось, он обязательно придет туда, Гудвин, друг мой, — ответил Радор, глаза его снова коварно заблестели. — Там будут еще другие... друзья Йолары и друзья Лугура, и очень может случиться, что там будет еще одна... — голос его понизился до почти неслышимого шепота, — та, которую они не ждут.

Радор замолчал, бросив на шар боязливый взгляд; прижал многозначительно палец к губам и развалился на одном из диванчиков.

— Оркестр — туш! — раздался голос Ларри. — К вам идет герой!

О'Киф решительным шагом вошел в комнату и встал, подбоченясь. Мы все невольно ахнули; даже

Олаф не смог скрыть своего восхищения, не говоря уже о нас с Радором.

— Сын Сийаны, — прошептал ошеломленный Радор.

Встав на одно колено, он достал из поясного кармашка что-то обернутое в носовой платок, развернул сверток и, не поднимаясь с колен, протянул О'Кифу узкий кинжал из блестящего белого металла; рукоятку кинжала украшали драгоценные камни голубого цвета. Заткнув кинжал за пояс О'Кифу, Радор проворно вскочил на ноги и, повторяя тот же самый своеобразный жест, которым он приветствовал его, снова отдал ему честь.

— Пошли, — скомандовал Радор и привел нашу компанию к мозаичной тропинке.

— Ну что же, — угрюмо пробурчал он, — пусть теперь Молчащие Боги покажут свою силу... если она у них есть, конечно!

И напутствовав нас таким странным образом, удалился назад, в дом.

— Ради всего святого, Ларри, — заволновался я, когда мы подошли к дому жрицы, — прошу тебя, будь осторожен.

Он послушно кивнул головой, но я заметил, что какое-то растерянное недоумение промелькнуло у него в глазах, и от недоброго предчувствия у меня заныло сердце.

Когда мы поднялись по лестнице и пошли к фигурам крылатых змей, стоящих у входа, из дверей дома появился Маракинов. Он небрежно махнул рукой солдатам, охраняющим вход, и те, не задавая никаких вопросов, быстро скрылись. Удивительно, до чего быстро русский стал здесь влиятельной персоной, с неприязнью подумал я.

Маракинов озарил меня любезной улыбкой.

— Вы нашли уже своих друзей здесь? — заговорил он, и я содрогнулся — до того зловещим показался мне его голос. — Нет? Ай-яй-яй, какая жалость... Ну что ж, не будем ронять надежду! — и повернулся к О'Кифу.

— Лейтенант, мне хотелось бы разговаривать с вами наедине.

— У меня нет секретов от Гудвина, — холодно ответил Ларри.

— Вот как? — вопросительно вскинул брови русский и, наклонившись, что-то прошептал на ухо Ларри.

Ирландец вздрогнул, поглядел на него с недоумением, затем повернулся ко мне.

— Семь секунд, док, — сказал он, незаметно подмигнув мне.

Они отошли в сторонку, так чтобы мне не было слышно, и тихо заговорили. Вернее, говорил русский, и очень быстро. Ларри внимательно слушал. Маракинов говорил, все более оживляясь; О'Киф время от времени прерывал его вопросами. В какой-то момент русский, повернув голову, бросил на меня взгляд, и когда он отвел глаза от Ларри, я увидел в глазах последнего неподдельные отвращение и ненависть. Наконец ирландец о чем-то глубоко задумался, потом, словно придя к определенному решению, кивнул, и Маракинов пожал ему руку.

И должно быть только я заметил, как непроизвольно скривился Ларри, на какой-то миг заколебавшись, прежде чем он принял протянутую руку, и как инстинктивно, словно прикоснулся к чему-то нечистому, он отряхнул руку, когда рукопожатие закончилось.

Не уделив мне на прощание ни слова, ни взгляда, Маракинов повернулся и быстро вошел в дом. Стража заняла свое место. Я вопросительно посмотрел на Ларри.

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем, док, — сквозь зубы процедил он. — Подождите, пока мы не вернемся домой. Но то, что нам нужно чертовски торопиться... это я могу сказать вам прямо сейчас...

ГЛАВА 20

ИСКУШЕНИЕ ЛАРРИ

Мы остановились перед плотными портьерами, из-за которых пробивался неразборчивый шум множества голосов. Портьеры раздвинулись, и к нам вышли двое: я так полагаю, что они выполняли роль привратников, встречающих гостей. Карлики были одеты в короткие юбочки и латы: я впервые видел здесь такое военное облачение, чем-то напоминающее кольчугу. Они приподняли занавеси, приглашая нас войти.

Комната, на пороге которой мы стояли, значительно превышала по размеру холл для аудиенции или приемную залу, которые мы видели в доме Йолары. Она протянулась футов на триста в длину, не меньше, и занимала около половины этого расстояния в ширину. На всю ее длину, из конца в конец, тянулись два изогнутых дугой стола, симметрично расположенные друг другу; столы разделял широкий проход. Всевозможные незнакомые мне яства, огромные букеты цветов и груды фруктов, сверкающие хрустальные графины, кубки и бокалы, окрашенные в самые разнообразные цвета и оттенки, — великолепная картина ослепила мой взор! Повсюду были расставлены светильники: испускающие розоватое излучение шары, уже знакомые мне.

На заваленных пестрыми яркими подушками низких диванах, расположенных вдоль столов, полулежали, развалившись в томных, ленивых позах десятки, если не сотни белокурых представителей правящего класса Мурии. Наше появление вызвало среди них легкий переполох: к восторженному шепоту примешивались слабые возгласы испуганного изумле-

ния — все взоры были устремлены на Ларри в его великолепном серебристо-белом платье.

Облаченные в латы карлики повели нас через проход между столами. Внутри образованного ими полукруга стоял, сверкая блестящей поверхностью, еще один, овальной формы стол. Все сидящие за ним молча уставились на нас, но мои глаза видели только одну — Йолару! Она помахала рукой, приветствуя Ларри.

Господи, как она была хороша... Словно одна из тех дев с нежной лилейной кожей, которые своей красотой, (как рассказывает Хуанг-Ку), превратили Гоби сначала в рай, а позднее своей похотливостью — в выжженную бесплодную пустыню. Она протянула к Ларри руки, и на ее лице появилось бесстыдное, нескрываемое вожделение.

Это была Цирцея! И Цирцея — победительница! Тончайшая белая ткань плотно облегала тело, просвечивающее сквозь нее, словно лепесток розы. Шелковистые, пшеничного цвета волосы охватывала диадема из ярко сверкающих сапфиров, но они меркли рядом с глазами Йолары. О'Киф, наклонившись к ней, поцеловал белоснежные ручки, и что-то большее, нежели простое восхищение, показалось на лице ирландца. Она посмотрела ему в глаза долгим взглядом и, улыбнувшись, усадила рядом с собой.

И только сейчас я заметил, что из всех присутствующих лишь эти двое — Йолара и О'Киф — были в белом. Не успел я как следует поразмыслить над этим обстоятельством, как вошел Лугур — и все мои мысли как ветром сдуло, — я сжался и оцепенел. Одетый в ярко-алую тунику, Лугур размашистым шагом пересек мгновенно притихший зал...

Наступила резкая напряженная тишина. Красный карлик, пристально поглядев на Йолару, перевел

взгляд на О'Кифа, и внезапно лицо его стало... ужасно, — нет другого слова, чтобы точнее выразить выражение его лица. Маракинов, сидевший за тем же столом, что и я, наклонившись вперед, схватил Лугура за руку и что-то прошептал ему на ухо. С видимым усилием карлик овладел собой: с легкой насмешкой (так, во всяком случае, мне показалось) он приветствовал жрицу и занял место на дальнем конце овального стола. И тут я заметил, что сидевшие между ним и Йоларой фигуры представляли собой Совет Девяти, который возглавляли жрица Сияющего Бога и его Прорицатель.

Напряжение немного спало, но атмосфера в зале по-прежнему казалась зловещей: так бывает, когда гроза, обойдя стороной, все еще пугает издалека нависшей на краю горизонта темной тучей.

Я обернулся и посмотрел назад. Дальний конец зала был задрапирован роскошными, затканными изысканными узорами и украшенными великолепными цветочными гирляндами занавесями. Между этими портьерами и столом, за которым сидел Ларри с девятью важными персонами, располагалось круглое возвышение, на несколько футов приподнятое над полом, что-то около десяти ярдов в диаметре; вся его блестящая поверхность была засыпана чудной красоты нежными лепестками цветов.

Со всех сторон помост окружали стоявшие внизу низкие, с изогнутыми спинками стульчики. Занавеси раздвинулись, и оттуда плавным, неслышным шагом вышли девушки. Они держали в руках разнообразные музыкальные инструменты: флейты, арфы и эти необычные, возбуждающие чувственность двухоктавные барабанчики. Девушки уселись на стульчики, тронули инструменты, и розовый воздух завибрировал в такт странной тягучей мелодии.

Сцена была готова. Какую же пьесу собирались на ней сыграть?

Появились другие темноволосые девушки, одетые в короткие, приподнятые над коленями юбочки, в низко вырезанных корсажах белели полуобнаженные груди. Девушки прошли вдоль длинных столов, наливая вина пирующим.

Я поискал глазами О'Кифа. Что же такое сказал ему Маракинов? По лицу Ларри было видно, что его мысли витают где-то далеко, потому что даже прекрасные женщины, сидевшие в зале, не привлекали его внимания. В глазах ирландца застыло холодное, суровое раздумье, и, когда, время от времени, он поглядывал на Маракинова, в них появлялось какое-то странное выражение. Йолара, хмурясь, наблюдала за О'Кифом. Вдруг она что-то тихо приказала стоявшей за ее спиной прислужнице.

Девушка быстро ушла и вскоре вернулась, держа в руках светло-желтый, словно вырезанный из куска янтаря, кувшин. Жрица налила из него в бокал Ларри прозрачную жидкость, сразу же засверкавшую крохотными искорками. Прикоснувшись к бокалу губами, она передала его в руки Ларри. Рассеянно улыбаясь, Ларри взял бокал, с отрешенным видом дотронулся губами до того места, где его целовали губы Йолары, и выпил до дна. Кивок Йолары — и девушка вновь наполнила бокал.

И в тот же миг ирландца словно подменили. Куда только подевалась вся его рассеянность, мрачная задумчивость — глаза засверкали и заискрились. Он ласково склонился к Йоларе, что-то нашептывая ей на ушко. Голубые глаза торжествующе вспыхнули, мелодичный смех звенел, не умолкая. Она подняла вверх свой бокал, но его наполнял совсем не тот напиток, что наливали в кубок Ларри. И снова, едва

лишь ирландец осушил свой бокал, ему незамедлительно налили из желтого кувшина. Ларри поймал брошенный на него Лугуром недобрый взгляд, дерзко усмехнулся в ответ. Йолара придвинулась ближе... соблазнительная как никогда.

Ларри вскочил на ноги, в лице мелькнула бесшабашная удаль, он был похож на расшалившегося мальчишку.

— Тост! — крикнул он по-английски. — За Сияющего Бога! Чтоб ему скорей провалиться в тартарары к своим чертям!

Ларри произнес имя Двеллера так, как его называли здесь, в Мурии, но на своем родном языке и со своим своеобразным произношением, так что, к счастью, никто, кроме нас, ничего не понял. Но издевательская подоплека сказанного им не вызывала никаких сомнений — наступила мертвая, пугающая тишина. У Лугура, вспыхивая малиновыми искорками, яростно полыхали зеленые глаза. Жрица, протянув руку, пыталась усадить Ларри. Он поймал мягкую ручку, погладил ее, устремив куда-то вдаль сумрачный взгляд.

— Сияющий Бог... — Ирландец говорил медленно, раздельно. — Я и сейчас будто наяву вижу лица тех, кто танцевал вместе с ним. Это Огни Моры пришли сюда... один Бог знает как... пришли из Ирландии.... Огни Моры!

Он задумчиво разглядывал примолкших гостей; а затем с его губ полилась одна из самых странных и самых таинственных лирических легенд Эрин*: «Заклятие Моры»:

Он в ночи огнями Моры
беспощадно опален.
Он о прошлом не жалеет
и любви не жаждет он.
Для спаленных пламенами
грусть и радость — только сон.

Йолара опять потянула его вниз, пытаясь усадить рядом с собой, и он снова схватил ее за руку. Глаза его оцепенели... он тихо запел:

И бредет он вслед напеву
в мире спящей тишины
по дороге, испещренной
серебром ночной луны.

Постоял немного, покачиваясь, и затем, рассмеявшись, позволил жрице осуществить свое намерение. Сел и осушил бокал.

Я помертвел от ужаса, и последняя надежда покинула меня, ибо Ларри был пьян, дико, безумно пьян.

Все задвигались, заговорили. Прекрасные, как феи из волшебной сказки, женщины и карлики тайком переглядывались между собой. Но вот встала Йолара, вызывающе вскинув голову, сверкая холодным блеском серых глаз.

— Слушайте меня все! Вы — члены Совета, ты — Лугур, и все остальные, кто находится здесь! — крикнула она. — Ибо я, жрица Сияющего Бога, по праву, которое мне дано, беру себе супруга. Вот он! — Она показала рукой вниз, на Ларри.

Он посмотрел на нее снизу вверх.

— Что ты такое говоришь, ничего не понимаю, — невнятно пробормотал он. — Но сказать нечего — ты хороша... я полюбил твой голос...

У меня оборвалось сердце. Рука Йолары незаметно опустилась на голову ирландца, ласково погладила волосы.

— Ты знаешь закон, Йолара, — Лугур говорил тусклым, безжизненным голосом. — Ты не можешь взять себе в мужья человека не из нашего рода. А этот человек — чужестранец... варвар... пища для

Сияющего Бога, — он буквально выплюнул последнюю фразу.

— Да, он не нашего рода, Лугур. Он выше нас! — спокойно отвечала Йолара. — Он сын Сийа и Сийаны! Вот!

— Ложь! — заревел красный карлик. — Ложь!

— Сияющий Бог открыл мне это! — мягко сказала Йолара. — А если ты не веришь, Лугур, ну что ж... поди сам спроси у Сияющего Бога.

Невыразимая угроза прозвучала в последних словах, — видно, их скрытый смысл дошел до Лугура... и подействовал убедительно.

Он стоял, сраженный наповал, со смертельно побледневшим лицом... Маракинов снова наклонился к нему, что-то зашептал. Красный карлик поклонился, совершенно недвусмысленно ухмыльнувшись, и, вернувшись на свое место, опять надолго замолчал. И снова я с похолодевшим сердцем подумал, как же должна быть велика власть русского, если он вертит Лугуром, как послушной куклой.

— Что скажет Совет? — решительно потребовала Йолара, обводя стол взглядом.

Некоторое время сидевшие за овальным столом совещались. Потом заговорила женщина — та, у которой лицо было словно разрушенный алтарь красоте.

— Желание жрицы — закон для Совета, — объявила она.

Лицо Йолары потеряло свое вызывающее выражение; она ласково взглянула на Ларри. Ирландец сидел, покачиваясь, что-то мурлыкал себе под нос.

— Позовите жрецов! — приказала она, затем повернулась к притихшим пирующим. — По всем правилам церемониала Сийа и Сийаны, Йолара возьмет себе в мужья их сына.

И снова, со змеиной мягкостью, ее рука скользнула вниз, потрепав пьяную голову О'Кифа.

Занавеси распахнулись настежь. Из-за них, разделившись попарно, вышли двенадцать фигур, облаченных в длинные, ниспадающие складками одеяния светло-зеленого цвета: такого нежнейшего цвета облачком маячит в отдалении березовая рощица в самом начале весны, когда только раскрываются первые почки. Лица вошедших скрывали глухие капюшоны. В каждой паре один прижимал к груди шар из дымчатого хрусталя, похожий на тот, что мы видели в сапфировой комнате-молельне, другой держал небольшую арфу, необычная форма которой напоминала древние кларзахи* друидов.

Вот так, пара за парой, они поднялись на приподнятую над полом площадку, опустили на нее осторожно свои шары, и каждая пара припала лицом к полу позади своего шара. Они образовали что-то вроде шестиконечной звезды на засыпанном лепестками возвышении. Вдруг они выпрямились и как по команде откинули назад капюшоны, открывая свои лица.

Я даже привстал... Это были белокурые юноши и девушки правящего класса Мурии, и прекраснее их лиц мне еще не приходилось видеть на свете, ибо лишь самую чуточку они были тронуты той глумливой гримасой, о которой я уже неоднократно упоминал, — такое сильное впечатление она производила на меня.

Пепельно-золотистые волосы девушек-жриц, уложенные в высокую прическу, украшали их головы, как короны. Светлые локоны юношей охватывал венец из полупрозрачных, светящихся матовым светом гемм, похожих на лунный камень. Сменяя друг друга, то опускаясь на колени перед хрустальными шарами,

то трогая струны арфы, юноши и девушки запели песню.

Что это была за песня, я не знал... даже не представлял себе. Архаичный, допотопный строй мелодии песни не укладывался ни в какие человеческие представления о времени, казалось, она пришла сюда из тех веков, чей прах уже давным-давно развеял ветер. Скорее всего она родилась на заре человеческой истории, в золотой век земли, когда окропляемые лучами новорожденного светила дети земли мурлыкали свои любовные песенки; она звучала, как хор молодых звезд, обручавшихся в космическом пространстве; как апрельское бормотание языческих богов и богинь.

Странная истома овладела мною. Розоватый свет, испускаемый стоящими на треножниках шарами, начал постепенно меркнуть, и по мере того, как они угасали, все ярче разгорались хрустальные шары на возвышении. Йолара встала, протянула Ларри руку и провела его в центр круга, образованного шестью поющими парами.

Розовый свет погас; вся огромная зала погрузилась в темноту, если не считать круга, освещаемого хрустальными шарами. Все сильнее и сильнее разгоралось молочно-белое свечение. Песня, спустившись до шепота, замерла. Трепещущее арпеджио пробежало по струнам арф, и, словно пробужденные к жизни вибрирующими нотками, из шаров выпрыгнули язычки лунного света в форме маленьких конусов, похожие на тот, что я видел около алтаря Йолары. Неодолимо притягательное, ласкающее слух неземное звучание арф снова задрожало в воздухе, вновь и вновь повторяя построенную на тех же ладах архаичную мелодию, которую я уловил в пении. А остроконечные

верхушки конусов лунного света росли, поднимаясь все выше и выше!

Йолара подняла вверх руки, крепко захватив в них ладони О'Кифа. Так, вскинув над головой руки, она медленно, бесконечно медленно, увлекала его за собой кружащимся, грациозным шагом, в десятки раз более плавным, чем струится воздух, закручиваясь тягучими водоворотами в мареве теплого тихого вечера. Они кружились и покачивались, а волнующее арпеджио становилось все громче. Раскачиваясь в такт музыке, остроконечные верхушки лунного огня наклонились и растеклись по полу, образуя вокруг танцующей пары светящееся кольцо... потом начали расти все выше и выше, превращаясь в призрачный, мерцающий каким-то колдовским светом, барьер. Медленно, неторопливо поднимался он вверх, постепенно скрывая за собой мужчину и женщину.

Быстрым движением Йолара сорвала с себя венец из матовых синих сапфиров, встряхнула головой, высвобождая волнистые шелковистые волосы. Хлынул, заструился, завораживая взгляд, водопад волос, до пояса закрыв их обоих, жрицу и О'Кифа; светящиеся змейки лунного пламени уже подползли к их коленям, и, свиваясь спиралями, поднимались все выше и выше.

Отчаяние сдавило мне грудь!

Что такое? Я вскочил на ноги и услышал, как в окружающей меня темноте зашептались и зашевелились. Снаружи раздался рев труб, послышался топот бегущих ног, громкие неразборчивые крики. Суматоха постепенно приближалась. Я разобрал отдельные выкрики: «Лакла! Лакла!» Сейчас они звучали уже у самого порога, и шум переполоха время от времени заглушали какие-то странные удары: очень низкий, гулкий звук раздавался будто из бездонной бочки,

воздух сотрясался и вибрировал, словно от раскатов грома.

Внезапно смолкли звуки арф: язычки лунного пламени задрожали, опали и стали быстро заползать назад, в хрустальные шары. Покачивающееся тело Йолары оцепенело, казалось, она каждой клеточкой прислушивается к чему-то. Жрица отбросила назад свисающие пряди волос, и я увидел ее лицо. При свете последних, издыхающих змеек пламени, оно показалось мне застывшей маской из древней греческой трагедии.

Прелестные губки, в которых при всей их привлекательности всегда присутствовала некая утонченная жестокость, теперь напрочь утратили всю свою миловидность, ощерившись резко очерченным прямоугольником рта, — в нем не осталось ничего человеческого. Это было лицо мифической Медузы Горгоны: глаза горели, словно у попавшей в западню волчицы, казалось, что волосы у нее на голове корчатся, свиваясь клубками, все равно как змеи на голове у этой страшной женщины, чей рот жрица позаимствовала на время. И вся ее красота мгновенно превратилась в нечто отвратительное, невыразимо гадкое — нечеловеческое и разрушительное. Если предположить, что сейчас на лице Йолары проявилась ее истинная душа, то, пожалуй, только сам Господь Бог помог нам спастись от нее.

Я с трудом оторвал от нее глаза и перевел их на О'Кифа. Он уже снова стал самим собой. Трезвый, как стеклышко, Ларри стоял, уставившись на жрицу с невыразимым отвращением и ужасом. Так они стояли, не шевелясь... и вдруг где-то вспыхнул свет.

Еще какую-то долю секунды держалась темнота в зале, а потом с молниеносной быстротой исчезла угольно-черная тень, заменявшая собой стену зала,

и через входной проем, открывшийся между серыми ширмами, хлынул поток серебристых сверкающих лучей.

Через этот проход, четко печатая шаг, вошли, построившись в две колонны, какие-то невероятные, каких не увидишь и в кошмарном сне, существа. Это были фигуры лягушек, причем несомненно мужского пола, очень высокого роста, — чуть ли не на ярд выше, чем даже наш ирландец. Чудовищные, огромные, как блюдца, глаза были обведены широкой красной каймой, усеянной зелеными крапинками, которые вспыхивали фосфоресцирующими блестками. Вытянутые, длинные морды с полуоткрытыми губами скалились в звериной ухмылке, обнажая ряд блестящих, узких и острых, как ланцеты, клыков. Низко надвинутые почти на самые ослепительно сверкающие глаза рогатые каски, черепаховые панцири из черных и оранжевых плиток, с торчащими из них заостренными на концах рогами, длиной чуть ли не в фут, завершали их облик.

Словно солдаты, исполняющие приказ, они выстроились вдоль обеих сторон широкого прохода между столами. Теперь я смог увидеть, что рогатые панцири защищали им плечи и спину, а на груди переходили в шишковатые латы; на запястьях и возле пяток торчали чудовищные кривые наросты, острые, как шпоры. Перепончатые руки и ноги (если можно так выразиться!) заканчивались желтыми, широкими, как лопата, когтями.

Они держали в лапах огромные копья, не меньше десяти футов в длину, и на верхней заостренной части копий поблескивало то самое желатиновое покрытие, от быстродействующего, разлагающего действия которого я в свое время так удачно избавил Радора.

Воины-лягушки выглядели до невозможности карикатурно, ничего смешнее мне еще не приходилось видеть в жизни, — да я бы и представить себе такое не смог, — и все же они были ужасны!

А потом, между рядами выстроившихся монстров, тихо и спокойно, прошла девушка! Сзади ее сопровождал воин-лягушка, угрожающе раздувая громадную, как мешок, складку кожи у горла, зажав в одной лапе страшенную, размером со ствол небольшого деревца, сплошь утыканную острыми шипами булаву, — гораздо выше ростом, чем все остальные стражи. Но я лишь скользнул по нему мимолетным взглядом, потому что все мое внимание сейчас было приковано к девушке.

Ибо это была она... та самая, что указала нам дорогу сюда, когда мы попали в безвыходное положение в логове Двеллера на Нан-Танахе. И сейчас, снова глядя на нее, я поражался тому, как это я мог подумать хоть на единый миг, что жрица превосходила ее красотой. Глаза О'Кифа вспыхнули от радости, стыда и унижения.

Со всех сторон слышался шум и резкий злобный шепот, недоверчивое бормотание, сдобренное изрядной порцией страха:

— Лакла!

— Лакла!

— Лакла! Служительница!

Она остановилась недалеко от меня. Начиная с маленького, твердо очерченного подбородка до самых пят, изящных, обутых во что-то напоминающее котурны ножек, девушка была закутана в мягкое, тускло отливающее медным блеском одеяние. Левая рука полностью укрыта, правая — свободна. Вокруг этой, затянутой в перчатку руки, плотно обвивалась лоза, напоминающая те, что мы видели на барельефе

розовой стены и на кольце с печаткой, которое показывал нам Лугур. Пять мощных, сочно-зеленых отростков бежали у нее между пальцами, протягивая вперед сверкающие цветочные головки, словно вырезанные из огромного светящегося рубина.

Девушка стояла, молча разглядывая Йолару. И вдруг, возможно потому что я так пристально разглядывал ее, она опустила на меня взгляд. Полупрозрачные, с крохотными вкраплениями янтаря в золотистой радужной оболочке, глаза девушки сияли как червонное золото, и душа, светившаяся в них, была так же далека от души жрицы Йолары, как зенит от надира.

Теперь я смог подробно разглядеть ее: широкий, низкий лоб, благородной формы маленький носик, нежно вылепленные губы, и мягкое, теплое, словно солнечный свет, сияние, которое, казалось, исходило от тонкой кожи.

Внезапно у нее на лице появилась улыбка, ласковая, приветливая, немного шаловливая, и до того человечная и близкая, что я невольно вздохнул. Сердце мое радостно забилось, словно освободившись от тягостных пут, как у человека, которого засасывает в трясину и, вдруг к своему несказанному облегчению, он нащупывает почву под ногами... так бывает иногда в ночном кошмарном сне — вдруг сопротивляющееся сознание уловит мельком знакомое лицо, и поймет, что все, с чем оно мучительно боролось, не более чем сон. И непроизвольно я улыбнулся ей в ответ.

Девушка подняла голову и снова посмотрела на Йолару, с легким презрением и, пожалуй, с каким-то недоумением, потом — на О'Кифа... в глубине ее смягчившихся глаз быстро промелькнула легкая тень печали; она с любопытством оглядела его с головы

до ног, и наивное простодушное удивление, такое же по-человечески близкое и понятное, как ее улыбка, отразилось у ней на лице.

Она заговорила. Низкий и глубокий голос лился, словно расплавленная золотая струя, олицетворяющая всю ее сияющую красоту. И невольно я сравнил его с серебряным голосом Йолары.

— Молчащие Боги послали меня к тебе, о Йолара, — сказала девушка. — Вот, что они велели передать тебе: чтобы ты беспрепятственно отпустила со мной троих из этих чужестранцев, нашедших сюда дорогу. Что же касается четвертого, того, который замышляет заговор вместе с Лугуром, — она указала на Маракинова, — в нем Молчащие Боги не нуждаются.

Я увидел, как вздрогнула Йолара.

— Молчащие Боги заглянули ему в сердце и сказали, что и Лугур, и ты, Йолара, можете оставить его себе, — продолжала девушка.

Последние слова прозвучали как подслащенная пилюля.

Йолара уже овладела собой, разве что легкая дрожь голоса выдавала обуревавшую ее ярость, когда она начала отвечать.

— С каких это пор у Молчащих Богов появилось право приказывать мне, шойя!

Это последнее словечко имело очень грубый, вульгарный оттенок. Однажды я слышал, как Радор употребил его, разгневавшись на одну из служанок, и смысл, вложенный в него, был примерно следующий: «замарашка», «кухонная девка». Лакла вздрогнула от оскорбления и унижения, кровь бросилась ей в лицо, окрасив румянцем нежную, цвета слоновой кости, кожу.

— Йолара, — голос ее звучал тихо и спокойно, — спрашивать меня об этом бесполезно. Я всего лишь посланница Молчащих Богов. Мне велено только спросить, отпустишь ли ты со мной трех чужестранцев.

Лугур вскочил на ноги. Он весь дрожал от страстного нетерпения, какое-то злорадное предвкушение предстоящей развязки было написано на его лице. Маракинов, как мне показалось, испытывал те же чувства: втянув голову в плечи, он, не замечая того, судорожно грыз ногти, уставившись на Золотую девушку.

— Нет! — выплюнула Йолара. — Нет! Клянусь Танароа и Сияющим Богом, нет! — Глаза жрицы полыхали огнем, ноздри раздувались, на прекрасной шее злобно билась маленькая жилка. — Вот что Лакла... Это ты передашь мое послание Молчащим Богам. Скажи им, что я оставляю себе этого человека, — она показала на Ларри, — потому что он — мой! Скажи им, что я оставляю у себя светловолосого и вот его, — она показала на меня, — потому что они нравятся мне. Передай им, что я плюю на их слова и плюю в их лица, вот так, — с отвратительным змеиным шипением она плюнула на пол и растерла плевок ногой. — И последнее... ты, прислужница, передай им, что если они осмелятся еще раз послать тебя к Йоларе, то ты станешь пищей для Сияющего Бога! А теперь — вон отсюда!

Лицо служительницы побелело.

— Для Молчащих Богов нет ничего непредвиденного, Йолара, — отпарировала она. — Ты сказала именно то, что и должна была ответить на мои слова. Вот что еще я должна передать тебе.

Голос ее стал еще ниже.

— Три *тала*[1] дается тебе на раздумье, Йолара. По истечении этого срока ты должна решить, сделаешь ли ты следующее: во-первых — отпустишь ли ты чужестранцев к Молчащим Богам, во-вторых — принесете ли повинную, ты, Лугур, и все те, кто подобно тебе мечтает завоевать верхний мир. И наконец — вы должны предать проклятию Сияющего Бога! И если ты не выполнишь хотя бы одно из этих трех условий — тогда тебя не станет. Разобьется кубок твоей жизни, Йолара, и прольется наземь вино твоего существования. Да, Йолара, ибо и ты, и Сияющий Бог, и Лугур, и Совет, и все присутствующие здесь, и их дети окончат свои дни! Вот что сказали Молчащие Боги: «Все они уйдут в небытие и не останется от них и следа на этой земле!»

У всех сидящих в зале вырвался хриплый стон ярости и страха, но жрица, откинув назад голову, весело залилась громким смехом. К его мелодичным трелям и переливам добавился гулкий хохот Лугура, и спустя некоторое время все присутствующие подхватили его, уже вся зала задрожала от их неудержимого хохота. О'Киф, сжав губы, направился было к служительнице, но она остановила его едва заметным, но не допускающим возражений, жестом.

— О, это сильно сказано... нет, в самом деле, это сильно сказано, шойя, — пронзительно выкрикнула Йолара, насмеявшись всласть.

И снова Лакла вздрогнула, услышав это слово, словно ее хлестнули плетью.

— Слушай же, что я скажу тебе, — продолжала жрица. — Уже не одна лайя сменилась другой лайей, как Сияющий Бог вышел из повиновения Мол-

---

[1] Тал в Мурии эквивалентен тридцати часам земного времени. (*У. Т. Г.*)

чащим Богам, и уже лайя за лайей они живут беспомощные и никому не нужные. И теперь я спрашиваю тебя — откуда они возьмут силу, чтобы заставить меня исполнять их условия, и откуда они возьмут силу, чтобы сражаться с Сияющим Богом и теми, кого любит Сияющий Бог!

Она снова рассмеялась, и опять Лугур и все присутствующие подхватили ее смех.

Лакла растерялась, и я увидел, что тень сомнения закралась в ее глаза, словно она и сама не очень-то верила в то, что говорила.

Лакла молчала, обратив на О'Кифа взгляд, который, казалось, молил его о помощи и поддержке! И Йолара, видно, тоже перехватила этот взгляд, ибо она вся вспыхнула от торжества, уставив на служительницу палец.

— Смотрите, — кричала она. — Смотрите! О чем еще можно говорить, если даже она не верит. — В голосе Йолары, беспощадном, жестоком, зазвенел металл. — Вот что я сейчас решила: пусть Молчащие Боги получат от меня другой ответ. Но не через тебя, Лакла, а... от этих, — она показала на воинов-лягушек.

Со змеиным проворством рука жрицы скользнула за пазуху, вытаскивая оттуда маленький блестящий конус, сеющий смерть.

Но прежде чем жрица успела навести его, золотоглазая девушка, высвободив левую, укрытую до этих пор руку, опустила на лицо отливающую металлическим блеском складку ткани. Еще быстрее, чем Йолара, она подняла руку, вокруг которой обвивалась лоза, и тут я увидел, что это было не просто украшение или безделушка.

Лоза была живая!

Она по-змеиному заструилась по руке девушки, а пять ее цветочных головок, сияющих рубиновым светом, вытянулись, нацелившись на жрицу: они подрагивали, сердито вибрируя, и, казалось, ждут только приказания служительницы, чтобы сорваться с привязи.

Страшилище, охраняющее ее сзади, гулко, раскатисто зарычало, раздувая мешок, висевший у него под горлом. Оно развернулось кругом, подняв свои похожие на ланцеты когти, и наставило их на шумящую толпу. Около налившихся ярким рубиновым светом цветочных головок быстро накапливалась слабая красноватая дымка.

Серебристый конус выпал из окаменевших рук Йолары; глаза ее остекленели, и вся ее чудная неземная красота бесследно улетучилась. Йолара стояла, бессильно шевеля побледневшими губами.

Служительница убрала с лица защитную металлическую сетку. Теперь уже пришел ее черед смеяться.

— Ну что, Йолара, кажется, у Молчащих Богов все же есть кое-что, чем можно тебя напугать, — весело сказала она. — В таком случае я обещаю тебе поцелуй Йекты в обмен на объятия Сияющего Бога.

Лакла посмотрела на Ларри долгим испытующим взглядом, и неожиданно улыбнулась ему. Улыбка озарила ее лицо, словно яркий солнечный луч, прорвавшийся сквозь тучи. Она с облегчением встряхнула головой, посмотрела на меня сверху вниз, маленькие веселые искорки заплясали у нее в глазах. И она помахала мне рукой.

Девушка что-то сказала гигантской лягушке-воину и повернулась к выходу. Прежде чем последовать за своей владычицей, эта зверюга, оказавшаяся те-

перь лицом к лицу со жрицей, замахнулась на нее дубинкой, угрожающе оскалив клыки. Шеренга солдат даже не шелохнулась, они стояли, неподвижно держа высокие копья. Лакла стала уходить, не торопясь, очень медленно, — я бы даже сказал, нарочито медленно. Когда она уже почти достигла выхода, Ларри, стряхнув оцепенение, спрыгнул с возвышения.

— Alanna![1] — крикнул он. — Ты не оставишь меня... теперь... когда я наконец нашел тебя.

В возбуждении он заговорил на своем родном языке, с заметным бархатным акцентом. Лакла повернулась, разглядывая О'Кифа. Она колебалась, и видно было, как она борется с одолевающим ее искушением, неотразимо привлекательная, словно ребенок, прикидывающий в уме, стоит ли рисковать и протягивать руку за лакомым кусочком, который ему предлагают.

— Я иду с тобой, — заявил О'Киф, на этот раз уже на местном языке. — Пойдемте, док, — он протянул мне руку.

Но тут заговорила Йолара. Жизнь и прежняя красота снова вернулись к ней, но в пурпуровых глазах горел дьявольский, демонический огонь.

— Ты что, забыл, что я обещала тебе перед Сийей и Сийаной? Неужели ты думаешь, что сможешь так просто оставить меня, как будто я... шойя... как она, — жрица показала на Лаклу. — Неужели ты...

— Э, послушай, Йолара, — почти взмолился Ларри. — Разве я давал тебе какие-нибудь обещания... почему же ты держишь меня? — Он бессознательно перешел на английский язык. — Мы неплохо повеселились, Йолара, — настаивал он, — но у тебя

---

[1] Alanna *(ирл.)* — a leannan — любимая.

чертовски вспыльчивый характер, ты сама это знаешь, да и я еще та штучка. Нам будет страшно неуютно друг с другом. Лучше тебе вовремя избавиться от такого норовистого конька, как я. Будь здорова!

Йолара, изумленно хлопая глазами, уставилась на Ларри. Маракинов, перегнувшись через стол, переводил Лугуру то, что сказал Ларри. Злобно фыркнув, красный карлик улыбнулся, подошел к жрице и зашептал ей на ухо, несомненно используя самые беспардонные выражения, чтобы передать смысл сказанного Ларри.

У Йолары перекосился рот.

— Эй ты, Лакла, слушай меня, — крикнула жрица. — Никогда я не позволю тебе забрать у меня этого человека, даже если мне придется десять тысяч лайя корчиться в муках от поцелуя Йекты. Я клянусь тебе в этом... клянусь именем Танароа, моим собственным сердцем и всей моей силой. И пусть оскудеет моя сила, пусть сгниет сердце у меня в груди, и пусть отступится от меня Танароа, если я не выполню свою клятву.

— Послушай, Йолара, — снова начал было О'Киф.

— Ну ты... замолчи, — чуть не взвизгнула жрица. И снова ее рука метнулась к груди, нащупывая наполненный смертоносной силой конус.

Лугур схватил ее за руку, что-то зашептал на ухо. Жрица, успокоившись, засмеялась, коварно блеснув глазами.

— Молчащие Боги, как ты сказала, Лакла, отпустили мне на раздумье три тала, — вкрадчиво сказала она. — Иди с миром, Лакла, и скажи им, что Йолара все выслушала, и когда пройдет отпущенный ей срок, она примет решение.

Служительница медлила.

— Да, так сказали Молчащие Боги, — ответила она наконец. — Оставайтесь здесь, чужеземцы...

Длинные ресницы опустились в ответ на пылкий взгляд О'Кифа, легкий румянец окрасил щеки.

— Оставайтесь здесь, чужеземцы, пока не истечет срок. Но смотри, Йолара, чтобы с ними ничего не случилось, иначе сбудется все, чем ты клялась: и на твою силу и на твое сердце в самом деле ляжет возмездие, которое ты призывала... и это обещаю тебе я — Лакла.

Они стояли, не отводя друг от друга глаз: встретились черное пламя Абадонны и золотое сияние Парадиза.

— Помни же это! — промолвила Лакла и вышла из залы.

Гигантская лягушка-воин, оглушительно рявкнув, подала знак своим подчиненным. Все гротескные фигуры повернулись и медленно последовали за своей госпожой; завершая шествие, позади всех удалялось страшилище, подняв угрожающе свою дубину.

ГЛАВА 21

ЛАРРИ БРОСАЕТ ВЫЗОВ

В зале поднялся невообразимый галдеж; Йолара сделала знак рукой — и шум утих. Она стояла молча, разглядывая Ларри с каким-то странным выражением лица: слепая ярость уступила место то ли раскаянию, то ли сожалению.

Но ирландец уже потерял над собой власть.

— Йолара, — сказал он дрожащим от гнева голосом, отбросив всякую осторожность. — Теперь ты слушай меня. Я пойду туда, куда хочу, и тогда, когда захочу. Мы останемся здесь ровно на тот срок, который назвала Лакла. А потом мы пойдем вместе с ней — нравится тебе это или нет. И если кто-нибудь вздумает помешать нам... расскажи-ка им о пламени, которое разрушило вазу, — угрюмо добавил он.

Задумчивое выражение исчезло с лица жрицы; серыми холодными глазами смотрела она на Ларри. И ничего не ответила ему.

— Совету надо собраться и обсудить то, что сказала служительница... и немедленно. — Жрица повернулась лицом к высокорожденным. — Пусть сейчас мои друзья и друзья Лугура помирятся, ибо нет у нас времени для раздора. — Она бросила на красного карлика быстрый взгляд. — «Ладала» волнуется, и Молчащие Боги угрожают. Хотя... чего нам бояться? Разве мы не сильны под властью Сияющего Бога? А теперь... оставьте нас.

Она положила на стол руки и, видимо, незаметно дала сигнал, потому что в зал вошло человек десять, если не больше, зеленых карликов.

— Проводите к себе этих двоих, — приказала она, показывая на меня и Ларри.

Зеленые карлики окружили нас толпой. Даже не поглядев на прощанье в сторону жрицы, Ларри вышел из зала. Он задумчиво шагал рядом со мной, и только когда мы дошли до украшенного колоннадой выхода из дома, Ларри заговорил.

— Терпеть не могу говорить подобные вещи женщине, док, — сказал он. — И хорошенькой женщине, к тому же. Но мало того, что она играла со мной крапленными картами и общипала, как дохлую курицу, эта дамочка в конце концов чуть не выпалила в меня из своей пушки. Что за черт! Да она чуть было не женила меня на себе!!!

Ларри помолчал.

— Понятия не имею, какой отравой она опоила меня, но будь у меня рецепт этого зелья, я бы горя не знал, торгуя им на углу сорок пятой авеню и Бродвея по тысяче долларов за глоток, — и брали бы нарасхват, будьте уверены.

Один стаканчик этого пойла — и вы забудете все треволнения мира, еще три стаканчика, и сам мир покажется вам величиной с пуговицу. Я не стану размазывать сопли перед вами, док, и каяться в том, что натворил; мне безразлично, что думаете по этому поводу вы или Лакла. В том, что случилось, — нет моей вины...

— Признаться, меня несколько беспокоят ее угрозы, — сказал я, игнорируя вышесказанный монолог.

Он встал как вкопанный.

— Вы что — боитесь?

— Еще как, — сухо ответил я. — У меня нет ни малейшего желания танцевать с Сияющим Богом.

— Послушайте меня, Гудвин. — Ларри нетерпеливо зашагал вперед. — Я люблю вас и восхищаюсь

вами, как никем другим на свете, но должен сказать, что нервишки у вас теперь ни к черту не годятся. Возьмите себя в руки, док! Некто Ларри О'Киф — выходец из Ирландии и этих задрипанных Соединенных Штатов берет все на себя. К черту всю эту мистическую дребедень, к черту суеверия! Я им тут устрою красивую жизнь! Понятно?

— Да, мне все понятно, — неожиданно вспылил я. — Но я бы попросил вас оставить эти постоянные намеки на мою склонность к суевериям.

— Почему же это? — Ларри тоже не на шутку разозлился. — Вот вы, ученые люди, построили целую философию на вещах, которых никогда не видели, а между тем только и знаете, что высмеивать тех, кто верит в другие вещи, которые — как вы полагаете — они никогда не видели... только потому, что они не укладываются в рамки вашего научного мировоззрения. Вы так любите рассуждать о каких-то там парадоксах... Я скажу, что ваш брат, ученый, думающий, что он самое материалистическое, самое скептическое скопление атомов, которое когда-либо собиралось в математически точно вычисленном центре штата Миссури еще более слепо, чем тунгусский шаман, верит во всякую чепуху и более склонен к мистике, чем окосевший от виски бродяга, поддающий с привидением на деревенском кладбище безлунной ночью.

— Ларри! — ошеломленно воскликнул я.

— Олаф ничуть не лучше. Но он моряк, его еще можно как-то простить. Но не вас, сэр!

Он остановился и покачал у меня перед носом пальцем.

— Чего этой экспедиции не хватает — так это человека без предрассудков! Зарубите это себе на носу! Лепрекоун обещал, что меня предупредят за-

ранее в случае опасности. И когда мы будем уходить отсюда, вы еще увидите, как целая орава духов под руководством моей баньши расчистит перед нами дорогу, по которой мы пройдем, озаренные лучами славы! Не забывайте про это! Я все беру в свои руки!

К этому моменту мы уже подошли к нашему павильону и, боюсь, оба находились в самом скверном расположении духа. Радор и десятка два его солдат уже поджидали нас.

— Никому не велено входить сюда без специального разрешения и никому не велено выходить отсюда без моего сопровождения, — грубым голосом заявил он. — Вызовите одну из самых быстроходных кориа, и пусть она ждет наготове, — добавил он, словно ему только что пришло это в голову.

Но едва лишь мы вошли в комнату и ширмы сдвинулись у нас за спиной, как Радор, мигом преобразившись, с нетерпением принялся расспрашивать нас.

Мы рассказали вкратце о том, что произошло на празднестве, о появлении Лаклы, прервавшем едва не случившуюся драму, о том, что последовало дальше.

— Три тала, — сказал он задумчиво, — три тала дали на размышление Йоларе... и она согласилась.

Радор опустился на диван, молчаливый и задумчивый.

— Ja! — теперь уже заговорил Олаф. — Ja! Я скажу вам, что эта хозяйка Сияющего Дьявола — сущая ведьма! Я вернусь к той истории, что рассказывал вам, пока не пришел он. — Олаф показал на Радора, поглощенного своими мыслями. — И ни в коем случае не говорите ему ничего, даже если он станет расспрашивать. Потому что я не доверяю ни-

кому в этом Трольдоме, одной только Jomfrau — Светлой Деве!

После того, как старика adsprede (Олаф опять употребил выразительное норвежское словечко, имея в виду уничтожение Зонгара), я понял, что настал момент действовать по-хитрому. Я сказал себе так: «Если они будут думать, что у меня нет ушей, чтобы слушать, они станут говорить при мне и, может быть, я тогда смогу найти способ, чтобы спасти мою Хельму и заодно друзей доктора Гудвина». Ja! И они говорили... Красный тролль спросил русского, как получилось, что он стал поклоняться Танароа.

Я не смог удержаться, чтобы не бросить на Ларри быстрый торжествующий взгляд.

— А русский, — громыхнул Олаф, — ответил, что все люди у него дома поклоняются Танароа и воюют с другими народами, которые не признают этого бога. Потом мы пошли в дворец Лугура. Они отвели меня в комнату, и туда пришли люди, которые меня ощупали и осмотрели, и они массировали мои мышцы и натерли меня маслом. На другой день я боролся с большим карликом, которого они называли Вальдор. Он был очень здоровый, и мы долго сражались, но в конце концов я побил его. Лугур остался очень довольный, так что я сидел с ним за обедом, и русский был там тоже. И опять, не зная, что я понимаю их, они разговаривали.

— У русского планы — ого-го! Они договорились, что Лугур станет императором всей Европы, а Маракинов будет под ним. Они говорили о зеленом огне, который вытряс душу из старика, и Лугур сказал, что секрет производства такого огня унесли с собой Древние Боги, а у Совета таких штук не очень много. Но русский сказал, что среди его народа много муд-

рых голов, и они смогут наделать много таких штуковин, когда изучат его секрет.

На следующий день я боролся с большим карликом по имени Тахола, еще здоровее, чем Вальдор. С ним я бился очень, очень долго, и его я тоже поборол. И Лугур снова был довольный. И снова мы сели за стол; он, русский и я. В этот раз они говорили о какой-то такой штуке, что откроет Svaelc — бездну, и все, что находится внутри нее, взлетит в небо!

— Что? — воскликнул я.

— Я знал об этом, — сказал Ларри. — Слушайте дальше, док!

— Лугур крепко выпил, — продолжал Олаф, — и начал хвастаться. Русский все приставал к нему, чтобы тот показал, как действует эта штука. Через некоторое время красный тролль вышел и вернулся с маленькой золотой коробочкой. Он и русский пошли в сад. Я за ними. Там, в саду, была lille Hoj... — насыпь из камней, на которой росли цветы и деревья.

Лугур нажал на коробочку, и оттуда выскочила искра... такая маленькая, как песчинка, и упала рядом с камнями. Лугур нажал снова, голубой свет выстрелил из коробочки и упал на искру. Эта искорка, которая была не больше чем одна-единственная песчинка, стала расти, и росла все время, пока голубой луч освещал ее. А потом как будто что-то вздохнуло, ударил ветер, и камни, и цветы, и деревья... пропали. Они forsvinde... исчезли!

Тогда Лугур, который до того все время смеялся, быстро протрезвел и потянул русского назад... далеко назад. И скоро в садик врассыпную повалились камни и деревья, но все разбитые и поломанные, как будто они свалились с очень большой высоты. И Лугур сказал, что вот этой штуки у них очень много,

потому что секрет ее производства придумали их собственные отцы и деды, а не Древние Боги.

Они побаиваются запускать эту игрушку, сказал Лугур, потому что искра, в три раза большая, чем та, которую он использовал сейчас, могла бы поднять в воздух весь этот садик и могла бы открыть путь наружу, прежде чем... и он сказал так: *прежде чем мы будем готовы выйти отсюда.*

Русский еще много задавал вопросов, но Лугур совсем развеселился, сделался очень пьяный и стал угрожать русскому, и тот замолчал от страха. И потом, я еще подслушивал, когда мог, и немножко еще кой-чего узнал, но очень мало. Ja! Лугур рвется воевать, и Йолара тоже, и весь их Совет. Им надоело жить здесь, а Молчащие Боги уже не имеют над ними силы, да они просто смеются над этими Богами. И вот что они собираются сделать: они хотят завоевать наш мир с помощью их Сияющего Дьявола!

Норвежец ненадолго замолчал; потом снова заговорил низким дрожащим голосом:

— Трольдом проснулся, и Хельведе, завывая, подбирается к земным вратам, чтобы напустить на нас своих дьяволов. А нас тут всего лишь трое!

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в голову. У Ларри на лице появилось выражение, в котором, казалось, отразился воинственный пыл всех его предков за последнюю тысячу лет. Радор мельком поглядел на него, встал, зашел за портьеры и быстро вернулся, держа в руках военную форму ирландца.

— Одевайся! — резко сказал он, и снова впал в задумчивое молчание.

О'Киф что-то пытался ему сказать, но Радор, ничего не слушая, веселым и диковатым гиканьем заглушал его слова. Потом он сгреб в кучу сверкающую металлическим блеском тунику Ларри и ножные помочи.

— Ричард снова с вами! — весело выкрикнул Ларри.

Пока ирландец облачался в свою старую одежду, лицо его постепенно приобретало прежнее выражение бесшабашной уверенности. Застегнув последний крючок, он встал перед нами, театрально вытянув руку.

— Ну вы, презренное отродье — на колени! Все падают ниц и выражают свое глубочайшее почтение Ларри Первому, Императору Великобритании, диктатору и повелителю всей Ирландии, Шотландии, Англии и Уэльса, а также прилегающих морей и островов! На колени, жалкие трусы, на колени!

— Ларри, — ошарашенно вскричал я. — Да ты сошел с ума!

— Ну вот еще! Я именно то, что вы слышали, и даже больше, если камрад Маракинов не подведет. Ий-я! Сначала выносят королевские драгоценности и украшенную новыми золотыми струнами арфу Тары[1], потом все дружно посылают сассенахов[2] к чертовой бабушке! Ий-а!

Он исполнил какой-то дикий танец.

— О Господи, до чего же хорошо в своей старой одежде, — улыбнулся Ларри. — У меня сразу мозги встали на место, стоило мне переодеться. Но что касается моей империи, ребята, — это без дура-

---

[1] Тара — в старом произношении Темра — столица древней Ирландии.

[2] Сассенах — прозвище англичан в Ирландии. *(Прим. пер.)*

ков, — сразу сделавшись серьезным, добавил Ларри. — Все более чем правда. О многом из того, что рассказал нам Олаф, я догадался по намекам, которые иногда роняла Йолара. Но полностью все прояснил мне красный, когда он остановил меня перед... — Ларри покраснел... — ну, перед тем как я нарезался как свинья.

Может, он получил указание... или же просто подумал, что я знаю больше, чем на самом деле. Скорей всего, он решил, что мы с Йоларой — парочка нежно воркующих голубков. И еще он отлично понимал, что в этом их поганом... фейерверке Йолара играет гораздо более значительную роль, чем Лугур. Тем более, она женщина — значит, ею будет легче управлять. Ну коли так — какой вывод ему оставалось сделать? Вы мне подходите, Стив! К чертям собачьим Лугура, и заключаем союз с Ларри. Не моргнув глазом, он вызвался пустить Лугура под откос, если я возьму на себя Йолару. Моей наградой от России, сказал он, будет императорство! Нет, вы только подумайте! Обалдеть можно!

Ларри разразился громовым хохотом. Но мне было не до смеха: в свете того, что происходило в России, на что оказалась способна эта страна — все рассказанное Ларри совсем не казалось абсурдным; более того — я почувствовал угрозу надвигающейся колоссальной катастрофы.

— И все же, — слегка успокоившись, сказал Ларри, — мне немного не по себе. У них есть кез-лучи и эти обладающие громадной разрушительной силой гравитационные бомбы.

— Гравитационные бомбы! — ахнул я.

— Ну да, — сказал Ларри. — Та самая очаровательная фея, которая отправила к черту на ку-

лички камни и деревья из сада Лугура. Маракинов облизывается, как кот на сметану, на эти бомбы. Они устраняют гравитационные силы точно так же, как эти теневые экраны уничтожают свет, и, как следствие, все, что попадает в поле действия этих бомб, можно запульнуть чуть ли не на луну...

— Эти бомбы меня доконали, что там говорить, — продолжал Ларри. — Имея их и еще кез в придачу, да этих бесшумных невидимок, которые мигом отвинтят вам башку, пока вы будете хлопать глазами... по сравнению с этим всем самые крутые большевики — это жалкие сопливые младенцы, док! Что, не так?

Я пожал плечами.

— Сияющий Бог меня слабо волнует, — сказал О'Киф. — Стоит лишь попрыскать на него из брандспойта самой захудалой пожарной команде Нью-Йорка — только вы его и видели. Но все остальное — это да! Вы уж поверьте!

Но вот этой-то уверенности Ларри я как раз не разделял. Он слишком легкомысленно, с моей точки зрения, относился к этой страшной таинственной силе — Двеллеру! Кошмарное зрелище возникло у меня перед глазами: апокалиптические видения, которые и не снились Иоанну Богослову.

Я увидел, как по нашей земле огненным крутящимся смерчем проходит Сияющий Бог — чудовищная триумфальная колонна, олицетворяющая вечное, непреходящее Зло... людей, побывавших в его светящихся лапах и превратившихся в отвратительных сверхъестественных существ — в живых мертвецов, таких же, как те несчастные, которых я уже видел воочию... целые армии, рассыпающиеся на крохотные, как бриллиантовые пылинки, танцующие в воздухе

атомы... огромные города, взлетающие вверх на крыльях той самой демонической силы, действие которой и видел Олаф... ничего не подозревающих мирных жителей, среди которых, сея смерть и панический ужас, крадутся невидимые убийцы — приспешники Двеллера... увидел, как тянутся к этой твари самые мрачные и зловещие человеческие души, и как льнут к ней слабые и недалекие, падкие на мистику и подвластные животным инстинктам люди... Я отлично понимал, что ни один народ не сможет надолго удержать в узде это дьявольское отродье: что однажды выпущенный на свободу, Двеллер как чума со страшной скоростью распространится по всему миру.

А потом наша земля превратится в колоссальную клоаку жестокости и насилия, вертеп страстей, ненависти и мук, хаос ужаса, черпая из которого свою силу, Двеллер будет расцветать пышным цветом, а призрачные орды тех, у кого он отнял душу, будут все прибывать и прибывать, исполняя его кровожадные прихоти. И наконец... разоренная планета, космическая гнойная язва, вращающаяся в содрогающихся от ужаса небесах; ее бесполезные стенания и плач; ее шелестящие леса, ее поля и горы, по которым слоняются лишь бесчисленные толпы живых мертвецов, без разума и сердца, их светящиеся инфернальным счастьем, подаренным Двеллером, человеческие оболочки. А над всей, истощенной этим оголтелым вампиризмом землей неистово полыхает факел, зажженный в таких бесконечных глубинах ада, куда еще никогда не заглядывало человеческое воображение — Двеллер!

Радор неожиданно вскочил с диванчика, словно его осенила внезапная мысль, быстро подошел к говорящему шару. Склонившись над ним, он поковы-

рялся немного во встроенном в подставку механизме, потом подманил нас к себе. Шар быстро закружился, мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы он вращался с такой бешеной скоростью. Возникшее при этом низкое глухое жужжание сменилось невнятным бормотанием, в котором вдруг отчетливо прорезался голос Лугура.

— Ну что — быть войне?

Раздался одобрительный гул голосов — членов Совета, я так полагаю.

— Я заберу этого высокого человека по имени Лаарри, — прозвучал голос Йолары. — Когда пройдут три тала, ты сможешь взять его себе, Лугур, и делай тогда с ним, что захочешь!

— Нет, — снова раздался голос Лугура, хриплый от злобы. — Все должны умереть!

— Он умрет, — это опять говорила жрица. — Но я хочу, чтобы он сначала увидел смерть Лаклы, и чтобы она, умирая, знала, что его ждет та же участь!

— Нет.

Я так и подскочил, это был голос Маракинова.

— Сейчас не время для твоих капризов и прихотей, Йолара. Это мой совет! Лакла явится за ответом, когда пройдут три тала. Ваши люди будут поджидать ее в засаде и быстро справятся с ней и ее сопровождением. Но этих трех чужеземцев надо убрать раньше, и как можно быстрей. После смерти Лаклы мы отправимся к Молчащим Богам, и я обещаю тебе, Йолара, что найду на них управу.

— Очень хорошо! — голос Лугура.

— Это в самом деле хорошо, Йолара.

Сейчас говорил женский голос, и я понял, что он принадлежит безобразной старухе — той самой, о чьй ослепительной некогда красоте сейчас можно было только гадать.

— Выкинь из головы все, что касается этого чужеземца. Либо любовь — либо ненависть! Совет целиком на стороне Лугура и этого мудрейшего человека!

Наступила тишина. Снова зазвучал голос Йолары, сердитый... но сломленный.

— Да будет так!

— Пускай этих троих заберут сейчас же от Радора и передадут верховному жрецу Сатору, — сказал Лугур, — а мы тем временем решим, как убрать их.

Радор нажал на подставку шара, и тот резко остановился. Словно собираясь что-то сказать, Радор повернулся к нам, но едва лишь он открыл рот, как шар повелительно звякнул, и по его поверхности, как обычно, начала растекаться разноцветная пленка.

— Я слушаю, — прошептал зеленый карлик. — Хорошо, их сейчас отправят отсюда.

Шар замолчал.

Радор подошел к нам.

— Вы все слышали, — начал он.

— Напрасно стараешься, Радор, — сказал Ларри. — Фокус не выйдет.

И затем, переходя на местное наречие, продолжил:

— Мы идем за Лаклой, Радор. И ты покажешь нам дорогу. — Ларри выхватил пистолет и приставил его к ребрам зеленого карлика.

Радор даже не шелохнулся.

— Что толку, *Лаарри*? — спокойно сказал он. — Ты можешь убить меня, но все равно вас схватят. В Мурии жизнь ничего не стоит, мои люди — те, что стоят на страже, или те, что мигом прибегут им на помощь, не позволят вам уйти, даже если вы почти всех перебьете. В конце концов они вас одолеют.

На лице Ларри появились признаки нерешительности.

— И еще... — добавил Радор, — если я позволю вам уйти... я буду танцевать с Сияющим Богом... если не хуже.

Ларри убрал пистолет.

— Ты славный малый, Радор. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы ты пострадал из-за нас, — сказал он. — Отправляй нас в храм. Скажи, когда мы там окажемся, твои полномочия кончатся?.. Ну, ты уже не будешь отвечать за нас? Так?

Зеленый карлик кивнул, и на его лице появилось какое-то странное выражение... то ли облегчения, то ли какого-то другого, более сильного чувства!

Он резко повернулся.

— Идите за мной, — сказал Радор.

Мы вышли из славного маленького павильончика, долгое время служившего нам домом в этом чужом, враждебном месте. Стража взяла на караул.

— Вот что, Сатойя, отправляйся к шару, — приказал Радор одному из них. — Если Афио Майя будет спрашивать меня, скажи, что я повез чужеземцев, исполняя ее приказание.

Сквозь строй солдат мы прошли к огромному кориалу. Словно гигантская морская раковина, он стоял в начале дорожки, что вела к зеленой автостраде.

— Жди меня здесь, — коротко приказал водителю Радор.

Зеленый карлик влез на сиденье, взялся за ручку управления. Мы понеслись вперед и скоро оказались у блестящего обсидианового покрытия главной дороги. Только тут Радор, засмеявшись, повернулся к нам.

— *Лаарри*, — крикнул он. — Я полюбил тебя за твой характер! Как ты мог подумать, что Радор может отправить в храмовую тюрьму человека, гото-

вого пойти на муки, лишь бы не перекладывать их на чужие плечи. Или тебя, Гудвин, который спас меня от страшной смерти разложения заживо. И зачем же, по-вашему, я взял этот кориал, или стал подслушивать, как не для того, чтобы узнать, не грозит ли опасность вашим жизням.

Он повернул кориал налево, в противоположную от храма сторону.

— Я порываю с Лугуром, и с Йоларой, и с Сияющим Богом! Мое сердце и руки принадлежат вам троим, Лакле и тем, кому она служит.

Скорлупка рванула вперед — казалось: она летит, как птица.

ГЛАВА 22

ПРОРЫВ СКВОЗЬ ТЕНЕВОЙ БАРЬЕР

Мы уже подъезжали к тому самому последнему мосту, который, будучи овеян каким-то дыханием старины, резко выделялся среди всех остальных, парящих в воздухе ажурных конструкций.

Скорлупка сбавила скорость, мы явно прибыли на место.

— Приехали? — спросил О'Киф.

Кивнув, зеленый карлик показал направо, туда, где у конца моста стояла на двух гигантских опорных тумбах широкая платформа; между опорами бежала ответвляющаяся от блестящей автострады узкая дорожка. Платформа и сам мост кишмя кишели вооруженными людьми; они столпились у парапета, разглядывая нас с любопытством, но без признаков враждебности. Радор с глубоким облегчением перевел дыхание.

— Вполне могли бы рвануть напрямик... — разочарованно фыркнул ирландец.

— Бесполезно, *Лаарри*! — Улыбнувшись, Радор остановил кориал как раз под аркой моста и рядом с одной из опор, на которых покоилась платформа.

— Теперь слушайте меня внимательно! Они ничего не подозревают. Йолара пока еще думает, что мы находимся на пути к храму. То, что вы видите, — это проход, ведущий к Порталу, и сейчас этот проход закрыт Теневой Завесой. Как-то мне пришлось командовать здесь гарнизоном, и я знаю все здешние правила. Сейчас я попытаюсь сделать одно из двух: либо хитростью склонить Серку — начальника караула — поднять Теневую Завесу, либо сделать это

самому. Это будет не просто, и, возможно, что нам придется заплатить своими жизнями за эту попытку. И все же — лучше умереть сражаясь, чем танцевать с Сияющим Богом.

Радор направил скорлупку в объезд тумбы моста. Перед нами открылась широкая площадь, покрытая вулканическим стеклом черного цвета, очень похожая на ту поверхность, по которой мы скатились в этот подземный мир из Лунной Заводи. Она блестела, словно зеркальная гладь маленького озерца из черного янтаря; по обе стороны от нас поднимались показавшиеся мне на первый взгляд крепостными стены, сделанные из такого же угольно-черного обсидиана; приглядевшись, я решил, что эти постройки являются жилищем для людей: в полированных стенах были пробиты узкие и высокие оконца.

Вдоль всего фасада стены шла лестница, пролеты которой разделялись площадками с выходящими на них дверями. Ступени лестниц выводили на широкий выступ сероватого камня, окаймляющего покатой губой пруд средней величины, и еще, там же, на этом выступе заканчивались два ряда широких ступеней, ведущих с обоих концов платформы. Около всех четырех лестниц беспрестанно курсировали охраняющие их стражи, там и сям, у края губы стояли скорлупки — картина болтающихся на приколе лодчонок как-то умиротворяюще подействовала на меня, напомнив мне прежнюю, земную жизнь.

Мрачные стены высоко поднимались над нашими головами; плавно закругляясь по бокам, они заканчивались двумя похожими на обелиски колоннами, между которыми, подобно какой-то огромной занавеске, простирался устрашающий своим видом барьер мрака. Теперь уже я знал, что хотя он легок и невесом, как тень, но преодолеть его невозможно, как

невозможно перейти невредимым границу между жизнью и смертью. Внутри этой мрачной черноты, непохожей ни на что, с чем мне приходилось иметь дело в нашем мире, я чувствовал какое-то движение; постоянные ритмические толчки, невидимые глазом, но все-таки, при помощи какого-то шестого чувства фиксируемые сознанием, как будто там внутри быстро билось ее сердце.

Зеленый карлик, подогнав кориал к правому краю Теневой Завесы, осторожно проехал вперед — туда, где, не более чем в ста футах от барьера, виднелась широкая и низкая дверь, — выход из форта. У порога стояли охраняющие форт два стражника, вооруженные громадными двуручными палашами, на широком, загибающемся полумесяцем конце лезвия виднелись устрашающие зазубрины правильной треугольной формы. Стражники подняли их, отдавая нам честь. Из дверей широким шагом вышел карлик такого же высокого роста, как Радор, и одетый точно так же, как он. Из оружия при нем был только кинжал, который служил официальным признаком его капитанского звания.

Зеленый карлик подогнал скорлупку точно к самому краю губы; выпрыгнул из кориала.

— Приветствую тебя, Серку, — сказал он. — Что-то я не вижу здесь кориала Лаклы.

— Лаклы? — воскликнул Серку. — Да ведь служительница уже *ва* назад проехала здесь вместе со своими Акка.

— Как это проехала? — Лицо зеленого карлика выразило столь неподдельное изумление, что я сам чуть было не поверил ему. — И ты позволил ей проехать?

— Ну конечно, позволил... — самоуверенно начал Серку.

Но суровый взгляд зеленого карлика несколько поубавил воинственный пыл ревностного служаки.

— А почему это я не должен был дать ей проехать? — уже с тревогой в голосе спросил он.

— Да потому, что Йолара-то приказала совсем другое, — холодно ответил Радор.

— Я не получал такого распоряжения...

Маленькие капельки пота выступили на лбу Серку.

— Вот что, Серку, — перебил его зеленый карлик. — Ты рвешь мне сердце на части своими словами. Все это очень важно для Йолары, и для Лугура, да что там... для самого Сияющего Бога. Сообщение было... Может быть, сейчас жизнь и смерть всей Мурии зависят от твоего усердия, Серку, от того, удастся или нет вернуть Лаклу вместе с этими чужеземцами на суд Совета. Ты разрываешь мне сердце на части, ибо меньше всего мне хотелось бы видеть тебя танцующим с Сияющим Богом, Серку, — мягко добавил он.

Смертельная бледность разлилась по тупому лицу вояки, все его мощное тело затряслось от страха.

— Пойдем со мной, Радор... поговори с Йоларой, — попросил он. — Скажи ей, что я не получал никакого сообщения.

— Погоди, Серку, — глаза Радора вдохновенно сверкнули. — Мой кориал очень быстрый! Лакла движется гораздо медленнее. Раз она проехала тут всего лишь час назад, мы сможем догнать ее, прежде чем она пройдет Портал. Убери Теневой Барьер... и мы вернем ее назад, это самое лучшее, что я могу для тебя сделать, Серку.

Серку задумался, панический ужас на его лице сменился недоверчивым раздумьем.

— Почему бы тебе, Радор, не поехать одному, и не оставить здесь, со мной, чужеземцев, — задал он, с моей точки зрения, довольно разумный вопрос.

— Ничего не выйдет, Серку, — стоял на своем зеленый карлик. — Лакла не вернется, если я не покажу ей этих людей в качестве доказательства наших добрых намерений. Пошли скажем обо всем Йоларе, пусть она решает...

Он шагнул было вперед, но Серку схватил его за руку.

— Нет, Радор, нет, — зашептал он, снова ударившись в панику. — Поезжай... делай, как ты сказал. Только верни ее скорей назад. Быстрей, Радор. — Он бросился к дверям форта. — Я уберу Теневой Барьер.

На довольном лице зеленого карлика появилось какое-то настороженное выражение, — он будто прислушивался. Потом прыжком догнал Серку.

— Я пойду с тобой, — услышал я голос Радора. — Мне надо еще кое-что сказать тебе.

Они ушли.

— Ювелирная работа! — пробормотал Ларри. — Когда мы выберемся отсюда, то назначим почетным гражданином Ирландии некого Радора из...

Тень задрожала... и растаяла в воздухе. Между обелисками сторожевой заставы, на которых она держалась, теперь стала видна лента уходящей вдаль автострады. С обеих сторон ее окружали высокие пышные купы деревьев, переходящие в зеленую дымку на горизонте.

Прервав мои наблюдения, из входных ворот форта раздался пронзительный визг и предсмертный хрип. Как звенящая стрела, он прорезал тишину этой мрачной угольно-черной ямы. Не успел еще крик растаять в воздухе, как вниз по лестничным маршам хлынули

толпы солдат. Те двое, что охраняли вход, подняли мечи остриями вверх и уставились внутрь. Вдруг между ними показался Радор. Один из солдат выронил меч из рук и схватил Радора. Блеснул кинжал зеленого карлика... и вонзился ему прямо в глотку. Тут же над головой Радора взлетело лезвие второго ужасного меча. Вспыхнуло пламя в руке О'Кифа — и меч выпал из рук его хозяина... еще одна вспышка, и солдат, как пустой мешок, рухнул наземь.

Радор бросился к нам, взлетел на высокое сиденье, и мы помчались прямо между колоннами, носителями страшной Тени. Послышалось сухое потрескивание, и тьма — точно птица на легких крыльях — быстро накрыла нас. Скорлупка вильнула в сторону, как будто схваченная гигантской рукой; нас болезненно тряхнуло, раздался треск расщепляющегося металла, машина вздрогнула и рванулась вперед. Чувствуя тошноту и головокружение, я приподнялся и поглядел назад.

Теневой Барьер опустился... но слишком поздно, на какую-то малую толику времени позже, чем следовало бы. Он морщился и сжимался в том месте, где мы проскочили, и казалось, что он все еще силится ухватить нас, словно какой-то закованный в кандалы Ифрит из Иблиса, напрягая все подвластные ему злые силы, содрогаясь от ярости, пытается разорвать свои путы и броситься за нами в погоню. Прошло немного времени, и мы догадались, что то было делом рук умирающего Серку: видно, очнувшись на миг перед смертью, он успел набросить на нас Тень, как птицелов на улетающую птицу.

— Чистая работа, Радор! — заговорил Ларри. — Но боюсь, что нашей птичке изрядно подрезали хвост.

Добрая четверть задней части раковины была снесена напрочь, словно срезанная ножом. Радор обеспокоенно поглядел назад.

— Да уж, хорошего мало, — сказал он. — Но, может, еще все обойдется. Все зависит от того, насколько мы опередили Лугура и его шайку.

Радор, отдавая честь Ларри, поднял руку.

— На этот раз я обязан жизнью тебе, *Лаарри*. Ведь даже кез не смог бы защитить меня с такой быстротой, как это сделал твой смертоносный огонь... друг!

Ирландец беспечно отмахнулся.

— Серку, — зеленый карлик вытащил из-за пояса, показывая нам, окровавленный кинжал. — Серку я был вынужден убить. Едва лишь он поднял Теневой барьер, как шар подал сигнал тревоги. Лугур бросился в погоню за нами с дважды десять раз по десять своих головорезов. — Радор помолчал. — Хоть нам и удалось удрать от Тени, мы заплатили ей пошлину быстроходностью нашего кориала. Нам надо успеть добраться до Портала, прежде чем он закроется за Лаклой, но если мы опоздаем!.. — Он снова замолчал. — Вообще-то я знаю еще один путь, но, честно говоря, мне не очень-то хочется туда соваться.

Щелкнув крышкой, Радор открыл отверстие, где внутри темного кристалла вращался огненный шарик. Беспокойно заглянул туда. Я между тем полез к изуродованному заднему концу нашей скорлупки. Края трескались, крошились, рассыпаясь под моими пальцами, словно пыль. Озадаченный, я полез обратно.

Ларри сидел, сияя счастливой улыбкой и насвистывая бодрую мелодию, полировал свой пистолет. Вдруг случайно взгляд его упал на угрюмое, печаль-

ное лицо Олафа. Ларри наклонился и бережно потрепал его по плечу.

— Не вешай нос, Олаф! У нас есть шанс устроить неплохую драчку. Держу пари, что мы найдем твою жену, как только свяжемся с Лаклой и ее компанией, даже не сомневайся. Твоя малышка... — Ларри осекся, неловко замолчал. Норвежец, блеснув глазами, положил руку О'Кифу на плечо.

— Yndling — она уже попала в de Dode, — тихо прошептал он. — Ее взяла благословенная смерть. За нее я не боюсь, и за нее я буду мстить. Ja! Но моя Хельма... она теперь живой мертвец, совсем как те, которые, кружась как сухие листья, плыли в лучах Сияющего Дьявола, и я бы хотел, чтобы она тоже была в de Dode... и успокоилась. Но я не знаю, как побороть Сияющего Дьявола... нет!

В голосе его зазвучало горькое отчаяние.

— Олаф, — мягко и спокойно заговорил Ларри. — Мы одолеем их... я знаю это! Запомни то, что я скажу тебе: все это дерьмо, что кажется нам таким непонятным и... ну, скажем так, сверхъестественным — это только фокусы, которыми нам морочат голову. Попробуй-ка, Олаф, представить себе, что туземец с островов Фиджи, в то время, когда в Европе шла война, неожиданно оказался бы в Лондоне. Сирены воют дикими голосами, носятся как угорелые машины, ухают зенитки, с неба десятки вражеских аэропланов сыплют бомбы, а лучи прожекторов шарят по небу, туда-сюда... туда-сюда, — Ларри помахал руками, — и ты думаешь, что этот туземец не решит, будто тридцать три дюжины чертей уволокли его на предпоследний круг ада? Будь уверен, Олаф, — он именно так и решит. И тем не менее, ничего сверхъестественного в том, что он видит, — нет! Все материально, как и то, что мы видим здесь,

надо только понять, в чем тут дело. Мы, ясное дело, не туземцы с островов Фиджи... но принцип тот же самый.

После продолжительного молчания норвежец торжественно кивнул.

— Ja! — сказал он наконец. — По крайней мере можно драться. Именно поэтому я снова обратился к Тору, богу войны! И единственная, на кого я надеюсь, — это Светлая Дева. Только она может помочь моей Хельме! С той поры, как я обратился к старым богам, мне стало ясно, что я должен убить Лугура и что эта Heks, — злая ведьма Йолара — тоже должна умереть. Мне надо поговорить со светлой девушкой.

— Отлично, Олаф, — сказал Ларри, — главное — не надо бояться того, чего ты не понимаешь. Там есть кое-что другое, — он замялся, судорожно дернув плечом, — чего ты, пожалуй, можешь испугаться, когда дело дойдет до встречи с Лаклой. Это... ее... лягушки!

— Вроде той женщины-лягушки, что мы видели на стене? — спросил Олаф.

— Да, — быстро отозвался Ларри. — Они всегда рядом с ней. Я так представляю, что лягушки здесь растут гораздо быстрее, чем у нас, и, вообще, они немножко другие. У Лаклы целая прорва таких лягушек, и все — дрессированные. Она научила их таскать в руках колья и дубины, и прочим фокусам... все равно, как это делают дрессированные тюлени и обезьяны и всякие животные в цирке. Наверно, у них тут такой обычай. В этом нет ничего из ряда вон выходящего, Олаф. У нас тоже люди держат самых разных домашних животных: и крокодилов, и змей, и кроликов... кенгуру, например, или слонов и тигров...

Интересно знать, подумал я, памятуя, какое сильное впечатление произвела с самого начала женщина-лягушка на воображение нашего Ларри — не в большей ли степени ирландец убеждает сейчас самого себя, чем Олафа.

— Ха, — продолжал он, — я припоминаю одну хорошенькую девушку из Парижа, так у нее было сразу четыре ручных питона...

Но я уже не слушал дальше, уверившись в своем предположении.

Дорога начала петлять между высокими, остроконечными грудами камней, обегая выходы на поверхность обнаженной скальной породы с прилепившимися к ним клочьями янтарно-желтого мха.

Деревья куда-то пропали; над расстелившейся огромным ковром мха равниной лишь кое-где торчали кусты какого-то растения с гибкими, как у ивы, ветвями, на которых повисли белые вощеные цветы, собранные в гроздья наподобие виноградных. Освещение тоже изменилось: исчезли сверкающие, танцующие в воздухе искорки, и серебристый свет, потускнев, приобрел мягкий, пепельно-серый оттенок.

Мы двигались к видневшейся впереди гряде утесов. Отливающие медью склоны гор резко уходили вверх, точно так же, как у тех утесов, что мы уже видели раньше, и терялись в безбрежном тумане.

Какая-то подсознательная мысль, назойливо сверлившая у меня в голове, наконец-то вылилась в отчетливую формулировку: скорость нашей скорлупки снизилась!

Отверстие, в котором находился ионизационный механизм, все еще было открыто — я заглянул внутрь! Вращающийся огненный шарик оставался столь же ярким, как прежде, но сверкающая струя, вылетавшая из него, уже не попадала на цилиндр.

Она закручивалась воронкообразным туманным вихрем и отклонялась назад, словно пыталась вернуться к своему источнику.

Радор угрюмо кивнул.

— Мы заплатили пошлину Теневому Барьеру, — сказал он.

Дорога пошла в гору... и вдруг Ларри схватил меня за руку.

— Глядите, док! — крикнул он, показывая назад.

Далеко-далеко у нас за спиной, так далеко, что дорога оттуда казалась просто тонкой блестящей ниточкой, быстро двигалось несколько десятков сверкающих точек.

— Лугур и его люди, — сказал Радор.

— Слушай, нельзя ли как-нибудь поднажать? — нетерпеливо спросил Ларри.

— Поднажать? — удивленно переспросил зеленый карлик. — Как это?

— Ну, чтобы она быстрей ехала — дать ей пинка под зад, — объяснил О'Киф.

Радор, задумчиво поглядев на Ларри, ничего не ответил. Гряда медных утесов была уже близко, не дальше чем на расстоянии трех наших земных миль; равнина неуклонно поднималась вверх, превращаясь в пологий склон холма. Подъем по нему явился для нашего кориала серьезным испытанием: он с ужасающей быстротой терял скорость. Сзади слышались слабые крики, и мы поняли, что Лугур уже близко. И нигде никаких признаков ни Лаклы, ни ее лягушек.

Мы уже были на полпути к вершине холма; скорлупка еле-еле ползла, откуда-то снизу доносилось слабое шуршание, машина тряслась мелкой дрожью. Я понял, что ее днище уже не приподнято над дорогой, а лежит на стеклянной поверхности.

— Последний шанс! — крикнул Радор.

Сильно рванув на себя управляющую движением рукоятку, он выдернул ее из гнезда, и в ту же секунду огненный шарик увеличился в размерах, закрутившись с умопомрачительной скоростью; из него прямо на цилиндр посыпался каскад сверкающих частиц. Скорлупка буквально взлетела в воздух, рванувшись вперед; темный кристалл раскололся на части, волшебный шарик, потускнев, погас окончательно... но в последнем стремительном броске мы уже достигли вершины. Машина на какую-то долю секунды замерла на гребне, и я мельком разглядел, что дорога спускается по склону огромной, покрытой мхом чащеобразной впадины. Круто изогнутый склон внезапно обрывался у подножия высоченной стены. Абсолютно беспомощные, не в силах хоть как-то повлиять на движение нашей скорлупки, мы, быстро набирая скорость, ринулись прямо в несокрушимую великанскую грудь скалы.

Мы непременно расшиблись бы об нее в лепешку, если бы не профессиональный опыт Ларри, — только быстрая реакция летчика спасла нам жизни. Когда мы уже почти вплотную приблизились к преграде, Ларри, навалившись всем телом на Радора, швырнул себя вместе с ним на борт летящей раковины. От сильного удара тонко сбалансированное равновесие машины нарушилось, и она изменила траекторию движения. Мягко стукнувшись о низкий бортик дороги, машина высоко подпрыгнула в воздух, и приземлилась прямо на толстый слой мха... закрутилась, как сумасшедшая, и упала на бок. Вылетев из нее, мы кубарем покатились в разные стороны, но упругий мох смягчил падение, так что до переломов костей или каких-нибудь других серьезных увечий дело не дошло.

— Быстрей! — закричал зеленый карлик.

Схватил меня за руку и рывком поставил на ноги. Мы побежали к подножию утеса, до которого оставалось не более ста футов. Сзади мчались О'Киф и Олаф. С левой стороны показалась черная дорога. Она резко обрывалась, упираясь в полированную плиту темно-красного цвета, приблизительно футов в сто высотой и, наверное, столько же — в ширину, встроенную в медную поверхность скалистого утеса. По обеим сторонам плиты стояли сделанные из точно такого же камня колонны, — огромные, почти столь же высокие, как и те, что поддерживали радужную вуаль Двеллера. Краем глаза я заметил, что поверхность плиты покрыта замысловатым узором каких-то непонятных символов, но, к сожалению, не сумел подробно разглядеть его за неимением времени.

Зеленый карлик снова схватил меня за руку.

— Быстрей, — заорал он. — Служительница уже прошла.

С правой стороны от Портала бежала низкая каменная насыпь. Мы как зайцы перемахнули через нее. По другую сторону оказалась узкая тропинка. Низко наклонившись, мы побежали по ней, прижимаясь к стене. Радор — впереди. Триста, четыреста футов мы успели пробежать, и внезапно тропинка закончилась в cul de sac[1]. В ушах звенело от яростных криков.

Вылетев на край гигантской чаши, первая из преследующих нас скорлупок задержалась там на мгновение, так же как и наша, а затем начала осторожно спускаться. Я увидел сидевшего в машине Лугура; он осматривался по сторонам.

---

[1] Cul de sac *(фр.)* — тупик.

— Еще немного — и я сниму его! — яростно прошептал Ларри. Он поднял пистолет.

— Не надо, — прохрипел зеленый карлик, схватив его за руку.

Он надавил плечом на одну из огромных каменных глыб, образовывающих в стене выемку. Камень отошел в сторону; открылась щель.

— Туда! — приказал Радор, с трудом удерживая камень весом своего могучего туловища. О'Киф протиснулся внутрь, Олаф сразу за ним, потом — я. Молниеносным прыжком зеленый карлик присоединился к нам, и тут же, пропустив его, гигантский камень повернулся, встав на место. Мы очутились в такой непроглядной тьме, какая, верно, царила еще до сотворения мира. Я сунул руку в карман за электрическим фонариком и тут, с досадой, вспомнил, что оставил его вместе с моей медицинской сумочкой, когда мы покинули наш павильончик.

Но Радор, похоже, вовсе не нуждался в свете.

— Возьмитесь за руки! — приказал он.

Построившись цепочкой и схватившись за руки как дети, мы осторожно продвигались в темноте. Наконец, зеленый карлик остановился.

— Ждите меня здесь! — прошептал он. — Не двигайтесь. И ради спасения ваших жизней — не раскрывайте рта! — сказал он и ушел.

ГЛАВА 23

ДРАКОНООБРАЗНЫЙ ЧЕРВЬ И СМЕРТОНОСНЫЙ МОХ

Сохраняя полное молчание, мы ждали уже целую вечность (так, во всяком случае, мне казалось), пока не появился зеленый карлик.

— Все в порядке, — сказал он, с явным облегчением в голосе. — Беритесь снова за руки — и вперед.

— Подожди-ка, Радор, — заговорил Ларри, — Скажи, Лугур знает об этой дороге? Может быть, нам с Олафом лучше вернуться назад к выходу, и прикончить всю эту шайку, когда они сунутся вслед за нами? Мы сможем долго продержаться, а тем временем ты с Гудвином доберешься до Лаклы и вернешься с подмогой.

— Лугуру известен секрет Портала, хотя я сомневаюсь, решится ли он воспользоваться им, — ответил зеленый карлик, почему-то уклоняясь от прямого ответа. — Правда сейчас, после того как они пошли наперекор воле Молчащих Богов, я думаю, что он... он осмелится! Как только он увидит следы наших ног, он сразу догадается, куда мы скрылись.

— Так в чем дело, Боже правый!.. — воскликнул в полном недоумении О'Киф. — Я как последний дурак ничего не понимаю: если он знает обо всем этом, и ты знаешь, что он это знает, — так почему ты не позволил мне пристукнуть его, когда был подходящий момент.

— *Лаарри!* — с каким-то необычным смирением в голосе ответил зеленый карлик. — Поначалу мне тоже показалось, что так будет лучше, но затем я

услыхал приказ... мне приказали остановить тебя, потому что Лугуру нельзя было тогда умереть, иначе не сможет свершиться страшная месть.

— Приказ? От кого? — Голос ирландца звучал так растерянно, что я точно увидел в темноте его ошарашенное лицо.

— Я так полагаю, — зашептал Радор, — я так полагаю, что от Молчащих Богов.

— О! — в крайнем раздражении взвыл О'Киф. — Вы что — сговорились! И тут предрассудки!

Природное чувство юмора все-таки пришло Ларри на выручку.

— Да ладно, Радор, не бери в голову. В любом случае теперь уже поздно об этом говорить. Ну так куда же мы идем отсюда? — примирительно спросил он.

— На этой дороге мы можем повстречать кое-кого... — сказал Радор. — Мне бы этого сильно не хотелось, но если встреча все же произойдет, то ты, Ларри, прицелься своей смертоносной трубкой в тусклый щит, который прикрывает ему глотку, и пошли огонь прямо в цветок холодного пламени, тот, что сияет в центре щита... только старайся не смотреть ему в глаза!

Мы с Ларри дружно поперхнулись.

— Все это слишком сложно для меня, — сдавленно просипел Ларри. — Вы что-нибудь поняли, док?

— Нет, — коротко ответил я. — За исключением того, что Радор кого-то боится, и вкратце описал нам его!

— Да, — ответил Ларри, — но в таких выражениях, что я ровным счетом ничего не понял.

Я мог бы поклясться, что Ларри усмехнулся в темноте.

— Все ясно, Радор, — бьем точно в цветок холодного пламени, и я не стану смотреть ему в глаза, — и бодро добавил: — Ну что, шагаем дальше?

— Пошли, — ответил карлик-солдат, и снова, держась за руки, как слепые, мы осторожно тронулись в путь.

Ирландец бубнил себе под нос:

— Цветок холодного огня! Не смотреть в его глаза! Все свихнулись! Кругом одни чертовы предрассудки!

Затем он тихо замурлыкал.

Холодную розу, матушка, укрепи ты в кудрях моих.
Ведь два лягушонка влюбились в меня
и каждый твердит: «Я — жених».
Закрой ты глаза мне, матушка,
чтоб я не видела их!

— Тс! — шикнул на него Радор, и зашептал: — Уже половину *ва* мы идем по дороге смерти. Впереди нас ждут другие опасности, от которых я постараюсь уберечь вас. Но часть нашего пути будет видна с дороги, и может случиться так, что Лугур заметит нас. Если это произойдет, мы будем биться насмерть. Если обе опасности благополучно минуют нас, то путь к Винноцветному Морю свободен, и нам больше не надо будет бояться ни Лугура, ни кого другого... Да вот еще — Лугур не знает об этом, но когда откроется Портал, Молчащие Боги услышат это, и Лакла вместе со своими Акка быстро прибудет навстречу незваному гостю.

— Радор, — удивленно спросил я. — А ты откуда все это знаешь?

— Служительница — дочь моей сестры, — скромно ответил он.

О'Киф чуть не задохнулся от смеха.

— Дядюшка, — фыркнув, заговорил он по-английски. — Познакомьтесь с человеком, который мечтает стать вашим племянником.

И в последующем Ларри уже обращался к зеленому карлику не иначе как величая его этим родственным титулом, на что Радор, которому не меньше Ларри доставляло удовольствие валять дурака, реагировал с видом человека, принимающего знаки почтительной привязанности. А для меня все встало на свои места. И самое главное прояснилось, почему Радор предвидел появление Лаклы на празднике, когда Ларри чуть было не поддался чарам Йолары; стала ясна главная причина, побудившая его связать свою судьбу с нашей, и, невзирая на его загадочные рассуждения о каких-то там таинственных опасностях, я, приободрившись духом, весело устремил взор в будущее.

Мои размышления на тему о новоявленном дядюшке и его золотоглазой племяннице, а также о странном различии в их внешности прервались в ту минуту, когда я вдруг осознал, что окружающая нас непроглядная тьма сменилась тусклым полумраком. Оказалось, что мы идем по невероятно широкому туннелю, и откуда-то, довольно близко, слабо просачивался бледно-желтый свет, точно луч солнца, пробивающийся через осеннюю листву тополя. Когда мы подошли ближе к источнику света, я увидел, что и в самом деле туннель перегораживает сплетенная из желтых листьев циновка.

Осторожно отодвинув ее в сторону, Радор сделал нам знак следовать за ним. Оказалось, что мы находимся в туннеле, проложенном в мягкой зеленой почве. Основанием туннеля служила ровная дорожка, примерно в ярд шириной; от нее отходили закругленные стены правильной цилиндрической формы с

необыкновенно ровной и гладкой поверхностью. В самом широком месте расстояние между стенами было около тридцати футов, затем они сходились без малейших признаков нарушения симметрии, но не смыкались окончательно. На самом верху змеилась широкая трещина с рваными краями и вливавшийся через нее бледно-желтый цвет, казалось, исходил из сердцевины куска янтаря; нежное как цыплячий пух свечение наполняло туннель странными блуждающими бронзовыми тенями.

— Пошевеливайтесь! — беспокойно скомандовал Радор и нетерпеливо зашагал вперед.

Теперь, когда глаза мои уже освоились в странном освещении, я разглядел, что стены туннеля состояли из утрамбованного мха. Я различал в них бахромчатые пластинки и кудрявые завитки листиков; огромные спрессованные пласты полых шаров (Physcomitrium) и гигантских зубчиков (peristome), обширнейшие пятна чего-то, что показалось мне кроваво-красными гребешками Cladonia, — ажурные узоры огромных моховых полотен были обсыпаны яркими цветными спорами: белыми и коричневыми, шафрановыми, цвета слоновой кости, ярко-алыми и небесно-лазурными. Спрессованное какой-то неведомой силой, все это складывалось в чудную, восхитительную для глаз мозаичную картину.

— Поторопитесь, док! — донесся оклик Радора.

Я, оказывается, сильно отстал от всех.

Радор шел очень быстро, почти бежал. Задыхаясь, мы преодолевали крутой подъем. Янтарный свет стал ярче, трещина у нас над головами — шире. Туннель сделал крутой поворот и, на левой стороне, в стене, показалась расщелина. Зеленый карлик, подскочив к ней, молча затолкал нас в трещину, и мы полезли по крутому неустойчивому разлому, очень узкому,

почти как дымовая труба. Так мы карабкались вверх, а Радор подгонял и поторапливал нас, пока мне не отказались служить запаленные легкие, и я уже было решил, что сейчас упаду, не в силах сделать больше ни шагу, как расщелина кончилась. Выбравшись наружу на четвереньках, мы как попало повалились наземь, и сам Радор растянулся на маленьком, покрытом листвой пятачке, окруженном кружевными папоротниковидными деревьями.

Вытянув мучительно ноющие ноги, жадно хватая воздух пересохшими ртами, мы лежали, распластавшись на земле, отдыхая и набирая свежие силы. Радор поднялся первым.

Трижды он низко поклонился, точно в знак благодарности, затем сказал:

— Благодарите Молчащих Богов... только их покровительство спасло нас.

Признаться, я не обратил особого внимания на его слова.

Что-то в листве папоротника, на котором сейчас покоился мой взгляд, заставило меня подняться. Я вскочил на ноги и подбежал к стволу дерева. Это был не папоротник! Это был папоротниковидный мох! Самые большие экземпляры этого вида, которые мне доводилось встречать в тропических джунглях, не превышали высотой двух дюймов, а этот... был высотой в двадцать футов!

Во мне с новой силой всколыхнулся огонь научной любознательности, пробудившейся еще когда мы шли по туннелю. Я раздвинул лапчатые ветви, выглянул наружу...

Моему взору открылся протянувшийся на много миль вперед пейзаж... и какой пейзаж!

Фата-Моргана мира растений! Невиданный волшебный цветник!

Мхи высотой с настоящее дерево стояли густой как в лесу стеной, усыпанные блестящими цветами самых невообразимых форм и расцветок — струящихся водопадами и собранных в гроздья, ниспадающих снежной лавиной и тонкой сетью наброшенных на ветви... Цветы пастельных, тускло-металлических, роскошных огненно-красных оттенков; иные из них фосфоресцировали, сияя, словно живые драгоценные камни, иные вспыхивали разноцветными искрами, точно припорошенные опаловой, сапфировой, рубиновой, изумрудной пыльцой. Из зарослей вьюнков торчали исполинские венчики, словно трубы семи слугвестников Мары*, властителя иллюзий, с помощью которых он мастерил свои высочайшие небеса.

Мшистые покрывала свисали с ветвей подобно знаменам марширующих сонмищ Титанов, как стяги и хоругви, вывешенные вечерней зарей; словно флаги короля Джиннов; как одеяния сказочных фей; как орифламмы* заколдованного царства!

Пробившись вверх сквозь половодье красочных расцветок, торчали мириады стебельков — узких и прямых, как пики; закрученных спиралями, изящно изогнутых волной, словно белые змейки Танит из садов Карфагена, — увенчанных причудливыми, фантастических форм семенными коробочками. Тут можно было увидеть башенки и минареты, куполы, шпили и конусы, фригийские колпаки, епископские митры — формы гротескные и ни на что не похожие, формы изящные и привлекательные.

Они торчали на высоких стебельках, кивая и раскачиваясь...

Сверху все это великолепие заливал яркий янтарный свет, постепенно тускнеющий на горизонте, и там, вдали, словно развевающийся плащ урагана, ходили гигантские скопления мрачной тьмы.

А здесь, пронизывая светящийся воздух искрометным дождем драгоценных каменьев, то пикируя вниз, то взмывая вверх, носились мириады и мириады птиц и порхали громадные переливчато-радужные бабочки в таком же невообразимом количестве.

Откуда-то издалека к нам донесся слабый протяжный звук. Сначала похожий на шуршание первой волны начинающегося прилива, он, переходя в тихий глубокий вздох... становился все громче, сильнее... и вот уже от этого траурного шепота задрожало все вокруг... Ударная волна мягко толкнула меня и затем — словно мимо нас прошло невидимое живое существо — растаяла в отдалении.

— Это Портал, — сказал Радор. — Лугур прошел через него...

Сейчас он, как и я, раздвинув перистые листья, пристально всматривался назад, — туда, откуда мы пришли. Все остальные, присоединившись к нам, тоже стали глядеть на дорогу. Скалистая преграда, о которую мы чуть не расшиблись, находилась сейчас на расстоянии миль трех или даже больше от нас; и оттуда к нам тянулся туннель, словно полоса взрыхленной кротом земли. То и дело на вершине туннеля мелькала прорезывающая его трещина, мне показалось, что далеко-далеко в ней виден блеск копий и мечей.

— Они идут! — прошептал Радор. — Быстро! Они не должны застать нас тут...

А потом...

— О Господи, Святая Бриджет! — прохрипел Ларри.

Из расщелины, тянувшейся вдоль всего туннеля, на расстоянии около мили от того места, где мы выбрались наружу показалась голова, увенчанная короной рогов... или возможно щупалец! Насторожен-

но и бдительно поводя из стороны в сторону испещренными золотыми и малиновыми пятнами отростками, она приподнялась над щелью, так что на этой чудовищной, алого цвета голове стали видны два огромных продолговатых глаза, из глубины которых накатывали волны пурпурной фосфоресценции. Голова поднялась еще выше... безносая морда, лишенная ушей и подбородка, разинула синевато-багровую пасть, откуда (будто полыхнуло пламенем!) выпрыгнул длинный, узкий алый язык! Червь неторопливо приподнимался... вот стала видна его толстая шея, одетая в панцирь золотой и алой чешуи, на полированной поверхности которых моментально заплясали огненные блики отраженного янтарного света. А еще ниже, закрывая часть шеи, мерцало что-то, напоминающее своим тусклым блеском серебряный щит. Эта страшная голова не переставала тянуться вверх и скоро стал виден весь щит целиком: в центре его (должно быть полных десять футов в поперечнике) засветилась, затрепетала, испуская слабое мерцание, словно дохнула на нас морозом, роза из белого пламени, или, как точно выразился Радор — «цветок холодного огня».

Теперь эта тварь быстро взметнулась вверх и огромной чешуйчатой башней возвышалась над расщелиной футов на сто, не меньше, следя своими жуткими глазищами за тем, что происходило в глубине ее логова. С громким шипением увенчанная рогами голова опустилась, выстреливая во все стороны извивающиеся как у осьминога щупальца; башнеподобное туловище заструилось вниз.

— Быстрей! — взревел Радор, и, помчавшись по тропинке, ведущей через заросли папоротникового мха, мы скатились вдоль крутого склона вниз, на другую сторону туннеля. Где-то сзади раздался шум,

словно хлынул поток воды, затем... далеко-далеко, слабый предсмертный визг... и все стихло.

— Теперь можно не бояться тех, кто шел следом за нами, — остановившись, прошептал зеленый карлик.

— Благослови нас Св. Патрик*! — О'Киф задумчиво уставился на свой пистолет. — Так он, выходит, хотел, чтобы я вот *этим* убил вон *того*? Знаете, как сказал Фергус О'Коннор, когда его послали на верную смерть сражаться с диким быком и дали только кухонный нож: «Вы никогда не поймете, как я признателен вам за веру в мои возможности!»

— Что это было, док? — спросил он.

— Дракон-червь! — ответил Радор.

— Это был Орм из Хельведе... адский червяк, — каркнул Олаф.

— Опять ты за свое... — вспылил было Ларри, но зеленый карлик уже торопливо шагал вдоль тропы, и мы поспешили следом; позади меня, ворча и тихо переругиваясь, шли Олаф с О'Кифом.

Зеленый карлик сделал нам знак соблюдать осторожность. Он показал на просвет между огромными как сосны и напоминающими их по внешнему виду мхами, высотой не меньше пятидесяти футов — оказывается, тут проходила совсем рядом обсидиановая дорога! Тщательно оглядевшись, мы не увидели никаких признаков Лугура с его компанией и решили, что, по-видимому, он убежал назад, наткнувшись на этого чудовищного червя.

Мы быстро зашагали прочь, удаляясь от пути следования кориа. Мох становился тоньше и ниже, постепенно делаясь высотой с низкий кустарник, который едва ли смог бы служить нам укрытием при необходимости. Внезапно еще одна полоса папоротниковидного мха преградила нам путь. Радор мед-

ленно направился к ней и остановился в нерешительности.

Странная, гнетущая картина открылась нашим взорам; неизвестно почему я вдруг испытал дикий, сверхъестественный ужас. Я не смог бы объяснить, в чем тут дело, но чувство было столь сильным, что заставило меня отшатнуться. Потом, собравшись с мыслями, я подумал, не связано ли это с жутковатым видом разбросанных повсюду нагромождений странной моховой плесени, чем-то напоминающих животных, птиц... да пожалуй что и людей — и это было страшнее всего.

Наша дорога пролегала между некоторыми из них. С левой стороны стояли кучки покрупнее. Зеленая, почти с металлическим отливом плесень покрывала их, точно какие-то предметы антиквариата. В самом деле, они странным образом походили на искаженные изображения собак, диких оленей, птиц... карликов, то тут, то там попадались подобия гигантских лягушек. Семенные коробочки, желтовато-зеленые, огромные, как епископские митры, и отчетливо повторяющие их форму, торчали из этих моховых груд. Меня чуть не стошнило от омерзения.

Радор повернул к нам лицо: сейчас оно было белее, чем в тот раз, когда мы увидели червя-дракона.

— Ради спасения ваших жизней, — прошептал он, — двигайтесь здесь как можно осторожнее, и вообще не раскрывайте пока рта!

Медленно, с крайней осторожностью Радор на цыпочках двинулся вперед. Повторяя его движения, мы шли след в след. Кучки мха стояли возле самой тропинки, проходя мимо них я почувствовал, как мурашки побежали у меня по телу, — все сжалось у меня внутри. Я видел, что и другие тоже испытывали невыразимое отвращение. Не останавливаясь,

зеленый карлик шел вперед и вперед, пока не достиг края отлогого холмика, протянувшегося на сотню ярдов вперед. И он... — этот холмик — он весь дрожал и колыхался.

— Теперь прикажешь лезть на него? — недовольно заворчал Ларри.

Зеленый карлик протянул руку и оцепенел; он с ужасом глядел поверх наших голов туда, где слева от нас находился другой, более низкий холмик — на его широкой вершине стояла целая куча моховых статуй. Они столпились у края холма, шапки, набитые спорами, свесились вниз, придавая этим фигурам такой смешной вид, точно они следили за тем, что делается внизу. Под холмом проходила блестящая автострада... оттуда донесся яростный крик.

Я увидел наполненные лугуровскими людьми кориалы, числом не менее десяти, — и в одном из них сидел, злобно посмеиваясь, сам Лугур! Десятка два солдат выскочили из машин и помчались вверх по низкому холмику по направлению к нам.

— Бежим! — заорал Радор.

— Ни за что, — рявкнул О'Киф и быстро вскинул руку, прицелившись в Лугура. Прозвучал пистолетный выстрел, и эхом ему отозвался выстрел Олафа. Обе пули пролетели мимо. Лугур, все еще смеясь, бросился под защиту своего кориала. Но вслед за выстрелами из огромной кучи мха, находившейся на верхушке холма, послышалась серия приглушенных хлопков. От сотрясения, вызванного пистолетными выстрелами, взорвались шапки семенных коробочек и оттуда вылетел рой белых блестящих спор, накрыв сверху бегущих солдат: точно так же, как из созревшего гриба-дождевика, если по нему ударить, вылетает облачко пыли, но, конечно, гораздо меньших

размеров. Сквозь облако спор я мельком увидел лица солдат, искаженные мучительной болью.

Некоторые их них кинулись было обратно, но не сделав и двух шагов — окаменели.

Белое облачко клубилось над ними, расплываясь, споры сыпались градом солдатам на головы и полуобнаженные торсы, покрывая толстым слоем их одежду... Солдаты быстро преображались. Стали неразличимыми черты лица, словно по ним провели резинкой. Блестящие споры быстро меняли белый цвет на светло-желтый, потом зеленый... Вот блеснули напоследок глаза одного из солдат и погасли, припорошенные толстым слоем спор. Там, где еще несколько секунд назад были люди, — там стояли какие-то гротескные фигуры, быстро приобретая округлые формы лежащих вокруг могильных курганов и уже начиная покрываться такой же прозеленью, что придавала им вид предметов старины.

Ирландец больно вцепился мне в руку, и это привело меня в чувство.

— Олаф прав! — прохрипел он. — Это ад! Я сейчас сблюю.

Он так и сделал, откровенно и не сдерживаясь.

Лугур и вся остальная его компания, стряхнув оторопь от кошмарного видения, опомнились, бросились к своим кориалам, развернулись и с криками укатили прочь.

— Все! — хрипло сказал Радор. — Обе опасности мы миновали — Молчащие Боги уберегли нас.

Скоро мы опять зашагали между знакомыми и незнакомыми мне гигантскими мхами. То, что мы сейчас видели, было мне понятно, и уж на сей раз Ларри не мог упрекнуть меня в склонности к суевериям. В джунглях Борнео я изучал подобные виды быстроразвивающихся грибов. Их используют жители

некоторых племен, обитающих на холмах, когда хотят отомстить похитителям их женщин. Цепляясь за кожу микроскопическими крючками, грибы быстро внедряются в тело, выпуская крошечные корешки в кровеносную систему, и сосут жизненные соки своей жертвы, расцветая сами пышным цветом, и так, вцепившись в живую плоть, они не переставая мучают человека, пока он не превратится в иссохший труп. Здесь мы встретились с несколько иной разновидностью таких грибов, у которых в невероятной степени ускорено развитие. Кое-что из моих познаний я пытался изложить О'Кифу, пока мы шли, чтобы успокоить его.

— Но они превратились в мох прямо у меня на глазах! — воскликнул он.

Я снова терпеливо принялся объяснять. Но, похоже, из всего сказанного Ларри усвоил только то, что феномен имеет естественную природу, и, отвлекаясь от его ужасающего действия, представляет особенный интерес для ботаника.

— Понятно, — только это и вымолвил он. Потом добавил: — Подумать только, вдруг одна из этих хреновин взорвалась бы, когда мы проходили рядом... Боже милосердный!

Я немедленно принялся размышлять над тем, какие меры предосторожности можно было бы принять, чтобы заняться изучением этих грибов, как вдруг Радор остановился — прямо перед нами снова заблестела лента дороги.

— Теперь нам нечего бояться, — сказал он. — Путь открыт... Лугур бежал...

На дороге что-то ярко сверкнуло. Мимо меня пролетел свернутый петлей луч света. Ударив Ларри точно между глаз, петля охватила ему все лицо и втянулась внутрь головы.

— Ложись! — заорал Радор и швырнул меня на землю.

Я сильно стукнулся головой и почувствовал, что теряю сознание. Олаф упал рядом. Зеленый карлик потащил вниз безвольно обмякшее тело ирландца. Я увидел неподвижно застывшее лицо О'Кифа, его широко раскрытые, уставившиеся в одну точку глаза. С дороги ринулась с яростными воплями толпа лугуровских солдат; я различил рев самого Лугура.

Торопливо прошуршали маленькие ножки... легкая ткань защекотала мне лицо... я смутно увидел склонившуюся над ирландцем Лаклу...

Вдруг она выпрямилась и стремительно вскинула руку с обвивавшейся вокруг нее лозой. Головки рубиновых цветов вместе с усиками, на которых они держались, сорвались с лозы и точно раскаленные, пышущие жаром угли метнулись навстречу окружающим Лаклу солдатам. Цветы вонзались им в глотки, кусали, кололи, сворачивались кольцом и били снова. С невероятной скоростью, то свиваясь в спираль, то распрямляясь, они летали в толпе солдат, выбирая незащищенные места на горле, на лице, на груди нападавших, словно пружины, наделенные сознанием, волей и ненавистью. Пораженные их ударами оставались стоять неподвижно с лицами, превратившимися в маску нечеловеческого страха и муки, те, кто еще уцелел, в панике уносили ноги.

Снова раздался звук шагов... нет, топот множества ног, и на лугуровское войско хлынули лягушкообразные люди — во главе с рычащим гигантом. Они яростно кинулись в бой, терзая противников острыми, как ланцет, зубами, раздирая на части когтями и клыками, протыкая насквозь шпорами на ногах. Против такой бешеной атаки карлики уже не могли устоять. Они быстро побежали к своим кориалам. Я

слышал, как что-то злобно проорал Лугур, и ему в ответ раздался голос Лаклы, прозвучавший, как золотая труба ангела гнева:

— Беги, Лугур! — кричала она. — Беги, чтобы ты, и Йолара, и Сияющий Бог могли умереть вместе! Смерть тебе, Лугур, смерть вам всем... Запомни, Лугур, — смерть!

В голове у меня дико шумело... но все равно... неважно... главное — Лакла была здесь... Лакла пришла... но слишком поздно, Лугур перехитрил нас... ни смертоносный мох, ни дракон-червь не испугали его... он подкрался и поймал нас в западню... Лакла пришла слишком позно... Ларри был мертв.

Ларри!

Странно... Почему-то я не слышал причитаний баньши, хотя Ларри сказал, что он не может умереть без предупреждения... и все же Ларри мертв! Поток бессвязных мыслей бурлил у меня в голове.

Грубые шероховатые ладони подняли меня, два огромных, как блюдца, необыкновенно добрых глаза уставились мне в лицо... голова моя упала, и, уже теряя сознание, я увидел стоявшую на коленях около О'Кифа Золотую девушку.

Шум в голове сделался невыносимым... и, спасаясь от этого грохота, я провалился в мягкую, глухую темноту.

ГЛАВА 24

ВИННОЦВЕТНОЕ МОРЕ

Я медленно раскачивался, подвешенный на ниточке в центре огромной розовой жемчужины... нет, я находился в розовом утреннем облачке, медленно вращавшемся в пространстве. Сознание вернулось ко мне: на самом деле я, точно младенец, лежал на руках у одной из человекообразных лягушек, и мы двигались по какому-то месту, заполненному ровным свечением, достаточно похожим на сердцевину жемчужины или рассветное облачко, чтобы оправдать причудливые фантазии моего пробуждающегося сознания.

Впереди шла Лакла, о чем-то серьезно беседуя с Радором, так что у меня было достаточно времени, чтобы хорошенько разглядеть ее. Девушка сняла свою металлическую робу. Толстые косы золотисто-каштановых волос, уложенные в высокую корону прически, затягивала шелковая зеленая сеточка, волнистые прядки выбивались из нее и щекотали робкими поцелуями горделивую белую шею и затылок. Просторное платье переливчатого зеленого цвета, подпоясанное широким золотым кушаком, свободно спадало с плеч, оставляя обнаженными прекрасные руки, короткая юбка в складку едва закрывала колени.

Котурны она тоже сняла, и изящные, с высоким подъемом ступни были обуты в сандалии. В прорезях разлетающихся складок юбки мелькали точно выточенные из слоновой кости нежно-округлые бедра, такие же совершенные по форме, как и та часть стройных ножек, что открывалась моему взору из-под нижней кромки юбки.

Что-то настойчиво стучало в дверь моего сознания... какая-то трагическая мысль. Что это было?

Ларри! Где Ларри?

Я все вспомнил... Резко приподняв голову, я увидел рядом другую человекообразную лягушку, несущую О'Кифа, и рядом с ними размеренно шагал, опустив голову, Олаф, сейчас похожий на преданного пса, тоскующего о любимом, потерянном хозяине. Стоило мне пошевелиться, как монстр, у которого я лежал на руках, бросив на меня любопытный взгляд, издал низкий гулкий звук с легким вопросительным оттенком.

Лакла обернулась; ясные золотые глаза глядели печально, уголки нежного рта опустились, но ее прелестное, миловидное лицо, в котором, казалось, неуловимо отразилась вся доброта ее души, излучало такое спокойствие и благожелательность, что паника, охватившая было меня, мигом улеглась.

— Выпей это, — велела она, поднося к моим губам маленький хрустальный флакон.

Содержимое флакона оказалось ароматным и незнакомым на вкус, но поразительно эффективным, ибо как только оно попало мне в рот, как я тут же обрел прежние физические силы и необыкновенную ясность сознания.

— Ларри! — крикнул я. — Он умер?

Лакла покачала головой; глаза у нее были тревожные.

— Нет, — сказала она, — он словно мертвый... но он жив.

— Спусти меня вниз, — потребовал я у своего носильщика.

Вылупив на Золотую девушку круглые глаза, он крепко держал меня, не отпуская. Она издала не-

сколько протяжных, вибрирующих звуков, похожих на односложные слова, — и меня опустили на землю.

Я кинулся к ирландцу. Он напугал меня видом своего безвольно обмякшего тела, ненормально податливого, словно у него полностью атрофировались мышцы — полная противоположность rigor mortus[1]. Мне еще никогда не приходилось сталкиваться с таким глубоким обморочным состоянием, похожим на смерть: тело холодное, как камень, пульс едва прощупывается, редкий и слабый, дыхание почти не заметно, зрачки глаз ненормально расширились — короче, полное впечатление, что жизнь уже покинула это тело.

— На дороге вспыхнул свет. Вспышка ударила ему в лицо и словно бы проникла внутрь головы, — сказал я.

— Я видел, — ответил Радор, — но не знаю, что это такое, а я-то считал, что знаю все виды оружия наших правителей. — Он как-то странно поглядел на меня. — Поговаривают, что чужеземец, что пришел вместе с вами, этот Двойной язык, сделал Лугуру новое смертельное оружие.

Маракинов! Русский уже не покладая рук трудится, изобретая новое страшное оружие для своих опустошительных замыслов. Апокалиптические видения вновь поплыли перед моими глазами...

— Он не умер, — резко сказала Лакла. — Он жив, а Трое Богов умеют творить чудеса. Они поставят его на ноги, если захотят... а они захотят... захотят. — На мгновение она замолчала. — Пусть Лугур и Йолара молят о помощи своих богов.

---

[1] Rigor mortus (*лат.*) — трупное окоченение.

прошептала она, — ибо, если Молчащие Боги будут слишком суровы или слишком слабы, и он умрет — то, будь что будет, но я нападу на этих двоих и убью их, — пусть даже ценой своей жизни.

— Йолара и Лугур должны умереть. — У Олафа мрачно горели глаза. — Но Лугура убью я сам.

Слепая ярость в глазах Лаклы сменилась острой жалостью, когда она посмотрела на норвежца. Она поспешно отвернулась, словно боялась встретиться с ним глазами.

— Пошли с нами, — сказала мне Лакла, — если ты не слишком ослаб.

Я отрицательно покачал головой, бросив последний взгляд на О'Кифа (я ничем сейчас не мог ему помочь!), и зашагал рядом с девушкой. Заботливо протянув белую, изящно выточенную руку, она положила мне на запястье тонкие, с удлиненными кончиками пальцы.

Сердце у меня так и подпрыгнуло.

— У тебя чудодейственное лекарство, служительница, — не удержался я. — Но даже если бы я и не выпил его, одно прикосновение твоей ручки поставило бы меня на ноги, — галантно добавил я в лучших традициях Ларри.

Она беспокойно заморгала, отводя глаза.

— Прекрасно сказано, особенно для такого умудренного познаниями человека, каким я представляла тебя по рассказам Радора, — засмеялась она.

Я вздрогнул, как ужаленный. Можно подумать, что если человек служит науке, так он уже не может сделать даме комплимент, чтобы не показаться при этом фокусником, извлекающим алую розу из ящика с ископаемыми окаменелостями.

Ну и наплевать, подумал я, и улыбнулся ей в ответ. Снова я отметил широкий, классической формы лоб с выбившимися из прически легкими завитками золотисто-бронзовых волос, изящный изгиб тонких каштановых бровей, придававший ее прелестному как цветок лицу вид простодушного лукавства, которое его ничуть не портило, напротив, легкая шаловливость взгляда только неуловимо подчеркивала скрытые благородство и непорочность души, как у проказливого, но милого и чистого ребенка; я увидел длинные черные изогнутые ресницы... нежную округлость левой обнаженной груди..

— Ты мне сразу понравился, — с открытой улыбкой сказала она. — Еще тогда, в первый раз, когда я увидела вас там, где Сияющий Бог выходит в ваш мир. Мне очень приятно, что ты оценил мое лекарство. Оно не хуже, чем те, что ты носил в черной сумочке — той, которую ты оставил в доме Радора, — быстро добавила она.

— Откуда ты об этом знаешь, Лакла? — изумился я.

— Я часто приходила к нему... и к тебе, когда вы спали. Как его зовут? — спросила она, показав глазами на Ларри.

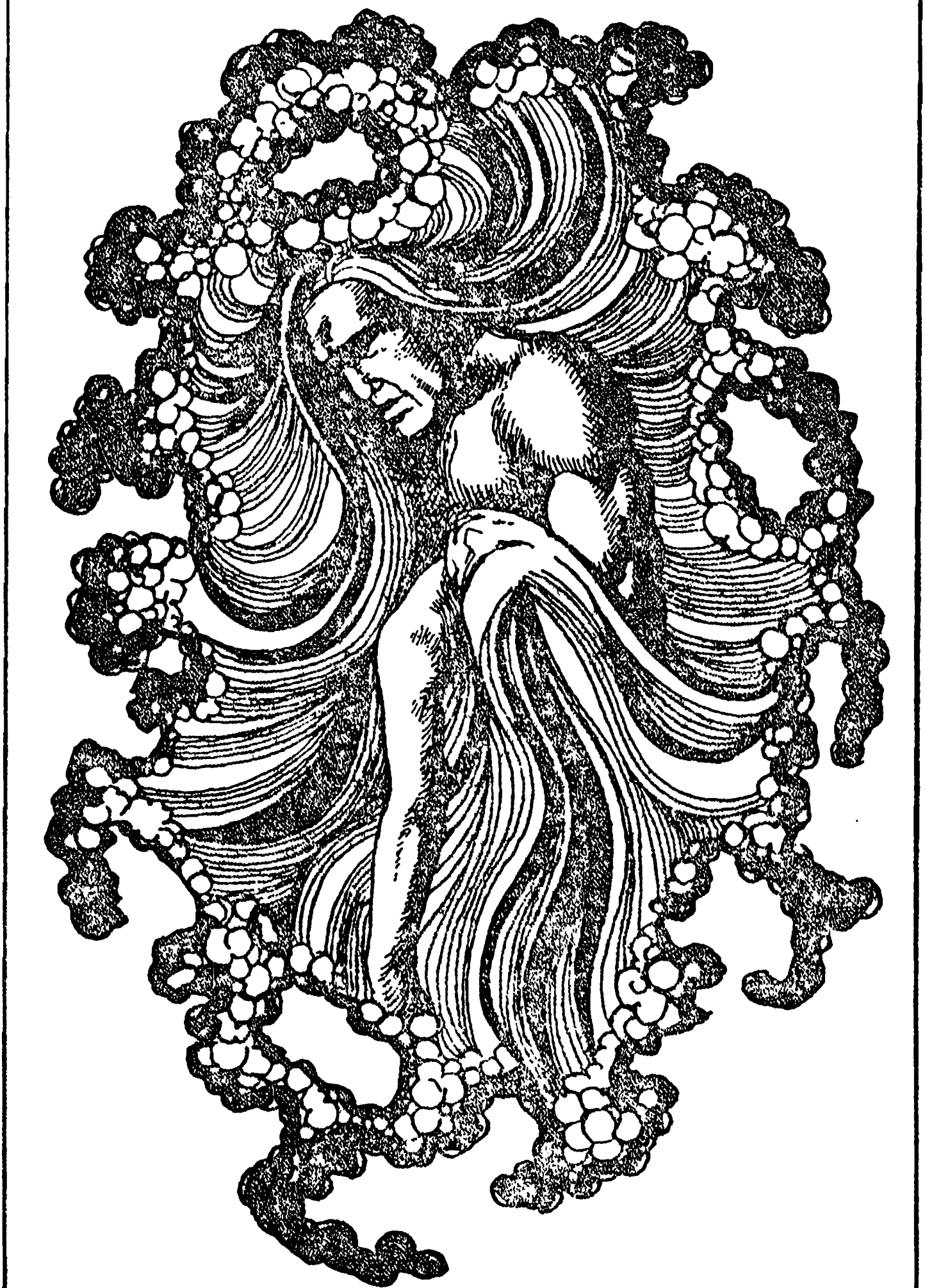
— Ларри, — ответил я.

— Ларри, — повторила она задумчиво. — А тебя?

— Гудвин, — вмешался Радор.

Я с достоинством поклонился, словно меня представляли очаровательной юной леди в той старой прежней жизни, которая отсюда казалась чем-то вроде другой геологической эры.

— Вот так... Гудвин, — сказала она. — Я очень часто приходила к вам. Иногда мне казалось, что вы видите меня. А он... он никогда не думал обо мне? — застенчиво спросила она.



— Думал, — ответил я. — Думал и ждал тебя... Но как же ты приходила? — с изумлением воскликнул я.

— О... это очень странный путь... Я приходила, чтобы посмотреть, все ли в порядке с ним... и заглянуть в его сердце, ибо я боялась Йолары и ее красоты. Но я видела, что ее нет в его сердце. — Она залилась ярким румянцем, так что даже маленькая обнаженная грудь превратилась в розу. — Это удивительная дорога, — продолжала рассказывать девушка. — Много, много раз я ходила по ней и смотрела, как Сияющий Бог уносит свои жертвы в Голубую заводь; видела женщину, которую он ищет, — Лакла быстрым, незаметным жестом показала на Олафа, — и ребенка, которого мать в последнюю минуту с мукой оторвала от груди и выбросила из объятий Сияющего Бога; видела другую женщину, которая сама кинулась в эти объятия, чтобы спасти любимого человека... и я ничем не могла помочь им! — тихо добавила она дрожащим голосом... — И твоего друга, из-за которого, как я понимаю, ты ведь и пришел сюда, Гудвин.

Замолчав, Лакла шла, погрузившись в свои думы, словно видела и слышала сейчас то, что было недоступно нам. Радор сделал предупреждающий жест, и мне пришлось отложить на другой раз все терзавшие меня вопросы.

Я огляделся вокруг. Сейчас мы двигались по плотно утрамбованной полосе песка, напоминающей вылизанный постоянными приливами и отливами отлогий берег океана. Странный это был песок: словно мелко дробленный гранат, — и каждая песчинка, окрашенная в темно-красный цвет, вспыхивала и искрилась. Ровный плоский берег, лишенный какой бы то ни было растительности, тянулся в обе стороны

беспредельной дали, пропадая в розовой дымке на горизонте, точно такой же, как та, что окружала нас сверху.

С обеих сторон от наших носилок и сзади маршировали гигантские батракианы[1], их было не меньше пяти десятков — целая толпа! Глянцевая поверхность черных и малиновых пластинок их панцирей тускло поблескивала в розоватом освещении; вокруг огромных, как блюдца, глаз светились фосфоресцирующим блеском зеленые, красные, пурпурные круги; шпоры пощелкивали, когда они шли своей необыкновенно смешной, но очень внушительной походкой.

Впереди розовая дымка сгущалась, превращаясь в красноватое зарево, в нем наметилась длинная темная линия — вход в какую-то пещеру, подумал я, в которую нас ведут. Зев пещеры все приближался, поднимался у нас над головой...

Мы стояли, омытые потоками яркого рубинового света, а впереди раскинулось море... винноцветное море. Мне тут же припомнилась восточная легенда о том, как Фу-Ши построил беседку около моря для украденной им у Солнца девушки и покрасил ее ярким чистым лаком, который сам же и создал (но секрет его изобретения с тех пор утрачен навсегда) из кораллов и огненной крови дракона, чтобы она, подходя к беседке, думала, будто это само солнце встает над летним морем.

Оно лежало спокойное и неподвижное, даже легкая рябь не волновала гладкую, словно у бездонного лесного омута в тихую лунную ночь, поверхность. Огромная чаша, наполненная огненно-красной, похожей на расплавленный металл жидкостью, — точно чья-то рука, достаточно большая, чтобы объять зем-

---

[1] Батракиан — в переводе с греческого означает «лягушка». (*Прим. пер.*)

ной шар, выжала сюда пылающие краски пожарищ всех осенних рассветов и закатов.

Вдруг из моря выпрыгнула огромная, как акула, рыба, с плоской головой, острым хребтом, бронзовые искры вспыхивали на зубчатых пластинках покрывающего ее тело панциря. Взлетев высоко вверх, она стряхнула с себя сверкающие рубиновые капли и с шумом упала назад в воду, подняв при этом целый столб сказочно-прекрасных, как драгоценные камни, брызг.

Я повернул голову и в поле моего зрения вплыло, медленно и величественно двигаясь над морем, светящееся, полупрозрачное полушарие. Его радужная поверхность все время меняла окраску, переходя от ярко-бирюзового к аметистовому и оранжевому цветам, вот оно уже алое с розовой поволокой, потом кроваво-красное, дымчато-серое и снова вернулось к первоначальному переливчато-радужному цвету. Позади него плыли еще четыре других полушария, и самое маленькое из них было около десяти футов в диаметре, а самое большое — никак не меньше тридцати. Они медленно дрейфовали, проплывая мимо нас, подобно мыльным пузырям, что выдул из взбитой в пену радуги какой-то исполинский ребенок. Затем одно из них выпустило из днища массу спутанных, сверкающих нитей; длинные, гибкие, извивающиеся прутья быстро обшарили поверхность воды, и эти загадочные существа погрузились в море.

Я ахнул... ведь рыба... была ганоид, — та древняя панцирная рыба, что, возможно, являлась самой разумной из всех обитателей нашей планеты в девонианскую эру, постепенно вымирая в течение многих столетий, и которую мы представляем только по оставшимся от нее окаменелым отпечаткам, по контурам этого удивительного создания, заключенного в

объятия камня, который когда-то служил для него мягкой подушкой дна. А полушария были — Medusæ — медузы... но совершенно невиданных размеров и расцветок, и к тому же светящиеся.

Прервав мои размышления, в эту минуту Лакла, приложив ко рту сложенные чашечкой розовые ладошки, громко и призывно закричала. Берег, на котором мы стояли, тянулся вперед еще несколько сотен футов, а затем резко обрывался, но высота его над Винноцветным Морем была не слишком высока; справа и слева от нас он загибался длинным полумесяцем. Повернувшись направо, туда, куда Лакла послала свой клич, я увидел поднимающуюся над морем, на расстоянии мили от нас или больше подернутую легкой дымкой радугу: гигантскую спектральную дугу, впрочем, довольно плоскую, я подумал, что форма ее связана с особенностями этой странной атмосферы. Дуга начиналась от красной кромки берега и, размахнувшись над винноцветными водами, опускалась тремя милями дальше на обрывистый, скалистый утес, мрачно чернеющий над лакированной морской гладью.

А за этим каменистым утесом, возвышаясь над его остроконечными зубцами, виднелся гигантский купол тускло-золотистого цвета — циклопическое сооружение, поражающее чем-то чужеродным, полностью обескураживая человеческий разум и зрение, как будто через бескрайние просторы космического пространства, с какой-то отдаленной звезды, дошли до меня связные образы, совершенно разборчивые, безусловно осмысленные и чем-то смутно знакомые... и которые абсолютно невозможно выразить символами или мысленными образами, привычными обитателям нашей планеты.

Это море, покрытое винноцветным лаком с плывущими над ним светящимися разноцветными лунами... эта каменная дуга, окрашенная во все цвета спектра, перекрывшая море — от берега до какого-то странного острова, увенчанного аномальным позолоченным... шишковидным наростом... получеловеческие батракианы, сказочная земля, по которой мы сюда пришли, со всеми ее таинственными ужасами и чудесами... я почувствовал, как заколебался фундамент моего столь заботливо выпестованного научного мировоззрения.

А вдруг это всего лишь сон? Может быть, тело мое лежит где-то, сражаясь со смертью в горячечном бреду, а то, что я вижу, всего лишь образы, проплывающие в отмирающих клетках моего мозга?

Колени мои подогнулись, я непроизвольно застонал.

Обернувшись ко мне, Лакла с обеспокоенным видом мягко обняла меня за плечи и поддерживала до тех пор, пока не прошло головокружение.

— Потерпи! — сказала она. — Носильщики уже идут. Скоро ты отдохнешь.

Она кивнула в сторону радуги, и я увидел, как оттуда спрыгивают и бегут к нам еще десятка два других лягушкообразных людей. Некоторые из них держали высокие носилки, снабженные ручками: что-то вроде палаккинов.

— Асгард!* — впившись горящими глазами в арку моста, рядом со мной стоял Олаф. — Бифрост Бридж... острый как лезвие ножа, по которому души идут в Вальхаллу*. А она... она Валькирия*... девушка с мечом! Ja!

Я сжал пылающую жаром ладонь норвежца, и острое чувство жалости охватило меня. Если даже я был так потрясен этим местом, представляю, что

должен чувствовать Олаф. С превеликим облегчением я увидел, как он, повинуясь мягкому приказанию Лаклы, опустился на одни из носилок и лег там на спину, закрыв глаза. Двое монстров, подняв его, положили перекладины на свои чешуйчатые плечи. Надо ли говорить, что без малейших колебаний я сам лег на мягкие бархатные подушки других носилок.

Кавалькада тронулась в путь. По приказу Лаклы О'Кифа поместили в ее носилки; скрестив колени на восточный манер, она сидела, склонившись над его бледным лицом; ласково перебирая белыми удлиненными пальчиками волосы на голове ирландца.

Вдруг она подняла руку, размотала уложенные высокой короной косы, встряхнула головой, освобождая волосы, так что они заструились вниз неудержимым потоком и закрыли их обоих.

Голова ее склонилась еще ниже, я услышал мягкий звук поцелуя и отвернулся, чувствуя себя одиноким и никому не нужным — Бог знает почему!

ГЛАВА 25

ТРОЕ МОЛЧАЩИХ БОГОВ

Мы подходили к удивительной арке, и на какое-то время, охваченный благоговейным восторгом, я позабыл про Ларри и про все на свете. Ибо это была не радуга, не вещь, сотворенная из света и тумана, не мифический Бифрост Бридж — нет! Самый настоящий каменный мост, без единой опоры, парил в воздухе как на крыльях, окрашенный сверкающими пятнами ярчайших алых и пурпурных цветов, всеми оттенками голубого — от нежнейшей лазури ясного майского неба до глубокой синевы, которой выделяется в океане лента течения Гольфстрим, с вкраплениями желтого и зеленого цветов... точно сказочная палитра какого-то великана-художника... В сто, нет, в тысячу раз этот колдовской, волшебной красоты мост был больше, чем мост в Юта, который индейцы племени Навахо называют Ноннегоцци, поклоняясь ему, как божеству, и который, в сущности, есть не что иное, как воплощенная навечно в камень радуга.

Беря начало у самой кромки берега, мост одной плавной дугой невероятных размеров перекрывал винноцветную гладь моря. Я тут же представил себе картину, как земля на заре своего существования извергла из расплавленного чрева мощную струю магмы, застывшую потом величественной аркой моста и навечно сохранившую жаркие краски породившей его огненной стихии.

Пока я в немом восхищении любовался мостом, мы уже почти вплотную приблизились к нему; вот уже первые носильщики вступили на него, устремившись вперед быстрым шагом.

Гладкая, как городская магистраль, лента уходила вдаль. Ровное пространство шириной около пятисот футов по бокам ограждал низкий бортик, загнутые внутрь края которого образовывали столь плавный и совершенный по форме завиток, словно были вылеплены из податливой глины, а не вырезаны из камня.

Мы все шли и шли по нескончаемому мостовому пролету, медленно приближаясь к высоким, обрывистым стенам мрачного утеса, на которых покоился дальний конец моста; угрожающей громадой надвигался загадочный, сияющий тусклой позолотой купол. Вот мы уже достигли конца моста и вышли на ровную широкую площадь, наглухо закрытую со всех сторон зубчатыми верхушками черных скал, если не считать узкой расщелины, видневшейся прямо перед нами.

Из этой расщелины начинался другой мост, что-то около полумили длиной; в центральной своей части он расширялся в круглую площадь и тянулся дальше, упираясь прямо в массивные створки входных ворот. Покрытые такой же тусклой позолотой, что и видневшийся за ними высоченный купол, ворота были вделаны прямо в стену другого черного утеса. Этот второй — гораздо меньший по размеру, чем первый, мост перекрывал собой огромную дыру — пропасть, которую плотной стеной окружали другие обрывистые скалы, удерживая собой натиск винноцветных вод.

Мы быстро приближались к этому месту, и вот уже вышли на широкую площадь в центре второго моста, мои носильщики двигались достаточно близко от его края, так что я не мог справиться с искушением высунуть голову и поглядеть вниз.

Я наклонился... и все поплыло у меня перед глазами. Головокружительная глубина открылась моему

взгляду — в самом деле, — это была бездна, бездонная бездна, а если у нее и было дно, то оно должно быть лежало в самом центре земли, в таком месте, где по верованиям древних вавилонян корчится в судорогах Талаат* — змеиная праматерь Хаоса.

Узкая штольня, казалось, протыкала насквозь центр земли; на невообразимом, не сравнимом ни с каким другим расстоянии что-то виднелось... что-то там было... Внизу полыхало зеленое пламя, словно роскошный цветок самой жизни. Что-то мне показалось знакомым в этой картине. Я вспомнил! Точно так же выглядит солнечная корона при затмении, когда луна закрывает наше светило, и на фоне черного неба медленно расцветает огненное свечение, точно распускается бутон дивного великолепного цветка.

Странное, очень странное чувство охватило меня, такое же, как я испытывал при появлении Двеллера, глядя, как он бежит в блеске своей неземной, поражающей воображение красоты, вращая извивающимися щупальцами и спиралями, сопровождаемый вихрем звона хрустальных колокольчиков!

Мы остановились перед Золотыми Воротами, бездна осталась позади, створки раскрылись, и мы прошли внутрь. Там оказался широкий коридор, заполненный мягким светом, и на его пороге стояла, сверкая желтыми драгоценными каменьями, экзотическая фигура женщины-лягушки, которую мы видели на розовой стене в зале Лунной Заводи. Огромная морда расплылась в улыбке, что довольно очевидно свидетельствовало о том, что наше появление встречено с радостью.

Лакла приподняла голову, откинула назад водопад шелковистых волос и посмотрела на меня затуманенными от слез глазами. Женщина-лягушка осторожно подошла к ней; пристально поглядела на Ларри, и заговорила — (заговорила!) — обрушив на

Золотую девушку быстрый поток протяжных, вибрирующих звуков, похожих на односложные слова. И Лакла отвечала ей тем же образом. Перепончатые лапы ощупали лицо О'Кифа, легли ему на сердце, она покачала головой и пошла впереди нас по коридору.

Все еще покачиваясь в носилках, мы двигались следом, поднимаясь вверх по виткам закрученного спиралью коридора, пока, наконец, нас не опустили на покрытый мягкой и хрупкой тростниковой подстилкой пол в огромном зале. Снаружи через высокие, узкие прорези в стенах проникал темно-красный свет.

Я вскочил на ноги и бросился к Ларри. Состояние его не изменилось: все та же ужасающая вялость, слабый, с перебоями, пульс. Радор с Олафом (похоже, что он уже оправился от своего лихорадочного жара) подошли и молча встали подле меня.

— Я иду к Трем Молчащим Богам, — сказала Лакла. — Ждите меня здесь.

Она стремительно раздвинула занавеси, висевшие на одной из стен, и вышла. Довольно скоро ее голова вновь показалась из складок занавесок. Заплетая на ходу косы и укладывая их вокруг головы золотистым венчиком, Лакла подошла к нам.

— Радор, — сказала она. — Бери Ларри — Молчащие Боги будут смотреть в его сердце. И ничего не бойся, — добавила она, увидев, как засуетился, испуганно вздрогнув, зеленый карлик.

Радор наклонился над Ларри, но Олаф отстранил его.

— Нет, — сказал норвежец. — Я сам понесу его.

Он взял Ларри на руки, прижимая его к груди, как ребенка. Зеленый карлик метнул на Лаклу быстрый взгляд; она кивнула.

— Пошли, — скомандовала девушка и раздвинула складки портьер.

Я мало что запомнил из этого путешествия. Сохранились отрывочные воспоминания о бесчисленных коридорах, вереницах громадных залов и небольших комнатушек, в некоторых из них полы покрывал хрупкий тростник, в других — лежали пушистые ковры, и ноги тонули в них, как в мягкой луговой траве; мы проходили через комнаты, залитые ярким рубиновым светом, и комнаты, едва освещенные слабым колеблющимся огоньком свечи.

Мы остановились перед каменной плитой винного цвета, очень похожей на ту, что зеленый карлик называл Порталом, и на ее полированной поверхности я увидел сплетение тех же самых таинственных символов. Золотая девушка нажала на край плиты, она мягко отошла в сторону. Поток опалесцирующего света хлынул из образовавшегося входного проема... и, как во сне, я переступил порог.

Я понимал, что сейчас мы по всей видимости находились как раз под самым куполом, но некоторое время, ослепленный ярким потоком света, я ничего не видел — точно меня поместили внутрь горящего на свету огромного опала. Я непроизвольно зажмурился, защищая глаза от этого вспыхивающего алмазным блеском яркого света, потом осторожно приоткрыл их и огляделся: оказывается, освещение создавалось каскадом сверкающих лучей, отраженных от вогнутой поверхности высоченных круглых стен. Прямо у меня перед глазами оказалась длинная узкая щель, через которую виднелся в отдалении край колдовского моста и обрывистый берег моря перед устьем пещеры, через которую мы попали сюда; опаловое свечение комнаты наталкивалось на темно-красный свет, струившийся снаружи, и, не смешиваясь с ним, останавливалось, точно обрезанное ножом.

Я почувствовал прикосновение Лаклы и обернулся. В сотне шагов от меня находилось какое-то возвышение, приподнятое над полом примерно на ярд. От самого края полукруглой рампы поднималась вверх густая, мерцающая блестками опалесцирующая дымка, пронизанная трепещущими жилками, такими же, что я заметил в сияющем ядре Двеллера, призрачные, молочного цвета тени беспрестанно двигались внутри тумана, делая его похожим на свернувшийся лунный свет.

Я поднял голову, чтобы посмотреть, где кончается плотная стена тумана, и вдруг увидел, что сверху на меня глядят, выступая прямо из опаловой дымки, три лица: два — безусловно мужские, а одно — женское. Сначала я решил, что это какие-то изваяния, но затем, приглядевшись к их глазам, понял, что ошибаюсь, — ибо глаза были до ужаса живые, я бы сказал, если мне позволят употребить это слово, — сверхъестественно живые.

Эти глаза по размеру раза в три превышали обычные человеческие, а по форме представляли собой равносторонний треугольник, обращенный вершиной вверх. Черные, как уголь, совсем без зрачков, и в них все время вспыхивали крохотные красные искорки.

То, что находилось над глазами, по-видимому, являлось лбом, но он не имел ничего общего с человеческим. Высокие и широкие лбы выдавались вперед козырьком, так что вытянутые вперед виски соединялись посредине вертикальным гребнем, образуя симметричный широкий клин, что-то вроде выступающего козырьком нароста на голове у некоторых видов больших ящериц, а сами головы, вытянутые, сужающиеся к затылку, в два с лишним раза превышали размером человеческие!

На головах у них были шапки, высокие, опушенные густым слоем желтых, мелких, как цехины, че-

шуек... но с какой-то пугающей уверенностью я знал почему-то, что это вовсе не шапки... Острые, изогнутые носы, напоминающие клювы гигантских кондоров, тонкие, аскетически сжатые губы: вытянутые, мощные заостренные подбородки; живая плоть лиц поражала мраморной белизной... Вокруг лиц, полностью скрывая их тела, поднималась клубящимся облаком мерцающая опаловая дымка.

Олаф стоял в остолбенении, сердце у меня было готово выпрыгнуть из груди. Что это... что это были за существа?

Я заставил себя посмотреть на них снова... и точно окунулся в море спокойствия и доброжелательности... нет, меня как будто приподняло волной огромной духовной силы. Я чувствовал, что в этих существах нет ни капли злобы или жестокосердия, нет ничего нечеловеческого, если не считать их странной внешности — совсем напротив, каким-то безошибочным чутьем я понял, что они добры и милосердны... но чем-то опечалены... да, глубокая печаль коснулась моего сердца!

Я выпрямился и снова посмотрел на них, на этот раз смело и безбоязненно. С глубоким вздохом Олаф тоже пристально посмотрел на лица, тяжелое, безысходное отчаяние постепенно сходило с его лица.

Лакла подошла ближе к возвышению. Три пары глаз следили за ней, причем женщина глядела с какой-то особенной невыразимой нежностью. Мне показалось, что какое-то сообщение прошло от Трех Молчащих к Золотой девушке. Она поклонилась и повернулась к норвежцу.

— Положи Ларри там, — мягко сказала она. — Туда, к ногам Молчащих Богов!

И указала на светящуюся дымку. Олаф вздрогнул и, заколебавшись, перевел глаза на Трех Молчащих, некоторое время он испытующе вглядывался, и что-то

похожее на улыбку промелькнуло на их лицах. Взяв Ларри на руки, Олаф прошел вперед и положил его прямо в светящийся туман. Он заколебался, сверху прокатилась волна, закрутилась вокруг лежащего тела. Через некоторое время все успокоилось, но там, где лежал Ларри, уже ничего не было!

Снова задрожала, заходила ходуном опаловая дымка, забираясь все выше, скрывая постепенно подбородки, изогнутые носы, наконец, удивительные лбы этих существ, но прежде чем туман скрыл их окончательно, я успел заметить, как наклонились желтые пушистые головы, по сверкающему покрову пробежала вверх волна, словно за ним поднимали какой-то предмет.

Туман опустился — и снова сверху глядели на нас загадочные глаза.

Вытянув вперед руки, как будто пробираясь на ощупь в темноте, из тумана появился Ларри; задержался на миг на краю возвышения и спрыгнул к нам. Полный жизни и энергии, Ларри смеялся, щуря глаза, как бывает, когда человек из темноты попадает на яркий солнечный свет. Он заметил Лаклу, подскочил к ней, схватил в объятия.

— Лакла! — крикнул он. — Mavourneen[1]!

Она, зардевшись, выскользнула из его рук, бросив на Троицу смущенный, чуть испуганный взгляд. И снова я заметил, как промелькнула нежность в угольно-черных, вспыхивающих красными огоньками очах женского существа; да и у других тоже ласково смягчились лица, словно они смотрели на свое любимое дитя.

— Смерть держала тебя в руках, Ларри, — сказала Лакла. — И Молчащие Боги забрали тебя у

---

[1] Mavourneen (*иск. ирл.*) — muirnin — возлюбленная.

нее. Благодари же, Ларри, Молчащих Богов, ибо они сильны и могущественны.

Она положила ему на затылок удлиненную белую ладонь, и повернула голову так, что он увидел лица Троих. Долго глядел на них Ларри, потрясенный не меньше меня и Олафа и, по-видимому, охваченный той же исходящей от них силой и — каким словом мне выразить это? — святости...

А потом я в первый раз увидел, как на лице ирландца появилось самое настоящее благоговение. Не отрывая взгляда от Молчащих Богов, Ларри опустился на одно колено и низко наклонил голову, словно преклоняясь перед почитаемой им святыней. И — я не стыжусь признаться в этом — я сам присоединился к нему, и вместе с нами встали на колени Лакла, Олаф и Радор.

Волшебная опалесцирующая дымка заклубилась вокруг лиц Молчащих Богов и скрыла их от наших глаз.

Глубоко и радостно вздохнув, Лакла взяла Ларри за руки, подняла его на ноги и повела из залы. В глубоком молчании мы покинули следом за ними это удивительное место.

Но почему-то, пока мы шли, меня не оставляла мысль, что сидящие на троне Молчащие Боги все время должны видеть разверстую пасть ямы у порога своей обители. И все время глядя в бездну, они видят внизу, на непостижимой для человека глубине этот загадочный цветок — колоссальное, наводящее страх зеленое пламя, которое показалось мне прообразом самой жизни.

ГЛАВА 26

СВАТОВСТВО ЛАКЛЫ

Я спал крепко и глубоко, без сновидений. Я пробудился совершенно отдохнувшим в большой комнате, куда Радор отвел нас с О'Кифом после того, как завершился наш визит к Трем Богам — кульминационный момент, венчающий цепочку событий последних, потребовавших колоссального напряжения всех наших физических и душевных сил часов.

А сейчас, я, бессмысленно разглядывая высокий сводчатый потолок, лежал и слушал голос Ларри:

— Они похожи на птиц...

Несомненно, Ларри имел в виду Трех Богов. Последовало непродолжительное молчание... потом снова:

— Да, они похожи на птиц... и еще они похожи — что вовсе не означает пренебрежительного моего к ним отношения — они похожи на ящериц...

Опять молчание.

— ...и еще они похожи на каких-то идолов, и, клянусь рукояткой меча Бриана Бору, они, ко всему прочему — похожи на людей! А поскольку они не могут быть и одним, и другим, и третьим сразу — так что же... во имя Святой Бриджет, что же они такое?

Снова короткое молчание — и затем, торжественным и абсолютно безапелляционным тоном:

— Все ясно! Они... лопни мои глаза... если это не так...

Он оглушительно гикнул; подушка, отправленная мощным броском в воздух, угодила мне прямо в голову.

— Подъем! — заорал Ларри. — Эй, вы, бурлящий котелок ископаемых предрассудков, вставайте! Чуче-

ло дремучего невежества и пугало для привидений — подъем!

Огорошенный ударом подушкой и градом оскорблений, я вскочил на ноги, в первый момент не на шутку разозлившись. Увидев мое перекошенное лицо, Ларри повалился на спину, разразившись диким хохотом, и вся моя злость моментально испарилась.

— Док, — сказал он, отсмеявшись, абсолютно серьезным голосом. — Я знаю, кто такие Трое Богов!

— Да-а? — протянул я с ядовитым сарказмом.

— Да? — передразнил меня Ларри. — Да-да-да! А вы... вы... — он втянул голову в плечи под моим грозным взглядом и хихикнул. — Ну, ладно, — сменил он быстро предмет обсуждения. — Я знаю, кто они! Они — Туа Де, Древние Люди, великий народ Ирландии — вот кто они!

Конечно, я знал об Туа Де Даннен, Племенах Богини Дану, полулегендарном, полуисторическом клане, нашедшем себе пристанище в Ирландии почти четыре тысячелетия до нашей христианской эры и оставившим чрезвычайно глубокий след в сознании кельтов и их легендах.

— Да-да! — сказал Ларри. — Туа де — Древние Боги! Они обладали такой магической силой, что подчинили себе Маннанана — духа всех морских просторов и Кейзора — божества всего, что зеленеет на земле, и даже Езуса — этого невидимого Бога, который управляет жизнью и существованием всей небесной тверди — да... и еще они взяли власть над Орхилл, которая сидит под землей и с помощью челнока мистерии, переплетая три нити рождения, жизни и смерти, ткет человеческую судьбу, — даже Орхилл они указывали, что она должна ткать.

Ларри опять ненадолго замолчал.

— Эти боги, они точно из этих... могущественных племен... а иначе, чего бы это мне взбрело в голову становиться перед ними на колени, будто я встретился с духом моей покойной матери? И с чего бы это тогда Лакла, у которой такие же золотисто-бронзовые волосы, как у Эйлид Прекрасной, такие же нежные губки, как у Дейрдре*, и душа которой добралась до меня через века странствий по зеленым миртовым рощам Эрин, с чего бы тогда она стала служить им? — прошептал он, мечтательно уставившись в потолок.

— Ну, и каким же образом они тут оказались? — задал я вполне резонный вопрос.

— Я об этом еще не думал, — с неудовольствием ответил Ларри. — Но если хотите, о мой мудрейший из мудрых, вот вам несколько соображений, что с ходу пришли мне в голову. Одно из них заключается в том, что эта милая компашка могла притормозить здесь, когда остальные отправились дальше, в Ирландию; и какие-то свои особые причины заставили их осесть в этом месте; другой вариант — они пришли сюда уже из Ирландии, когда стало ясно, что эти козлы все равно их оттуда выживут, и они решили обосноваться здесь до тех пор, пока не наступит подходящий момент освободить Ирландию от всей этой шушеры... ну и весь остальной мир тоже, конечно, — добавил он великодушно, — но Ирландию — прежде всего. Ну что, убедил я вас, док?

Я покачал головой.

— Хорошо, — скучным голосом сказал он. — А сами-то вы что думаете по этому поводу?

— Я думаю, — осторожно начал я, — что мы встретились с высокоразвитыми разумными существами, которые в процессе эволюции выделились в отдельную ветвь, хотя возможно, источник разумной

жизни для них тот же, что и у нас. Эти их высокоразвитые, получеловеческие батракианы, которых они называют Акка, подтверждают, что эволюция в этих подземных пещерах определенно пошла по другому пути, нежели земная. Англичанин Уэллс, тот, что пишет фантастические и довольно любопытные романы, в которых описывает вторжение марсиан на Землю, изображает свои персонажи в виде чудовищной разновидности мыслящих осьминогов. Это его право, и в принципе в этом нет ничего невероятного. Человек оказался на вершине животного мира исключительно в силу целого ряда совершенно непредсказуемых событий, случись звеньям этой цепочки сложиться иначе, и вполне могло бы статься, что на Земле господствующей расой сделались бы пауки, или муравьи, или, может быть, даже слоны.

— Я думаю, — продолжил я еще более осторожно, — что эта раса, к которой принадлежат Трое Богов, никогда не появлялась на поверхности Земли; все ее развитие шло здесь, внизу, непрерывным процессом, пока наверху одна геологическая эра сменяла другую. И если мои предположения верны, то структура их мозга и, следовательно, логика их поступков, должны очень сильно отличаться от наших. Таким образом, их знания и то, как они используют свои знания, для нас загадка, и, более того, встает вопрос, не имеют ли они совершенно другое, чуждое земному уму, представление о справедливости и нравственных ценностях... — и это самое ужасное, — подытожил я.

Теперь Ларри с сомнением покачал головой.

— Ваши аргументы, док, писаны вилами по воде, — сказал он. — У них оказалось досточно развитым чувство сострадания, чтобы помочь мне выкарабкаться... и уж точно, они знают, что такое любовь, — потому что я видел, как они глядели на

Лаклу, и они знают, что такое печаль, — невозможно ошибиться, глядя на их лица.

— Нет, нет, — продолжал он, — как хотите, но я остаюсь при своем мнении. Это Древние Люди Ирландии. Мой лепрекоунчик как-то нашел сюда дорогу, и я держу пари, что это они послали ему весточку. И если баньши О'Кифов заскочит сюда на минутку — не приведи Господи! — я ручаюсь, что она выкроит время, чтобы нанести им официальный визит, прежде чем займется делом вместе со своей оравой привидений. Да она будет себя чувствовать тут как рыба в воде, голову даю на отсечение, — эта моя старая добрая фея. Нет, нет, — закончил он. — Я прав! Все это слишком славно выглядит, чтобы быть неправильным.

Я предпринял последнюю отчаянную попытку.

— Можно подумать, что в Ирландии есть какие-то указания на то, что Туа Де были похожи на этих троих, — сказал я и снова попал пальцем в небо.

— Что? — крикнул Ларри. — Что? Клянусь юбкой Кормака Маккормака — это так, и я рад, что вы напомнили мне об этом. Меня и самого это мучило! Да, у нас был Дагда, который надевал на себя голову огромного кабана и тело гигантской рыбы и в таком виде бороздил моря, и разрывал на клочки доспехи любого, кто шел войной на Эрин; и еще был такой Ринн...

Уж не знаю, сколько времени мне пришлось бы выслушивать рассказы о метаморфозах древних людей, но тут раздвинулись занавеси и появился Радор.

— Вы хорошо отдохнули, — улыбнулся он, — как я погляжу. Служительница послала меня за вами. Вас зовут откушать вместе с ней в ее саду.

Мы проследовали за ним вниз бесконечными коридорами; вышли на террасу с разбитым там восхи-

тительным садиком — ничуть не хуже, чем те, что мы видели в городе Йолары. Засаженная благоухающими цветущими растениями терраса нависала над утесами на одном уровне с куполом, где обитали Молчащие Боги. На краю террасы стоял маленький столик из молочно-опалового нефрита, но Золотой девушки нигде не было видно. Узкая тропинка, окаймленная пышными зелеными кустами, обегая террасу, уходила куда-то вверх. Я проследил за тем, куда она вела, с нескрываемым любопытством. Поймав мой взгляд, Радор правильно истолковал его и повел меня по тропе.

Мы поднялись по крутым каменистым уступам, пролезли через какую-то расщелину и выбрались наверх. Мы стояли над террасой, и пышная растительность не заслоняла открывавшегося как на ладони вида окрестностей. Внизу протянулся удивительный мост, по которому взад и вперед суетливо сновали лягушкообразные люди. Остроконечный выступ, торчащий рядом, не давал мне возможности заглянуть в так заинтриговавшую меня бездну, и я ограничился тем, что стал разглядывать окрестности.

От устья пещеры тянулся обрывистый берег, не очень высокий и совершенно голый, а вдали, на концах изогнутого полумесяцем берега от самой кромки винноцветных вод начинались густые лесные чащи, тянущиеся в обе стороны до самого горизонта. В листве преобладали коричневые, красные и желтые краски, словно в осеннем лесу, и, кое-где на них накладывались неровные пятна темно-зеленого цвета, как у хвойных пород деревьев. Миль пять в каждую сторону тянулись леса и пропадали из глаз, скрытые туманной розовой дымкой.

Я повернулся и оказался стоящим лицом перед безбрежным морским простором.

Дул легкий бриз — первый настоящий ветерок, который я ощутил в этой закрытой со всех сторон подземной пещере. От ветра поверхность моря, казавшаяся растаявшей глазурью, сморщилась, покрывшись рябью, и теперь стало видно, что винноцветные воды оказались самым что ни на есть настоящим морем, если такое можно себе представить. Ветер срывал брызги с верхушек волн, и они рассыпались дождем розовых жемчужин и ярко-красных рубинов. Медленно и величественно проплывали гигантские светящиеся медузы: они непрерывно меняли окраску, подобно разноцветным стеклышкам калейдоскопа — волшебные, сказочные шары!

Я опустил глаза вниз и стал разглядывать подножие возвышающегося, словно башня, утеса. Там росло неимоверное количество цветов, и все они светились и вспыхивали искрами, как ограненные бриллианты; блестки алого и кроваво-красного цветов отбрасывали розовато-лиловые и странные красновато-голубые тени. На общем фоне зеленой растительности они казались маленькими лужицами сверкающих драгоценных каменьев. Я заметил, как заколебались потревоженные кем-то ветви деревьев. Радор прервал мои раздумья.

— Лакла идет! — сказал он. — Пошли вниз.

И в самом деле, в конце тропинки показалась Лакла, нерешительно замерла на мгновение, и пошла навстречу нам. Густо покраснев, она протянула к Ларри белые руки. Ирландец бережно взял их, прижал к сердцу и поцеловал с такой невыразимой нежностью, которой не было и в помине, когда он, расточая жрице пылкие комплименты, изображал из себя страстного поклонника ее красоты. Лакла еще пуще покраснела, отняла у него удлиненные тонкие пальчики и прижала их к своему сердцу.

— Мне нравится прикосновение твоих губ, Ларри, — прошептала она. — От этого мне становится горячо вот здесь, — она положила ладонь на сердце, — и когда ты трогаешь губами мои руки, теплые волны так и бегут у меня по всему телу. Почему бы это?

Она недоуменно приподняла изогнутые бровки, придававшие ее нежному как цветок лицу какое-то особенное, неповторимое выражение простодушного лукавства, и стала еще прелестнее.

— Вот как? — жарко зашептал Ларри. — Тебе и вправду нравится...

Он медленно наклонился к девушке. Лакла быстро взглянула на смеющееся лицо Радора, и, отстранившись от Ларри, с надменным видом повернулась к зеленому карлику.

— Радор, — сказала она, — не пора ли тебе и этому сильному человеку, Олафу, отправиться по делам.

— Да, конечно, служительница, — ответил Радор со смиренным почтением в голосе, но все-таки было похоже, что он едва удерживается, чтобы не расхохотаться. — Но, если помнишь, этот силач, Олаф, хотел бы сначала повидаться со своими друзьями, прежде чем мы уйдем... да вот, кстати, он уже идет, — добавил Радор, бросив взгляд на тропинку, вдоль которой размашисто шагал норвежец.

Когда Олаф подошел поближе, я увидел, какая разительная перемена произошла в его облике. Исчезло жалкое искательное выражение глаз, и в них теперь светилась робкая смутная надежда. Мягко и ласково посмотрев на Золотую девушку, он склонился перед ней в глубоком поклоне. Потом выпрямился и пожал руки О'Кифу и мне.

— Будет битва, — сказал он. — Я иду вместе с Радором собирать армию из этих лягушачьих людей.

Что касается меня... Лакла мне все сказала. Нет никакой надежды для меня... вернуть Хельму к жизни, но есть зато надежда, что мы уничтожим Сияющего Дьявола и моя Хельма обретет покой. И этим я полностью доволен. Ja! Это меня устраивает! — он снова сжал нам руки. — Мы будем сражаться! — грозно выкрикнул он. — Ja! Я буду мстить, страшно мстить.

Лицо его на мгновение исказилось, но он быстро успокоился и, отдав Лакле честь, они с Радором ушли.

Две крупные слезы скатились из золотых глаз Лаклы.

— Даже Молчащие Боги не в силах исцелить тех, кого забрал Сияющий Бог, — сказала она. — Он спрашивал меня об этом... и я не могла сказать ему ничего утешительного. Трое Богов ничего не могут поделать... это сущее наказание для них... вы скоро узнаете всю эту историю, — торопливо добавила она. — А сейчас не спрашивайте меня ничего о Молчащих Богах. Я думаю, что Олафу лучше всего заняться делом, чтобы освободить ум от тягостных и печальных раздумий, поэтому я и послала его помогать Радору.

На тропинке появились пять женщин-лягушек, несущих подносы с едой и кувшины. Браслеты, украшенные драгоценными камнями, мелодично позвякивали у них на руках и ногах; середину туловища (от того места, где у женщин предполагается талия!) прикрывали короткие полотняные юбочки, украшенные орнаментом из блестящих нитей.

В этом месте позвольте мне выразить свое сожаление, если с моих слов у вас создалось впечатление, будто Акка — это просто очень большие лягушки. Я еще раз хочу подчеркнуть, что это были лягуш-

кообразные существа, и они так же отличались от обычных лягушек, как человек отличается, к примеру, от шимпанзе. Я беру на себя смелость утверждать, что Акка происходили от стегоцефала — прародителя современных лягушек; и подземные батракианы, по-видимому, являлись другой ветвью этого вида, достигшей высокого развития в процессе эволюции, точно так же, как это произошло с человеком, далеко обогнавшим своих четвероногих собратьев.

Большие выпученные глаза, очертания морды напоминали лягушачьи, но форма головы была существенно другой, нежели у упомянутых животных из-за высокоразвитого мозга, находившегося в черепной коробке. Лоб, например, имел отчетливо выраженную дугообразную форму, а не был низким, плоским и скошенным назад. Голова, в известном смысле, обладала приятной для глаз формой, причем покрывавший ее большой костяной щиток (точно какой-то фантастический шлем!) у женских особей отличался по внешнему виду от снабженного острыми шипами панциря на голове у мужских особей, что придавало им поистине устрашающий вид; мужчины к тому же отличались от женщин по цвету. Прямой мощный торс опирался на несколько кривые ноги, полусогнутые в коленях, необыкновенно смешная косолапая походка... но, впрочем, я отвлекся.[1]

---

[1] Акка — живородящие. Женщины производят потомство регулярно через каждые пять лет и никогда не производят на свет больше двух детенышей одновременно. Они моногамны, подобно определенным видам наших Ranidae — лягушек. *(Прим. пер.)*. Наиболее любознательные читатели, не удовлетворенные краткими сведениями, которые они найдут в моей книге — ибо у меня было недостаточно времени, чтобы изучить интереснейшие обычаи и порядки этих существ, — смогут получить подробную информацию и огромное удовольствие, прочитав книгу «Brutpfleige der Schwanzlosen Batrachier», p. 395 и Lilian V. Sampson «Unusial Modes of Breeding among Anura», Amer. Nat. XXXIV, 1900. *(У. Т. Г.)*

Женщины-лягушки опустили на стол свою ношу. Ларри с любопытством поглядел на них.

— Ты прекрасно выдрессировала своих зверюшек, Лакла, — сказал он.

— Зверюшек! — служительница поднялась, негодующе сверкая глазами. — Ты назвал моих Акка — зверюшками?!

— М-гм, — слегка обескураженно промычал Ларри, — а как я должен их называть?

— Мои Акка — люди, — отрезала она. — Такие же люди, как твой народ или мой. Они добры и послушны, они умеют разговаривать, и им известно, что такое искусство; и они убивают только тогда, когда им нужна пища или требуется защитить себя. И мне они кажутся очень красивыми! Слышишь, Ларри — они прекрасны! — Она, выпрямившись, посмотрела на него сверху вниз. — А ты назвал их зверями!

Прекрасны! Это они-то? Признаться, ничего, кроме удивления, эти смехотворные создания у меня не вызывали. Но Лакле, окруженной ими с младенческих лет, они, конечно, не казались странными. Так почему бы ей не считать их красивыми?

Видно, та же мысль пришла в голову и О'Кифу. Он пристыженно покраснел.

— Да, я тоже считаю, что они красивы, Лакла, — сказал он примирительно. — Просто я недостаточно хорошо знаю ваш язык, поэтому ты неправильно поняла меня. Я и в самом деле считаю, что они просто очаровашки, — если бы я мог разговаривать по-ихнему, я бы так им сам и сказал.

Лакла засмеялась, — причем у нее на щеках появились очаровательные ямочки — и обратилась к прислуге на том странном наречии, что вне всякого сомнения являлся языком этих созданий. Они засму-

щались, поглядывая на Ларри с каким-то уморительным кокетством, закудахтали и заухали, что-то обсуждая между собой.

— Они говорят, Ларри, что ты им нравишься гораздо больше, чем мужчины Мурии, — со смехом перевела Лакла.

— Вот уж никогда бы не подумал, что мне придется обмениваться комплиментами с леди-лягушками, — прошептал он мне на ухо. — Не отвлекайся, Ларри, — строго приказал он сам себе, — и не своди глаз с пленной ирландской принцессы.

— Радор пошел на встречу с одним из «ладала», он проник сюда, чтобы принести нам какие-то сведения, — сказала Золотая девушка, когда мы переключили свое внимание на еду, — а потом он вместе с Олафом и Наком пойдет собирать Акка, потому что скоро будет сражение, и мы должны подготовиться. Нак, — добавила она, — это тот, что охранял меня, когда ты, Ларри, танцевал вместе с Йоларой. — Она бросила на ирландца быстрый, озорной взгляд. — Он самый главный у Акка.

— И сколько же сил мы сможем выставить против них, милая? — сказал Ларри.

— Милай-я? — Золотая девушка уловила ласковый оттенок этого слова. — Что это значит?

— Это такое маленькое словечко, которое означает — Лакла, — ответил Ларри. — Если его говорю я. Если его говоришь ты, оно означает — Ларри.

— Мне нравится это слово, — задумчиво протянула Лакла.

— Ну тогда так и говори мне — Ларри, милый, — предложил Ларри.

— Ларри, мила-ай! — сказала Лакла. — Когда они явятся, мы сначала пустим на них моих Акка...

— А они, что, умеют сражаться, mavourneen? — прервал ее Ларри.

— Умеют ли они сражаться? Мои Акка?

Лакла снова гневно засверкала глазами.

— Они будут биться до последнего издыхания, пока хоть один из них останется в живых: у них есть копья, от удара которых человек быстро превращается в гниль, если это копье смазано студнем Saddu — вон этих... — она показала в просвет между кронами деревьев, где сейчас над поверхностью моря величаво проплывал один радужный пузырь...

Теперь-то я понял, почему Радор предостерегал Ларри, чтобы тот не вздумал поплескаться в винноцветных водах.

— У них есть эти копья и дубины, и еще зубы, когти и шпоры на ногах, которыми они отчаянно дерутся, и вообще они сильные и храбрые люди, Ларри... милый, и даже когда по ним ударяет кез, они все равно дерутся, потому что он действует не сразу, и продолжают убивать до тех пор, пока не превратятся в ничто.

— А у нас разве нет кеза? — спросил Ларри.

— Нет, — покачала Лакла головой, — у нас нет такого оружия, которым они владеют, хотя... именно Древние Боги сделали это оружие.

— Но разве Трое Молчащих из Древних Богов? — вскрикнул я. — Тогда они смогут объяснить...

— Нет, — медленно проговорила Лакла. — Нет... есть кое-что, о чем вы скоро узнаете. Когда Молчащие Боги будут с вами разговаривать, вы все поймете. Особенно ты, Гудвин, тот, кто служит мудрости.

— Ну ладно, — сказал Ларри, — значит, у нас есть Акка, и у нас есть четверо бравых молодцов — это мы, и у этих молодцов три пушки и около сотни патронных обойм к ним и... и еще у нас есть сила

Трех Богов, а как насчет Сияющего Бога, Лакла, что делать с этим поганым фейерверком?

— Я не знаю.

Снова в ее глазах появилась нерешительность, точно так же, как в тот раз, когда Йолара надсмехалась над силой Молчащих Богов.

— Сияющий Бог очень силен... И у него много рабов...

— Ну тогда нам лучше тоже заняться делом и побыстрее, — прозвучал бодрый голос Ларри.

Но у Лаклы, видимо, было другое мнение на этот счет, потому что она быстро сменила тему.

— Ларри, милый... — прошептала она. — Мне нравится прикосновение твоих губ...

— Вот как? — прошептал он, и видно было, что все, кроме прелестного, соблазнительного лица, приблизившегося к нему, мигом вылетело у Ларри из головы. — Тогда, acushla[1], тебе надо познакомиться с ними поближе. Отверните-ка голову, док! — сказал он мне.

И я отвернулся.

Наступила долгая тишина, нарушаемая только тихими взрывами мягких ухающих звуков, которые заинтересованно издавали служанки-лягушки. Я украдкой бросил взгляд назад. Голова Лаклы лежала на плече у ирландца, и золотые глаза, похожие на подернутые туманом заводи солнечного света, глядели на него с любовью и обожанием; а сам О'Киф, чье лицо с резкими и четкими чертами приобрело сейчас какое-то новое, подчеркнуто мужественное и волевое выражение, глядел в них, не отрываясь, тем взглядом, что может родиться только из сердца, познавшего в первый раз истинную, всепоглощающую

---

[1] Acushla (*иск. ирл.*) — a cuisle — пульс, биение. *Здесь:* сердечко мое — ласковое обращение.

любовь... любовь, которая наполняет Вселенную биением жизни, — той самой музыкой сфер, о которой грезил философ Платон; любовь, на которой держится весь наш подлунный мир; любовь, вечную, как бессмертные боги; любовь, побеждающую смерть и одухотворяющую собой ту великую мистическую тайну, что зовется жизнью.

Подняв руки, Лакла обхватила ладонями голову О'Кифа, поцеловала ему лоб, глаза, и с легким, дрожащим смешком высвободилась из его объятий.

— Вот, Гудвин, познакомьтесь — будущая миссис Ларри О'Киф! — сказал мне Ларри нетвердым голосом.

Я взял их руки в свои... и Лакла поцеловала меня!

Девушка повернулась к гулко ухающим, улыбающимся служанкам-лягушкам, и, видимо, что-то приказала им, потому что те сразу же, сбившись в кучку, зашлепали по тропинке прочь от нас. Внезапно я ощутил себя... ну скажем так, — несколько лишним в оставшейся компании.

— Если вы ничего не имеете против, — буркнул я в сторону, — я бы хотел прогуляться и осмотреть окрестности.

Но они были так поглощены друг другом, что, кажется, даже не услышали меня... и я удалился восвояси, направляясь к той амбразуре в утесе, куда Радор уже водил меня. Сейчас на мосту не было видно двигающихся взад и вперед батракианов, только в дальнем конце я смутно разглядел сбившихся в толпу гарнизонных солдат. Мои мысли вернулись к Лакле и Ларри.

Что их ждет впереди?

Если мы победим, если нам удастся выбраться из этого подземного мира, сможет ли она жить наверху? Проведя всю свою жизнь в этих пещерах с их спе-

цифическими освещением и атмосферой, которая каким-то неуловимым образом служила здесь для тела дополнительным источником питания, как будет она реагировать на непривычные ей пищу, воздух и свет нашего наружного мира? Более того, насколько мне удалось заметить, здесь совсем не было никаких болезнетворных бактерий, и как, спрашивается, смогла бы жить на земле Лакла, не имея вовсе никакого иммунитета, если в течение многих поколений болезни уносили бесчисленное множество жизней, чтобы человечество сейчас хоть чуточку могло им противостоять. Подавленный этими грустными мыслями, я побрел назад по тропинке — пожалуй, они уже довольно долго оставались наедине.

Издали я услышал голос Ларри.

— Это зеленая страна, mavourneen. Вечно изменчивое море омывает ее со всех сторон и волны набегают на берег, — голубые как небо и зеленые как сам остров, а порой они как взмыленные кони, взметнув белыми гривами, обрушиваются на землю, и сильные, чистые ветры дуют над ней, и солнце, похожее на твои чудные глаза, глядит на нее с голубых небес, acushla...

— А ты король Ирландии, Ларри, милый?

Это голос Лаклы.

Но довольно!

Наконец мы собрались уходить с террасы, и на повороте тропинки я снова заметил, как блеснуло то, что я раньше определил для себя как бриллиантовую лужицу.

— Какие прелестные цветы, Лакла, — обратился я к ней. — Я никогда не видел ничего подобного в том мире, откуда мы пришли.

Она посмотрела туда, куда я показывал... и рассмеялась.

— Пошли, — сказала она. — Я покажу вам, что это такое.

Она побежала вниз, пересекая сад наискосок, мы поспешили следом и вышли на небольшой выступ, совсем близко от края обрыва, футах в трех, я так полагаю, или около того. Золотая девушка высоким пронзительным голосом издала вибрирующий, переливчатый клич. Бриллиантовая лужица заколыхалась, точно тронутая легким ветерком; заволновалась, задрожала и начала быстро двигаться — прямо на нас бежала искрящаяся река светящихся цветов! Девушка крикнула снова, и движение стало еще быстрее; поток цветов, сверкающих бриллиантовым блеском, подбегал все ближе и ближе, — извилистая лента, колыхаясь и дрожа, поднималась по стенке обрыва... и вот уже оказалась у самых наших ног.

Над цветами повисла слабо светящаяся дымка. Золотая девушка наклонилась и что-то мягко сказала, будто позвала, и тут же из искрометной груды сверкающих цветов выстрелила зеленая лоза, увенчанная пятью пылающими ярким рубиновым светом цветочными головками, потянулась вверх, доверчиво легла на протянутую ладонь девушки и обвилась кольцами вдоль белой руки; квинтет цветочных головок повернулся к нам, словно они разглядывали нас лучистыми глазками.

Это была та самая вещь, которой Лакла угрожала жрице, пообещав ей поцелуй Йекты. И с этим растением, таившем в себе смертельную опасность (в чем мы имели возможность убедиться своими глазами), — Золотая девушка обращалась как с простой розой.

Ларри чертыхнулся... а я внимательнее приглядел-ся к загадочному цветку. Это был гидроид — странное существо, принадлежавшее одновременно и к жи-

вотному, и к растительному мирам, только его более развитая и совершенная форма. В океанских глубинах можно встретить колышущиеся грозди мелких цветков (иногда совершенно микроскопических размеров), которые парализуют свои жертвы загадочной, плохо изученной силой, таящейся в их цветущих головках[1].

— Пусть они идут обратно, Лакла.

В голосе Ларри звучала глубокая тревога. Лакла беззаботно рассмеялась, уловив настоящий страх в его глазах, раскрыла ладонь, снова что-то тихо промолвила... и лоза скользнула обратно, к своим собратьям.

— Ну, что ты, Ларри, — укоризненно сказала девушка, — она не причинит мне вреда. Они ведь меня знают.

— Пусть идут обратно, — хрипло повторил ирландец.

Лакла с сожалением вздохнула, издав другой протяжный, мелодичный звук. Лужица самоцветов —

---

[1] Йекта из Винноцветного Моря представляет собой столь же необыкновенно развившуюся разновидность гидроидных полипов, как и гигантские медузы, с которыми они, разумеется, имеют не слишком отдаленные родственные связи. Ближайшее сходство с ними среди обитателей надземных морей и океанов можно найти у Gymnoblastic Hydroids, особенно Clavetella prolifera. Это чрезвычайно любопытное существо, передвигающееся с помощью шести щупалец.

Почти каждый, кому довелось купаться в южных морях (да и в северных тоже!), знаком с болезненным ощущением, которое доставляет прикосновение определенных видов медуз. Это их свойство, развившееся до невероятной, почти чудовищной силы, и является отличительной особенностью Йекты. Секрет ее действия заключается в пяти цветочных головках, источающих яд, который обладает чрезвычайно быстрым действием и который, как я предполагаю (ибо у меня не было возможности проверить мою теорию) — разрушает полностью нервную систему жертвы, что сопровождается поистине инфернальными муками агонии; и в то же самое время создается иллюзия, что мучения растягиваются на бесконечно долгое время. Известно, что эфир и окись азота также дают в большинстве случаев ощущение протяженности времени, разумеется, без этих болезненных симптомов. То,

рубинов и аметистов, переливаясь розовато-лиловыми и красно-голубыми тенями, заколыхалась и затрепетала, как в первый раз, и быстро потекла обратно, в то место, откуда Лакла вызвала их.

Мы пошли назад, на террасу, направляясь к куполообразной обители Молчащих Богов; Ларри и Лакла шли впереди меня, белая рука девушки лежала на его загорелой шее; О'Киф что-то тихо выговаривал служительнице, она весело смеялась...

Глянув случайно в просвет между утесами, я увидел дальний конец моста и заметил какую-то непонятную толкотню и давку в толпе, охраняющих мост воинов-лягушек; увидев вспышки зеленого огня, похожие на блуждающие болотные огоньки, я вяло подивился тому, что это могло бы значить... но затем эту случайную мысль вытеснили у меня из головы совсем другие.

Я молча следовал, опустив голову, за Лаклой и Ларри и думал об этой паре, которая в месте, олицетворяющем для Олафа преисподнюю, нашла для себя истинный рай.

что Лакла называла «поцелуем Йекты», по моим представлениям, лучше всего соответствует ортодоксальной идее Ада.

Я не имел возможности заняться изучением загадочной способности Лаклы контролировать поведение этих существ в буре событий, которые вскоре последовали. Она рассказала мне, что знание ужасного действия, которое их прикосновение оказывало на человека, стало известно от тех немногих, кому «достался легкий поцелуй» — так она выразилась — и которые сумели выжить. Несомненно, что ничего другого, даже самого Сияющего Бога, не боялись муриане так сильно, как прикосновения Йекты. *(У. Т. Г.)*

ГЛАВА 27

ПРИХОД ЙОЛАРЫ

— Никогда бы не подумал, что на свете может быть такая девушка.

Это полусонно бормотал Ларри. Закинув руки за голову, он уютно устроился на одном из просторных диванов. Лакла, оставив нас отдыхать в этой комнатке, сама отправилась выполнять свои обязанности перед Молчащими Богами.

— Клянусь честью и славой рода О'Кифов, и душой моей покойной матери, я буду вечно благодарить Бога за то, что он соединил меня с ней.

Ларри надолго замолчал, устремив в потолок мечтательный взор.

Я стал прохаживаться по комнате, внимательно все изучая: в первый раз мне выпала возможность без помех рассмотреть одну из комнат в обители Трех Богов, и я, конечно, не мог ее упустить. Комната представляла из себя восьмигранник — я измерил ее шагами по диагонали — получилось пятьдесят ярдов. На полу лежал толстый мохнатый ковер, который, как мне показалось, был соткан из нитей, имеющих структуру какого-то минерала, но при этом мягких, как шерсть, — ткань слабо мерцала бледно-голубым светом. Сводчатый потолок то ли целиком сделанный из нежно-розового металла, то ли это было металлическое покрытие, служил источником рассеянного освещения комнаты: он собирал свет, падающий из высоких стрельчатых окон, и распространял его дальше равномерно по всей комнате.

Невысокая галерея (приподнятая над полом не больше чем на два фута) с балюстрадой из тесно

поставленных, изящной формы столбиков огибала кругом всю комнату. Я заметил, что в каждой стене, расположенные прямо напротив друг друга, находились зашторенные двери. Тяжелые, отливающие тусклым золотом занавеси, закрывавшие их, создавали такое же впечатление металлической или каменистой структуры вещества, что и лежащие на полу ковры. Каждую стену, чуть повыше балюстрады, украшала колоссальных размеров плита из ляпис-лазури, расписанная изысканными, но абсолютно непонятными узорами ярко-алых и сапфировых цветов.

В комнате стоял тот громадный диван, на котором с задумчивым видом возлежал Ларри, и еще два, поменьше, с полдюжины низких кресел и стульев, вырезанных, по-видимому, из слоновой кости и отделанных инкрустациями из тусклой позолоты.

Особое любопытство у меня вызвали треножники, расставленные по всей комнате. Мощные словно пики ножки из золотистого металла высотой в четыре фута поддерживали небольшие круглые диски из ляпис-лазури, с выгравированными на них странными символами, чем-то напоминающими китайские иероглифы.

Во всей комнате — ни пылинки... вообще, сколько мы ни прожили в этих подземных пустотах, мне ни разу не пришлось встретить этого постоянного попутчика нашей земной жизни.

Вдруг мое внимание привлек какой-то блеск в дальнем углу, и я направился туда. На одном из низких кресел лежал прозрачный, слегка выпуклый кристалл овальной формы, по внешнему виду очень похожий на линзу. Прихватив его с собой, я поднялся на балкон. Я обнаружил, что если встать на цыпочки, то можно достать подбородком до нижнего края окна, и через узкую прорезь открывается пре-

красный вид на мост. Тщательно его оглядев, я почему-то не увидел ни одного солдата из гарнизона, охранявшего мост, и никаких зеленых вспышек тоже теперь не было. Я поднес к глазам кристалл, и с ошеломляющей четкостью устье пещеры оказалось у меня прямо перед глазами, точно я стоял около него на расстоянии сотни футов — решительно этот кристалл представлял из себя чрезвычайно мощную линзу... Но где же охрана? Я пригляделся внимательнее. Никого!

Но сейчас, разглядывая мост через линзу, я заметил множество крохотных, танцующих искорок в том месте, где обычно стоял гарнизон. Оптический эффект, решил было я, и повернул кристалл в другом направлении. Ничего подобного нигде больше не было видно. Наведя кристалл на прежнее место, я снова увидел искорки. Что-то они мне напоминали... И тут меня как обухом по голове ударило — точно такие же светящиеся мельчайшие частицы, еще некоторое время собранные воедино, плясали на том месте, где стоял Зонгар из Нижних Вод, прежде чем он окончательно растворился в пустоте. А зеленые вспышки, те, что я видел раньше, — это пламя кеза!

Вскрикнув, я обернулся к Ларри... и крик замер у меня на устах, когда я увидел, что справа от меня тяжелые драпировки заколыхались, раздвинулись, как будто через них проскользнуло чье-то тело, снова задрожали, и снова раздвинулись, и так много, много раз, наводя на страшное предположение, что через них проходят чьи-то невидимые тела.

— Ларри! — обрел я дар речи. — Ко мне! Быстро!

Он вскочил на ноги, дико озираясь по сторонам, и... пропал. Да... исчез с глаз долой, как будто задули пламя свечи или чья-то рука схватила его и с быстротой света утащила прочь!

Затем на диване поднялась шумная возня, послышалось напряженное пыхтенье, кто-то хрипло выругался голосом Ларри. Я перепрыгнул через балюстраду, на ходу вытаскивая пистолет... и тут меня поймала пара могучих рук; мне крутили локти, заводя их за спину до тех пор, пока я не уткнулся лицом в чью-то широкую, волосатую грудь... и через это препятствие — бесформенное, бесцветное и прозрачное, как окружающий воздух... я все еще мог видеть диван, на котором шумно возились невидимые фигуры.

Раздался резкий щелчок пистолетного выстрела, и шум на диване стих. Из точки, находившейся примерно в футе над диваном, просачиваясь как будто из воздуха, начала капать кровь, все быстрее и быстрее; тоненькая струйка, вытекающая прямо из пустоты.

А в стороне, на расстоянии дюжины футов, опять-таки прямо из пустоты, выскочило лицо Ларри, перекошенное от ярости. Покачиваясь на высоте шести футов, оно плыло по воздуху — сверхъестественное, до ужаса невероятное зрелище. Он размахивал ладонями... одними ладонями, без рук. Они мелькали, то появляясь, то исчезая, точно Ларри судорожно отдирал кого-то от себя. И затем на этом месте, с той же головокружительной быстротой, что сопровождала его исчезновение, возник сам О'Киф. Набычившись, он стоял, широко расставив видимые только до лодыжек ноги, с дымящимся пистолетом в руках.

Красная струйка продолжала литься из пустоты, растекаясь по дивану лужицей, медленно капала на пол. Я сделал мощное усилие, чтобы освободиться... бесполезно, меня стиснули еще сильнее. Около Ларри, совсем рядом с его лицом, с той же пугающей стремительностью, что сопровождало появление ирланд-

ца, вынырнула голова Йолары. Дьявольская ухмылка, какую мне еще никогда в жизни не доводилось видеть, озаряла бессердечное, жестокое лицо, подобно бледному серному пламени преисподней... но как оно было прекрасно!

— Не двигаться! Не трогать его, пока я не прикажу, — обернувшись, прокричала она кому-то позади себя, по-видимому, адресуя эти слова сопровождающим ее невидимкам. Я отчетливо ощущал, как постепенно наполнялась комната.

Прекрасная, плавающая в воздухе голова, увенчанная короной шелковистых пшеничного цвета волос резко приблизилась к ирландцу. Он быстро сделал шаг назад. Потемневшие глаза жрицы стали темно-пурпурового цвета, загорелись злобой.

— Вот так! — сказала она. — Вот так, *Лаарри*! Ты что же — думал так просто уйти от меня! — она рассмеялась. — В руке, — той, что невидима для тебя, я держу кез, — ласково промурлыкала она, — и прежде чем ты успеешь поднять свою смертоносную трубку, я ударю по тебе... и будь, что будет. И вот учти, *Лаарри*, если появится служительница, если придет шойя, я могу исчезнуть — вот так, — ухмыляющееся лицо исчезло, и снова внезапно вынырнуло из пустоты, — и убить ее кезом... или, еще лучше, приказать моим людям схватить ее и бросить в объятия Сияющего Бога.

Крошечные капельки пота выступили на лбу О'Кифа; я знал, что он сейчас думает не о себе — о Лакле.

— Что ты хочешь от меня, Йолара? — охрипшим голосом спросил он.

— Нет, — в голосе жрицы звучала издевка. — Я для тебя не Йолара, *Лаарри*... назови меня теми нежными именами, что ты придумал для меня. —

Ми-ед диких пьче-ол, пленительница сердец... — снова зазвенел ее смех.

— Что ты хочешь от меня, Йолара? — напряженно спросил ирландец, еле шевеля одеревеневшими губами.

— А... так ты боишься, *Лаарри*...

Дьявольское ликование прозвучало в этих словах.

— Что же я еще могу хотеть, как не вернуть тебя? Разве бы иначе я стала ползти через нору дракона-червя и идти той дорогой, где меня подстерегает смерть? Только чтобы увести тебя, могла я все это сделать. Шойя плохо охраняет тебя, *Лаарри*, — она снова рассмеялась. — Мы подошли ко входу в пещеру, и там стояли ее Акка. Они могут видеть нас... как тени. Но мне так хотелось сделать тебе сюрприз и появиться без предупреждения, — голос звучал мягко и вкрадчиво, — и я испугалась, вдруг они сами поспешат сообщить тебе эту приятную весть, и я не увижу, как ты обрадуешься. И вот поэтому, *Лаарри*, мне пришлось пустить в ход кез... и подарить им мир и отдохновение от суеты этого мира, отправив их в ничто... А вход внизу уже поджидал нас открытым — добро пожаловать!

И снова раздался злобный смех, словно задребезжали серебряные колокольчики.

— Что ты хочешь от меня?

Ирландец уже еле сдерживался, лицо его исказилось от исступленной ярости.

— Чего я хочу? — прошипел серебристый голосок, холодно и ядовито. — Или ты думаешь, Сийя и Сийана не огорчились, когда прервали на середине обряд, посвященный им? И ты думаешь, они не хотят, чтобы его довели до конца? Или я не прекрасна? Не так хороша, как твоя шойя?

Глаза ее, горящие демоническим огнем, вдруг нежно заголубели, мягко освещая прекрасное лицо. Покрывало, делающее ее тело невидимым, медленно сползало у нее с шеи... плеч, наполовину обнажив восхитительную грудь. И невозможно выразить словами, как дико, противоестественно выглядел этот плавающий в воздухе бюст и дивная, чудной красоты голова жрицы... и так же невозможно передать всю притягательность ее зловещей красоты. Мне невольно пришло на ум, что, наверное, так же хороша была Лилит, первая женщина на земле, в ту минуту, когда она коварно соблазняла Адама.

— Не знаю, почему мне так хочется этого, — томно протянула она. — Возможно, потому что я тебя ненавижу, возможно — потому что люблю, а может быть, чтобы сделать приятное Лугуру или Сияющему Богу.

— Что будет, если я пойду с тобой? — спокойно спросил О'Киф.

— Тогда, быть может, я смилуюсь над служительницей — и кто знает? — отведу назад свои войска, что уже собраны около входа в пещеру, и оставлю с миром Молчащих Богов в их обители... ибо что они могут сделать мне? — прибавила она ядовито.

— Ты клянешься в этом, Йолара? Клянешься, что не причинишь никакого вреда служительнице? — нетерпеливо спросил Ларри.

Глаза жрицы загорелись сатанинским коварством. Задыхаясь и отплевываясь, я вывернул голову, избавившись на миг от омерзительного соседства с волосатым телом.

— Не верь ей, Ларри! — крикнул я, и меня снова стиснули так, чтобы я не мог пошевелиться.

— Этот дьявол впереди или сзади вас, дружище? — спокойно произнес ирландец, не отводя глаз

от жрицы. — Если он впереди, я попробую пристрелить его, тогда вы сможете убежать и предупредить Лаклу.

Но я уже не мог произнести ни слова; к тому же, Йолара наверняка не дала бы мне уйти, подумал я, вспомнив про ее кез.

— Решай быстрей!

Голос жрицы звучал холодно и грозно.

Портьеры, к которым О'Киф медленно и незаметно передвигался мелкими шажками, распахнулись настежь. В дверях стояла служительница! И тотчас лицо Йолары обрело тот жуткий, похожий на маску Горгоны облик, которой мне уже довелось видеть раньше на празднестве в ту минуту, когда она неожиданно увидела Золотую девушку. Йолара, потеряв голову от бешенства, забыла набросить на себя покрывало, делающее ее невидимкой. Из пустоты, точно распрямившаяся в смертельном прыжке змея, вылетела рука, и в ней подрагивал маленький серебряный конус, наведенный на Лаклу. Но не успела она как следует прицелиться, не успела жрица привести в действие свое оружие, как служительница бросилась на нее.

Одним молниеносным прыжком, точно загнанная в угол гибкая сильная волчица, Лакла преодолела разделявшее их расстояние и, вцепившись одной узкой белой рукой в горло жрице, другой обхватила запястье руки, грозящей ей смертельным оружием. Я видел, как белые руки и ноги девушки переплелись с невидимым телом, как наклонилась золотая головка; как, судорожно дернувшись, взметнулась вверх рука, сжимающая кез; видел, как Лакла зубами впилась в запястье... Вместе с потоком хлынувшей крови раздался пронзительный визг...

Конус выпал из руки жрицы и покатился в мою сторону; напрягшись изо всех сил, я высвободил руку, в которой все еще держал пистолет, и, слепо ткнув его прямо в навалившуюся на меня грудь, выстрелил.

Руки, сжимающие меня, ослабили хватку; на моей одежде стали пятнами расплываться красные капли; маленькая струйка крови забила фонтанчиком у моих ног... из пустоты вынырнула ладонь, судорожно хватая воздух, и снова исчезла.

Повалив Йолару наземь, Лакла старалась прижать к полу извивающееся в корчах невидимое тело. Дралась она отчаянно, словно обезумевшая мать, защищающая от ядовитой змеи своих детей. Нависнув над сцепившимися в клубок телами женщин, стоял О'Киф, зажав в руке как пику ножку одного из огромных треножников: увертываясь и нападая, он размахивал ей, отражая сыпавшиеся на него со всех сторон удары, защищаясь от зажатых в невидимых кулаках кинжалов, которые, внезапно выскакивая из пустоты, угрожали его жизни. Ирландец с бешеной скоростью вертелся, как заведенный, из стороны в сторону, все время перепрыгивая с места на место, так, чтобы, наклонившись, он мог прикрывать Лаклу своим телом.

Совершенно дикая сцена из первобытных времен, — словно пещерный человек сражался вместе со своей супругой, защищая свои жизни.

Удар страшной кувалды ирландца — и на полу оказалась половинка туловища карлика, то появлялись, то исчезали сведенные предсмертной судорогой руки и ноги. Рядом с карликом валялся разбитый треножник, ножку которого Ларри использовал в качестве оружия. Ринувшись к треножнику, я лихорадочно стал разламывать его, высвобождая одну из оставшихся ножек, с намерением вооружиться таким

же образом. Неожиданно в центр подставки вонзился кинжал, с невероятной силой брошенный в меня одним из невидимок. Удар пришелся очень кстати — лазуритовый диск раскололся, и в моем кулаке остался зажатым огромный золоченый штык. Я прыгнул к Ларри и, прикрывая ему спину, принялся размахивать своей железякой... Раз или два мне почудился отвратительный хруст и треск ломающихся костей.

Из-за дверей послышался гулкий рев — и в комнату ворвалось десятка полтора человекообразных лягушек. Часть из них тут же заняла все имеющиеся в комнате входы и выходы, а другие бросились прямо к нашей компании. Образовав вокруг нас защитный круг, они отбивались шпорами и когтями от нападавших невидимок. С визгом и с дикими воплями те вскоре обратились в бегство. Но у дверей их встречали такие же отчаянные бойцы. То тут, то там на голубом ковровом покрытии стали появляться огромные кровяные пятна, головы карликов, оторванные конечности, растерзанные тела — и что самое омерзительное — лишь частями и отдельными кусками открытое нашим глазам.

Наконец и жрица, обессилев, перестала сопротивляться. Она лежала, не двигаясь, белое тело просвечивало неровными пятнами — жуткое зрелище! — сквозь ее разорванные защитные одежды. Наклонившись, О'Киф оторвал от нее Лаклу. Йолара, поднявшись на ноги, стояла теперь покачиваясь, не в силах сдерживать бьющую ее дрожь.

Служительница, все еще пылая яростью, подошла к ней.

— Йолара, — сказала она, стараясь говорить ровно и спокойно. — Ты надругалась над Молчащими Богами, ты осквернила их обитель, ты хотела убить

этих людей, которые воспользовались гостеприимством Молчащих Богов, и меня, ту, которая служит им... Почему ты все это сделала?

— Я пришла за ним, — хрипло отозвалась жрица, указывая на О'Кифа.

— Почему? — спросила Лакла.

— Потому, что он мой! — злобно выплюнула жрица, снова принимая свое обличье дьяволицы. — Потому что он обещан мне! Потому что он обручен со мной.

— Ложь!

Голос служительницы дрожал от гнева.

— Это ложь! Сейчас, здесь, пусть он сделает свой выбор, Йолара! И если он выберет тебя, тогда вы, ты и он, уйдете отсюда беспрепятственно... потому что, Йолара, его счастье мне дороже всего на свете, и коли его счастье — это ты, то я отпущу тебя вместе с ним. А теперь, Ларри, — выбирай!

Она быстро встала рядом с жрицей; резким движением сдернув с нее последние лохмотья невидимых одежд. Так они стояли, глядя в упор на ирландца.

Йолара — на которой не было ничего, кроме тончайшей ткани, легким облачком окутывающей ее дивную фигуру, белое тело блестело, как мраморное... женщина-искусительница, прекраснее которой не мог вообразить себе даже Фидий, и демонические огоньки вспыхивали в ее пурпурных глазах.

И рядом стояла Лакла, — похожая на Валькирию, как верно заметил Олаф, словно одна из тех воинственных дев, что бок о бок отважно сражались вместе с мужчинами, защищая свои дома и своих детей. Блестящее и гладкое тело цвета слоновой кости просвечивало в прорехах ее изорванных одежд; большие золотые глаза гневно сверкали, но не тем демоническим огнем, что излучали глаза жрицы, а

справедливым гневом, с каким должно быть глядят из рая чистые души праведников на грешные деяния земли.

— Лакла, о каком выборе ты говоришь?

О'Кифу было явно не по себе.

— Я люблю тебя, и только тебя... с той самой минуты, как увидел в первый раз... Фу черт, до чего же трудно это говорить... Господи, Гудвин, — бросил он мне. — Я чувствую себя последним идиотом.

— Ни о каком выборе и речи быть не может, Лакла, — твердо закончил он, глядя служительнице в глаза.

Лицо жрицы помертвело.

— Что вы сделаете со мной? — безжизненным голосом спросила она.

— Возьмем ее заложницей, — внес я предложение.

О'Киф ничего не сказал, но Золотая девушка отрицательно покачала головой.

— Мне бы тоже этого хотелось, — медленно произнесла она. — Но Молчащие Боги сказали — нет, они велели мне отпустить тебя восвояси, Йолара.

— Молчащие Боги, — рассмеялась жрица. — Это ты сама придумала, Лакла! Просто ты боишься держать меня здесь, рядом с собой.

Глаза у служительницы грозно засверкали, но она сдержалась.

— Нет, — ответила она. — Молчащие Боги приказали мне так сделать, значит, у них есть свои причины. Я так думаю, Йолара, что недолго еще тебе кормить свою злобу... скажи об этом Лугуру... и своему Сияющему Богу, — неторопливо добавила она.

Жрица приосанилась, нагло и недоверчиво поглядывая на нас.

— Я пойду назад одна... тем путем, что и пришла? — спросила она.

— Нет, Йолара, нет, тебя будут сопровождать, — сказала Лакла. — И те, кто пойдет с тобой, будут тебя не только охранять, но и хорошенько присматривать за тобой. Они сейчас придут.

Портьеры раздвинулись, и в комнату вошли Олаф и Радор.

Жрица, натолкнувшись на полный неукротимой ненависти и презрения взгляд норвежца, на какой-то момент растеряла свою наглость.

— Не посылай его со мной, — севшим голосом пробормотала она... между тем, как глаза ее лихорадочно шарили по полу.

— Он пойдет с тобой, — сказала Лакла и накинула на Йолару кусок ткани, укрыв соблазнительное дивной красоты тело. — И ты пойдешь через Портал, а не будешь ползти через нору червя.

Лакла наклонилась к Радору и что-то зашептала ему на ухо. Карлик кивнул. Видимо, она сообщила ему тайну открытия Портала, так я подумал.

— Пошли, — сказал он.

Понурив голову, Йолара, сопровождаемая сзади гигантом с ледяными глазами, пошла к выходу, направляясь к тем самым портьерам, через которые еще не так давно, невидимая и торжествующая, она проскользнула в комнату.

Когда они ушли, Лакла подошла к О'Кифу, стоящему с несчастным видом, и, положив ему на плечи руки, посмотрела в глаза долгим проникновенным взглядом.

— Ты в самом деле сватался к ней? — спросила она.

— Да нет же, — ответил он. — Просто я старался понравиться ей, я думал, что это поможет мне быстрее добраться до тебя, милая!

Она недоверчиво посмотрела на него...

— Мне кажется, что ты ей понравился... и даже слишком, — вот только это и сказала она, и наклонившись, поцеловала ирландца прямо в губы.

Исключительно непосредственная девушка, подумал я, уже не в первый раз замечая, с каким беспредельным презрением относится она ко всякого рода условностям, и в этот момент я решил, что она, пожалуй, гораздо мудрее, чем можно было бы ожидать от такой хорошенькой девушки.

Ларри сделал шаг к ней и споткнулся. Поглядев вниз на свои невидимые ступни, он наклонился и схватил что-то рукой — тотчас кисть руки Ларри будто растворилась в воздухе.

— Один из этих невидимых плащей, — сказал он мне. — Здесь должно быть навалом этого добра. Я не сомневаюсь, что Йолара привела сюда в полном составе весь штат своих головорезов. Конечно, это драное тряпье уже утратило товарный вид, но, в любом случае, лучше пусть уж они будут в наших руках, чем в ее. А потом, кто знает — может быть они нам еще пригодятся?

Я чуть не вскрикнул от неожиданности — из пустоты, прямо у моих ног показалась половинка головы карлика, приподнялась и со страшным треском дважды стукнулась об пол в предсмертных судорогах, — и снова все исчезло.

Лакла содрогнулась.

По ее приказанию человекообразные лягушки начали обшаривать комнаты, тщательно прочесывая каждый квадратный метр; они снимали невидимые покровы, открывая один за другим нашим взорам застывшие в искаженных позах трупы карликов. Да, Лакла сказала правду: ее Акка и в самом деле превосходные бойцы.

Лакла сделала знак рукой, и к ней подошла женщина-лягушка, та самая, что была ее постоянной спутницей. Служительница заговорила с ней, показывая на батракианов, которые стояли, протянув вперед передние, словно обрубленные лапы.

Женщина забрала у них собранные невидимые покровы и пошла к выходу. Надо сказать, выглядела она еще более комично, чем обычно, разбитая на части полосами пустоты, в которых время от времени мелькали блестящая чешуя и желтые драгоценные камни, когда лохмотья невидимых полотен реяли вокруг нее, развеваясь по воздуху.

Человекообразные лягушки, собрав всех мертвых карликов и взвалив их себе на плечи, с победоносным уханьем строем двинулись вон из комнаты.

Тут-то я и вспомнил про конус кеза, выскользнувший из руки Йолары, — так вот что исступленно искали на полу ее глаза. Но как мы ни старались, осмотрев тщательнейшим образом каждый укромный закуток комнаты, куда мог бы закатиться кез, — найти его не удалось.

Может быть, он находится в кулаке какого-нибудь мертвеца из числа тех, что унесли Акка? Эта мысль одновременно пришла в голову нам с Ларри. Припустив бегом вслед за чешуйчатыми воинами, мы догнали их, остановили и обыскали каждое мертвое тело. Ничего!

Ну, что поделаешь, наверно жрица все-таки нашла кез и быстро спрятала его у себя на теле, так что мы ничего не заметили. В любом случае было ясно — конус исчез! А жаль — нам бы совсем не помешало, если бы в предстоящей битве один из нас стал бы его счастливым обладателем.

ГЛАВА 28

В ЛОГОВЕ ДВЕЛЛЕРА

С изрядной долей нерешительности я приступаю к этой главе, потому что в ней мне придется иметь дело с такими вещами, которые, противореча всем доселе известным законам физики, покажутся вам совершенно немыслимыми. До сих пор, если не касаться мистической природы этого загадочного существа — Двеллера, мне еще не приходилось сталкиваться ни с чем, что нельзя было бы истолковать вполне натуралистическим образом: короче говоря, не было такого явления, про которое я мог бы сказать, что оно выходит за рамки научного мировоззрения, и о котором я не мог бы без колебаний доложить своим коллегам по Международной Ассоциации Ученых. Какими бы удивительными и необычными (я бы даже сказал — прогрессивными) ни показались нам эти явления, все-таки они не выходили за рамки наших представлений о возможном и невозможном, хотя, справедливости ради, надо подчеркнуть, что все они находились в тех областях познания, чья девственная почва еще не потревожена разумом человека, но которые безусловно лежат на пути неуклонно развивающейся научной мысли.

Но что касается того, о чем я собираюсь говорить...

Должен признаться, что некое объяснение этого феномена, трактующее его с натуралистических позиций, у меня, разумеется, имеется, но все мои старания связно и доступно изложить эту столь сложную для понимания теорию, основанную на концепциях, которых и самые подготовленные и продвинутые ученые умы находят чрезвычайно трудными для воспри-

ятия — да к тому же будучи во всех отношениях связанным тесными рамками настоящего повествования... Словом, каждый раз эти попытки приводили к такому плачевному результату, что я, отчаявшись, оставил их.

Я могу только рассказать, как это все произошло на самом деле, и постараться описать все, что я видел и пережил как можно точнее.

Тем не менее я чувствую потребность, сделав уступку самому себе, облегчить переход к изложению самой сути повергающего меня в такую нерешительность явления несколькими предварительными замечаниями. И прежде всего я хочу, чтобы вы ясно представляли себе, что наш мир (каким бы он ни был!) определенно не такой, каким он представляется нашему сознанию. В подтверждение я сошлюсь на лекцию выдающегося английского физика, доктора А. С. Эддингтона «Гравитация и принципы относительности», которую он прочитал в Королевском Институте и на которой я имел удовольствие присутствовать.

Я, разумеется, понимаю, что логика утверждения: «Мир совсем не такой, каким он нам представляется, поэтому все, что мы считаем невозможным, на самом деле может происходить» — совсем не безупречна. Даже если мир действительно другой, он все равно подчиняется законам природы. По-настоящему невозможно лишь то, что выходит за рамки этих законов, но попробуйте, положа руку на сердце, сказать, что какое-то явление лежит за гранью законов природы, а не вашего представления об этих законах, и вы согласитесь, что в мире ничего невозможного просто не существует.

Суть в том, что вещи, которые по нашему разумению относятся к области невозможного, подчиняются

законам природы, лежащим за пределами нашего знания, и основная трудность заключается лишь в том, насколько мы готовы признать этот факт.

Я надеюсь, что вы простите мне это несколько заумное философское отступление, без которого я не смог обойтись, но, по крайней мере, мне оно принесло некоторое облегчение.

А теперь — вернемся к прерванному рассказу.

Ларри и я стояли, наблюдая за тем, как лягушкообразные люди кидают в винноцветные воды изувеченные тела карликов. К плавающим на воде мертвецам, словно стервятники, привлеченные запахом падали, со всех сторон стремительно собирались десятки светящихся радужных пузырей. Выпустив из нижней части тела множество гибких, разноцветных щупалец, гигантские полушария карабкались поверх трупов, которые тотчас же, от первого же прикосновения, стали быстро разлагаться, превращаясь в гниющее месиво костей и мяса.

Нечто подобное я уже наблюдал в тот раз, когда спас Радора от удара отравленным дротиком и он продемонстрировал мне мгновенное разлагающее действие яда на каком-то фрукте. Медузы пожирали эту тошнотворную массу, все время меняя изумительные, разгорающиеся все ярче и ярче цвета. Сейчас мне и впрямь почудилось, что эти сказочные луны не что иное, как вечные спутники смерти, вскармливающие свою лучезарную красоту ее соками: они казались какими-то жуткими перегонными устройствами, в которых отвратительная жижа превращалась в восхитительное многокрасочное зрелище, включающее в себя все мыслимые и немыслимые цвета и оттенки.

Я отвернулся, чувствуя тошноту... О'Киф стоял с побелевшим лицом: не говоря ни слова друг другу,

мы вернулись назад тем же путем, которым вышли на край обрыва, чтобы посмотреть, что сделают с мертвыми телами. Навстречу нам спешила Лакла. Не успела она заговорить с нами, как окружающий воздух слабо затрепетал, как будто что-то невидимое и огромное тихо вздохнуло вдали. Нарастая, легкая вибрация сменилась едва различимым шорохом... и затем, точно какое-то живое существо, прошелестело мимо, заставив задрожать наши тела, и исчезло где-то вдали.

— Открылся Портал, — сказала служительница.

Легчайшее дуновение воздуха, отзываясь эхом на первый вздох, печально прошуршало в воздухе.

— Йолара ушла, — сказала Лакла. — Портал закрылся. Теперь нам нужно торопиться... Трое Богов велели, чтобы ты, Гудвин, и ты, Ларри, вместе со мной отправились по той странной дороге, о которой я вам говорила. Но Олафа нам нельзя взять с собой, если мы не хотим разбить ему сердце. Нам надо вернуться, прежде чем он с Радором перейдет мост.

Ее рука нашла руку Ларри.

— Пойдем, — сказала Лакла.

Мы шли за ней, все время спускаясь вниз, переходя из одной комнаты в другую, бесчисленные пролеты бесчисленных лестниц сменяли друг друга. Наконец, по-видимому, мы оказались в самом низу куполообразного дворца, и Лакла остановилась перед огромной каменной глыбой винного цвета. Своей плавно закругленной гладкой поверхностью камень перегораживал коридор. Девушка нажала на край плиты, и он повернулся; мы вошли, и камень снова встал на место.

Стены комнаты (меня она невольно навела на мысль о каком-то гигантском дупле в стволе дерева) имели ограненную как у алмаза поверхность, и вся

она сверкала, точно отшлифованный бриллиант, только пожалуй, не так ярко. По форме комната представляла собой вытянутый книзу овал, и ступеньки, по которым мы начали спускаться, вели на круглую полированную площадку, примерно около двух ярдов в диаметре, находившуюся в самом низу. Оглянувшись, я не увидел нигде никаких следов двери, через которую мы вошли, только по ступенькам в стене можно было предположить, где она находится, да и они, пока я задумчиво созерцал стену, — исчезли.

Отрезанные от внешнего мира, мы стояли на небольшом пятачке, окруженном со всех сторон только фасеточными стенами, и на каждой блестящей плоскости можно было видеть тусклые отражения наших лиц. У меня сложилось такое впечатление, будто мы находимся внутри бриллиантового яйца, но только ограненного не снаружи, а изнутри.

Почти совершенная овальная форма комнаты нарушалась лишь плоским экраном, располагавшимся справа от меня и тянувшимся от места, где мы стояли, до самой верхней точки комнаты. По слабо выпуклой поверхности пробегали мимолетные, быстро угасающие световые вспышки, и вся она, расчерченная крест-накрест бесчисленным множеством тонких линий, напоминала фотопластинку для спектроскопа, но с существенным отличием — внутри каждой линии я ощущал присутствие многочисленных, утончающихся до бесконечности микроскопических тонких линий, нанесенных при помощи какого-то крайне чувствительного прибора, по сравнению с которым все наши самые точные инструменты выглядели кувалдой рядом с иглой микрометра.

На расстоянии фута или двух от экрана стояло нечто вроде подставки с укрепленным на ней компасом. Она поддерживала свободно покачивающийся

круглый прибор, под прозрачной крышкой которого бегали концентрические кольца заполняющих его светящихся паров слабого голубоватого цвета. С одного края от шкалы отходила небольшая хрустальная полочка — клавиатура, и в ней виднелось восемь маленьких углублений.

Вот в эти чашечки служительница и вложила свои удлиненные пальчики. Она опустила глаза на шкалу, вдавила пальцы одной руки, и экран позади нас бесшумно повернулся под другим углом.

— Обними меня за талию, Ларри, милый, и стань поближе, — тихо сказала она. — А ты, Гудвин, вставай сзади и положи мне руки на плечи.

Несколько удивленный, я выполнил ее просьбу. Лакла нажала на выемки полочки пальцами другой руки, пары ярко вспыхнули на кольцевых дорожках внутри прибора и забегали друг относительно друга; засветился экран, стоявший у нас за спиной, причем излучение, как я чувствовал, содержало не только весь спектр частот, расположенный в видимой области, но и в той, что не воспринимается человеческим зрением. Ослепительный блеск экрана становился все ярче и ярче, заполняя собой все окружающее пространство, он струился сквозь меня, как струится поток яркого солнечного света через оконную раму.

Ограненная поверхность стен резко вспыхнула нестерпимым блеском, и в каждой сверкающей плоскости я видел искаженные и дрожащие, подобно треплющимся на сильном ветру флагам, наши изображения. Я хотел было оглянуться, но меня остановил резкий приказ служительницы: «Не поворачивайся... если хочешь жить!»

Льющееся с экрана излучение становилось все сильнее, сзади нас омывало бушующее море света, в котором я казался сам себе слабой призрачной тенью.

Я слышал — но не обычным слухом, а непосредственно самим мозгом, как нарастая, заполняет помещение мерное гудение: казалось, что эта упорядоченная звуковая стихия движется на нас откуда-то с дальних рубежей космического пространства; все ближе и ближе надвигался чудовищный ураган, несущийся, словно из самого центра Вселенной... Вот он обрушился, подхватив нас своими могучими ладонями. И все более яркий, невыносимо яркий свет струился через наши тела, изливаясь с экрана.

Многочисленные грани стен вдруг разом потускнели, стена передо мной стала плавиться и опадать, словно желатиновая масса под действием пламени, постепенно растворяясь и делаясь прозрачной, и в это образовавшееся отверстие, подхваченный потоком струящего света и немыслимым, оглушительно ревущим ураганом, я начал двигаться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Чем громче становился рев урагана, чем ярче сверкал поток омывающего нас света — тем быстрее двигались мы. На неизвестно откуда взявшейся стене появилось мое, усеченное в длину, продолжение, быстро сокращаясь по вертикали, стена стянулась в линию и пропала; перед моими глазами быстро промелькнули сказочные сады — они вращались, сплющиваясь в тончайший цветной лист, который вошел в меня составной частью. Еще одна каменная стена сжалась в узкий клин, через который я пролетел, и он тут же, словно карта, присоединившаяся к остальной колоде, занял внутри меня свое место.

Яркое алое пламя охватило меня со всех сторон трепещущим огненным ореолом; я видел, что то же самое произошло с О'Кифом и Лаклой. И все это время, с пугающей методичностью, мы продолжали неуклонно двигаться вперед...

Еще одна каменная преграда... проблеск белых вод, присоединившихся ко мне, вернее к моему *я*, растянувшемуся в пространстве, в котором уже разместились цветущие мшистые равнины, сплюснутые каменные стены, потом последовала еще одна скалистая преграда, как и все предыдущие сузившаяся в горизонтальную тонкую линию. И тут наш полет остановился; мы, казалось, парили в пространстве, затем медленно, осторожно раскачиваясь, двинулись вперед. Передо мной колыхалась пелена тумана... Легкая дымка постепенно становилась все тоньше. Мы стояли, покачиваясь... Туман рассеивался...

Я видел перед собой полупрозрачную зеленоватую даль, пронизанную мимолетными разноцветными вспышками, озаренную неверным колеблющимся светом, словно я смотрел сквозь толщу зеленых тропических вод на яркое полуденное солнце. Пораженный великолепием открывшейся картины, я всматривался в искрящуюся вуаль сверкающих точек, безостановочно танцующих в туманных глубинах.

Я видел, что и Лакла, и О'Киф, и я сам обрисованы тенями на гладкой поверхности огромного камня, приподнятого футов на двадцать или больше над местом, которое я описал выше... Через расползающуюся фосфоресцирующую вуаль, похожую на легкое дымящееся облачко в лучах лунного света, стало видно, что все пространство этого загадочного места усыпано тусклыми блестками крошечных белых цветов.

Мы были тенями... и все-таки я несомненно обладал материальной субстанцией... мы намертво срослись с камнем, стали частью его — и все-таки мы были из живой плоти и крови; мы *растянулись* — я не могу выразиться иначе — мы растянулись на многие мили в пространстве, причем размеры наших тел исказились каким-то необъяснимым образом так,

что в одно и то же время произошло неограниченное удлинение в горизонтальном направлении и такое же неограниченное сжатие по вертикали: у наших тел не было никакой высоты, никакого пространственного измерения в вертикальной плоскости. Мы стояли здесь — на поверхности камня, и тем не менее, мы продолжали оставаться там — внутри ограненной овальной комнаты перед излучающим экраном.

— Осторожнее!

Это был голос Лаклы, но прозвучал он не здесь, около меня, а там, перед экраном.

— Осторожнее, Гудвин! Теперь — смотри!

Сверкающее марево развеялось. Огромные невообразимые просторы открылись передо мной. Безбрежное мерцающее море зеленой растительности, произрастающей в какой-то более плотной, чем воздух, среде, заполняло собой все, что мог охватить глаз. Я видел деревья, сгибающиеся под тяжестью плодов и мертвенно-бледных цветов, маленькие беседки, сплетенные из цветущих растений, напомнивших мне мифологические плоды забвения: виноградники Леты, прилепившиеся к омываемым течением стенам пещер Гебридов.

И повсюду, проплывая между деревьями и цветущими беседками, двигались, увлекаемые медленными водоворотами, огромные толпы людей... большие, чем те, с которыми Тамерлан напал на Рим, неизмеримо большие, чем те, что вел Чингисхан на завоевание калифов... Толпы мужчин, и женщин, и детей, одетых в какие-то немыслимые жалкие лохмотья, полуголых и совершенно обнаженных: там были узкоглазые китайцы, малайцы с продолговатыми как маслины глазами, островитяне с черной, коричневой и желтой кожей, воины Соломона в фантастических ярких и

пестрых одеждах со свирепыми лицами, обрамленными локонами пепельно-седых париков, папуасцы; покошачьи грациозные явайцы, дайаки, обитающие на холмах и на побережье; носатые финикийцы, римляне; классически правильные профили греческих лиц, викинги всех времен и народов, десятки и сотни черноволосых жителей Мурии, мелькали белые европейские лица наших современников.

Мужчины, женщины, дети проплывали перед нами, увлекаемые медленными водоворотами, и на каждом из лиц застыла нечеловеческая маска экстаза, смешанного с невыразимым страданием, противоестественного сочетания восторга и ужаса... лица, отмеченные Богом и Дьяволом, соединившимися в дружеском объятии, лица, отмеченные печатью Сияющего Бога... живые мертвецы... погибшие безвозвратно!

Страшная добыча Двеллера!

Я смотрел, не отрываясь, сердце у меня сжималось невыносимой болью. Слепо глядя вперед, они плыли к нам, поднимая вверх свои жуткие лица, подплывали и останавливались; сзади на них накатывали все новые и новые волны лиц и тоже останавливались, образуя нечто вроде отмели в круговороте медленно кружащихся тел. И вот уже так далеко, насколько хватал глаз, я видел нарастающую, подобно обвалу снежной лавины, живую стену белых лиц; они стояли внизу, подняв к нам пустые глаза, и глядели... глядели...

Где-то далеко-далеко я заметил легкое движение, ярко светящееся пятно; живые мертвецы, тихо покачиваясь, медленно расступались, образуя длинную аллею. С жадным нетерпением они скапливались по краям аллеи, словно притянутые невидимым магнитом. Сначала я увидел вдали светящееся облако, оно

приближалось к нам, превращаясь в столб непрерывно вращающихся световых вихрей.

Шел Сияющий Бог!

Он шел, и следом за ним, кружась, как опавшие листья, гонимые ветром, плыли живые мертвецы. Двеллер бежал вдоль аллеи, мимоходом задевая своими щупальцами и спиралями толпящихся по краям, они тянули к нему белые лица, озаряемые изнутри слабым неземным светом, подобные алебастровым сосудам, внутрь которых поставили зажженную свечу.

Сияющий Бог пробежал дальше, и они снова, как прежде сбившись в тесную кучу, стояли, обратив к нам слепые лица.

Двеллер остановился под нами!

От толпы, медленно дрейфующей внизу, отделилось тело Трокмартина! Трокмартин, друг мой, чтобы найти тебя, я открыл мертвенно-бледную лунную дверь, пусть не сразу, но я пришел к тебе, как обещал. И на его лице тоже запечатлелась ужасная печать Двеллера; бескровные губы, широко раскрытые, прозрачные как стекло глаза, в глубине которых светился слабый фосфоресцирующий огонь... глаза пустые и бездушные...

Не мигая, он уставился прямо на меня ничего не выражающим взглядом. Рядом, прижимаясь к нему бок о бок, находилась молодая женщина, милая и прелестная, — прелестная, невзирая даже на страшную маску, искажавшую ее лицо. В глазах, таких же, как у Трокмартина, пустых и широко раскрытых — страшный тлеющий огонь. Они тесно прижимались друг к другу, и хотя в толпе все время происходило непрерывное перемещение тел, эти двое не отрывались друг от друга, словно связанные невидимыми узами. В этой женщине я узнал Эдит,

жену Трокмартина, ту, что в тщетной попытке спасти любимого сама бросилась в объятия Двеллера.

— Трокмартин, — крикнул я. — Трок! Я здесь!

Слышал ли он меня? Теперь-то я, конечно, знаю, что он не мог меня слышать. Но тогда я ждал... безнадежно, как в кошмарном сне, пытаясь пробиться сквозь ледяную стену отчаяния.

Они не отрывали от меня широко раскрытых глаз. Толпа заколыхалась, оттесняя их в сторону, сзади напирали новые тела. Медленно кружась и покачиваясь, Трокмартин и Эдит смешались с толпой, и постепенно, не отводя от меня слепых лиц, затерялись в круговороте тел.

Напрасно я напрягал глаза, пытаясь найти их снова, разглядеть на их лицах хоть слабый проблеск того, что мы называем жизнью. Но они исчезли. Как я ни старался, больше мне не удалось увидеть их... ни их, ни Стентона, ни старую шведку, по имени Тора, ту, что стала первой добычей Двеллера в их столь трагически завершившейся экспедиции.

— Трокмартин! — отчаянно кричал я. Слезы душили меня.

Я почувствовал легкое прикосновение Лаклы.

— Осторожнее, Гудвин, — с нескрываемой жалостью в голосе проговорила она. — Осторожнее, ты ничем не можешь помочь им... пока! Будь осторожен и просто смотри!

Под нами во всей своей инфернальной неописуемой красоте стоял Сияющий Бог — кружась и пульсируя, свивая и развивая щупальца и спирали. Он стоял и разглядывал нас. Теперь я мог отчетливо различить в нем ядро — более плотную часть, пронизанную вспыхивающими лучезарными жилками, постоянно меняющую форму и ярко светящуюся сердцевину, окутанную словно легким саваном мерцаю-

щими султанами перьев, трепещущим кружевом опалесцирующей дымки, окрашенными в призрачные радужные цвета спиралями и щупальцами.

Семь маленьких разноцветных лун неподвижно застыли над ним — аметистовая, шафранная, изумрудная, лазурная, серебристая, одна — теплого розового цвета и еще одна — ослепительно белая, как снег в лунном свете. Спокойно и безмятежно, с какой-то умиротворяющей неподвижностью висели они над головой Двеллера, подобно роскошной диадеме. Пронзая султаны перьев и завихрения спиралей, от них к сердцу Двеллера протянулись многочисленные узкие лучи, еле различимые глазом, тоньше, пожалуй, чем самая тончайшая нить, которую может спрясть паук для своей паутины; мне казалось, что от семи лун к Двеллеру по блестящим волоскам бежит ток — и вся картина в миниатюре очень сильно напоминала то, что мы видели в зале Лунной Заводи: семь потоков лунного света, изливавшихся из семи висевших под крышей кристаллических шаров.

Выплыло из блистающего тумана... лицо!

Оно казалось сразу и мужским и женским, подобно некоему древнему двуполому идолу, найденному в развалинах этрусского храма, и все-таки оно не было ни мужским, ни женским, его нельзя было назвать человеческим или нечеловеческим, просветленным или зловещим, благостным или коварным. Эти понятия нельзя было применить к нему, как невозможно применить их ни к огню, что и согревает и сжигает, ни к ветру, что ласково треплет листву деревьев и ломает их стволы, ни к волне, что ласкает и губит. Стихия прекрасна — вот и все!

Как-то неуловимо, непередаваемо оно принадлежало и нашему миру, и какому-то иному. То оно казалось лицом существа с какой-то другой планеты,

то вдруг принимало быстротечные, привычные человеческому глазу очертания... и так же мгновенно возвращало себе прежнее обличье — аморфное, невыразимое... как облик какого-то неизвестного, невиданного божества, прорвавшегося сюда из глубины межзвездного пространства, и в то же самое время казалось до невозможности земным, как будто сама душа нашей планеты глядела оттуда, заключенная в этом существе и... каким-то омерзительным образом... осквернённая и поруганная.

На лице были глаза, показавшиеся мне сначала лишь тенями — темными пятнами на его лучезарном фоне. Эти глаза стали постепенно меняться — как будто с них спадала невидимая вуаль, и под спадающей вуалью открывались окна, ведущие в неведомые дали... они становились все глубже, превращаясь в тускло отсвечивающие голубые озера — голубые, как сама Лунная Заводь, потом вдруг ярко вспыхнули (и в этот миг лицо приобрело почти человеческий облик!), превратившись в две большие звезды, почти такие же большие, как луны, составлявшие его корону, сохраняя все то же, ошеломляющее мое сознание впечатление, будто это две дыры, два смотровых отверстия, ведущие в какой-то неизведанный мир, чуждый и полный опасностей.

Мне стало не по себе, я невольно отшатнулся.

— Осторожнее! — донесся до меня голос Лаклы, она взяла меня за руку. Овладев своими чувствами и мыслями, я продолжал разглядывать Сияющего Бога. И я увидел, что тела — по крайней мере, тела в нашем понимании — у него не было. Не было ничего, кроме трепещущей и пульсирующей сердцевины, пронизанной молниеносно вспыхивающими и угасающими разноцветными прожилками и находящейся в безостановочном кружении оболочки, рос-

кошной вуали, порождающей его одновременно ангельскую и дьявольскую, но ослепительную красоту.

Двеллер стоял... и разглядывал нас.

Потом по направлению к нам неуверенно поплыла рыскающая спираль!

Плечи Лаклы задрожали у меня под руками, исчезли живые мертвецы вместе со своим хозяином... я плясал, словно пылинка в солнечном луче, заключенный внутри камня, чувствуя, как быстро сжимаясь, удаляюсь туда, откуда пришел. Сменяя друг друга в обратном порядке, из меня веером выскальзывали сплющенные тончайшими пластами серебристые утесы, каменные стены, белые воды, сказочные сады; с невероятной скоростью они скользили друг за другом, поворачивались, выравнивались, обретая первоначальные размеры, когда я проходил через них, а они выходили из меня.

Задыхаясь и дрожа, я стоял на слабых, подгибающихся ногах внутри овальной комнаты с фасеточными стенами, по-прежнему держа руки на белых плечах служительницы. Ларри одной рукой вцепился в ее пояс. Постепенно смолк немыслимый рев космического урагана, отступающего на свои отдаленные рубежи, — и стало тихо; уменьшалась яркость омывающего наши тела потока излучения — экран погас.

— Ну вот, вы и посмотрели, что это такое, — сказала Лакла. — Прошли сами по этой странной дороге. А теперь я расскажу вам, выполняя волю Молчащих Богов, что такое Сияющий Бог... и как он появился на свет.

В стене появились ступеньки, открылся выход из комнаты. В полном молчании Ларри и я поднялись наверх и вышли наружу вслед за служительницей.

ГЛАВА 29

СОТВОРЕНИЕ СИЯЮЩЕГО БОГА

Мы пришли в комнату, которая, как я знал, служила Лакле — если мне позволено будет так выразиться — будуаром. Она была меньше всех остальных комнат в куполообразном дворце, которые мы до сих пор видели; интимность обстановки подчеркивал не только нежный и тонкий аромат, наполнявший комнату, но и высокие зеркала из полированного серебра и всякие разные, искусно сделанные штучки женского обихода, которые повсюду попадались на глаза. Позднее я узнал, что все они были изготовлены мастерами Акка — и надо признать, на достаточно высоком уровне. Одно из высоких стрельчатых окон начиналось почти от самого пола и около него стоял просторный, удобно обустроенный подушками диван, с него открывался широкий обзор моста, вплоть до самого выхода из пещеры. Подойдя к этому дивану, служительница села и подозвала нас к себе. Взяв Ларри за руку, она усадила его подле себя и сделала мне знак садиться рядом.

— А сейчас, — сказала она, — послушайте, что Молчащие Боги велели мне рассказать вам обоим. Это все затем, чтобы ты, Ларри, — сказала она, — когда все узнаешь и взвесишь в уме то, что я расскажу, смог бы ответить так, как подсказывает твое сердце, на вопрос, который зададут тебе Трое Богов... и что это такое — я не знаю, — прошептала она, — и я тоже, сказали они, должна буду ответить... и это... это пугает меня.

Огромные золотые глаза девушки расширились и потемнели от страха. Она судорожно вздохнула и встряхнула головой, словно отгоняя дурные мысли.

— Они непохожи на нас, — тихо начала она, словно сама удивлялась тому, что говорила. — И никогда не были похожи на нас — так сказали Молчащие Боги. И никогда те, от которых они произошли, не были похожи на тех, от кого произошли мы. Древней, такой древней, что и представить невозможно, является раса Таиту — народа Молчащих Богов. Глубоко-глубоко внизу, под тем местом, где мы сейчас сидим, совсем рядом с сердцем земли зародились они, и там они обитали в течение долгого времени, пока одна лайя сменялась другой, вместе с другими, не похожими на них самих, — одни из которых постепенно исчезали, пока текло время, другие все еще живут там... внизу, в их колыбели.

— Очень трудно, — она заколебалась. — Очень трудно рассказывать обо всем этом... оно проходит мимо моего разумения... я слишком мало знаю, и даже когда Трое рассказывали мне все это, оно проходило мимо меня, потому что у меня в голове не хватает места, чтобы все это разместить как следует, — закончила она, обворожительно улыбнувшись. — Что-то они говорили о том времени, когда и земля и солнце были всего лишь холодным туманом в... в небесах, и еще о том, как этот туман собирался вместе, крутился, крутился, все быстрее и быстрее... и когда он вращался, к нему присоединялось все больше и больше другого тумана... Так он разрастался и расширялся, становясь все теплее, пока наконец не образовался шар, такой, как сейчас, и еще получились другие шары, вращающиеся вокруг солнца... Что-то они говорили о таких областях внутри этого шара, — она показала вниз, — где заключенный в них огонь бушевал и вырывался наружу, коверкая и разрывая молодое небесное светило, и при одном из таких взрывов наружу выбросило то, что вы на-

зываете Луной, — и она теперь летает в небесах, сопровождая нас, — и осталось после всего это место, в котором мы сейчас обитаем... Еще они говорили о частицах жизни, рассеянных внизу, из которых выросла раса Молчащих Богов, и те, другие — но не Акка... они сказали, что Акка пришли сверху, так же, как вы, — и все это я не понимаю... А ты, Гудвин? — обратилась она ко мне.

Я кивнул.

Все, что она так бессвязно рассказывала, в сущности, представляло из себя отдельные фрагменты теории Шамберлена-Мильтона, объясняющей, как образовалась Солнечная система: постепенно объединялись газовые туманности, и потом, сжимаясь, превратились в Солнце и окружающие его планеты.

Совпадение с этой теорией было просто удивительным. Еще удивительнее звучало упоминание о частицах жизни — идеи, высказанной Аррениусом, этим великим шведом, о том, что жизнь на земле произошла от попавших на нее микроскопических жизненных спор, переносимых через космическое пространство движущей силой света. Они нашли для себя подходящую среду обитания на Земле и развивались здесь в течение огромного промежутка времени, явившись источником существования для всех живых существ, известных ныне, и человека в том числе[1].

---

[1] Профессор Сванте Август Аррениус в своем труде «Worlds in the Making» высказал концепцию, что жизнь рассеяна повсюду во Вселенной, эмитируя с обитаемых планет в форме мельчайших спор, которые путешествуют в космическом пространстве многие и многие столетия. Большая часть этих спор убивается высокоэнергетическим излучением взрывающихся звезд, но некоторым все же удается найти подходящее для развития место на отдельных планетах, которые впоследствии становятся обитаемыми. *(У. Т. Г.)*

Совершенно невероятным казалось, что древняя туманность — та, что явилась материнской средой для нашей Солнечной системы, смогла поймать в ловушку однородные, или, скорее всего, неоднородные частицы, содержащие в себе ту неуловимую субстанцию, что мы называем жизнью, и, устояв против всех происходивших при образовании планет катаклизмов, как они устояли против губительного воздействия температуры абсолютного нуля космоса, эти частицы нашли для себя подходящую питательную среду в этих подземных пустотах, чтобы развиться в расу Молчащих Богов... и неизвестно еще в какие другие существа — одни только Молчащие Боги могли бы рассказать нам про это!

— Они сказали, — голос служительницы зазвучал увереннее. — Они сказали, что они росли в своей... колыбели, возле самого сердца земли, их покой не тревожили беспорядок и хаос, бушевавшие на исковерканной поверхности планеты. И они сказали, что в месте, где они росли, они получали силу от света, исходившего из сердца земли... силу, гораздо большую, чем та, которая исходит от солнца, та, что питает вас и питала тех, от кого вы произошли.

Наконец, давным-давно — так давно, что и представить невозможно, так снова сказали они, настало время, когда они стали... понимать, ну... осознавать самих себя. И очень быстро к ним пришла мудрость. Они вышли из своей колыбели, потому что они уже не хотели жить в ней вместе с теми... другими... они поднялись вверх и нашли это место.

Когда все лицо земли было покрыто водами, в которых жили только крошечные, вечно голодные твари, и эти твари не знали ничего, кроме чувства голода и его удовлетворения, они достигли уже такой мудрости, которая дала им возможность созда-

вать такие пути, как, например, тот, откуда мы только что вернулись, и они могли выходить наружу и разглядывать эти воды. И так проходили лайи за лайями, текло время, а они все ходили по этим дорогам и смотрели, как убывают затопившие планету воды. Они видели, как появились большие голые проплешины курящегося испарениями ила, и там ползали и копошились твари уже немного побольше тех крошечных голодных существ, от которых зародились эти твари; они наблюдали, как эти проплешины поднимались из воды все выше и выше, и зеленая жизнь начала одевать их; они видели, как возникали горы и как исчезали эти горы.

Зеленая жизнь все прибывала, и все больше становилось тварей, что ползали и пресмыкались по земле, они делались все крупнее, принимая самые разнообразные формы, и так продолжалось до тех пор, пока не просветлел курившийся над землей туман, и тогда твари, что вначале были меньше, чем эти прожорливые крошки, выросли в громадных чудовищ, и так эти чудовища были огромны, что самые высокие из моих Акка не могли бы достать до колена самого маленького из них.

Но ни у кого из них, ни у кого не было... понимания себя, так сказали Трое Богов; ничего не было, кроме голода, что управлял ими и заставлял двигаться, и они двигались, чтобы заглушить вопящий в них голод.

Так шло и шло время, и раса Молчащих Богов перестала ходить по этим дорогам, отбросив в сторону даже слабую мысль о том, чтобы проложить себе путь на поверхность земли, как до этого они проложили себе путь из сердца земли. Они целиком обратились к поискам мудрости, и после того, как прошло еще очень много времени, они достигли того,

что уничтожило даже самую слабую тень той слабой мысли. Ибо они проникли глубоко внутрь тайны жизни и тайны смерти, они овладели представлением о пространстве, они приподняли завесу с тайны созидания и с ее двойника — тайны разрушения, и они обнажили покров с пылающего алмаза истины, чтобы проникнуть в его тайну, но когда они сделали это — и они просили меня сказать это специально для тебя, Гудвин, — то они обнаружили, что завеса других тайн преграждает им дорогу; и с какой бы стороны они не снимали покров с алмаза истины, они все время находили новые закрытые грани, и тогда они поняли, что это драгоценный камень с бесконечным числом граней, и поэтому невозможно прочитать его целиком, пока не наступит конец вечности.

И этому они были рады... рады, потому что теперь, пока не кончится вечность, могли они и те, кто последуют за ними, нескончаемо идти по дороге познания.

Они подчинили себе свет... свет, который зарождался из ничего по их повелению, и который давал жизнь всем другим вещам, и в котором все вещи были, есть и будут. Свет, который, проходя через их тела, очищал их от всякой скверны и грязи; свет, который служил и пищей, и питьем; свет, который переносил их взоры далеко-далеко или порождал для них изображения внешнего мира, открывая множество окон, через которые они рассматривали жизнь, протекающую на тысячах и тысячах носившихся в пространстве миров; свет, который был огнем самой жизни, и они купались в нем, восстанавливая свои собственные жизни. Они установили внутри камней светящиеся лампы; а из черного света они соткали тени, служившие укрытием, и другие тени — те, что убивают все живое.

Вот из этого народа и выросли Трое — Молчащие Боги. Они опередили всех остальных в мудрости, и от этого в Трех возросла... гордыня. И Трое построили для себя это место, в котором мы сейчас сидим, и сделали Портал для этого места и, оторвавшись от своего рода, ушли, чтобы в одиночестве исследовать тайны и в одиночестве обнажать грани Алмаза Истины.

Затем вниз пришли предки Акка, но тогда они были не такие, как сейчас, в них светилась, но очень, очень слабо, искра... самосознания. И Таиту, увидев в них эту искру, не стали убивать их. Но они пошли своей древней, давно нехоженной дорогой и выглянули наружу, чтобы еще раз посмотреть на лицо земли. И вот что они увидели — вся земля была покрыта бесконечными обширными лесами и повсюду бушевала зеленая жизнь. На побережьях дрались и пожирали друг друга чешуйчатые и зубастые твари, а в хаосе зеленой жизни двигались тела, большие и маленькие — те, которые убивали, и те, которые убегали от тех, что могут убивать.

Тогда они обследовали проход, через который пришли Акка, и закрыли его. Потом Трое забрали их и привели сюда; и они научили их многому, и раздували в них искру до тех пор, пока она не разгорелась огнем, и вот, со временем, они стали такими, какими вы видите их сейчас — моими Акка.

После этого Трое собрались на совет и сказали: «Мы усилили жизнь в этих созданиях до такой степени, что она стала осмысленной — почему бы нам не создать самим жизнь?»

Снова Лакла замолчала, и у нее в глазах появилось восторженное мечтательное выражение.

— Трое заговорили, — прошептала она. — Они берут мой язык.

И в самом деле — она вдруг заговорила с такой быстротой и легкостью, как будто была только голосом, с помощью которого чей-то мозг, гораздо более гибкий и мощный, чем ее собственный, излагал свои мысли.

— Да, — гулко завибрировал золотой голос. — Мы решили создать то, что воплотит собой дух самой жизни, будет говорить с нами языком отдаленнейших звезд, языком их ветров и языком их вод, и всего, что находится снаружи и внутри них. Мы работали с тем, что вы называете эфиром — этой универсальной первоосновой материи, этой прародительницей всего сущего. Не надо думать, что ее удивительная плодовитость ограничена тем, что вы видите сейчас на земле, или тем, что существовало на земле со дня ее сотворения. Бесконечны, поистине бесконечны виды материи, которые рождаются из ее материнского начала, и бесчисленны формы энергии, которыми она обладает.

С помощью нашей мудрости мы проделали наружу множество окон из нашей обители, и через них мы смогли видеть лица бесчисленного множества миров, и вот знайте, что на всех них были дети эфира, точно так же, как и сами миры были его детьми.

Наблюдая, мы учились, и научившись многому, мы сделали то, что вы называете Двеллером, а те, которые живут снаружи, — Сияющим Богом. Внутри Матери Всего Мира создали мы его, чтобы он был голосом, рассказывающим нам о ее загадках, светочем, освещающим нам дорогу к будущим тайнам. Из эфира мы сотворили его и наделили его душой света, — вы до сих пор не знаете, что это такое, и, возможно, никогда и не узнаете — и вложили в него сущность жизни — той самой, что цветет на дне глубочайшей бездны, которую вы уже видели, той

жизни, что заставляет биться сердце земли. И мы трудились, отдаваясь всей душой своей работе, снедаемые нетерпением и опаляемые гордыней, и вот в величайших муках и страданиях появилось на свет наше дитя — Сияющий Бог!

Существует некая энергия, которая превыше самого эфира, обладающая способностью чувствовать и целеустремленно действовать — сила, которая словно океан охватывает всю Вселенную до самых дальних ее уголков, которая пронизывает все, рожденное эфиром, которая дает всем нам возможность видеть, говорить и чувствовать, сила, что присуща и животным, и птицам, и рептилиям, она есть и в деревьях, и в траве, и во всех когда-либо живших на свете существах, которые теперь покоятся в земле и в камне, которая наделяет искрометным языком драгоценные камни, звезды и всех обитателей небесного свода. И эту силу вы называете сознанием!

Мы увенчали Сияющего Бога короной из семи шаров света. Шары — это каналы между ним и той чувствующей энергией, которую мы пытаемся распознать и изучить: входные ворота, через которые вливаются потоки этой энергии, и вливаясь, обретают способность к звучанию и осмыслению, побывав внутри нашего дитяти.

Но когда мы создавали его, гордыня, обуявшая нас, превзошла все пределы и, наделяя его волей, мы позволили ему, если он сочтет нужным, пользоваться своей силой и для добрых и для злых дел, говорить или хранить молчание, рассказывать нам о том, что мы хотели бы знать, — о тех сведениях, что вливались в него через семь шаров света, или утаивать от нас эти знания, и еще, употребив для его создания все когда-либо существовавшие виды энергии, мы наделили наше дитя безразличным отношением к

действительности, сделали его способным воспринимать и отзываться на весь спектр эмоций, от одного полюса запредельной радости до другого полюса запредельной скорби через всю соединяющую их гамму чувств, дали ему способность вместить в себе экстатические восторги всех бесчисленных планет и светил и все их скорби и печали: все то, что символизирует для вас Бога, и все то, что символизирует для вас Дьявола, — но не противопоставляя при этом одно другому (ибо мы не наделили его способностью различать добро и зло) — нет, напротив, соединяя их в себе, удерживая между ними равновесие и замыкая собой друг на друга, как разноименные полюса.

Вот оно что, подумал я, — теперь понятно, чем объяснялась та ужасающая перемена, что произошла с лицом Трокмартина и со всеми лицами рабов Двеллера, на которых запечатлелись одновременно два противоположных чувства — безграничного счастья и такого же безграничного ужаса.

Снова ярко и живо заблестели глаза служительницы, задумчивость покинула ее лицо, золотой голос, звучавший только что низко и глубоко, обрел прежнюю, привычную высоту тембра.

— Я слушала, пока Трое говорили с вами, — сказала она. — Долго, очень долго и с большим трудом шло создание Сияющего Бога, и время текло во внешнем мире, сменяясь одной лайей за другой. Какое-то время Сияющий Бог обитал здесь, в этом месте, питаясь светом, о котором они говорили; открывая им одну тайну за другой и читая для них одну грань алмаза истины за другой. Но случилось так, что потоки сознания, вливающиеся в него, отхлынув, оставляли после себя отголоски и отсветы того, что в них содержалось, — и Сияющий Бог становился все сильнее, постоянно усиливая сам себя.

Его воля тоже все время крепла и уже не всегда совпадала с волей Трех; гордыня, которую заложили в него при создании, все прибывала, и наоборот, любовь к своим творцам, которая жила в нем сначала, ослабевала.

Таиту не остались равнодушными к работе Трех. Сначала таких, что мечтали овладеть Сияющим Богом и требовали от Трех поделиться с ними знаниями, которые они получили от него, было немного. Потом все больше и больше. Но Молчащие Боги в своей гордыне, отказывались иметь с ними дело. Потом настало время, когда воля Сияющего Бога сделалась целиком его собственной, и тогда он взбунтовался, обратив все помыслы на широкие просторы, лежащие за Порталом. Разорвав связь с Тремя, отвергнув их покровительство и бросив их обитель, он предложил себя тем, другим, которые желали служить ему.

Сейчас Сияющий Бог не всемогущ, так же, как и мы. Он может проходить над водой, через воздух и через огонь, но проходить через камень или металл — он не может. Так вот, он послал сообщение — каким образом, я не знаю — тем Таиту, которые страстно желали обладать им, и раскрыл им секрет Портала. Когда настало подходящее время, Таиту открыли Портал и Сияющий Бог, пройдя через него, ушел к ним. Как ни требовали Трое, чтобы он вернулся, Сияющий Бог не послушался их. Заставляя его сделать это, Трое обнаружили, что он накопил и утаил от них некоторые знания, так что теперь они не могли управлять им.

Все-таки, пользуясь своим искусством, Трое могли бы разрушить семь сияющих шаров, но они не стали делать этого... потому что они любили свое дитя!

Те, к которым он ушел, построили для него то место, что я показывала вам, и они поклонялись ему и черпали из него мудрость. И с тех пор они все больше и больше отворачивались от путей, по которым шли Таиту... потому что оказалось, что в том, что приходило к Сияющему Богу из семи шаров, содержалось все меньше и меньше добра и все больше и больше той силы, что вы зовете злом. Да, он давал им знание и понимание этого знания, но это было уже не то знание, что ясно и безмятежно озаряет путь к настоящей мудрости, скорее оно походило на факел, освещающий темную дорогу, которая ведет к... беспредельному злу!

Далеко не все из расы Трех следовали советам Сияющего Бога. Было очень, очень много тех, кто не хотел ни его, ни силы, что он давал. Так произошло, что Таиту разделились, и в это место, чего никогда не случалось раньше, пришли ненависть, страх и подозрительность. Те, кто придерживался древних путей, пришли к Трем и умоляли их разрушить свое творение... но они не стали этого делать, ибо все еще любили его.

Все сильнее становился Двеллер и все меньше и меньше приносил он своим почитателям — ибо сейчас они стали только служить ему — плодов познаний, добытых им; он становился все неугомоннее... обращая свои помыслы к поверхности планеты, точно так же, как перед этим отвернувшись от Трех, он обратился к своим Таиту. Он нашептывал Таиту, чтобы они пошли снова по тем дорогам, что вели наружу, и посмотрели на верхний мир.

О! Подумать только, над ними оказалась огромная плодородная земля, на которой обитала неизвестная раса, преуспевшая в ремеслах, стремящаяся к мудрости и обретающая ее — человечество! Умелыми

строителями оказались они, обширны были их города и огромны их каменные храмы.

Они называли свои земли Мурия, и они поклонялись богу Танароа, которого они представляли себе, как создателя всего сущего, всего окружающего мира. Еще они поклонялись богам, более близким и понятным — Солнцу и Луне, но довольно равнодушно, только возносили им молитвы, чтобы эти боги не гневались на них. Два короля правило у них, каждый со своим советом и со своим двором. Один король был верховным жрецом Луны, другой — верховным жрецом Солнца.

В основном эти люди были с черными волосами, но у солнечного короля и его приближенных волосы имели рыжеватый цвет, как у меня, а у лунного короля и его сторонников волосы были такие, как у Йолары или Лугура. И это, Гудвин, сказали Трое, произошло из-за того, что в течение очень долгого времени действовал закон, по которому рыжеволосые или серебристокудрые дети, рождавшиеся иногда у черноволосых, посвящались сразу же либо солнечному, либо лунному богу, и потом они могли вступать в брак только друг с другом и дети от них рождались такие же, как они сами. В конце концов, правда, светловолосые перестали рождаться у черноволосых, но рыжие, потому что они были сильнее, все еще возникали в среде черноволосых.

ГЛАВА 30

ПОЯВЛЕНИЕ ЛУННОЙ ЗАВОДИ

Лакла сделала паузу, задумчиво перебирая длинными пальчиками свои вспыхивающие бронзовыми бликами локоны.

Все правильно, подумал я, типичная методика выведения новой породы, древнейший эксперимент с наследственностью, в результате которого тенденция к отклонению от свойств, лежащих в основе нового вида, со временем полностью сходит на нет; ну и, как следствие, разумеется, получаются три устойчивые разновидности черноволосых, рыжеволосых и светловолосых людей... и тут меня как громом поразило — это ведь абсолютно точное разделение народа Мурии на основную массу смуглолицых и черноволосых ладала, их белокурых правителей и Лаклу с ее золотисто-бронзовыми косами.

Как?.. Вопросы были готовы посыпаться у меня с языка, но служительница заговорила, и я промолчал.

— Там наверху, высоко-высоко над жилищем Сияющего Бога, — сказала она, — находился самый большой храм этих людей, куда они ходили поклоняться святыням обоих богов — Солнца и Луны. Вокруг него стояли другие храмы, укрытые за мощными стенами правильной прямоугольной формы, так что каждый из этих храмов имел свой собственный внутренний дворик и каждый храм стоял посреди неглубокого озера. Это был священный город, город богов этой страны.

Судя по ее описанию — Нан-Матал, подумал я.

— И вот эти Таиту, которые теперь всего лишь прислуживали Сияющему Богу, так же как в свое время он сам был глазами и ушами Трех Богов,

увидели все это, — продолжала она. — По возвращении они рассказали обо всем Сияющему Богу, и он обещал им владычество над всем, что они там видели, с тем, что сам Сияющий Бог сделается владыкой всей земли и, возможно, позже завладеет и другими мирами тоже. Вот так!

Сияющий Бог становился все хитрей и коварней, стремясь заполучить новые знания, о которых он мечтал. И поэтому он стал убеждать своих Таиту — может быть, он говорил им правду, — что настало для них время двигаться вперед, но выходить во внешний мир им следует очень медленно, ибо они зародились около центра земли и поэтому им будет не хватать той силы, что питает их здесь, внизу, чтобы жить и двигаться самостоятельно. Потом он научил их, что надо сделать. Следуя его советам, они построили громадную залу — ту, в которой я впервые увидела вас, — проложив туда дорогу и для себя — тот самый путь, по которому вы спустились сюда.

Сияющий Бог открыл им, что сила, заключенная внутри лунного огня, сродни той силе, что заключена в нем самом, ибо то место, в котором родился он, было в то же время и местом рождения луны, и одни и те же тончайшие соки и энергии питали его и рожденное землей дитя. И еще он научил их, как сделать это самое вещество... что наполняет место, которое вы называете Лунной Заводью и выход из которого находится как раз за Вуалью, висящей между светящимися утесами.

Когда все это было сделано, он научил их, как изготовить и разместить семь фонарей, через которые лунное пламя вливается в Лунную Заводь. Эти семь огней сродни тем семи шарам, что висят у него над головой, точно так же, как свечение, исходящее от него, сродни свечению, что исходит от Луны. И тем самым приготовить для него дорогу, по которой он

смог бы подняться в эту залу. И Таиту сделали все как надо, работая так скрытно и незаметно, что никто из их расы, из тех, что отвернули свои лица от Сияющего Бога, или из тех людей, что суетились наверху, ни о чем не догадывались и ничего не узнали раньше времени.

Когда все было готово, они прошли по дороге, которую построили для себя, и собрались внутри залы, в которой расположена Лунная Заводь. Вливаясь в заводь, из семи шаров потоками струилось лунное пламя. Они видели, как над поверхностью поднимаются туманные струйки, объединяясь в единое целое с лунным пламенем... и затем, снизу вверх, из Лунной Заводи, формируясь в светящихся струйках тумана, кружащимся световым столбом поднялся Сияющий Бог.

Свободный и почти всемогущий вышел он в мир, в который так стремился.

Снова он давал им указания и советы, и они проложили тот коридор (вы первые нашли вход в него), установили фонари в его каменные стены, и открылись лунному королю и его жрецам, сказав им все то, чему их научил Сияющий Бог.

Когда лунный король увидел Таиту, окутанных саваном светящегося тумана, и услышал их слова, он весь задрожал от страха. И все-таки, будучи хитрым и коварным, он подумал о той силе, которую получит от них, если поведет себя правильно, и о том, как быстро тогда сила солнечного короля пойдет на убыль. Вот таким образом он, и все, кто был с ним, заключили союз с посланниками Сияющего Бога.

Когда в следующий раз луна сделалась круглой и пролила свое пламя на Лунную Заводь, Таиту снова собрались около нее, наблюдая за тем, как зародилось внутри световых столбов дитя Трех Богов,

быстро устремилось прочь — и вышло наружу. Они услышали страшный крик и суматоху, в которой раздавались вопли ужаса, восторга и благоговения... Потом наступила тишина... протяжный вздох огромной толпы... они ждали, окутанные светящимся туманом, потому что они боялись выйти следом за ним, а рядом не было тех дорог, что давали им возможность увидеть, что же происходит снаружи.

Снова шум переполоха... и Сияющий Бог вернулся обратно, великолепный и отвратительный, торжествующе пульсируя, он радостно бормотал, крепко удерживая своими туманными объятиями мужчину и женщину — рыжеволосых, золотоглазых, на чьих лицах отражались восторг и ужас, слитые воедино. И все еще сжимая их в объятиях, он, танцуя, взлетел над Лунной Заводью и... утянул их вниз, за собой.

— Теперь я вкратце расскажу, что случилось потом. Лат за латом Сияющий Бог выходил наружу и возвращался со своей добычей. И с каждым разом он становился все сильнее, все веселее и безжалостнее. И каждый раз, когда он бежал к заводи с очередной жертвой, Таиту, наблюдавшие за ним, чувствовали сильную пьянящую волну, и какое-то исходившее от него упоение охватывало их. Сияющий Бог забыл, что он обещал им владычество, да и сами они, наслаждаясь новым злом, позабыли про это.

Теперь эту землю, что была наверху, раздирали ненависть и постоянные ссоры ее обитателей. Пользуясь покровительством злых Таиту и милостью Сияющего Бога, лунный король и его род становились все могущественнее, а власть солнечного короля и его рода все ничтожнее. И жрецы Лунного Бога проповедовали, что дитя Трех это и есть сам Лунный Бог, пришедший жить к ним.

В это же время начала обильно прибывать вода, и когда прилив отступал назад, то каждый раз

уносил с собой большие куски их страны. И сама земля понемногу опускалась под воду. И тогда лунный король сказал, что это луна, разгневавшись на тех, кто поклоняется не ей, а другому богу, разбудила океан, чтобы он уничтожил их землю. Люди поверили ему, и произошло великое кровопролитие. Когда оно закончилось, в живых не осталось ни солнечного короля, ни его жрецов, и не осталось никого из рыжеволосого рода — все они были убиты, убили даже младенцев, что сосали еще грудь матери.

Но все равно приливы становились все сильнее, а земля все равно продолжала уменьшаться!

Когда земля сделалась совсем маленькая, огромные толпы, спасаясь бегством, прошли через залу Лунной Заводи и спустились сюда. Это и были те, кого сейчас называют ладала, и они получили тут место для жизни и возможность трудиться, дела их пошли на лад, и все были довольны. Пришло также много светловолосых, и они тоже получили здесь приют. Они сидели рядом со злыми Таиту, и смотрели, как танцует Сияющий Бог, и от этого становились как пьяные. Потом они овладели их искусством — не всем, а только очень малой толикой, но и этого для них было достаточно... И никогда еще Сияющий Бог не танцевал так весело, как у них, в том черном амфитеатре, и никогда еще не возрастала так быстро его сила, и никогда еще толпы его рабов, позади радужной Вуали, не пополнялись так быстро.

Как ни пытались прекратить все это те Таиту, что оставались верными своим старым обычаям, — они ничего не могли поделать. А тут еще затопление земли там, наверху, стало грозить их собственной обители. Всю свою силу и всю свою мудрость они направили на то, чтобы спасти эту землю от погибели, и делали все сами, не получая никакой помощи от тех, других, потерявших разум и ослепленных

Сияющим Богом, да и не было у них времени разбираться ни с ними, ни с этим земным народом, с которым так сдружились злые Таиту.

И вот, в конце концов, началось страшное небывалое наводнение. Волны подступали к самому основанию стен, ограждающих остров, где находился город богов этих людей; и туда собрались все, кто еще оставался от моего народа на поверхности земли.

— Я из этих людей, — сказала она, горделиво взглянув на меня. — Я одна из дочерей солнечного короля, чье семя все еще дает потомство в среде ладала.

Ларри открыл было рот, чтобы сказать что-то, но она, призывая его к молчанию, сделала знак рукой.

— Воды этого прилива уже не отошли назад, — продолжала она. — Переждав некоторое время, лунный король повел всех вниз, присоединившись к тем, кто раньше сбежал сюда. После этого уже скалы не рушились, землетрясения прекратились, и Древние Боги смогли отдохнуть от своих неустанных трудов. Гнев и ярость охватили их, когда они увидели, что натворили их злые собратья. Снова они отправились к Трем Богам — и теперь-то Трое наконец поняли, что они сделали, и гордость их сильно поубавилась. Сами они не хотели убивать Сияющего Бога, потому что они все еще любили его, но они объяснили тем, другим, как разрушить их творение, и еще рассказали, как можно уничтожить злых Таиту, при необходимости.

Вооружившись мудрыми советами Трех, Таиту вышли из своей обители... но теперь Сияющий Бог был силен и могуч. И они не смогли его убить.

Более того, Сияющий Бог знал обо всем и подготовился, они не смогли ни пройти за его Вуаль, ни запечатать выход из его жилища. Ах, сильным, очень сильным, с могучей волей, преисполненным хитрости

и коварства стал теперь Сияющий Бог. Тогда они обратили гнев на своих сбившихся с пути родичей и перебили их всех, так, что никого из них не осталось в живых. Сияющий Бог не пришел на помощь своим служителям, хотя они звали его. Потому что в нем созрела мысль, что они уже не нужны ему больше, разве что придержать их на время, чтобы потом танцевать с ними. Вот как мало мудрости и силы осталось у этих Таиту, что он уже совсем с ними не считался. И пока происходило все это смертоубийство, черноволосые и светловолосые, разбежавшись кто куда, попрятались, и были они тогда не больше чем трясущиеся сосуды, наполненные ужасом.

Древние Боги собрались на совет. И вот что они решили: они уйдут навсегда из садов, окружающих Серебряные Воды, а Сияющего Бога, раз уж они не смогли его убить, оставят здесь, с его поклонниками. Они запечатали выход из туннеля, ведущего в залу Лунной Заводи, и так изменили внешний вид утеса, что теперь уже никто не мог сказать, где находился раньше этот выход. Но сам туннель они сохранили действующим — я так думаю, что они заранее знали, что в далеком будущем он еще пригодится, возможно, они предвидели, что ты, милый Ларри, вместе с Гудвином совершишь это путешествие — поистине, я уверена в этом. И потом они уничтожили все свои дороги, за исключением той, по которой мы втроем ходили в обитель Двеллера.

И снова, в самый последний раз пришли они к Трем Богам — чтобы вынести им приговор. И вот в чем он заключался: они должны оставаться здесь в одиночестве, в обществе одних только прислуживающих им Акка, до тех пор, пока не наступит время, когда они сами захотят уничтожить то зло, что они создали... и даже теперь... все еще любили; и все их попытки найти свою смерть или последовать за сво-

ими судьями будут бесполезны, пока они не исполнят их требование. Вот такой приговор вынесли они Трем за то, что, потакая своей гордыне, они породили кровожадное и неукротимое в своей злобе дитя и усилили его своим искусством так, что теперь его нельзя одолеть.

А потом они ушли... ушли в далекую страну, избранную ими потому, что Сияющий Бог не мог туда добраться... в зеленую страну, лежащую за Черной пропастью Доула...

— Ирландия! — с удовлетворением констатировал Ларри. — Я так и знал!

— С тех пор прошло много времени, — продолжала она, не обращая внимания на комментарий Ларри. — Эти люди назвали место, где мы живем, Мурией — в честь своей затонувшей земли, и очень скоро они и думать позабыли о туннеле, запечатанном Таиту. Лунный король сделался Прорицателем Сияющего Бога и всегда вместе с прорицателем находилась женщина из рода лунного короля — жрица Сияющего Бога.

И много-много раз выходил прогуляться Сияющий Бог через Лунную Заводь на поверхность земли и каждый раз возвращался оттуда с новыми жертвами, опутанными его щупальцами.

А теперь он снова сделался беспокойным, терзаясь желанием подчинить себе еще больше пространства. Он говорил с Йоларой и Лугуром, точно так же, как он раньше говорил с мертвыми Таиту, и тоже пообещал им владычество над миром. А ведь теперь он сделался таким сильным, что может бежать по лунной дорожке, куда его душа пожелает. Поэтому он и сумел утащить твоего друга, Гудвин, и забрать у Олафа жену с ребенком... и еще многих и многих других. Йолара и Лугур собираются открыть ему выход на земную поверхность, уйти отсюда вместе со

своим окружением и под предводительством Сияющего Бога завоевать весь верхний мир.

Всю эту историю от начала до конца Молчащие Боги просили меня рассказать вам, и вот она кончилась.

Затаив дыхание, слушал я это величественное эпическое сказание о давно потерянном мире. Лишь теперь я обрел дар речи, чтобы задать ей давно мучивший меня вопрос — спросить про то, о чем сердце мое болело не меньше, чем о счастье и благоденствии Ларри, моего вновь приобретенного друга, про то, из-за чего я пришел сюда: о роковой судьбе Трокмартина и всех тех, кто пропал вместе с ним в логове Двеллера, ну и, разумеется, о судьбе жены Олафа.

— Лакла, — сказал я, — мой друг, тот, что привел меня сюда, и все те, кого он любил, кто еще до него попали к Двеллеру... мы можем спасти их?

— Трое сказали — нет, Гудвин.

Снова в ее глазах показалась острая жалость, как бывало всякий раз, когда она смотрела на Олафа.

— Сияющий Бог... выпил... все пламя их жизни, поместив на это место свой собственный огонь и свою собственную волю. Его рабы — это всего лишь пустые оболочки, в которых светится его отражение. Смерть, сказали Трое, вот самое лучшее, что можно дать им, и она будет для них поистине великим благодеянием.

— Но у них есть души, mavourneen, — вмешался Ларри. — И они все еще живы... каким-то образом. Нет, как бы там ни было — душа у них все-таки осталась.

Его слова вселили в меня некоторую надежду (хотя, надо сказать, что я с изрядной долей скептицизма отношусь ко всему, что нельзя достоверно подтвердить лабораторными опытами, и к существованию души, в том числе) — ибо при этих словах

Ларри я вспомнил, что в логове Двеллера Трокмартин и Эдит неразлучно находились рядом.

— Как же так, Лакла, ведь прошло столько дней с той поры, как Двеллер забрал жену Трокмартина, и до того злосчастного дня, когда он сам попал ему в лапы, — вскричал я, — так каким же образом, если они лишены жизни и воли, как же тогда они смогли найти друг друга среди огромных полчищ рабов Двеллера? Как им удалось соединиться в его логове?

— Этого я не знаю, — медленно ответила Лакла. — Ты говоришь, они любили... может быть и правда, что любовь сильнее смерти!

— Одного я никак не пойму, — опять заговорил Ларри, — как это получается, что девушки, похожие на тебя, Лакла, продолжают появляться среди черноволосых ладала так часто и, если можно так выразиться, так регулярно, а? Здесь ведь нет никаких рыжеволосых парней? Интересно, что бы с ними стало, если бы они вдруг появились?

— На этот вопрос я ничего не могу ответить, Ларри, — откровенно сказала девушка. — Единственное, что мне известно, — то, что существует некий договор, а какой и между кем он заключен, я не знаю. Но очень долгое время муриане боялись, что вернутся Таиту, и особенно сильно они боялись Трех Богов. Даже сам Сияющий Бог боялся тех, кто создал его... некоторое время, да и сейчас он не очень-то жаждет предстать перед ними — вот это я знаю твердо. И Йолара с Лугуром тоже это твердо знают. Возможно, так приказали Молчащие Боги, но как они это сделали и зачем, я не знаю. Я только знаю, что это все правда... потому что я существую, а иначе, откуда же мне взяться?

— Из Ирландии, — мгновенно отозвался Ларри. — Именно оттуда ты и взялась. Да разве такая девуш-

ка, как ты, могла появиться и вырасти в этой дыре, вместе со всеми этими лягушачьими людьми, и с этим чертовым богом, который на три четверти просто дьявол, и с этими красными водами, нет — одна лишь Ирландия подходит тебе и твоим Молчащим Богам, да будут благословенны их сердца. Это совсем неподходящее место для тебя, и клянусь духом Св. Патрика, нам надо уносить побыстрее ноги отсюда.

Ларри, Ларри! Если бы только это оказалось правдой, и я мог бы видеть Лаклу и тебя сейчас, рядом с собой!

ГЛАВА 31

ЛАРРИ И АККА

Долго и неторопливо вела Лакла свое повествование, и, возможно, оно показалось вам несколько затянутым в моем изложении, но в свое оправдание могу только заметить, что далеко не каждый день выпадает возможность наблюдать, как рассеивается туман, окутывающий тайну, при одной мысли о которой захватывает дух и кружится голова — тайну зарождения жизни на Земле. Я оставил здесь все как есть, ничего не добавляя и ничего не убирая, ну разве что несколько вольно переложив ее речь на наш язык — правда, все время стараясь как можно точнее отразить сам дух повествования и в то же время как можно понятнее и доступнее передать идеи и обороты речи, которыми она пользовалась. И к этой цели — хочу подчеркнуть еще раз — я стремился на протяжении всего моего рассказа, всякий раз, когда возникала необходимость в пересказе разговоров муриан.

С трудом поднявшись на ноги и потянувшись, я почувствовал, как болезненно одеревенели и затекли все мускулы, словно я и в самом деле отмахал пешком много миль. Ларри, повторяя мои телодвижения, непроизвольно закряхтел.

— Послушай, mavourneen, — обратился он к Лакле, в задумчивости заговорив по-английски, — гуляя по твоим дорогам, башмаков, конечно, не стопчешь, но без ног останешься, это уж точно!

Лакла хоть и не поняла его слов, но по нашему виду тут же догадалась о плачевном состоянии, в котором мы находились, и, с легким возгласом со-

жаления и раскаяния, заставила нас снова опуститься на подушки.

— О, я так виновата, — чуть не плача, вскричала Лакла, склоняясь над нами, — я совсем забыла... как утомительна эта дорога для тех, кто идет по ней в первый раз...

Она подбежала к выходу из комнаты и, высунув голову в коридор, засвистела, издав чистый и пронзительный звук. В комнату вошли, раздвинув занавески, два лягушкообразных человека. Она что-то быстро проговорила им. Эти двое, подобострастно согнувшись, направились к нам с каким-то тайным намерением, о чем свидетельствовала сморщившая их рожи дружелюбная ухмылка, обнажившая сверкающий ряд острых как иглы зубов. И пока я разглядывал их с тем непреходящим изумлением, что они всякий раз вызывали во мне, эти чудища хладнокровно подняли нас на руки, словно младенцев, подхватив одной рукой под колени... и так же хладнокровно зашагали прочь из комнаты.

— Отпусти меня! Отпусти меня, я говорю!

О'Киф орал гневно и яростно. Искоса поглядев в его сторону, я увидел, как он неистово сражается с монстром за право встать на ноги. Но Акка, добродушно ухая, только крепче прижимал его к груди, вопросительно уставясь в налитое кровью лицо ирландца.

— Но, Ларри... милый!

В удивленном голосе Лаклы прозвучали какие-то, чуть ли не материнские нотки.

— Ты устал и плохо себя чувствуешь, а Кра может нести тебя без труда.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы меня несли, — брызгая слюной, прошипел О'Киф. — Будь я проклят, Гудвин, но я не потерплю таких порядков, при

которых каждая собака, вроде этих тварей, живущих здесь, будет хватать лейтенанта Королевских Воздушных Сил под мышку, точно узел тряпья, и волочить его за собой. Отпусти меня, ты, omadhaun[1], или я так двину тебе в рожу, что не обрадуешься! — заорал он на своего носильщика.

Тот, по-прежнему вежливо ухая, уставился на служительницу, явно ожидая от нее дальнейших распоряжений.

— Но, послушай, Ларри... дорогой, — в голосе Лаклы звучало неподдельное страдание, — тебе вредно идти пешком, а я не хочу, чтобы ты делал то, что тебе вредно, милый!

— Клянусь духом самого Св. Патрика, — взвыл Ларри, снова делая могучее, но бесполезное усилие, чтобы вырваться из тисков охвативших его рук человекообразной лягушки. С яростным стоном он сдался и сник.

— Послушай, alanna, — замогильным голосом начал он, — когда мы придем в Ирландию, ты и я, нас никто не будет хватать и тащить на себе всякий раз, когда мы немножко устанем. А этот обычай, что вы завели здесь, он мне совсем не нравится!

— Да, Ларри, да, милый, — вскричала служительница, — там у вас все станет по-другому, потому что много, очень много моих Акка пойдет вместе с нами.

— Скажи... скажи этому... болвану... чтобы он отпустил меня, — проскрежетал сквозь зубы О'Киф, выпрямляясь из последних сил.

Я не смог удержаться от смеха. Ирландец метнул на меня разъяренный взгляд.

— Бо-олва-ну? — удивленно протянула Лакла.

---

[1] Omadhaun (*иск. ирл.* amadan) — дурак.

— Да, да, этому бол-ва-ну! — рявкнул О'Киф. — Имей в виду, Лакла, что у меня сейчас совсем неподходящее настроение, чтобы в приличных выражениях объяснять тебе это слово, о свет моей души!

Служительница тяжело вздохнула. С крайне удрученным видом она что-то сказала Акка, и тот осторожно опустил Ларри на пол.

— Ничего не понимаю, — беспомощно сказала она, — но, если ты так хочешь идти сам, ну, что ж, конечно, ты волен поступать по-своему, Ларри.

Она повернулась ко мне.

— А ты, Гудвин? — спросила она.

— А я — нет, — не колеблясь, ответил я.

— Ну, хорошо, Ларри — растерянно пробормотала она, — тогда иди вместе с Гудвином, с Кра и Гулком, и пусть они прислуживают вам. А потом — немного поспите... потому что Радор и Олаф еще не скоро вернутся. И еще — я хочу почувствовать твои губы, прежде чем ты уйдешь, Ларри, милый!

Она ласково прикрыла ему глаза своими мягкими ладошками... потом отстранила его от себя.

— А теперь — идите, — сказала Лакла, — и отдыхайте!

Без тени смущения я прильнул к груди Гулка, устраиваясь поудобнее между торчащими из нее рогами, и, посмеиваясь про себя, стал смотреть, как Ларри, подхваченный за талию огромной лапой, покрытой черной блестящей чешуей, перебирает ногами, почти повиснув в воздухе. Невзирая на скандал, который он закатил за право идти самому, ирландец не счел ниже своего достоинства воспользоваться поддержкой могучей руки Кра.

Акка привели нас в какую-то комнату и осторожно опустили на пол рядом с маленьким бассейном. Скоро он засверкал чистой водой, которую они натаскали туда для нас в широких тазиках. Потом

они принялись раздевать нас, и тут О'Киф снова взвился.

— Всякий раз, как им что-нибудь втемяшится в голову, — мы уже не можем их остановить, док, — взревел он, — и при этом мне кажется, что я уже не человек, а какая-то плюгавая пуговица от штанов, и я... я не ручаюсь... не ручаюсь за свой язык...

Тем не менее нас методично раздели донага и бережно уложили в освежающую воду. Но долго плескаться в неглубокой чаше бассейна нам не позволили. Через некоторое время Акка извлекли нас оттуда и принялись, поливая из кувшинов ароматными маслами, ловко растирать наши измученные тела.

Мне кажется, что во всей той сумятице смешного и трагического, ошеломляющего, необычного и опасного, что происходило с нами в этом подземном мире, самое причудливое и комичное зрелище представляли собой эти прислуживающие нам чудовища. Я расхохотался что было мочи, Ларри вторил мне, и затем наше веселье поддержала гулкая какофония ухающих и квакающих звуков, издаваемых Кра и Гулком. Потом, облачив нас обратно в одежду и все еще продолжая весело кудахтать, эта парочка, подхватив под руки, привела нас в комнату, где около полукруглых стен стояли мягкие диваны. Улыбаясь своим мыслям, я повалился на один из них и тут же погрузился в сон.

Сколько времени я проспал — даже не представляю. Меня разбудил доносившийся снаружи грохот. Низкие, размеренные звуки ударов, напоминающих громовые раскаты, вливались в узкие оконные щели и отражались от стен комнаты. Зевая, Ларри проворно вскочил на ноги.

— Можно подумать, док, что все джазовые оркестры Нью-Йорка собрались здесь, чтобы исполнить для нас серенаду на своих басовых барабанах, —

витиевато высказался он по поводу разбудивших нас звуков. Не сговариваясь, мы кинулись к окну и высунулись наружу.

Оказалось, что мы находимся почти на уровне моста, чуть-чуть повыше, и он во всю длину простирается перед нами. Тысячи и тысячи Акка заполняли гигантскую арку от края до края, а вдали, около выхода из пещеры, и дальше — вдоль всего изогнутого полумесяцем побережья, словно густой лес блестели копья других отрядов человекообразных чудовищ. Малиновый свет играл на черной и оранжевой чешуе, мерцая и переливаясь крошечными блестками.

На небольшой площадке — той, от которой начинался другой, меньший размером мост, перекинутый через бездну, стояли Лакла, Олаф и Радор; служительница, судя по всему, выполняла роль переводчика между ними и гигантом по имени Нак — королем лягушкообразного народа.

— Эй, подождите нас, — крикнул Ларри.

Бегом проскочив через открытые ворота, мы перебежали мост, под которым находилось Сердце Мира... и прямым ходом врезались в их компанию.

— Ой! — вскрикнула Лакла, — я совсем не хотела, чтобы ты проснулся так быстро, Ларри... милый!

— Послушай-ка, mavourneen!

Голос ирландца дрожал от негодования.

— Неужели ты думаешь, что я буду в полной безопасности, как спеленутый младенец, лежать в колыбельке и пускать сопли, пока идет сражение? Почему ты не позвала меня?

— Потому что тебе надо отдохнуть! — отвечала ему служительница с непреклонной решимостью в голосе; вековечная материнская тревога засветилась в глазах девушки. — Вы оба устали и переволновались! Вам не надо было вставать!

— Какой к черту может быть отдых? — застонал Ларри. — Послушай, Лакла, за кого вообще ты меня принимаешь?

— Ты — это все, что у меня есть, — твердо ответила девушка, — и я не могу не заботиться о тебе, Ларри... милый! Дело только в этом, и ни в чем другом.

— Ну хорошо, радость моего сердца, может быть все-таки, ты скажешь — ну, ясное дело, чтобы ни в коем случае не повредить моему драгоценному здоровью и с учетом повышенной чувствительности моей тонкой натуры, может быть ты все-таки скажешь, что происходит? — спросил он.

— Ничего особенного, Ларри, — безмятежно отвечала служительница. — Просто Йолара прошла через Портал. Она очень, очень злая...

— Эта баба сейчас похожа на самого черта, — громыхнул Олаф.

— Радор встретился с посыльным ладала, — спокойно продолжала говорить Золотая девушка. — Они готовы подняться, как только Йолара и Лугур поведут свои войска на нас. Они ударят им в спину. А тем временем мы разместим по местам моих Акка и приготовимся к встрече с людьми Йолары. Всем нам — тебе, Ларри, и Радору, и Олафу, и Гудвину, и Наку — властителю Акка — надо собраться и решить, как правильно расставить наши силы.

— Посыльный высказал какие-нибудь соображения насчет того, когда Йолара собирается устроить нам взбучку? — спросил Ларри.

— Да, — ответила она, — у них все готово, и мы можем ждать их через... — она назвала цифру, соответствующую приблизительно тридцати часам нашего времени.

— Но, Лакла, — сказал я, стараясь, чтобы одолевавшее меня сомнение не прозвучало в моем голо-

се, — с ними придет Сияющий Бог... вместе со своими рабами... Хватит ли сил у Троих Богов, чтобы справиться с ними?

Беспокойство и сомнение отразились в ее глазах.

— Я не знаю, — наконец откровенно ответила она. — Вы же слышали всю их историю. Единственное, что они обещали, — так это свою помощь и поддержку. Я ничего не знаю... я знаю не больше, чем ты, Гудвин!

Я поднял глаза на купол. Там, как мне было известно, сидела страшная Троица и неотрывно глядела вперед; и сейчас они тоже смотрели на нас. И, невзирая на весь благоговейный трепет, что охватил меня в тот раз, когда я предстал перед ними, на все мое уважение к ним, я тоже усомнился.

— Ну, ладно, — проворчал Ларри, — давайте-ка лучше займемся делом. Вам, дядюшка, — он повернулся к Радору, — мне и Олафу надо распределить роли и решить, кто из нас и на каких позициях возглавит битву.

— Возглавит битву? — в ужасе вскрикнула служительница. — Ты собираешься возглавить битву, Ларри? Разве ты не останешься здесь, вместе со мной и Гудвином? Мы отсюда все будем видеть...

— Возлюбленная моего сердца, — О'Киф даже в лице переменился. — Тысячу раз мне приходилось встречаться со смертью лицом к лицу и смотреть ей прямо в глаза. И десятки тысяч футов отделяли меня от земли, а между тем осколки гранат не переставая лупили по стенкам ящика, в котором я летел. А ты думаешь, что я теперь буду сидеть как король на именинах и ждать, пока нас всех разнесут по кочкам? Ты плохо знаешь своего будущего мужа, восторг моей души.

С этим мы и отправились к золоченым воротам. Мимо нас, чеканя шаг, проходили отряды человеко-

образных лягушек и исчезали в монументальном строении. Нигде больше не задерживаясь, мы прошли в беседку служительницы. Там мы уселись и приготовились к разговору.

— Так вот, — начал Ларри, — две вещи мне надо знать. Первое — сколько людей Йолара сможет собрать против нас, и второе — сколько этих Акка мы можем выставить против них?

Радор назвал цифру, приблизительно соответствующую восьми тысячам людей, — столько могла набрать Йолара, даже если ей пришлось бы оставить без защиты свой город. Со своей же стороны, как я понял, мы смогли бы насчитать, грубо говоря, свыше двухсот тысяч этих Акка.

— И они все превосходные бойцы, — воскликнул Ларри. — Вот черт, о чем же нам беспокоиться, имея такие неравные шансы? Все будет кончено, едва начавшись!

— Не так все просто, Ларри, ты забываешь, что у высокорожденных будет кез... и всякие другие штуки, и то, что ее солдаты уже раньше сражались с Акка, и поэтому они будут хорошо защищены от их копий и дубин... а кинжалы и дротики этих солдат легко протыкают чешую воинов Акка... У них есть еще много других...

— Э, дядюшка, не надо себя заводить раньше времени, — прервал его Ларри, — все это чепуха. Нас же больше, чем в два раза. А что касается меня лично...

Никто не предполагал внезапного наступления трагедии!

ГЛАВА 32

ВАША ЛЮБОВЬ, ВАШИ ЖИЗНИ, ВАШИ ДУШИ!

С того момента, как мы пришли в разбитый на террасе садик Лаклы, она не принимала участия в разговоре. Девушка молча сидела рядом с О'Кифом. Случайно взглянув на нее, я заметил на ее лице тот же отпечаток глубокой отрешенности, который появлялся у нее всякий раз, когда она вступала в эту загадочную связь с Тремя Богами: она словно бы к чему-то прислушивалась. Но вот лицо ее приняло обычное выражение, она быстро встала, бесцеремонно оборвав излияния Ларри.

— Ларри, милый, — сказала служительница, — Молчащие Боги зовут нас к себе.

— Когда мы должны идти? — спросил я.

У О'Кифа с живым интересом заблестели глаза.

— Прямо сейчас, — ответила девушка... и, поколебавшись, добавила: — Ларри, милый, обними меня покрепче на минутку, — запинаясь, проговорила Лакла, — ты знаешь, что-то холодное прикоснулось к моему сердцу... я боюсь...

Со слабым дрожащим смешком девушка прижалась к ирландцу, а Ларри, как вы понимаете, не пришлось уговаривать дважды.

— Наверно это потому, что я так сильно люблю тебя, — сказала она ему, — раньше я никогда ничего не боялась.

Не говоря ни слова, он наклонился и поцеловал ее. В полном молчании мы пошли по коридору. Ирландец шел впереди, все еще обнимая Лаклу за талию, золотая головка покоилась у него на плече.

Вскоре мы остановились перед каменной плитой винного цвета, за которой скрывался вход в святилище Молчащих Богов. Лакла немного помедлила, остановившись перед ней, потом, вызывающе откинув назад горделиво посаженную головку так, что вспыхивающие бронзовыми бликами локоны разлетелись во все стороны, она нажала на камень. Дверь отошла в сторону, и, как в прошлый раз, оттуда, омывая наши фигуры, хлынул мощный поток опалесцирующего свечения.

Ослепленный льющими от высоких изогнутых стен каскадами лучезарного света, я неверными шагами прошел вперед, дождался, пока глаза мои не обрели снова способность видеть, и посмотрел наверх — прямо в лица Трех Богов. Взгляды треугольных глаз сосредоточились сейчас на служительнице, и так же, как в первый раз, когда мы стояли пред ними, я отметил, с какой нежностью угольно-черные очи Богов смотрели на нее.

Девушка, улыбнувшись, глядела вверх. Казалось, она прислушивается.

— Подойдите ближе, — скомандовала она, — вставайте сюда — к ногам Молчащих Богов.

Мы послушно двинулись вперед, остановившись у самого края возвышения. Сверкающая пелена тумана в этот раз была тоньше, и сквозь вуаль смутно просвечивали огромные, как колонны, шеи, с чудовищных плеч свободно ниспадала складками какая-то странная ткань бледно-голубого цвета, легкая и светящаяся, как холодный огонь. Огромные головы слегка наклонились в нашу сторону.

Лакла внезапно заговорила, и это вывело меня из состояния созерцательной задумчивости. Девушка явно отвечала на какие-то, слышимые лишь ей одной слова, причем отвечала вслух исключительно ради

нас — в какой бы форме ни осуществлялось общение между ней и теми, кому она служила, оно не нуждалось в словах — это было совершенно ясно.

— Ему все рассказали, — говорила Лакла, — все сделано, как вы приказывали.

В самом ли деле легкая тень промелькнула в мерцающих красными точками глазах Богов, омрачив их на мгновение, или мне померещилось? Недоумевая, я перевел взгляд на лицо Лаклы и заметил на нем какое-то замешательство и настороженность, словно она почуяла что-то недоброе. Еще некоторое время лицо ее хранило это прислушивающееся выражение, потом Трое отвели от нее пристальные взоры и сосредоточились на О'Кифе.

— Это говорят вам Молчащие Боги... через Лаклу, свою служительницу, — в золотом голосе девушки зазвучали низкие, трубные ноты. — На пороге гибели стоит сейчас ваш верхний мир. Да, Гудвин, он стоит на пороге той самой гибели, что привиделась тебе однажды, и тень этого видения разглядели в твоем сознании Трое — так они сказали. Потому что нет и никогда не будет на земле силы, способной уничтожить Сияющего Бога.

Она снова прислушалась... и недоброе предчувствие, написанное на ее лице, перешло в самый неприкрытый страх.

— Они говорят... Молчащие Боги говорят, — продолжала она срывающимся голосом, — что они не знают, хватит ли у них власти, чтобы уничтожить Сияющего Бога. Самые разные формы энергии, о которых мы не имеем ни малейшего представления, были использованы для создания Сияющего Бога и стали теперь его частью, и потом еще он сам вобрал в себя много других форм энергии, — она помолчала, прислушиваясь, и продолжала с легким изумлением

в голосе. — И еще, они сказали, он собрал в себе энергию таких сил, которые вам известны и которые вы называете определенными именами: ненависть, например, или гордость, или вожделение, и существует еще множество других понятий, обладающих реальной силой, такой же реальной, как та сила, что скрыта в кезе, сказали Трое, и среди них — страх, который ослабляет силы всех остальных энергий...

Снова она помолчала.

— Но внутри Сияющего Бога совсем нет той силы, что могущественнее всех остальных, которая делает бессильным зло, заключенное в других силах, и которую мы называем... любовью, — тихо закончила она.

— Я бы много отдал за то, чтобы припугнуть хоть немного эту гадину, — мрачно скривившись, прошептал мне Ларри по-английски.

Три пугающие своим необычным видом головы наклонились, как будто кивнули ему в ответ... Я чуть не вскрикнул, да и Ларри, надо сказать, слегка побледнел.

— Они говорят, Ларри, — подтвердила Лакла, — что ты коснулся сейчас самого главного... ибо как раз через дорогу страха Молчащие Боги надеются ударить по всей жизни Сияющего Бога.

Физиономия Ларри, повернутая ко мне, являлась олицетворением безграничного изумления, и моя, похоже, как в зеркале отражала то же чувство. Да что же такое представляли из себя эти Молчащие Боги, если они с такой легкостью, словно открытую книгу, могли читать наши мысли? Недолго пришлось нам теряться в догадках: голос Лаклы нарушил непродолжительное молчание.

— Вот что, сказали они, скоро произойдет. Сначала на нас пойдут Йолара и Лугур со своими

войсками. Сияющий Бог спрячется у них за спиной, в своем логове — потому что он боится. Да, несмотря ни на что, Трое на самом деле страшат Двеллера, а больше он ничего не боится. Прорицатель и жрица Сияющего Бога вместе со своими войсками будут биться до последнего, чтобы одержать победу. И если случится, что они одолеют, то у них хватит силы, чтобы уничтожить и всех нас. Потому что, если они захватят обитель Молчащих Богов, то Двеллер избавится от своего страха, и тогда прозвучит сигнал, означающий кончину Трех Богов.

А потом Сияющий Бог станет как вольная птица, уже ничего не страшась, он выйдет в ваш мир и будет делать там все, что пожелает.

Но если они не смогут одолеть нас — тогда Сияющий Бог не придет им на помощь, он бросит их на произвол судьбы, как уже бросил раньше своих Таиту... и тогда Трое освободятся до некоторой степени от наложенного на них наказания, и они пойдут тогда через Портал, отыщут Сияющего Бога за его Вуалью и, пронзив его через открытое отверстие страха, — разрушат его.

— Это как раз понятно, — прошептал мне на ухо О'Киф, — ослабнет моральный настрой — значит, дело швах. Да я такое сто раз видел на войне. Пока нервишки у них в порядке — нет ничего, что им было бы не по зубам, стоит им подействовать на нервы, и пожалуйста — берите их тепленькими. И что интересно, в обоих случаях, это одни и те же люди.

Лакла снова прислушивалась. Вдруг она, вскинув руки, повернулась к Ларри, с безумной надеждой в глазах... но какая-то тень то ли смущения, то ли стыда легла при этом на ее лицо.

— Они говорят, — вскричала она, — они говорят, что дают нам право выбора. Помня о том, что весь наш мир висит на волоске, находясь на пороге гибели, сказали они, мы должны сейчас решить... выбрать, остаемся ли мы сражаться против Йолары и ее армий... и они сказали, что предвидят, каким нелегким окажется сражение. Или же мы имеем право уйти... и если вы, сказали они, выберете последнее, тогда они покажут вам другой путь, который тоже ведет в ваш мир.

Пока она говорила, лицо О'Кифа медленно покрывалось краской. Он взял девушку за руки и долго вглядывался в ее золотые глаза. Подняв вверх голову, я увидел, что Троица наблюдает за ними — спокойно и невозмутимо.

— Что скажешь, mavourneen? — ласково спросил Ларри.

Девушка молчала, понурив голову и дрожа всем телом.

— Твои слова будут и моими, о единственный, кого я люблю! — наконец прошептала она. — Уйдешь ты или останешься — я буду с тобой.

— Ваше слово, Гудвин?

Ирландец повернулся ко мне. Я пожал плечами: в конце концов, один я ничего не решаю.

— Я тут мелкая сошка, Ларри, — заметил я, непроизвольно прибегая к его манере выражаться.

Сам О'Киф выпрямился, расправив плечи, и пристально посмотрел прямо в полыхающие огнем черные очи Богов.

— Заметано, — сказал он, — мы остаемся.

К стыду своему, я припоминаю, что в тот момент эта привычка Ларри вставлять повсюду свои словечки показалась мне не только неуместной, но, пожалуй, отдающей дурным вкусом. Я рад сказать, что

был единственным, кому пришла в голову такая мысль. Ибо лицо Лаклы, когда она подняла его на Ларри, прямо светилось от любви и счастья, и, хотя робкая надежда исчезла у нее из глаз, зато сейчас они лучились обожанием и гордостью за своего избранника. Холодные, мраморные лица Троицы смягчились, в черных глубоких глазах уже не играло красное пламя.

— Подождите, — сказала Лакла, — есть еще одна вещь, сказали они, на которую мы должны дать ответ, прежде чем они возьмут с нас обещание... подожди...

Она прислушалась и, внезапно, все лицо ее побелело, как мел... став таким же белым, как лица Троих Богов, радостно сиявшие глаза расширились, и наполнились диким ужасом; нежное гибкое тело затрепетало, словно тростник под порывом ветра.

— Нет, — только не это, — крикнула она Троим Богам. — О, только не это. Только не Ларри... я сделаю все, что вы захотите... но только не он! — она порывисто протянула руки к женскому существу Троицы. — О Мать, позволь мне пойти одной, — молила она. — Мне одной!.. Мать!

Трое наклонили головы вперед, глядя на Лаклу исполненными жалости глазами, и по лицу женщины покатились... слезы! Ларри рванулся к Лакле.

— Mavourneen! — крикнул он. — Сердечко мое сладкое, что они сказали тебе?

Он впился глазами в лица Молчащих Богов, правая рука метнулась туда, где у него всегда висел в кобуре пистолет.

Но служительница удержала его. Обвив белые руки вокруг шеи Ларри, она положила голову ему на грудь и безудержно зарыдала.

— Они сказали... Молчащие Боги сказали... — всхлипнула она, собрав все свое мужество. — О Ларри, сердце мое, — жарко зашептала она, обхватив мягкими белыми ладошками его обеспокоенное лицо и глубоко заглядывая ему в глаза. — Они сказали... что может случиться так, что Сияющий Бог преодолеет свой страх и придет на подмогу Йоларе и Лугуру... и тогда... если это произойдет... тогда остается один-единственный способ уничтожить его... и спасти ваш мир.

Лакла покачнулась. Ларри крепче сжал ее в объятиях.

— Только один путь остается тогда... ты и я должны... вместе... пойти в его объятия! Да, Ларри, мы должны войти в него... мы — любящие друг друга, любящие мир, полностью отдавая себе отчет в том, что мы жертвы и жертвуем всем, что имеем: нашей любовью, нашими жизнями, и, возможно, тем, что вы называете душой...

О единственная моя любовь, мы должны сами отдаться Сияющему Богу — добровольно и с радостью, неся в себе высокий огонь нашей взаимной любви... и только это снимет заклятье... Ибо если мы сделаем это, торжественно пообещали Трое, тогда случится так, что сила нашей любви, которую мы внесем в Сияющего Бога, ослабит на время все то зло, которым владеет Сияющий Бог, — и в этот момент Трое смогут ударить по нему и убить его.

Кровь бросилась мне в голову. Рассудок мой отчаянно протестовал против такого решения... такого объяснения активной деятельности Двеллера — не забывайте, что я ведь ученый, и, как всякому ученому, мне присуще рациональное мышление. Не было ли это, промелькнула у меня тайная мысль, некоего рода жертвоприношением в угоду собственной слабости... Подумав так, я поднял вверх взгляд, наткнулся

на их глаза, полные печали, и понял, что они прочли мои мысли. Потом в бурлящем водовороте моего сознания стали всплывать отчетливо оформленные образы, напоминающие мне, как менялась земная история под воздействием силы ненависти, честолюбия, вожделения и конечно же, прежде всего — любви! Может быть и вправду эти понятия обладают динамической энергией... вспомнил я о Сыне Человеческом, искупившем своей позорной смертью на кресте грехи всего мира.

— Радость моя, — спокойно сказал О'Киф, — и что же подсказывает тебе твое сердечко?

— Ларри, — тихо ответила она, — мое сердце принадлежит тебе... но я так хочу пойти вместе с тобой, чтобы любить тебя, чтобы... чтобы родить тебе детей, Ларри, я так хочу увидеть солнце...

Слезы навернулись мне на глаза, через их расплывающуюся пелену, я видел, что О'Киф пристально смотрит на меня.

— Если весь наш мир будет вздернут на дыбе, — тогда, конечно, ничего другого нам не остается. Видит Бог, я никогда ничего не боялся, пока я воевал там, наверху... и много людей, куда лучше меня, отправились на тот свет под пулями и гранатами ради той же идеи, но эта хреновина даст сто очков вперед пулям и гранатам... и потом, теперь у меня есть ты — Лакла и — вот проклятье! — сомнение одолевает меня.

Он повернулся к Троице...

Уж не знаю, насколько мои чувства отвечали действительности, но в напряженности их поз мне почудилась какая-то отчужденность, словно они отстранились, оберегая свою божественную сущность от нападок человеческого существа.

— Вот что скажите мне, вы, Молчащие Боги, — крикнул Ларри. — Если мы сделаем то, что вы хо-

тите, — я и Лакла, — ручаетесь ли вы, что сможете убить эту... гадину и спасти мой мир? Уверены ли вы в своих силах?

В первый и последний раз мне довелось услышать голос Молчащих Богов. И прозвучал он совершенно как голос человека, не сомневающегося в своей правоте.

— Мы уверены!

Словно огромный орган, зазвучавший на своей самой низкой ноте, прогремели раскатистые, вибрирующие звуки. Они сотрясали и ошеломляли слух точно так же, как лица Богов, когда я впервые увидел их, поразили мое зрение. Еще какое-то время О'Киф пристально смотрел на них, потом, опять расправив плечи, приподнял подбородок Лаклы и ласково улыбнулся, глядя ей в глаза.

— Заметано, — снова сказал он, кивнув Трем Богам.

И тут мраморные, наводящие благоговейный ужас и трепет лица Трех Богов осветились вдруг невыразимой добротой и нежностью, погасли крохотные огоньки, тревожно вспыхивающие в глубине черных как ночь очей, преисполнившихся теперь безмятежным спокойствием, уверенностью и каким-то беспредельным ликованием. Женщина выпрямилась, устремив ласковый взгляд на мужчину и девушку. Ее громадные плечи приподнялись, как будто она развела в стороны руки и притянула к себе тех других, сидящих рядом. На какой-то быстротечный миг головы их соединились; и снова они сидели как прежде. Женщина наклонилась вперед — и когда она сделала это, Лакла и Ларри, словно влекомые какой-то невидимой силой, медленно двинулись к возвышению.

Из сверкающего тумана вытянулись две ладони — чудовищно длинные, огромные, шестипалые,

лишенные большого пальца, тыльная часть ладони поражала мраморной белизной, а сверху они были покрыты тончайшим узором золотых чешуек. Они пугали своим нечеловеческим видом и все-таки, каким-то странным, необъяснимым образом привлекали своей красотой, силой, исходящей от них и... необыкновенной женственностью.

Руки вытянулись вперед. Опустившись на склоненные головы Лаклы и О'Кифа, они мягко и ласково притянули их друг к другу. С безграничной любовью погладив их по волосам, они застыли на миг в извечном жесте благословляющей своих детей матери. И скрылись назад!

Как прежде, заклубилась сверкающая дымка, поднялась вверх и скрыла лица Молчащих Богов. В таком же торжественном молчании, с каким мы пришли сюда, мы покинули светящуюся обитель, винноцветный камень закрылся за нами. Мы вернулись в покои служительницы.

Только один раз за все время, пока мы шли, Ларри заговорил.

— Выше нос, малышка, — сказал он Лакле, — у нас еще куча времени. Конец еще не скоро. Ты в самом деле думаешь, что Йолара с Лугуром приволокут сюда эту чертову куклу? А?

Ничего не ответив, служительница только выразительно посмотрела на него полными любви и скорби глазами.

— Они сделают это, — убежденно сказал Ларри. — Уж они-то сделают! Черт бы их подрал!

ГЛАВА 33

ВСТРЕЧА ТИТАНОВ

В мои намерения не входит расписать ad seriatum[1] все события, произошедшие в последующие двенадцать часов — впрочем, даже если бы такое желание у меня возникло, вряд ли это возможно. Но несколько слов посвятить им, пожалуй, придется.

К О'Кифу снова вернулось хорошее настроение.

— Ну что, док, — весело сказал он мне, — зато нам предстоит славная потасовка. Какие бы страсти господни нам ни грозили, помните, что лепрекоун нас предупредит. У меня возникла было мысль рассказать Туа Де про налет баньши, который он мне пообещал, но, честно говоря, я все время только и думал, как бы нам оттуда поскорей смыться. Наша добрая старушка со всем кланом О'Кифов рванут сюда по первому сигналу, сказал зеленый человечек, и я бьюсь об заклад, что Троица будет страшно рада получить от меня такой подарочек.

Сияющая Лакла осторожно прервала его.

— Мне надо еще тебе кое-что сказать, Ларри, милый... и боюсь, что это тебе не слишком понравится. Молчащие Боги сказали, что ты не должен сам принимать участие в битве. Ты должен остаться здесь, вместе со мной и Гудзином... потому что, если... если... придет Сияющий Бог, мы должны будем встретить его здесь. А ты не сможешь сделать это, Ларри, если ты пойдешь сражаться, — сказала она, метнув на него быстрый взгляд из-под длинных ресниц.

У О'Кифа отвисла челюсть.

---

[1] Ad seriatum (*лат.*) — последовательно, по пунктам.

— Да-а, — протянул он. — Это просто удар ниже пояса. Делать нечего... их точку зрения понять нетрудно: ягненочек, предназначенный для заклания на алтаре, не должен шляться где попало, чтобы не угодить ненароком волку в зубы, — мрачно прибавил он. — Не беспокойся, радость моя, — сказал он Лакле. — Раз уж я ввязался в эту историю, то буду играть по всем правилам.

Олаф радовался предстоящей битве и не скрывал этого.

— Скоро Норны* закончат плести свою паутину, — громыхнул он, увидев нас. — И нити жизни Лугура и этой чертовой ведьмы Йолары уже рвутся у них под пальцами. Тор не оставит меня, я знаю, и сам я стану подобен молоту, чтобы выковать славу Тору!

Он держал в руке чудовищную дубину из черного металла, добрых пяти футов длиной, увенчанную массивным металлическим набалдашником соответствующего размера.

Я перехожу теперь вплотную к описанию заключительных событий.

В самом конце дороги для кориа, — там, где земля гигантских мхов граничила с кромкой рубинового песка, устилающего пол в пещере, затаились в засаде тысячи воинов Акка. Вооруженные копьями, наконечники которых были смазаны студнем, вызывающим мгновенное разложение живого тела, и страшными дубинами с металлическими головками, утыканными острыми как иглы шипами, они должны были броситься в атаку, как только карлики вылезут из кориалов на открытую местность. Особых надежд на эту группу мы не возлагали — разве что немного проредить с их помощью йоларовские войска, потому что в этом месте капитанам солдат Йолары и Лугура сам Бог велел пустить в ход кез и другие сверхъесте-

ственные виды оружия. И мы нисколько не сомневались, что все ремесленники и мастеровые в Мурии неустанно трудясь под руководством Маракинова, изготовили доспехи, которым ничего не стоило выдержать удары примитивных орудий боя, которыми располагали человекообразные лягушки. Ларри и я единодушно отдавали должное изобретательности русского.

Во всяком случае численность нападающих должна была бы несколько поубавиться.

Далее, при общем руководстве короля Акка, и под непосредственным присмотром надсмотрщиков ополченцы наспех соорудили множество каменных преград вдоль всего предполагаемого пути следования муриан внутри пещеры. Эти стены прекрасно защищали Акка, так что они могли из-за их прикрытия метать копья и дротики, не вступая в рукопашный бой. Довольно интересно, что такое оружие, как лук, или любые его разновидности они не использовали.

Сам вход в пещеру перекрывала особенно сильно укрепленная баррикада, она протянулась в обе стороны почти до самого конца серповидного побережья — почти, подчеркиваю я, потому что времени оказалось недостаточно, чтобы перегородить полностью зев пещеры.

Весь мост, все это грандиозное сооружение из конца в конец, начиная от того места, где он опирался на побережье Винноцветного моря, и не доходя каких-нибудь ста футов до Золотых Ворот обители, загромождали следующие один за другим оборонительные валы.

За высокой стеной, возведенной перед входом в пещеру, нападающих поджидали тысячи и тысячи многочисленных отрядов Акка. Особенно густо они располагались около краев незаконченной баррикады, и также вдоль всего изогнутого полумесяцем

побережья; и в правую, и левую сторону, вплоть до того места, где начинались густые леса, затаились бесчисленные легионы солдат, готовые при первой же необходимости кинуться на подмогу защитникам баррикады.

Шеренги солдат одна за другой занимали свои места позади барьеров, перегораживающих мост; лягушкообразные кишмя кишели на остроконечных выступах и в неглубоких впадинах неровной поверхности каменистой гряды, окружающей остров; куполообразный замок сейчас походил на живой муравейник, — если вас не смутит моя метафора, — а скалы и сады, раскинувшиеся вокруг обители Молчащих Богов, блестели, начиненные чешуйчатыми телами Акка.

— Ну вот, — сказала служительница, — больше уже ничего нельзя сделать... остается только ждать.

Она повела нас за собой — через свою беседку, повисшую над скалами, и дальше — по узкой тропинке, ведущей наверх, к пролому в скале.

Воцарившееся затишье нарушил звук слабого вздоха, легкий траурный шепот прошелестел мимо нас, и растаял вдалеке...

— Они идут! — крикнула Лакла, воинственно засверкав глазами.

Ларри притянул ее к себе, приподнял, подхватив под локти, и крепко поцеловал.

— Вот это женщина! — воскликнул О'Киф. — Настоящая женщина — и она моя!

Через некоторое время после того, как Портал возвестил о приходе непрошеных гостей, в рядах Акка, столпившихся у входа в пещеру, началась толкотня и давка: замелькали копья, заблестели металлические набалдашники их страшных дубин, треск шпор и рогов смешивался с боевыми воплями дерущихся.

Мы стояли и ждали... Ждали, казалось, уже целую вечность, напряженно вглядываясь в то, что происходит около низкого вала, перекрывающего устье пещеры. Внезапно я вспомнил про кристалл — тот самый, в который я глядел, пока исподтишка подбирались невидимые убийцы Йолары. Я напомнил о нем Лакле. С легким возгласом досады она отдала распоряжение своей прислужнице, и вскоре эта столь же добросовестная, сколь и необычная леди не замедлила появиться, держа в руках лоточек с волшебными стеклышками. Поднеся к глазам один из них, я увидел, как в схватку втягиваются все более отдаленные шеренги солдат Акка. Бряцая шпорами, бойцы один за другим прыгали на баррикаду и пропадали за ней. Вспышки яркого зеленого света, перемежающиеся странными молниеносными проблесками огня, похожего на сильно сфокусированные лунные лучи, возникали время от времени позади баррикады... Резкие удары яркого света озаряли все чаще и чаще воздух, загораясь огнем на чешуйчатой броне батракианов.

— Они идут! — шептала Лакла.

На дальних концах серповидного побережья началась дикая свалка. Здесь были сосредоточены главные силы Акка. Очень слабо, потому что расстояние было чрезвычайно велико, я все же мог видеть, как все новые отряды бросаются в бой, занимая место погибших.

Поверх обоих концов баррикады и вдоль всей линии обороны постепенно нарастало легкое марево сверкающей алмазным блеском дымки, крохотные пылинки, ослепительно вспыхивая, носились в воздухе в стремительном танце.

Вот и все, что осталось от бойцов Лаклы, охраняющих нас, подумал я: танцующие в пустоте мельчайшие атомы!

— О Господи, до чего же тяжко стоять здесь и смотреть на все это, — простонал О'Киф.

Олаф стоял, оскалив зубы, с перекошенным воинственной усмешкой лицом — должно быть так выглядели его древние предки, берсеки, бороздившие моря на своих пиратских ладьях. Лицо Радора покрылось от ярости смертельной бледностью. У служительницы подрагивали, раздуваясь, ноздри, яростно сверкающие глаза выдавали все, что творилось сейчас в ее душе.

Внезапно, прямо у нас на глазах, каменная стена, которую Акка выстроили у входа в пещеру... исчезла! Пропала начисто, словно невидимая, невероятных размеров гигантская рука с молниеносной быстротой стерла ее с лица земли. И вместе с ней исчезли длинные шеренги огромных батракианов, стоявших поблизости.

Через некоторое время сверху посыпался град камней, смешанных с изуродованными фигурами Акка, с разрозненными кусками тел — чешуйчатая броня ярко вспыхивала, когда они летели сверху, подобно падающим метеоритам разрезая воздух. Они падали на край обрыва, в Винноцветное море, поднимая фонтаны рубиновых брызг, разбиваясь вдребезги о каменный мост.

— Та самая штука, от которой все взлетает вверх, — прошипел Олаф, — та самая, которую я видел в саду Лугура.

Вот он, этот злой дух, обладающий страшной разрушительной силой, которым Маракинов соблазнял Ларри! Та самая сила, что, уничтожая гравитацию, заставляет все предметы, находящиеся в пределах ее действия, с головокружительной скоростью взлетать вверх.

И вот над грудами обломков, сплошь завалivших обрывистый берег, появились, размахивая длинными

мечами и острыми кинжалами, солдаты Сияющего Бога. Во главе построенных ровным каре нападающих, шли капитаны отрядов. То тут, то там вспыхивали зеленые лучи. Все дальше и дальше оттесняли они воинов Нака на самый край обрыва. Акка сражались как черти, сминая карликов своими огромными телами, они обрушивали на них удары копий и булав, терзали их зубами и шпорами. Уже расплываясь дрожащей дымкой, Акка прыгали на карликов, повалив их наземь, и убивали... убивали.

Одна-единственная линия человекообразных лягушек осталась на самом краю обрыва. И все гуще становились сверкающие алмазным блеском облака танцующих атомов, повисших над побережьем.

И эта последняя тонкая линия солдат Акка таяла на глазах. Но они боролись до последнего вздоха, и даже срываясь с крутого обрыва, каждый из них, захватив сколько мог закованных в доспехи муриан, увлекал их за собой в воду.

Я опустил взгляд к подножию обрывистого берега. Вдоль него по всей длине протянулась, мерцая и пульсируя, широкая лента поразительной красоты: там скопилось великое множество переливающихся всеми цветами радуги светящихся лун. Разгораясь все ярче и ярче, становясь все более прекрасными, гигантские полушария медуз пировали, не делая различия между карликами и человекообразными лягушками.

Винноцветные воды огласились торжествующим, победным воплем сторонников Йолары и Лугура!

Но что это? Ярко-красный свет, царивший над этой местностью, как будто ослабевал, становился бледнее, переходя в слабое розовое освещение. Ларри громко вскрикнул, мускулы его окаменевшего лица расслабились, в глазах засветилась смутная надеж-

да. Он показывал на позолоченный купол, в котором сидели Трое... Тут и я увидел!

Из купола шел мощный поток молочно-белого, опалесцирующего излучения, он струился через длинную поперечную щель — ту самую, откуда Молчащие Боги вели наблюдение, откуда им открывался вид на пещеру, мост и страшную бездну под ним. Вытекая наружу могучим водопадом, каскады света быстро распространялись повсюду клубящимся облаком. В нем отчетливо можно было проследить маленькие завихрения и водовороты, свивающиеся жгутом тоненькие струйки мерцающего тумана, похожего на свернувшееся молоко. Опалесцирующий туман окутывал остров густой вуалью, проникая во все укромные уголки, истребляя малиновый свет, как будто какая-то непроницаемая субстанция вытесняла его прочь... но что интересно, при этом нисколько не мешал нам видеть окружающий ландшафт.

— Великий Боже! — шумно выдохнул Ларри. — Вы только поглядите!

Блистающий туман шел... размеренно двигался вдоль колоссального моста. Он распространялся очень быстро и каким-то непередаваемым образом движение его казалось упорядоченным и осмысленным. По ходу продвижения туман окутывал Акка опалесцирующим саваном и двигался дальше, все ближе и ближе подбираясь к тому месту, где засели люди Йолары.

Шеренги солдат Сияющего Бога почти непрерывно озарялись вспышками зеленого огня, нацеленными на жилище Богов. Но едва лишь достигнув стены опалесцирующего тумана, зеленый луч бледнел, пропадал из глаз. Все это выглядело так, будто, вобрав в себя луч, мерцающая дымка растворяла напрочь смертоносный огонь.

Лакла глубоко вздохнула.

— Да простят мне Молчащие Боги, что я усомнилась в них, — тихо прошептала она.

И робкая надежда, так же как это произошло недавно с Ларри, расцвела на ее лице.

Лягушкообразные одерживали победу. Защищенные туманом, как доспехами, они уже оттеснили назад захватчиков, обосновавшихся в самом начале моста. Снова началось столпотворение на концах изогнутого полумесяцем берега моря, туда подбегали, вытесняя карликов, свежие силы отрядов Нака. А на подмогу тем, кто удерживал позиции на огромном пролете моста, спешили лягушкообразные, сидевшие до поры до времени в садах под нами. Они стекались сейчас обратно в замок и оттуда, через открытые золотые ворота, с гулким уханьем бежали по мосту.

— Ага, всыпали вам, — орал Ларри. — Получили?

Я и не заметил, как в руках у него оказался пистолет — так быстро это произошло... Один за другим затрещали выстрелы. Радор стремительным прыжком бросился к узкой тропинке, ведущей к месту, где мы находились, и, обнажив меч, встал там. Олаф с дикими воплями бросился за ним, вращая над головой своей страшенной дубиной. Я тоже быстренько достал свое оружие.

По тропинке бежало десятка два лугуровских приспешников, а внизу раздавался рев самого Лугура:

— Быстрей! Служительницу и ее любовника взять живьем! Тащите их сюда. Быстрей! Остальным — никакой пощады!

Служительница, побежав было к Ларри, остановилась и пронзительно свистнула — раз, другой... У Ларри кончилась обойма, но когда толпа карликов навалилась на него, мне удалось уложить парочку из своего пистолета. Ах, черт — осечка! Что-то заело курок... я не мог больше стрелять. Я бросился на

помощь Ларри. Радор барахтался на земле, погребенный под грудой навалившихся на него карликов. Олаф — викинг древних времен! — крутил без остановки свою палицу, нанося сокрушительные удары куда попало, трещали кости, латы...

Ларри упал. Лакла, словно птица, бросилась к нему. Но наш северянин, истекая кровью, струившейся из многочисленных ран, заметив мельком ее движение, протянул свою могучую руку и рывком отправил ее назад, так что Лакла даже завертелась на месте, и затем принялся дубасить по черепам карликов, пытавшихся утянуть Ларри вниз по тропинке, раскалывая их как орехи своей жуткой кувалдой.

Лакла громко закричала... карлики, схватив ее, подняли на руки, не взирая на то, что она отчаянно сопротивлялась, и понесли вниз. Одного из них мне удалось примочить рукояткой своего бесполезного пистолета, но кто-то сзади набросился на меня, и я рухнул наземь.

Сквозь шум и суматоху драки я услышал приближающееся громкое уханье Акка — звуки раздавались все ближе и ближе; где-то, совсем рядом, дико ревел Лугур. Я сделал попытку освободиться, напрягаясь из последних сил, вытащил одну руку и вцепился в горло пытавшегося убить меня солдата. Внезапно я нащупал его кинжал и, повернув острие, глубоко вонзил его в горло врага. Пошатываясь, встал на ноги.

О'Киф, прикрывая Лаклу, один отбивался длинным мечом от полудюжины лугуровских головорезов. Кинувшись ему на помощь, я споткнулся обо что-то и, не удержавшись на ногах, кувырком полетел на землю, сильно ударившись головой. Все поплыло у меня перед глазами. Справившись с головокружением, я приподнялся, опираясь на локоть, и замер в остолбенении...

Вокруг лежали вповалку одни мертвые тела карликов. Над ними, так же как и я, изумленно вытаращив глаза, возвышался Ларри, крепко прижимая к себе Лаклу. В начале тропинки стояли, громко ухая, Акка, послушно явившиеся — как я понял, на призыв Лаклы.

Поистине необыкновенное зрелище, приковавшее к себе наши взгляды, являли собой сейчас Олаф — весь залитый алой кровью, и Лугур, в своих кроваво-красных доспехах. Обхватив друг друга мускулистыми руками, так, что казалось, вот-вот лопнут толстые как веревки вены, с налитыми кровью, вылезающими из орбит глазами, они медленно кружились, покачиваясь, на маленьком пятачке перед амбразурой в скале.

Я пополз на четвереньках к О'Кифу. Он поднял пистолет... опустил с досадой его снова.

— Ничего не выйдет, — прошептал он. — Этого гада нельзя прихлопнуть, не задев Олафа.

Лакла сделала знак своим Акка. Они медленно двинулись, направляясь к борющейся паре. Но Олаф, заметив их действия, разорвал кольцо лугуровских рук, и с такой силой швырнул его на землю, что тот волчком завертелся у ног гиганта.

— Нет! — взревел норвежец, льдинки светло-голубых глаз сверкали, как замерзшее пламя; кровь струилась у него по лицу и капала с рук на землю. — Нет! Лугур мой! Только я могу убить его! Эй, ты — Лугур... — и он стал поносить последними словами и Лугура, и Йолару, и самого Сияющего Бога... я не решаюсь осквернить ваш слух этими ругательствами.

Лугур как ошпаренный вскочил на ноги. Лицо у него сделалось таким же обезумевшим, как у Олафа. Рыча от ярости, красный карлик прыгнул на норвежца. Олаф нанес ему удар, от которого обычный человек свалился бы замертво, но Лугур только крякнул, по-

шатнулся и обхватил Олафа за талию. Одна мускулистая рука осторожно поползла к горлу Олафа.

— Берегись, Олаф! — крикнул О'Киф — но Олаф будто не слышал. Он спокойно выждал, пока рука красного карлика не оказалась у него на уровне плеч, и затем... невероятно быстрым движением — нечто подобное мне довелось как-то видеть, наблюдая борьбу между двумя папуасцами, — он скрутил Лугура пополам. Он скрутил его так, что правая рука Олафа легла поперек широченной груди карлика, а левая — позади его шеи. Левой ногой Олаф точно тисками сдавил закованное в броню бедро соперника, прижав его к правому колену, в то время как поясница красного карлика оказалась лежащей на этом колене.

Секунду или две северянин смотрел сверху вниз в глаза своего противника — красный карлик не мог пошевелить ни рукой ни ногой. А затем... не торопясь, он стал ломать ему спину. Слабо вскрикнув, Лакла дернулась в их сторону, но О'Киф удержал ее, прижав голову девушки к своей груди, так, чтобы она ничего не видела. Сам же Ларри с побелевшим лицом стоял как вкопанный, не отрывая от них сурового взгляда.

Медленно, очень медленно проделывал все это Олаф. Дважды Лугур застонал. А в самом конце он закричал... страшно закричал. Раздался сухой треск, как будто переломилась палка.

Какое-то время Олаф стоял молча. Потом подобрал с земли обмякшее тело прорицателя Сияющего Бога, еще живого, потому что глаза у него вращались, а губы шевелились, точно он пытался что-то сказать, — поднял его вверх над головой, подошел к парапету, размахнулся дважды и бросил тело в красные воды.

ГЛАВА 34

ПРИХОД СИЯЮЩЕГО БОГА

Норвежец обернулся к нам. Мир и покой снизошли на него. Никаких следов безумия на просветленном лице — только в глазах светилась бесконечная скорбь и усталость.

— Хельма, — шептал он, — немного осталось нам быть в разлуке. Скоро ты придешь ко мне и Yndling... она так давно ждет тебя. Хельма, mine liebe!

Кровь хлынула у него изо рта, он покачнулся. Упал. И умер Олаф Халдриксон.

Мы стояли, глядя на бездыханное тело. Ни Лакла, ни Ларри, ни я сам не пытались скрыть своих слез. И пока мы стояли над телом нашего друга, Акка принесли нам другого отважного бойца — Радора. Но жизнь еще теплилась в нем и мы, стараясь сделать все, что можно, захлопотали около него.

Неожиданно заговорила Лакла.

— Лучше давайте отнесем Радора в замок. Там мы сможем устроить его поудобнее, — сказала она. — Потому что... Вот, послушайте! Войска Йолары разбиты наголову, они бежали, и Нак идет по мосту, чтобы сообщить нам это радостное известие.

Перегнувшись через парапет, мы посмотрели вниз. Так все и было, как она сказала. Ни на дальнем побережье, ни на самом мосту не было видно ни одного живого мурианина, — одни лишь горы трупов лежали повсюду... да густая искрящаяся пелена повисла в воздухе, закрывая устье пещеры. Там все еще плясали, вспыхивая, рассыпавшиеся на мельчайшие частицы тела погибших от зеленых лучей.

— Кончено! — хрипло сказал Ларри, не веря своим глазам. — А мы живы, сердечко мое!

— Молчащие Боги отзывают назад свою вуаль, — сказала Лакла, указывая на купол замка.

Опалесцирующий туман струился в узкую оконную щель, отступая обратно. Он стягивался отовсюду, собираясь с моря и острова, двигаясь тем же странным образом, что и раньше — упорядоченно и осмысленно — назад по мосту. Сзади его поджимала стена красного света, словно густая толпа лучников следовала по пятам за отступающей армией.

— И все же, — запинаясь, начала Лакла, когда мы вошли в ее комнату, и легкое сомнение засветилось в ее чудных глазах, когда она обернулась к Ларри.

— Да, что-то и мне слабо верится, — сказал он, — что они не припасли нам еще какого-нибудь подарочка.

Что это за странный звук раздался в комнате, такой слабый, что ухо едва улавливало его?

Сердце у меня в груди громко стукнуло и замерло... казалось, навсегда. Что это за звуки... раздаются все громче и громче? Вот уже и Лакла с О'Кифом улышали их, они стояли, онемев, с побелевшими лицами, с обескровленными губами.

Ближе... все ближе звучала музыка. Казалось, это перезваниваются мириады крошечных хрустальных колокольчиков. Они звенели, звенели... и вот уже настоящая буря острых отрывистых звуков, как будто кто-то мастерски исполнял пиццикато на стеклянной скрипке, обрушилась на нас! Ближе, все ближе... звучал перезвон колокольчиков, но не было в нем ни манящей сладости, ни томительного влечения, нет... яростно, гневно и так зловеще, что невозможно

выразить словами, звучали они, стремительно надвигаясь на нас... все ближе и ближе...

Двеллер! Сияющий Бог!

Мы бросились к узкой оконной щели, выглянули наружу и замерли, пораженные ужасом. Звон колокольчиков охватил нас со всех сторон, словно ураганный ветер. Изогнутый полумесяц дальнего берега моря снова пришел в движение. Акка летели, отброшенные назад, как будто какая-то огромная метла чистила берег; пытаясь удержаться на ногах, они некоторое время стояли, покачиваясь, на краю обрыва, и падали в воду. Очень быстро с ними все было кончено, и место, где они только что одержали победу, заполнили кружившиеся неторопливыми хороводами страшные фигуры, одетые в жалкие лохмотья или совершенно голые. Покачиваясь, они замедленными шагами двигались вперед, судорожно дергая руками... Марионетки Сатаны!

Живые мертвецы! Рабы Двеллера!

Покачиваясь и подергиваясь, они медленно заполняли побережье, и вдруг — словно вода, прорвавшая плотину, толпа неудержимо хлынула на мост. Снова и снова они накатывали на оборонительные валы, перегораживающие начало моста, подобно высоким приливным волнам, захлестывая каменные насыпи. Лягушкообразные пытались сдержать их натиск, колотя дубинами, пронзая пиками, терзая острыми зубами. Но даже самые страшные удары, казалось, не причиняли им никакого вреда. Они отступали назад и снова бросались на барьер, неуклонно продвигаясь вперед... живой таран из плоти и костей.

Они врезались в толпу Акка, рассекая ее на части, прижимали лягушкообразных к краю моста и сбрасывали их в воду. Сметая все на своем пути, живые мертвецы загоняли Акка в открытые ворота, ибо не

было им другого пути и не было никакой возможности противостоять этой неумолимо надвигающейся лавине тел.

Те Акка, что еще оставались на мосту, повернулись спиной и побежали. Мы услышали, как громко щелкнули золотые створки ворот, и довольно скоро послышался ритмичный звук, напоминающий биение волн о скалистый берег, — в них ударились первые ряды страшных орд Двеллера.

Начиная от самого края пещеры и во всю длину огромного моста все пространство заполняли одни только живые мертвецы: мужчины и женщины, смуглолицые, черноволосые ладала, малайцы с продолговатыми как маслины глазами, раскосые китайцы, люди всех рас и народов, которые когда-либо выходили в море... сбившись в кучу, они беспорядочно кружились, покачиваясь и поворачиваясь, словно опавшие листья, медленно увлекаемые дуновением ветра.

Нотки перезванивающихся колокольчиков звучали все острее, все настойчивее. У самого устья пещеры начало разгораться слабое свечение... Крохотные искринки бриллиантовой пыли заметались в лучезарном блеске, словно пытались спастись бегством. По мере того как разгоралось сияние и все ближе подступала буря хрустального звона, в один и тот же миг все головы в этой вызывающей ужас и отвращение толпе начали медленно, с натугой, как будто открывалась заржавленная дверь, поворачиваться направо, обращаясь лицами к дальнему концу моста. Каждая пара глаз как прикованная смотрела туда, на каждом лице застыла нечеловеческая маска ужаса и восторга.

По толпе пробежало волнение. Стоявшие в центре стали сначала потихоньку, потом все быстрее и бы-

стрее отступать назад и, сгрудившись по краям, замирали неподвижно. Толпа отхлынула назад, так что от самых Золотых Ворот до устья пещеры протянулась широкая аллея, обрамленная с обеих сторон плотной стеной живых мертвецов.

Рассеянное свечение становилось все ярче, стягиваясь у дальнего конца страшной аллеи. Оно искрилось и пульсировало, резко вспыхивая многоцветными огнями. Звон хрустальных колокольчиков, впиваясь в уши бессчетным количеством крошечных иголочек, сделался невыносимым, все ярче становился ослепительный свет.

Из пещеры в вихре света и звона явился Сияющий Бог!

Двеллер остановился. Казалось, он в какой-то нерешительности обозревает остров Молчащих Богов. Затем медленно и неуклонно он поплыл по мосту. Он приближался к нам. Следом за ним, крадучись, шествовала Йолара во главе целой своры своих карликов, и рядом с ней находилась та старая карга из Совета, чье лицо казалось мне иссохшим, обезображенным отражением лица жрицы Сияющего Бога.

Чем ближе подплывал к нам Двеллер, тем медленнее он двигался. В самом ли деле я чувствовал в нем неуверенность? Казалось, что сомнение, одолевающее его, отразилось на невидимых музыкантах, сопровождающих Двеллера, чья хрустальная музыка служила для него языком: звуки становились все неуверенней, все менее настойчивыми — более того, в них явственно появился оттенок тревоги и настороженности.

И все-таки Сияющий Бог по-прежнему шел вперед, пока не остановился прямо под нами, рыская по сторонам своими глазищами — огромными дырами, через которые он вбирал в себя все увиденное им в

других незнакомых нам мирах. Он разглядывал Золотые Ворота, поверхность утесов, округлую громаду замка... и внимательно, очень внимательно глядел Двеллер на купол, в котором сидели Трое.

Живые мертвецы, стоявшие за ним, повернули вслед ему свои лица. А у тех, кто оказались рядом, тела трепетали, словно флаги на ветру, мерцая отраженным от этой твари светом.

Йолара подошла поближе к Двеллеру — только-только, чтобы не попасть в пределы досягаемости его спиралей. Она что-то тихо промурлыкала... и Двеллер склонился к ней: семь маленьких лун неподвижно застыли в его сияющей дымчатой вуали, как будто он прислушивался. Он снова выпрямился, продолжая с тем же сомневающимся видом испытующе оглядывать остров.

У Йолары потемнело лицо. Резко обернувшись, она что-то сказала капитану своих стражников. Карлик бегом бросился назад между выстроившимися вдоль аллеи живыми мертвецами.

— Эй вы, Трое! Ваша песенка спета! — закричала что было мочи жрица.

Голос ее прозвучал словно сигнал серебряного рожка.

— Сияющий Бог стоит у ваших дверей и требует, чтобы его впустили. Ваши уроды все перебиты, и сила ваша кончилась. Кто вы такие, говорит Сияющий Бог, чтобы отказывать ему в праве войти в это место, где он родился?

— А, молчите, — снова закричала она, — не отвечаете! Но мы знаем, что вы все слышите! Сияющий Бог предлагает вам сделку: вышлите вперед вашу служительницу и этого лживого чужестранца, которого она похитила... и тогда, может быть, вы оста-

нетесь в живых. Но если вы не выдадите их нам — тогда вы умрете... и очень скоро!

Мы молча ждали. Йолара тоже... и снова от Трех Богов не последовало никакого ответа.

Жрица злобно рассмеялась. Засверкали голубые глаза.

— Пора кончать! — крикнула она. — Не хотите открывать — не надо. Мы это сделаем за вас.

По мосту с топотом двинулась длинная колонна карликов, построенных в два ряда. Они несли гладко обструганный и снабженный ручками ствол дерева, передний конец которого завершался огромных размеров металлическим шаром. Они пронесли бревно мимо жрицы, мимо Сияющего Бога, направляясь к воротам. С каждой стороны таран поддерживало не меньше пятидесяти человек; и позади всех шагал... Маракинов!

Ларри очнулся.

— Слава те Господи! — хрипло вздохнул он. — Ну наконец-то я доберусь до этого дьявола!

Он вытащил пистолет, тщательно прицелился. В тот самый миг, когда он нажал на курок, чудовищный грохот прокатился по замку, сотрясая его до самого основания. О'Киф промахнулся. Русский, должно быть, услышал звук выстрела, а может быть, пуля пролетела ближе, чем мы думали. Во всяком случае, он быстро скакнул за спины карликов и больше уж не показывался нам на глаза.

Еще раз грохот треска и лязг металла разнеслись по замку.

Лакла выпрямилась; сейчас на ее лице появилось знакомое мне выражение отчужденности, она прислушивалась к чему-то. Она торжественно наклонила голову.

— Пришло наше время, о моя любовь! — Она повернулась к О'Кифу.

— Молчащие Боги говорят, что путь страха закрыт, но зато открыта дорога любви. Они призывают нас сдержать свое обещание.

Сердце билось у меня в груди, отсчитывая секунды, пока они стояли, прильнув друг к другу... прижавшись телами... слившись в поцелуе. Внизу все сильнее становился грохот и лязг, огромный ствол дерева в нарастающем темпе колотил по металлическим воротам. Наконец Лакла мягко освободилась от рук О'Кифа, и еще одно мгновение, показавшееся мне вечностью, они смотрели друг другу в глаза, а казалось, что — в самую душу.

Служительница улыбнулась дрожащими губами.

— Мне бы очень хотелось, чтобы все сложилось иначе, Ларри, милый, — прошептала она. — Но ничего не поделаешь... Самое главное — я ведь пойду вместе с тобой, с тем, кто мне всего дороже!

Она подбежала к окну.

— Йолара! — мелодично пропел золотой голосок.

Бряцанье стихло.

— Убери своих людей. Мы сами откроем ворота и выйдем к тебе и Сияющему Богу — Ларри и я.

Переливчато прозвенел серебряный смех жрицы... жестоко, с издевкой.

— Идите же, да побыстрей! — глумясь, воскликнула она притворно ласковым голосом. — Вы даже не представляете, с каким нетерпением вас тут ждет Сияющий Бог, да и я сама.

Опять задребезжал ее смех, так и брызжущий ядовитой злобой.

— О, не заставляйте нас долго томиться, — насмехалась жрица.

Ларри, глубоко вздохнув, протянул мне обе руки.

— Ну что, док, — сказал он напряженным голосом, — похоже, мы больше не увидимся. Прощайте и будьте счастливы, дружище. Если вам удастся выбраться отсюда и у вас будет желание сделать что-то для меня — дайте знать на эту старую калошу «Дельфин», куда я подевался. Ну, держитесь, приятель... не забывайте никогда вашего О'Кифа, и знайте, что он полюбил вас как брата!

Охваченный несказанным горем, я в отчаянии сжал его руку. И тут вдруг... одна неожиданная мысль пришла мне в голову, пролив бальзам на мое израненное сердце.

— Подожди прощаться, Ларри, — воскликнул я. — Может, еще не все потеряно. Баньши-то не кричала!

Робкая неуверенная надежда вспыхнула у него на лице, и Ларри вдруг засиял своей бесшабашной улыбкой.

— И верно, — сказал он. — Видит Бог, так оно и есть!

Вдруг Лакла наклонилась ко мне и во второй раз я почувствовал на щеке прикосновение ее губ.

— Пойдем, — сказала она Ларри.

Рука об руку они двинулись по коридору, ведущему к наружным воротам, туда, где их поджидали Сияющий Бог со своей жрицей.

Я потихоньку крался за ними следом, до глубины души преклоняясь перед их любовью и готовностью принести себя в жертву. Они не видели меня. Еще раньше я твердо положил себе, что уж коли суждено будет моим новым друзьям отправиться в объятия Двеллера — они не пойдут туда одни.

Ларри и Лакла остановились перед Золотыми Воротами; служительница подняла рычаг, запирающий дверь, и массивные золотые створки откатились назад.

Гордо и безмятежно неся высоко поднятые головы, они вышли за ворота и остановились в начале моста. Я последовал за ними.

Со всех сторон нас окружали рабы Двеллера, повернувшие неподвижные лица к своему хозяину. А в каких-нибудь ста футах от нас стоял сам Сияющий Бог, вертясь и пульсируя, во всем дьявольском великолепии своих сверкающих султанов и спиралей.

Не медля и не колеблясь, не потеряв ни на миг своего безмятежного спокойствия, взявшись за руки как маленькие дети, Ларри и Лакла пошли к этой страшной фигуре. Я не мог видеть их лиц, но зато я прекрасно видел, как на лицах наблюдающих за тем, как они шли, карликов появился страх, а в горящие глаза Йолары закрались неуверенность и сомнение. Все ближе и ближе подходили они к Двеллеру, и все ближе подходил к нему я, двигаясь за ними по пятам. Сияющий Бог перестал вертеться... звяканье колокольчиков стало слабее, почти смолкло. С каким-то беспокойством и опаской, казалось, он наблюдает за ними.

Внезапно наступила тишина... невыразимо зловещая, мрачная и гнетущая. Сейчас эти двое стояли лицом к лицу с дитятей Трех Богов... они подошли так близко, что он мог без труда ухватить их своими призрачными щупальцами.

Но Сияющий Бог отступил назад!

Да-да! Он отступил назад... и вместе с ним отступила Йолара, и сомнение в ее глазах сделалось еще сильнее. Неторопливо, шаг за шагом ступали служительница и О'Киф, и шаг за шагом пятился назад Двеллер; они подходили, а он отступал назад, снова затрезвонили его колокольчики, но теперь звучали они удивленно, вопрошающе... и, пожалуй — боязливо.

Так пятился и пятился он назад до тех пор, пока не оказался в самом центре того, похожего на небольшую площадь помоста, перекрывавшего ужасную бездну, в глубине которой полыхало пульсирующее зеленое пламя земного сердца. И здесь Йолара опомнилась и закричала. Вся дьявольская злоба, питавшая ее душу, выплеснулась наружу в этом крике. Она дико завизжала, безобразно искривив губы.

Сияющий Бог, словно получив сигнал, запылал ярким пламенем, с бешеной скоростью завертелись его спирали и закрутились мерцающие вихри света; пульсирующее ядро вспыхнуло нестерпимым блеском. Десятка два сверкающих щупалец разом устремились вперед, нацелившись на идущую к нему пару. Мужчина и девушка стояли, без малейшего трепета или сопротивления ожидая, когда он схватит их в свои объятия. И я, затаившись позади них, тоже ждал прикосновения Двеллера.

Мощная волна экзальтации обрушилась на меня. Ну вот и все, подумал я, приготовившись принять ужасный конец.

Что-то поволокло нас назад, с невероятной быстротой, и в то же время необыкновенно мягко и ласково, словно летний ветерок, уносящий пушинки одуванчика. Какая-то неведомая сила, когда туманные руки Двеллера были уже на волосок от наших тел, потащила нас назад. Я слышал, как яростно запротестовали его колокольчики, взорвавшись гневной бурей; слышал визг Йолары.

Что же случилось?

Между нами и Двеллером образовалось кольцо клубящегося лунного огня. Взвихрившись вокруг Сияющего Бога и его жрицы, он сжимал их в своих тисках, окутывал своим туманом.

И внутри этого тумана я мельком разглядел лица Троицы: скорбные, непреклонные, преисполненные сверхъестественной силой и мощью.

Искры и вспышки белого пламени, как молнии, вылетали из туманного кольца, пронзая насквозь блистающую оболочку Двеллера, ударяли в его пульсирующее ядро, впивались в семь увенчивающих его голову шаров.

И вот постепенно начало тускнеть яркое свечение Сияющего Бога, угасали семь его лун, тончайшие сверкающие нити, что бежали от них к телу Двеллера, лопались и исчезали! Окутанное клубами сражающихся туманностей выплыло лицо Йолары — искаженное ужасом, отвратительное и нечеловеческое!

Оцепеневшие тела рабов Двеллера зашевелились, живые мертвецы тряслись и извивались в корчах, как будто каждый из них разделял мучения этой Твари, овладевшей их телами и душами. Свечение тумана, который исполнял волю Троих Богов, становилось все более насыщенным и интенсивным, туман густел, казалось, что он неудержимо распространяется во все стороны. Внезапно внутри него замелькали десятки пылающих как угли треугольников: множество глаз, как две капли воды похожих на глаза самих Молчащих Богов.

А семь маленьких разноцветных лун Сияющего Бога: янтарная, серебряная, голубая и аметистовая, зеленая и розовая и еще одна — белая, все они вдруг стали покрываться трещинами, раскалываясь на мелкие кусочки, и скоро не осталось от них даже следа! Резко смолк отчаянный звон словно вопящих о нестерпимой боли хрустальных колокольчиков.

Меркла на глазах ошеломляющая красота умирающего существа: покрывалась грязными пятнами и

тускнела, становясь похожей на рубище нищего, его сверкающая вуаль, поникли, увядая, огненные султаны перьев, отваливались и расползались танцующие щупальца и спирали... То, что еще осталось от Сияющего Бога, обвилось вокруг Йолары и втянуло ее внутрь себя. Корчась и покачиваясь, оно стояло на краю моста и вдруг бросилось... само кинулось вниз... прямо в зеленый огонь, бушующий на дне невообразимой бездны... упало и утащило вниз вместе с собой запутавшуюся в его кольцах и петлях жрицу.

Карлики, до этого оцепенело следившие за жутким зрелищем, дико завизжали, охваченные паническим страхом. Они повернулись и пустились наутек, с бешеной скоростью устремившись через мост к выходу из пещеры.

Тряслись и раскачивались тесные ряды живых мертвецов. Постепенно разглаживались и прояснялись их лица, искаженные ужасным выражением страха, смешанного с восторгом. Мир и покой пришли к ним.

И так же постепенно, напоминая поле пшеницы под порывом внезапно налетевшего ветра, один за другим стали валиться на землю ряды рабов Двеллера. Живых мертвецов больше не существовало — смерть приняла их в свои благословенные объятия, избавив от страшного рабства и тела и души несчастных.

Внезапно скопище треугольных глаз, роившихся в сверкающей дымке, пропало. Одни только головы Молчащих Богов смутно маячили в клубах густого тумана. И вдруг они надвинулись на нас... странные удивительные лица оказались совсем близко прямо перед нами. Черные, как ночь, очи уже не пылали как раньше огнем, — нет, погасли вспыхивающие огни, залитые огромными каплями слез, струивши-

мися по белым мраморным лицам. Склонив над нами головы, Молчащие Боги окутали нас блистающим туманом. Свет померк у меня в глазах. Я ничего не мог разглядеть. Я лишь почувствовал, как чья-то рука нежно легла мне на голову... и весь панический страх, леденящий ужас пережитого кошмара слетел с меня, точно дурной сон.

Затем и они ушли.

У Ларри на груди безудержно рыдала служительница, рыдала так, словно сердце у нее разрывалось на части... И все же это были слезы радости — лишь тот, кому довелось пережить подобное — от самого порога преисподней вдруг воспарить к райским высотам, — способен понять эти слезы.

ГЛАВА 35

ЛАРРИ, ПРОЩАЙ!

— Ларри, счастье мое... — журчал золотой голосок. — Сердце у меня словно птица, что вылетела на волю из гнезда скорби...

Мы прошагали уже весь мост почти до самого конца, одни гвардейцы Акка шагали рядом с нами, другие следовали сзади в сопровождении «ладала», которые примчались нам на помощь; впереди мягко покачивался в носилках Радор, забинтованный с ног до головы; рядом с ним, в других носилках, лежал Нак — король лягушкообразных, мало чем напоминающий того грозного исполина, которым он был в начале битвы, но тем не менее живой.

Прошло уже немало часов после всех описанных мною ужасных событий. Сейчас ближайшей моей задачей было разыскать Трокмартина и его жену среди огромного множества тел, густым слоем, словно осенние опавшие листья, устилавших всю каменную арку, парящую над морем, весь обрывистый берег, выход из пещеры и дальше, — так далеко, насколько хватал глаз, простирался ковер из мертвых тел.

Наконец с помощью Ларри и Лаклы я отыскал их. Трокмартин и Эдит лежали почти у самого конца моста, неразлучные, как и прежде. Они крепко держались за руки, обратив друг к другу бледные лица, волосы женщины струились по груди мужчины! Можно было подумать, что когда ушла сверхъестественная жизнь, которую Двеллер вдохнул в них, на одно краткое, на одно быстротечное мгновение вернулась их настоящая жизнь, и они узнали друг

друга... узнали и соединили руки, прежде чем милосердная смерть взяла их к себе.

— Любовь сильнее всего на свете...

Служительница тихо роняла слезы, склонившись над ними.

— Любовь никогда не оставляла их. Любовь сильнее Сияющего Бога. Вся злобная сила этого Бога ушла навсегда, а любовь не оставила их, и не оставит никогда, куда бы ни пошли их души.

Стентона же и Тору найти не удалось, да по правде говоря, после того, как мы нашли моего друга и его жену, я уже не хотел больше никого искать. Они умерли — и они стали свободны.

Мы похоронили Трокмартина и Эдит рядом с Олафом в садике Лаклы, разбитом на террасе. Но прежде чем тело моего старого друга приняла в себя могила, с печалью в сердце я тщательно обследовал его. Кожа была необыкновенно гладкая и упругая, но очень холодная, и это не был холод смерти, нет — руки мои задрожали от какого-то странного озноба, и когда я прикоснулся к телу Трокмартина, я почувствовал неприятное покалывание в пальцах. Тело казалось совершенно обескровленным: расположение вен и артерий едва можно было угадать по слабо намеченным белым прожилкам, как будто стенки сосудов давно слиплись. Губы, рот, даже язык — все было белым, как бумага. И я не заметил ни малейших следов разложения, известных нам — ни одного темного пятнышка на белом, как мрамор, теле. Что бы ни представляла из себя та животворящая сила, которая исходила от Двеллера или наполняла его жилище, заряжая энергией живых мертвецов, она заодно предохраняла тела от разложения — это было совершенно очевидно.

Но для действия яда гигантских медуз она не являлась препятствием, ибо, как только мы покончили со своим грустным делом, посмотрев вниз, на винноцветные воды, я увидел, как бледные тела бывших рабов Двеллера, плавающих там, исчезают, претворяясь в постоянно меняющее цвета великолепие разноцветных лун, на всех парах спешащих сюда со всего огромного пространства Винноцветного Моря.

В то время как все человекообразные лягушки, собравшиеся здесь от самых отдаленных лесных уголков, очищали мост и обрывистый берег пещеры, вынося покойников на носилках и сбрасывая их в воду, мы слушали вожака «ладала».

Они восстали, как и обещал их посланник Радору. «Ладала» сражались, не щадя ни себя, ни противника, с тем гарнизоном, который Йолара и Лугур оставили для охраны своего города-сада у Серебряных вод. Произошла кровавая бойня, в результате которой вырезали почти всех светловолосых. Вот такие страшные плоды принесла та ненависть, которую взращивали так долго высокорожденные господа. Не без некоторого сожаления я подумал о том, что эта же участь постигла и всех сказочно прекрасных, веселых и коварных красавиц, живших в городе... ну что ж, как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Древний город Лоры превратился в морг. Из всех правителей города едва ли двум десяткам удалось спастись бегством, да и те спрятались в таких опасных и неприспособленных для жизни местах, что называть их убежищем было бы просто насмешкой. Но и «ладала» тоже дорого заплатили за победу. Из всех мужчин и женщин города — ибо женщины наравне с мужчинами приняли участие во внезапно вспыхнувшей войне — едва ли десятая часть осталась в живых.

А светящиеся пылинки, танцующие в воздухе, стали еще гуще, еще плотнее... грустно шептали «ладала»!

Они рассказали нам о том, как вырвался из-за своей Вуали, словно комета, Сияющий Бог, и как неистово устремились следом за ним его войска, ряды живых мертвецов шли один за другим, и казалось, что им не будет конца.

Рассказывали они и о том, как перерезали всех жрецов и жриц, обитавших в храме с семью террасами, и о том, как вспыхнули сигнальные огни, зажженные невидимыми руками, и вслед за этим разодралась на клочки радужная завеса, а потом страшное землетрясение сотрясло светящиеся скалы. Еще они рассказали о том, как исчез под завалом обломков вход в потайное место, в котором томились в рабстве орды Сияющего Бога... и запечатал наглухо вход в его логово.

Затем, когда они утолили свою ненависть, и бурлящая Лора немного успокоилась, окрыленные победой «ладала», захватив в свои руки оружие тех, кого они убили, подняли Теневую Завесу, прошли через Портал и встретили бегущие остатки йоларовских войск... тут-то и встретили они свою кончину.

Но Маракинова они нигде не видели! Неужели русскому удалось улизнуть, недоумевал я, или же он остался лежать среди мертвых на поле брани? Сейчас «ладала» пришли звать к себе Лаклу, уговаривая ее взять на себя управление их народом.

— Ларри, милый, я не хочу, — сказала она ирландцу. — Я хочу уйти отсюда и пойти с тобой в Ирландию. Но, может быть, на некоторое время нам надо задержаться — мне кажется, что Трое Богов хотели бы того, — сказала Лакла, — и навести порядок здесь.

Но Ларри сейчас волновала не проблема управления Мурией, а нечто совсем другое.

— С ума сойти, они перебили всех своих жрецов! Кто же тогда поженит нас, сердечко мое? — терзался он. — Нужен ведь какой-то обряд, хотя бы тот, что устраивают в честь Сийя и Сийаны, — необдуманно ляпнул он.

— Пожениться! — не веря своим ушам воскликнула служительница. — Пожениться нам? Но, Ларри, ведь мы уже женаты!

У О'Кифа сделался такой вид, словно его вот-вот хватит удар: глаза вылезли на лоб, челюсть отвисла.

— Как? — просипел он, заикаясь. — Когда?

Вид у него был преглупый.

— Ну как же; когда Мать призвала нас к себе, и мы вместе стояли перед ней, когда она положила нам руки на головы... после того, как мы дали обещание. Ты разве ничего не понял? — с неописуемым изумлением спросила служительница.

Ларри пристально посмотрел ей в глаза, в чистые ясные золотые глаза, в ее чистую ясную душу, что отражалась сейчас в них. Ларри сник. Любовь и нежность преобразили его суровое энергичное лицо.

— И тебе этого достаточно, mavourneen? — смиренным голосом прошептал он.

— Достаточно? — изумлению служительницы не было предела, она ничего не понимала. — Ну, конечно, достаточно. Ларри, милый, что же больше мы могли просить у нее?

Глубоко вздохнув, он прижал ее к себе.

— Поцелуйте новобрачную, док! — крикнул О'Киф.

И вот в третий и — ах, с какой болью в душе я говорю это! — в последний раз Лакла, вспыхнув румянцем и играя ямочками на щеках, наклонилась

ко мне. И сердце забилось у меня в груди, как птица, от прикосновения ее мягких сладостных губок.

Скоро все приготовления к нашему отбытию были завершены. Радор к этому времени окончательно оправился от ран, могучее здоровье карлика помогло ему быстро встать на ноги. Он намеревался возглавить наш поход. Когда все было готово, Лакла, Ларри и я отправились к винноцветному камню — двери, ведущей в обитель Трех Богов. Мы, разумеется, прекрасно понимали, что они уже ушли отсюда, несомненно, последовав за своими сородичами — за теми, чьи глаза я разглядел в клубящемся тумане, за теми, кто, появившись из какого-то таинственного места, служившего им домом, пришел на помощь Трем Богам, чтобы соединенными усилиями победить Сияющего Бога.

И мы не ошиблись. Когда громадная плита отошла в сторону, нас уже не встретил, как раньше, мощный поток опалесцирующего сияния. Обширное помещение купола казалось пустым и необитаемым. От изогнутых стен исходил рассеянный свет, но очень слабый, возвышение опустело, исчезла закрывающая его стена сверкающего лунного пламени.

Некоторое время мы стояли, склонив головы в благоговейном молчании с переполненными благодарностью и любовью сердцами... и еще пожалуй — грустью и сожалением, размышляя об этой удивительной Троице, странной и чуждой нам, и все-таки такой близкой и родной, — ведь они, как и мы, хотя и непохожие на нас, были тоже детьми нашей общей Матери-Земли.

Меня, в основном, занимала мысль о том загадочном обещании, которого они добивались от служительницы и Ларри. Странно, думал я, откуда же тогда (если все, что они говорили, было правдой!),

откуда же тогда взяли они силу, чтобы предотвратить жертвоприношение на самом пороге его свершения.

«Любовь сильнее всего на свете!» Так сказала Лакла.

Неужто все, в чем они нуждались, все, что им требовалось, заключалось именно в той силе, которой обладает любовь, в силе, которая присуща воле человека, приносящего себя в жертву, и с помощью этой силы их собственная мощь возросла настолько, что они сумели разрушить это злобное создание, эту великолепную тварь, прежде надежно укрытую щитом их же любви? Может быть сама мысль о самопожертвовании, само намерение добровольно отказаться от всего самого дорогого, что есть у человека, оказалась такой же сильной, как если бы Ларри и Лакла твердо и непоколебимо, отбросив от себя даже слабую тень надежды на спасение, уже совершили все, что обещали, и стали тем ключом, с помощью которого Трое Богов намеревались отпереть наглухо запертую дверь, охраняющую Двеллера, и ударить по его существованию.

Здесь была тайна... великая тайна! Лакла осторожно прикрыла за нами камень винного цвета.

Тайна же появления красного карлика объяснилась очень просто, когда мы обнаружили около полдюжины водяных кориа, пришвартованных к берегу маленькой бухточки недалеко от того места, где Йекта — живые цветы — поблескивали своими рубиновыми головками. Карлики, очевидно, привезли эти шлюпки с собой, и откуда-то из-за дальнего края обрывистого берега, спустив их на воду, они добрались до нас незамеченными, причалили к противоположному краю острова и, рискуя своей жизнью, нанесли нам решительный удар. Что и говорить, при

всем зловредном и коварном нраве Лугура, в храбрости ему нельзя было отказать!

Вся пещера была сплошь устлана телами живых мертвецов, Акка сотнями сгребали их, выносили на носилках и сбрасывали в красные воды. По аллее, вдоль которой двигался Двеллер, мы быстро — насколько это было возможно — прошли к тому месту, где нас ожидали кориа. Прошло немного времени и мы, проехав мимо ворот, между которыми раньше висела Теневая Завеса, проследовали дальше, к сияющим Серебряным Водам.

По настоянию Лаклы мы остановились во дворце Лугура, уж не знаю почему, но она наотрез отказалась идти в жилище Йолары. И там, в одной из комнат, украшенной колоннами и более похожей на праздничную залу, нам прислуживали девушки черноволосого народа. Лица их весело сияли, и больше не было ни тени страха или печали в их озорных глазках.

Вдруг меня одолело нестерпимое желание своими глазами посмотреть на разрушительные изменения, постигшие логово Двеллера, о которых нам рассказали «ладала». Мне хотелось убедиться, нет ли хоть какой-нибудь возможности отыскать вход туда, чтобы исследовать его тайны.

Я неуверенно высказал свои пожелания служительнице и О'Кифу. К моему удивлению, они поспешно согласились составить мне компанию, почему-то смущенно переглядываясь между собой.

— Конечно, пошли прогуляемся, — вскричал Ларри, — до наступления ночи у нас еще куча времени.

Хлопнув себя по лбу, он бросил украдкой взгляд на Лаклу.

— Ах ты, черт... я и забыл, что тут не бывает ночи, — пробормотал он.

— О чем ты, Ларри? — удивленно спросила она.

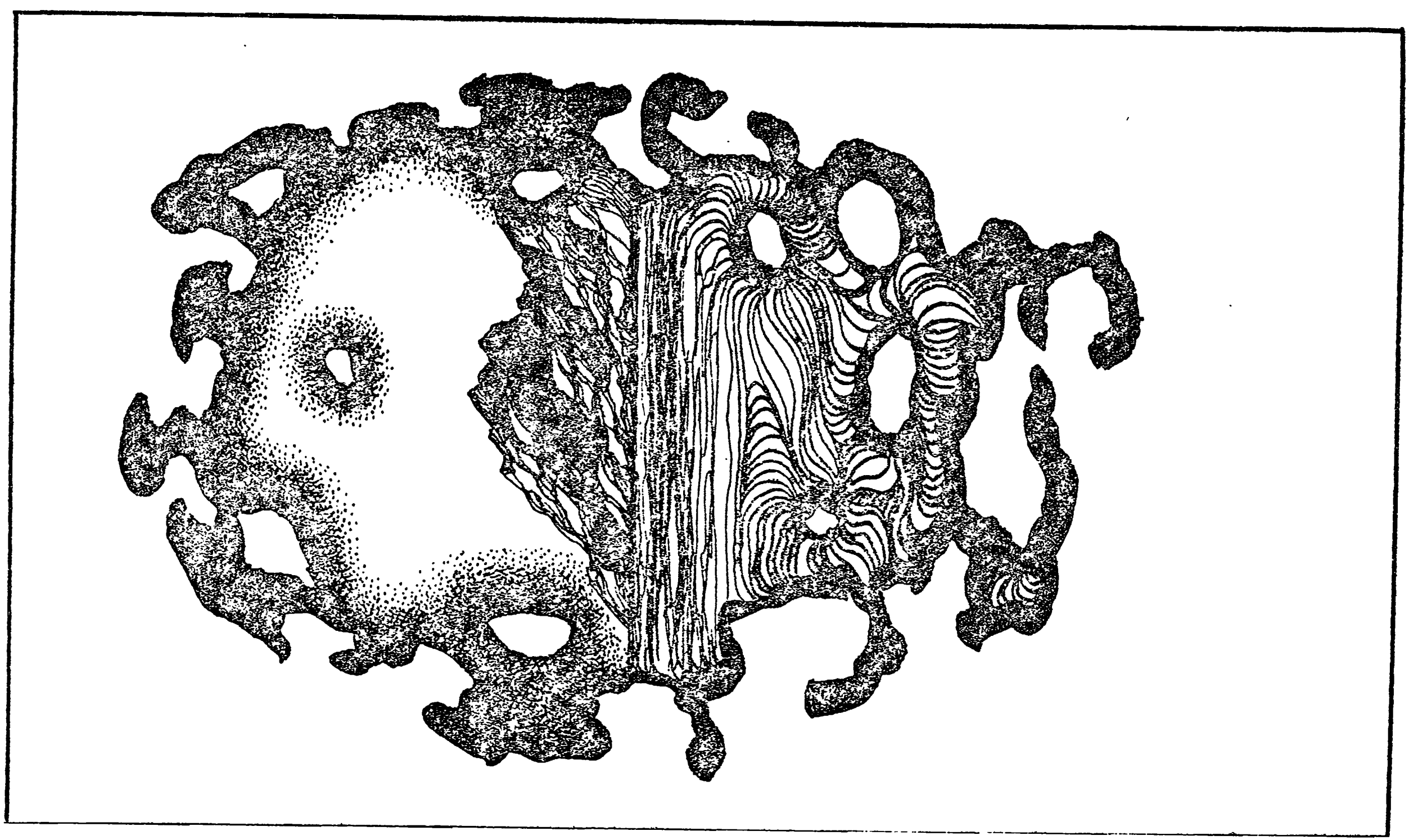
— Я сказал, что больше всего мне хотелось бы, чтобы мы сейчас сидели в нашем доме в Ирландии и смотрели, как садится солнце, — пылко зашептал он ей на ухо.

Мимоходом я заметил, что Лакла почему-то вдруг залилась румянцем.

Впрочем, надо было поторапливаться. Мы прошли к храму. К счастью, его уже очистили от ужасающего беспорядка, оставшегося после той кровавой резни, о которой нам рассказали. Пройдя через подземную пещеру, наполненную призрачным голубоватым туманом, мы пересекли узкий мосток, переброшенный через бушующую внизу морскую пучину, и, поднявшись по лестнице, вышли как и в первый раз на помост из слоновой кости, у самого подножья хмурой громады джетового амфитеатра.

Оглядев Серебряные Воды, я не увидел никаких признаков ни волшебной паутины, сплетенной, казалось, из множества радуг, ни колоссальных столбов, на которых она висела, ни того странного покатого валика, изогнутого полукругом, — я заметил его под Вуалью, в тот момент когда из-за нее, кружась, выбежал Сияющий Бог, чтобы приветствовать свою жрицу и прорицателя, и потом, когда он, танцуя со своими жертвами, скрылся за своей завесой. Не было ничего, кроме разбитых и растрескавшихся кусков лучезарных утесов, заваливших озеро беспорядочной грудой.

Долго-долго глядел я туда... и отвернулся, опечаленный. Даже теперь, когда я знал уже о том, что скрывалось за радужной завесой, на душе у меня было так тяжело, как будто навеки утрачен некий предмет необыкновенной красоты и ценности, и никогда его теперь не вернуть, никогда ему уже не



придется пленять наше зрение — творение могущественнейших богов было разрушено до основания.

— Пошли назад, — резко сказал Ларри.

Я немного приотстал от них, якобы заинтересовавшись каким-то обломком с остатками резьбы: в конце концов, они не очень нуждались в моем присутствии. Я смотрел, как они медленно шли, обнявшись, черные волосы перепутались с золотисто-бронзовыми локонами. Затем я двинулся следом. Ларри и Лакла переходили мосток и уже были на половине пути, когда в оглушительном реве несущегося в пропасти потока воды мне померещилось свое имя.

— Гудвин! Доктор Гудвин!

Я обернулся, недоумевая. Из-за пьедестала, на котором стояла какая-то группа изваяний, крадучись, выбрался... Маракинов! Вот оно что — выходит, я угадал: каким-то образом ему удалось улизнуть от разъяренных «ладала» и затаиться здесь. Высоко подняв вверх руки, он с опаской шел ко мне.

— Я закончился, — шептал он. — Сдаюсь! Я не знаю, что они будут делать со мной...

Маракинов кивком указал на служительницу и Ларри, сейчас уже достигших конца мостков. Занятые друг другом, они, не оглядываясь на меня, пошли дальше. Маракинов подошел ближе. Мутные, словно у пьяного, глаза горели безумным огнем; на изможденном лице, как будто над ним поработала рука резчика, резко выделялись рельефные складки и морщины.

Я сделал шаг назад.

Злобная ухмылка, напоминающая звериный оскал, перекосила физиономию русского. Набросившись на меня, он молча вцепился руками мне в горло.

— Ларри! — отчаянно завопил я и кубарем покатился по полу, сбитый с ног яростным натиском

русского. Краем глаза я заметил, как те двое повернулись, остановились как вкопанные, и потом быстро побежали ко мне.

— Вам ничего не выйдет вынести отсюда, — визжал Маракинов. — Ничего!

Моя нога внезапно потеряла опору и провалилась в пустоту. Страшный рев мчавшегося внизу потока воды оглушил меня. Я почувствовал на лице мелкую изморось, рванулся вперед...

Я падал... падал вниз... вместе с русским, пытавшимся задушить меня. Я ударился об воду, стал тонуть, руки, сжимающие мое горло на мгновение ослабили хватку. Судорожно извиваясь, я попытался освободиться, сознавая, что меня как неодушевленный предмет со страшной скоростью швыряет и тащит за собой — в этом не было никакого сомнения — быстро мчавшийся поток, падающий из какой-то расщелины в дне океана... но куда?

Еще немного, пока хватало дыхания, я боролся с этим дьяволом, вцепившимся в меня мертвой хваткой.

Затем с пронзительным визгливым свистом, как будто все ветры мира разом вырвались на свободу, обрушилась кромешная тьма.

Сознание возвращалось медленно, урывками.

— Ларри, — стонал я. — Лакла!

Ослепительный свет проникал мне в глаза даже через сомкнутые веки. Глаза нестерпимо болели. Я приоткрыл их и тут же судорожно зажмурился — сверкающие ножи и иголки впились мне в глаза, доставляя невыносимую муку. Я снова, крайне осторожно, приоткрыл веки! Это было солнце!

Пошатываясь, я встал на ноги. Позади находилась полуразрушенная стена, сложенная из базальтовых

монолитных блоков, гладко обтесанных, прямоугольной формы. Передо мной тихо колыхалась голубая гладь Тихого океана — казалось, он улыбается мне.

А немного в стороне, так же, как и я выброшенный волной на океанский берег, лежал — Маракинов!

Израненное тело лежало в такой позе, что можно было не сомневаться — он мертв! Но даже бурные воды той бешеной реки, что вынесла нас сюда, да что там — даже сама смерть не смогла смыть с его лица торжествующей усмешки. Напрягаясь из последних сил, я проволок тело по песчаному берегу и столкнул его в воду. Легкая волна набежала на труп, захлестнула его с головой и понесла прочь от берега. Кружась и ныряя, он покачивался на воде, и все новые и новые волны, играя мертвым телом, относили его от берега. Так он навсегда исчез из моей жизни... вернее то, что еще оставалось от Маракинова со всеми его кровожадными планами превращения нашего прекрасного мира в преисподнюю, какая и не снилась человеку.

Силы снова покинули меня. Я забрался в какие-то заросли и уснул. Проспал я должно быть довольно долго, ибо, когда я проснулся, на востоке уже занималась заря. Я не стану описывать вам подробно всех моих страданий: достаточно сказать, что мне удалось найти источник пресной воды и какие-то фрукты, и незадолго до наступления сумерек с превеликим трудом, стеная и корчась от боли, я взобрался на вершину базальтовой стены и огляделся, чтобы понять, где я нахожусь.

Это оказался один из островков на самой окраине Нан-Матала. На севере я разглядел отчетливо выделяющуюся на фоне закатного неба черную тень развалин Нан-Танаха — там находилась лунная дверь...

Да, там была лунная дверь, и любым путем, во что бы то ни стало я должен был добраться до нее — и как можно быстрее!

На рассвете следующего дня я собрал плавающие в воде обломки деревьев и, связав их вместе обрывками лиан, соорудил что-то похожее на примитивный плот. Затем, помогая себе каким-то нелепым приспособлением в форме весла, я добрался до Нан-Танаха. Медленно, с щемящим и замирающим сердцем приближался я к нему. Солнце уже перевалило за полдень, когда я причалил свое разваливающееся корыто у небольшой отмели между полуразрушенными морскими воротами и, с трудом забравшись по гигантским ступеням, направился во внутренний дворик.

Едва зайдя в него, я остановился, и слезы градом покатились у меня по щекам. Я рыдал навзрыд от горя, разочарования и усталости, никого не стесняясь, да и кто мог здесь услышать меня!

Огромная стена, в которую была вставлена лунная дверь — та дверь, перешагнув порог которой мы попали в страну Сияющего Бога, — теперь лежала разбитая и разломанная на куски. Бесформенная груда базальтовых блоков, оставшаяся от развалившейся стены, поблескивала в лучах заходящего солнца, наполовину скрытая под слоем воды.

Не было никакой лунной двери!

Ничего не соображая от горя и слез, я брел вперед, карабкаясь и оступаясь, по выступающим из воды обломкам, пока не добрался до самого последнего. Я видел впереди один только океан. Здесь произошло сильное понижение суши, вероятно, в результате подземного толчка, и весь этот край острова ушел под воду... не было никаких сомнений, что эхо катаклизма, взорвавшего логово Двеллера, донеслось и сюда.

Маленький квадратный островок под названием Тау, под которым скрывались семь шаров, исчез полностью. Сколько я ни старался, я не увидел от него никаких следов.

Лунной двери больше не существовало; проход к Лунной Заводи был для меня закрыт... и залой, где она находилась, безраздельно завладело море!

Не было дороги к Ларри... и к Лакле!

Жизнь больше не имела для меня никакого смысла.

КОММЕНТАРИИ

С. 33. *Систр* — священный инструмент древнеегипетской богини Изиды. Храм в г. Дендера — одно из главных ее святилищ.

С. 70. *Анри Бекжерель* — французский ученый, открывший естественную радиоактивность. *Конденсор* — оптическая система линз, предназначенная для фокусировки и усиления света.

С. 83. *Баньши* — происходит от ирл. [bean] — женщина и [sidhe] — фея, сказочное существо. Баньши — это нечто вроде ангела-хранителя целого рода, которого имеют самые старинные и почитаемые ирландские семьи, и ни один человек, принадлежащий к такому роду, не может умереть, пока об этом не возвестит своим заунывным воплем его баньши. Появляется она в образе женщины, разглядывающей себя в зеркало и расчесывающей длинные волосы. Очень многие ирландцы, даже наши современники, видели ее и слышали ее крик. Иногда баньши собираются большой компанией, причитают, хлопают в ладоши и завывают хором, предвещая смерть какого-нибудь святого или великого человека.

С. 84. *Лепрекоун* — происходит от ирл. [leith bhrogan], что дословно означает «серый башмак». Наиболее часто упоминаемый персонаж в ирландских сказках и легендах. Он единственный из всего волшебного народа (fairy) занимается вполне человеческим делом: чинит туфельки и башмачки, которые быстро изнашивают феи, эльфы — и прочие представители сказочного народа, обитающего в лесах и волшебных холмах (сидах) Ирландии. Одет лепрекоун, как правило, совершенно по-домашнему и

довольно неряшливо, ходит ссутулясь, вразвалочку, очень любит вредничать и проказничать.

С. 91. *Зеленый народец* — другое название для сказочных людей (fairy), населяющих леса и холмы Ирландии.

Кормак МакКонхобар — Кормак Конд Лонгас, сын Конхобара, короля уладов. О смерти Кормака рассказывается в ирландской саге «Разрушение Дома Да Хока». Факты, о которых упоминает Ларри, не совпадают с описываемыми в этой саге событиями. Возможно, существует другая версия, связанная с именем Кормака МакКонхобара, тем более что многие исследователи отмечают ряд противоречий в указанной саге. Известный ирландский ученый О'Рахилли считает, что сам герой Кормак Конд Лоннас — фигура, созданная искусственно, чтобы связать несколько саг в единый цикл. (См. O'Rahilly T. F. Early Irish History and Mythology. Dublin, 1953.) В частности, Крейвтин (или Крейптине), чья игра на арфе и в самом деле обладала магическими свойствами, желая погубить Кормака, просто играл перед ним на арфе и тем самым заставил Кормака нарушить свой гейс (табу) «не слушать прорезную арфу Крейптине». Погиб же Кормак в битве с воинами Коннахта (одно из королевств древней Ирландии) — заклятыми врагами уладов.

Эйлид — это, по-видимому, фея-сида Этайн, в какой-то период своей земной жизни бывшая женой Кормака. История ее чудесного рождения рассказывается в саге «Сватовство к Этайн». Став земной женщиной, она сохранила свою волшебную красоту и способность вызывать к себе необычайно сильную любовь.

Девять — часто встречающееся в ирландских сагах число, символизирующее силу.

С. 97. *Локи* — тоже принадлежит к богам-асам, но часто вступает с ними во враждебные отношения, проявляя при этом причудливо-злокозненный характер, хитрость и коварство.

Хель — в скандинавской мифологии царство мертвых, хозяйкой которого является чудовище, рожденное великаншей Ангрбордой от Локи. Специфически скандинавским является противопоставление Хельведе как подземного царства для мертвых небесному царству для избранных — Вальхалле. Перед концом мира корабль мертвецов, ведомый Локи, плывет к месту последней битвы, в которой мертвецы из Хельведе выступают на стороне хтонических сил, а павшие воины — эйнхерии из Вальхаллы — на стороне богов.

С. 98. *Тор* — в германо-скандинавской мифологии бог-громовержец, богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ.

Один — в скандинавской мифологии верховный бог, дарователь побед и поражений, покровитель героев, сеятель военных раздоров.

С. 99. *Исследователь сердец* — имеется в виду божество, которое взвешивало сердца и грехи умерших египтян, чтобы определить их место в загробной жизни. Первоначально эти функции исполнял Анубис, постепенно они переходили к другим богам.

С. 109. *Бриан Бору* — (926—1014) — король Ирландии, известен своими военными победами.

С. 128. *Гора Каф* (или Кох), по арабским легендам, находится у крайнего предела земли, за ней начинается царство сказочных духов-джиннов.

С. 144. *Хуань-Инь* — провинция в Китае, где растут удивительной красоты золотистые лилии.

С. 146. *Примитивисты* — имеется в виду направление в живописи, развивавшееся до XV—XVI вв. (начало Возрождения).

С. 152. *Коронгум* — так первоначально был назван элемент гелий, открытый в спектре излучения солнечной короны.

Небулгум — (от лат. nebula — туманность) — мифический элемент, которому приписывались линии зеленого цвета в спектрах туманностей. Позже было обнаружено, что это линии излучения высокоионизированного кислорода. Название «небулярные линии» до сих пор сохранилось в астрономии.

С. 157. *«Многоколонный Ирам»* — в мусульманской мифологии древнее сооружение, возведенное из драгоценных металлов и камней (Коран 89:6). Комментаторы связывают Ирам с городом, построенным в подражание мусульманскому раю царем народа ад — Шаддатом. Согласно преданию, город, находившийся где-то в Южной Аравии, был уничтожен Аллахом, но иногда чудесным образом является в пустыне.

С. 183. *Тангароа* — бог Тангароа в полинезийской мифологии, считается создателем мира. У некоторых полинезийских племен ему противопоставляется бог *Ронго*, его брат-близнец. Мир разделен между ними таким образом, что Тангароа принадлежит все «красное», а Ронго — все остальное; темноволосые люди считаются потомками Ронго, а светловолосые — потомками Тангароа.

С. 184. *Розы Розенкрейцеров* — имеется в виду символ ордена рыцарей «Розы и крест», основанного Христианом Розенкрейцером.

С. 191. *Эмайн Абла* — в современном ирландском произношении Эвен Аулок, что означает «Эмайн Яблоневая». Название волшебной страны (образованное в подражание земной Эмайн — столице уладского королевства), куда ушел жить бог Маннанан после того, как Племена Богини Дану потерпели поражение в битве с сыновьями Мила. Упоминается во многих кельтских сказаниях как страна блаженства. Интересно, что остров Авалон, куда фея Моргана уносит для исцеления тяжело раненного короля Артура, означает «Остров яблок». Остальные имена, которые упоминаются в рассказе Ларри, — неизвестны.

С. 208. *Туа Де Даннен* — в псевдоисторической компиляции XII в. «Книге захватов Ирландии» упоминаются как раса завоевателей, пришедших с северных островов и победивших племена Фир Болг, с которыми связано установление в Ирландии королевской власти и традиционного разделения на пять провинций (королевств). Постепенно произошло характерное для Ирландии смешение вымысла и реальности, и многие из Племен Богини Дану вошли в пантеон ирландских божеств. Например, упоминание в рассказе Ларри Дагда («добрый бог»), принесшего в Ирландию неиссякаемый котел, в котором не переводится свинина — излюбленное мясо кельтов, и Маннанана, сына бога Лера, повелителя морской стихии, который часто представлялся едущим на колеснице по морю.

Племена Богини Дану одержали победу над фоморами — демоническими существами, обитающими в нижнем мире. Но, невзирая на свою искушенность в магическом искусстве, им пришлось уступить власть над Зеленым Островом сыновьям Мила, гойделам, предкам исторических ирландцев. Потерпев поражение, Племена Богини Дану ушли жить в под-

земный мир, в волшебные холмы (сиды). Впоследствии произошла дальнейшая трансформация людей из Племени Богини Дану, отличавшихся от обычных людей не столько своей «божественностью», сколько магическими способностями, в сказочный народ (fairy), населяющий леса и холмы Ирландии.

Хай Бразиль — таинственный остров, время от времени появляющийся как мираж у западных берегов Ирландии, в средние века был даже нанесен на карту. Известна баллада Дж. Гриффина «Ну Brasil — Isle of the Blest», что в переводе означает «Хай Бразиль — Остров Блаженных».

С. 249. *Танит* — богиня Луны у древних карфагенян.

Св. Бриджет Зеленого Острова — имеется в виду одна из наиболее почитаемых в Ирландии святых — Св. Бригитта. По преданию, она сплела из трилистника крест, который сейчас является эмблемой ирландского телевидения.

С. 270. *Эрин* — эльское название Ирландии. Согласно легенде, остров был назван так поэтом, друидом Амаргином, когда к нему приплыли сыновья Мила — предки исторических ирландцев, в честь богини Эриу.

С. 273. *Кларзах* — кельтская арфа, священный инструмент друидов. *Другиды* — маги, жрецы и прорицатели в языческой Ирландии.

С. 324. *Мара* — в индийской мифологии бог смерти, обмана и зла. У Мары есть целое войско злых божеств, которые под его руководством чинят препятствия бодхисатвам, стремящимся к просветлению.

Орифламма — священное знамя французских королей — ткань алого цвета, расшитая золотом.

С. 327. *Св. Патрик* — один из наиболее почитаемых в Ирландии святых. Основал в первой половине V в. христианскую церковь в прежде языческой стране. По легенде, он был захвачен в Британии разбойниками и увезен в Улад (северное королевство в Ирландии), где несколько лет пас стада. Однажды он сподобился откровения, что ему надо бежать и спрятаться на корабле, плывущем в Галлию. Там Патрик стал христианином, а позднее снова получил откровение вернуться в Ирландию и обратить в христианство ее жителей.

Удивительно, что миссионерская деятельность Св. Патрика не встретила никакого сопротивления, хотя в стране издавна существовала влиятельная и хорошо организованная каста жрецов-друидов. Еще интереснее, что при этом древние языческие боги не были преданы забвению и поруганию, как это происходило в других странах. Так, например, одна из самых почитаемых святых Ирландии — Св. Бриджет (или Св. Бригитта), это языческая богиня-прародительница, из Племен Богини Дану, считавшаяся покровительницей поэзии. На месте языческого святилища, связанного с культом богини, был позднее построен монастырь, где священный неугасимый огонь, как в древности, поддерживали монахини. И это случай далеко не единичный.

С. 344. *Асгард* — в скандинавской мифологии название небесного селения, в котором обитают боги — асы. *Вальхалла* — находящееся на небе жилище эйнхериев — храбрых воинов, павших в бою. *Валькирии* — воинственные девы, подчиненные Одину, которые находят на поле брани павших воинов, уносят их в Вальхаллу и там прислуживают им за пиршественным столом.

С. 348. *Талаат* (или Тиамат) — в аккадской мифологии персонификация первозданной стихии, воплощение мирового хаоса. В космической битве между поколением старших богов под ее предводительством и поколением младших была убита богом Мардуком. Разрубив тело Тиамат на части, он сотворил из одной половины небо, а из второй — землю.

С. 357. *Дейрдре* — в совр. произношении Дирдра, что означает «трепетная». Известная героиня ирландского эпоса, невеста короля уладов Конхобара, бежавшая от него со своим возлюбленным Найси (сага «Изгнание сыновей Уснеха»), считается одним из основных сюжетных источников легенды о Тристане и Изольде.

С. 449. *Норны* — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении. По своей основной функции аналогичны мойрам (паркам) из античной мифологии, имеют параллели и в мифологии других народов.

Сэм Московитц

РОМАН А. МЭРРИТТА «ЛУННАЯ ЗАВОДЬ»

«Золотой век научной фантастики» — это определение, по общепринятому мнению относящееся к периоду с 1938 по 1943 год, после которого Джон У. Кэмпбэл стал полноправным владельцем журнала «Astounding Science Fiction» и пригласил к сотрудничеству таких выдающихся авторов, как Роберт А. Хайнлайн, А. И. Ван Вогт, Айзек Азимов, Л. Спрэг де Камп, Лэстэр дель Рэй, Фритц Лейбер, Раймонд Ф. Джонс, Л. Рон Хаббард и ряд других знаменитостей. Любопытен тот факт, что А. Мэрритт, впервые прославившийся как мастер жанра фэнтези в 1919 году, в ежегодном полле (их составлял Джери де ла Ри) оставил далеко позади себя всех авторов «Золотого Века» в 1944, 1945 (в весеннем и осеннем выпусках) годах и в 1946 году.

Не секрет, что Хайнлайн служил в Военно-морских силах и к тому моменту не написал ничего нового, однако в противовес этому можем заметить, что А. Мэрритт не написал ничего нового с 1934 года, а умер в 1943! Несмотря на это, значение творчества А. Мэрритта представляется несомненным. В период с 1939 по 1942 год «Famous Fantastic Mysteries» вместе со своим компаньоном «Fantastic Novels» переиздали все ранее опубликованные произведения, кроме «Женщины в чащобе» (1926); большинство из них превосходно проиллюстрировал Вирджил Финлэй. К этому изданию Мэрритт фактически переработал некоторые свои рассказы и даже написал вступительные статьи и письма к читателю. Помимо этого издательство «Avon» выпустило все восемь романов писателя в стандартных мягких обложках: «Семь ступеней к сатане» и «Гори, ведьма, пылай» (1942); «Ползи, тень, ползи» (1943), «Лунная Заводь» и «Обитатели миража» (1944); «Корабль Иштар» и «Лик в бездне» (1945), и «Железный властелин» (1946). Эти романы, как заявило издательство (а сомневаться в этом нет причины, ввиду все новых, продолжающих

появляться изданий), разошлись, по крайней мере, миллионными тиражами.

Уже в 1949 году произведения А. Мэрритта пользовались такой популярностью, что «Recreational Reading, Inc», филиал «Popular Publications», где впоследствии вышли в свет «Famous Fantastic Mysteries», «Fantastic Novels» и «Super Science Stories», выпустил с декабрьским номером того года «Журнал фэнтези А. Мэрритта». То, что художественный журнал назвали именем писателя — случай сравнительно редкий. До этого такой привилегии удостаивался лишь невероятно известный Джордж Брюс, с именем которого в 1993 году вышли журналы «Контакт Джорджа Брюса» и «Отряд Джорджа Брюса», и знаменитый Эллери Квин (в действительности под этим псевдонимом работали два писателя), который в 1941 году выпустил «Ellery Queen's Mystery Magazine». Всего вышло в свет пять номеров «Журнала фэнтези А. Мэрритта». Последний был издан в ноябре 1950 года. То, что журнал прекратил свое существование, во многом случилось из-за того, что каждое произведение Мэрритта, которое в нем публиковалось, одновременно выходило отдельной книжкой или издавалось незадолго до того, как печатался очередной номер журнала. В одном из них, среди произведений, не принадлежавших перу Мэрритта, во второй раз был переиздан роман Джорджа Аллана Инглэнда «Эликсир ненависти».

Мэрритта, как писателя фэнтези, уступающего по популярности только Эдгару Райсу Берроузу, открыл роман «Лунная Заводь», первоначально написанный как небольшая повесть. Он был опубликован в еженедельнике «All-Story» от 22 июня 1918 года. Редактор этого журнала, знаменитый Роберт Говард Дэвис, благодаря которому читатели познакомились с целой плеядой писателей, творивших как в жанре фэнтези, так и за его пределами, опубликовав бóльшую часть писем, пришедших в адрес романа, в колонке для читателей «Heart to Heart Talks», подтвердил тем самым всю значимость открытия подающего надежды автора. Слова СЕНСАЦИЯ «ЛУННОЙ ЗАВОДИ» шли через всю страницу в выпуске от 17 августа 1918

года. Однако, касаясь вопроса о популярности этого произведения, стоит отметить один странный момент, о котором ранее никогда не говорили. Авторы большинства опубликованных писем хотели знать, насколько правдивым было то, о чем написал Мэрритт.

В XIX столетии существовала целая школа американских писателей, работавших в жанре НФ, которые умышленно писали свои произведения так, чтобы читатель верил в их реальность. Будучи корреспондентом, Ричард Адамс Локк создал произведение, названное впоследствии Лунной Мистификацией, желая описать жизнь, обнаруженную одним знаменитым астрономом на Луне («Солнце» (Нью-Йорк) с 25 по 31 августа 1835 года. вкл.); Эдгар Аллан По пытался пойти еще дальше, когда писал о первой попытке управляемого полета из Европы в Америку, в Мистификации воздушного шара («Солнце» 13 августа 1844 г.); Вильям Генри Родс, писатель западного побережья, напугал калифорнийцев своей книгой «Дело Саммерфильда», опубликованной 16 мая 1871 года (издательство «Sacramento Union»), где, оперируя документальными свидетельствами, он описал «сенсационное открытие» одного изобретателя, который научился воспламенять воду и грозил уничтожить все океаны мира.

В XIX веке имело место и множество менее значительных мистификаций, ставших фактически своего рода искусством. Отчасти, причиной успеха трех упомянутых выше произведений явилось то, что они были опубликованы в газетах как новости, причем два из них — на первой полосе. Подобный прием (утверждение, что все изложенное, якобы, правда) стал стандартным буквально в сотнях романов и рассказов.

Приведем еще один пример. Роман «Кирпичная Луна» Эдварда Эверетта Хэйла был опубликован в «Atlantic Monthly» в номерах за октябрь, ноябрь и декабрь 1879 года. Утверждалось, что повествование было заимствовано «Из записок капитана Фредерика Ингама», и начиналось оно следующими строками: «Теперь ничто не препятствует мне рассказать всю историю целиком. Разумеется, подписчики имеют

право знать, на что ушли их деньги. Астрономы тоже должны все узнать прежде, чем они сделают сообщение о еще каких-нибудь стремительно падающих астероидах». Далее самым что ни на есть убедительным и научным образом он продолжал рассказ о том, как возникла идея спутника Земли, как постепенно она была реализована и как он был запущен. Бестселлер Джона Де Майла «Необыкновенный манускрипт, найденный в медном цилиндре» стал первым сериалом на страницах «Harper's Weekly». Там было заявлено, что обнаружен манускрипт, свидетельствующий об исчезнувшей цивилизации и доисторических животных Антарктики. Английский писатель Чарльз Диксон любил представляться «редактором» рукописного документа марсианского происхождения, найденном в железном контейнере. Только самый наивный читатель мог поверить, что хотя бы одна из всех этих историй правдива, а писатели не имеют ни малейшего намерения обманывать.

К этому времени «Лунная Заводь» появилась в «All-Story Magazine». Еженедельник издал буквально сотни произведений, написанных в жанре НФ и фэнтези; авторами их были люди с поистине невероятным воображением — Эдгар Райс Берроуз, Джордж Аллан Ингланд, Чарльз Стилсон, Фрэнсис Стивэнс и ряд других писателей. «Лунная Заводь», как никакая другая книга, была чрезвычайно правдоподобно написана. Рассказчик доктор Гудвин решает поведать правдивую историю об экспедиции Трокмартина на один из Королинских островов — Понапе. Действие начинается на борту корабля, где Гудвин встречается с Трокмартином, который едва держится в здравом уме из-за невыносимых страданий от потери жены и нескольких своих товарищей. Пока они беседуют, на небосводе появляется полная луна, и читатель покорен волшебством стиля, подобного которому он никогда не встречал в дешевых журналах.

А затем... впервые, я увидел... это?!
Лунная дорожка, отчетливо выделяясь в темноте, протянулась до самого горизонта. Облака

над нашими головами разошлись, как если бы раскрылись занавеси или расступились воды Красного моря, чтобы пропустить сонмища израильтян. С двух сторон поток лунного света обрамляли черные тени, отбрасываемые складками более высоких слоев облаков, а между темными и непрозрачными стенами прямой как струна, играя, искрясь и сверкая, быстро мчался сияющий поток лунного света.

Я скорее почувствовал, нежели увидел, как далеко — казалось, неизмеримо далеко, — какое-то движение на поверхности сверкающего серебром потока. Сначала в поле зрения появилось более яркое, чем сама дорожка света, как бы сильно раскаленное пятно. Оно безостановочно двигалось в нашем направлении: стремительно неслось опалесцирующее туманное облачко, казалось, что это летит как стрела какое-то крылатое существо. Мне смутно припомнилась дайякская легенда о птице Акла — крылатом посланнике Будды: перья ее сотканы из лунных лучей, сердце — оживший опал, а крылья в полете вторят прозрачной кристальной музыке, издаваемой белыми звездами... но страшный клюв этой птицы, говорит легенда, сделан из оледеневшего пламени, чтобы она терзала им души неверующих.

По профессии Мэрритт был журналистом, который хорошо знал, как располагать факты в зависимости от их важности, и делал это как можно доступнее для читателя. В этом романе Мэрритт знакомит нас с целым рядом загадочных и невероятных явлений, хотя большинство читателей верили, что история, рассказанная писателем, была или могла быть реальной. В центре повествования находится живое разумное существо, которое использует заводь, освещенную семью странными огнями, как проход между нашей реальностью и другим миром, и которое уже забрало жену Трокмартина. Полная луна, при которой возможен такой переход, на этот раз позволила этому существу разыскивать самого Трокмартина.

Почти неотвратимо, следуя за полной луной, Трокмартин попадает во власть этого энергетического существа, которое и похищает его с корабля. На этом история и заканчивается, и такой финал Г. П. Лавкрафт называет одним из десяти своих любимых среди произведений в жанре фэнтези. Для того, чтобы достичь своей цели, А. Мэрритт варьирует свой стиль от сухого до красноречивого, и весь рассказ — это какое-то одно чувство. Он передает тайну, смешивая ощущение ужаса и восторга; описывает научное явление, настолько находящееся за пределами нашего понимания, что все это кажется выдумкой, наполненной таким благоговейным страхом, что все читатели сразу верят в реальность написанного.

«Лунная Заводь» произвела на меня неизгладимое впечатление, — писала миссис Этел Мэйол из Неварка, штат Нью-Джерси, — и я хотела бы спросить вас, имели ли место все эти события на самом деле или это просто рассказ; а если имели, то собираетесь ли вы написать продолжение о возвращении доктора Гудвина? Все, что вы пишете, кажется «невозможным», но в этом «что-то есть».

«Правда ли то, что сюжет вам был предоставлен президентом Международной Ассоциации Науки, — интересовался мистер Паулиот из Спокана, штат Вашингтон. — Действительно ли существуют ученые по имени доктор Гудвин и доктор Трокмартин? Является ли этот рассказ правдой? Снарядили ли экспедицию по спасению доктора Гудвина? Если эта история реальна, я бы хотел получить дополнительную информацию об экспедиции к островам».

«Я воспринимаю как само собой разумеющееся, что объяснение, данное в начале повествования, является тем, чем должно быть. Мне было бы приятно, если бы вы с ответным письмом любезно предоставили мне адрес президента Международной Ассоциации Науки», — предлагал А. Д. Сталтер из Левисбурга, штат Огайо.

«Еженедельник „All-Weekly“, конечно, прежде всего является художественным журналом», — отвечал Роберт Г. Дэвис, превосходный редактор, друже-

любный человек, целиком посвятивший себя своему делу.

Вообще говоря, предполагается, что то, что мы приобрели, является художественной литературой; но, разумеется, мы не могли настаивать — да нам бы и не хотелось этого делать — на том, чтобы автор ограничился исключительно своим воображением... Мы целиком положились на мистера Мэрритта, и мы рады сообщить, что он занят сбором дальнейших, заключительных материалов, над которыми он сейчас и работает и которые, как только мы их получим, будут опубликованы как продолжение «Лунной Заводи». Это будет более объемное произведение — точнее, сериал из нескольких частей с вступительной статьей мистера Мэрритта, где он сам прольет свет на свое произведение.

Продолжение, «Падение Лунной Заводи», публиковалось с 15 февраля по 22 марта 1919 года в шести приложениях к еженедельнику «All-Story». В выпуске с первым приложением была напечатана вводная часть. Обложку, на которой было изображено это энергетическое существо, «Светящийся Бог», обвившееся вокруг девушки и уносящее ее в Лунную Заводь, целиком посвятили роману А. Мэрритта.

Динамика повествования, необыкновенная образность, переливающаяся проза, олицетворенная глубокой человечностью, причислили Мэрритта к рангу одного из гигантов современной ему научной фантастики, и то, что с тех пор прошло уже более полувека, означает, что Мэрритт получил бессмертие. Реакция читателей была внушительной, хотя на этот раз почти никто не думал, что все написанное — чистая правда.

«Падение Лунной Заводи» имело все присущие фэнтези элементы в традиции Эдгара Райса Берроуза. Сама повесть «Лунная Заводь» рассказывала о том, как светящийся Обитатель уносит своих жертв в другой мир. В продолжении голубая заводь все так

же служила для Обитателя выходом в надземный мир, но здесь люди уже проделывают путь в глубины Земли в так называемой «машине», двигателем которой служила некая неизвестная сила. Подразумевается, что они находятся внутри Земли в каком-то месте, освещенном светящимися стенами, расположенном в некой впадине, которая образовалась в тот момент, когда земная Луна вырвалась из материнского чрева.

Любым доступным ему способом Мэрритт пытался сделать свой роман более солидным и скорее научно-фантастическим, нежели фэнтезийным. Русский злодей, профессор Маракинов проводит большую работу, пытаясь объяснить этот необычный мир и его странный феномен. Им руководит желание заполучить научные секреты, которые помогут России победить в Первой мировой войне. Когда шла работа над романом, военные действия как раз находились в самом разгаре. Профессору противопоставлены доктор Уолтер Т. Гудвин, являющийся скорее наблюдателем и живым рассказчиком, чем действующим лицом в романе; Ларри О'Киф, смелый, голубоглазый ирландец с черными волосами, и Олаф Халдриксон, убитый горем норвежец, на глазах которого Обитатель унес его жену и маленькую дочку.

В самом начале романа мы знакомимся со служительницей Лаклой, девушкой с бронзово-рыжеватыми волосами, кожей цвета слоновой кости и золотистыми глазами; а также с высокоразвитыми, отважными лягушкообразными людьми, необычный вид которых ей по душе. Она служит Молчащим богам, разумным, почти бессмертным, оставшимся здесь представителям Великой Расы, которые, используя различные виды энергии, создали Обитателя. Изначально он был задуман как слуга, но впоследствии стал существом, обладающим волей, тягой к разрушению и своим собственным «я». Служила ему Йолара, жрица зла, в глазах которой начинала светиться нежность, когда она смотрела на красавца О'Кифа. Но с народом карликов она была жестока и немилосердна.

Читатели «All-Story» больше не верили, что проходящий перед ними блистательный ряд персонажей является частью того, что происходило на самом деле, но могли наслаждаться бурной, образно описанной драмой, повествующей о том, как силы добра во главе с Лаклой, владеющей могуществом Молчащих Богов, в услужении у которых находятся лягушкообразные люди и которым помогают земляне из надземного мира, противостоят силам зла, во главе с Йоларой, служительницей Сияющего Бога.

Это действительно роман об исчезнувшей цивилизации, о прародителях тех народов, живущих в подземном мире, которые своими корнями восходят к Лемурии, еще до ее разрушения. Это воплощается в лягушкообразных людях, высокоинтеллектуальной расе, с развитыми наукой, культурой и искусством, представляющих собой эволюционный путь рептилий.

Необыкновенные попытки, предпринятые с целью объяснить и с научной точки зрения и с точки зрения логики высокообразные, необыкновенные, мистические и сверхъестественные события, происходящие по ходу романа, послужили причиной тому, что Хью Гэрнсбек причислили роман к жанру научной фантастики, несмотря на то, что он боролся за чисто научный подход к литературе жанра. Когда Гэрнсбеку очень нравилась какая-нибудь книга, он настаивал на том, чтобы самому написать на нее аннотацию. Эти аннотации всегда можно было узнать из-за легкого несоответствия в употреблении слов человеком, для которого английский был неродным языком. «Лунную Заводь» еще раз переиздали в майском, июньском и июльском выпусках журнала «Amazing Stories». К тому, что уже было написано, Гэрнсбек добавил:

> *Приняв во внимание просьбы сотен читателей, мы пришли к соглашению опубликовать «Лунную Заводь». Эта классическая вещь несомненно является выдающейся работой в жанре современной научной фантастики. Благодаря своей образности, поразительным ситуациям, восхитительной наукообразности, которые не срав-*

нить ни с чем в научной фантастике, эта книга без труда становится на первое место. Когда мистер Мэрритт работал над своим романом, он должен был придумать совершенно новое и необыкновенно занимательное научное явление, которое не является ни электричеством, ни светом, ни чем бы то ни было еще, о чем только можно подумать или мечтать. Но это не единственное достоинство романа... «Лунная Заводь», вне всяких сомнений, остается одним из лучших классических произведений жанра научной фантастики всех времен.

Уровень предсказания Гэрнсбеком того, что какие-то книги попадут в разряд «классических», был так же высок, как и его научные предсказания, хотя он редко что-либо утверждал. Он припас их для таких произведений, как «The Stylark of Space» Эдварда И. Смита, «The Colour Out of Space» Г. П. Лавкрафта и «Armaggedon 2419» Филипа Фрэнсиса Ноулэна. Изучение подготовленных им выпусков показывает, что он старательно «рекомендовал» читателям книги, называя их «правдоподобными», «интересными», «пленительными», «захватывающими», «описывающими превосходную науку», но он никогда не доходил до абсолютных восхвалений. В аннотации к последнему приложению он утверждал:

Мы готовы держать пари, что вы никогда не читали книги, которая бы захватила ваше воображение так, как «Лунная Заводь». Это похоже на то, будто перед вашими взорами неожиданно открылся совершенно новый мир, в котором вы стали заинтересованным и отчасти ошеломленным зрителем.

Спустя несколько лет Гэрнсбек при сотрудничестве с другим журналом «Wonder Stories» основал Лигу научной фантастики; ее членам был предложен тест по научной фантастике, и тем, кто набрал семьдесят или более баллов, было присвоено звание «Лучшего члена Лиги». Результаты объявили в августовском

выпуске журнала за 1935 год. Одним из заданий было — выбрать свое любимое произведение. Среди тех, кто принял участие в тестировании, чаще всего называлась «Лунная Заводь» А. Мэрритта.

Несмотря на это, несколько раз в частных беседах со мной Гэрнсбек выражал сомнения по поводу того, прав ли он был, когда выставлял «Лунную Заводь». Я припоминаю один такой случай, когда в 1959 году мы сидели в ресторане Лонгчэмп на Пятой Авеню, и я брал у него интервью для биографического очерка в журнал Лео Маргулиса «Satellite Science Fiction» (позднее опубликованного в сентябрьском номере «Amazing Stories» за 1960 год). Он как раз купил права на этот роман у «Службы для писателей», возглавляемой Лео Маргулисом, — агентстве, организованном для продажи дополнительных прав на то, что уже было опубликовано Компанией Фрэнка А. Манси, владеющей журналами «Argos» и «All-Story» — где впервые вышли в свет произведения А. Мэрритта.

Как я уже заметил, критика обрушилась на него за то, что он предпочел научные уроки, стилизованные под художественную литературу; и, действительно, ни один редактор в истории книгопечатания не был так либерален по отношению к тем книгам, которые он опубликовал. Они не только включали в себя перегруженные наукой произведения, но и те книги, где были юмор, разоблачение, ужасы, динамика, умственные концепции, атмосфера, литературные претензии и такие разнообразные авторы, как Эдгар Райс Берроуз, А. Мэрритт, Г. П. Лавкрафт, Кларк Эштон Смит, Эдвард И. Смит, Джон У. Кэмпбелл, Джон Тэйн, Стэнтон А. Кобленц и Стэнли Вейнбаум.

«Это правда, — говорил он, — а если кто-нибудь в этом сомневается, пусть проверит мои официальные письма авторам и мои предложения в писательские журналы, где я никогда не упускал случая подчеркнуть, что книга просто великолепна. Разумеется, в идеале я ратовал за наукообразность, но за неимением довольствовался рационализмом и логикой. Однако из многих опубликованных мною произведений,

в одном, относительно его переиздания, я очень сомневаюсь, даже несмотря на его признанную популярность; я имею в виду «Лунную Заводь». Это неплохая книга, но мне кажется, что в своем либерализме я зашел слишком далеко».

Было странно, что спустя 31 год после того, как он напечатал этот роман, когда его появление уже никого сильно не волновало, и несмотря на то, что отзывы читателей полностью доказали его суждения, этот роман, порождая все новые сомнения, не выходил у Гэрнсбека из головы. Но это было не единственное произведение Мэрритта, в котором он сомневался, т. к. в журналы «Amazing Stories», «Amazing Stories Annual» и «Science and Invention» он представлял романы «Лик в бездне» и «Железный властелин». Но именно «Лунная Заводь», благодаря своей гипнотической силе, словно Сирены — Одиссея, соблазнила его, и он снизил критерии своих оценок так, что особенная вина преследовала его всю жизнь.

Обычно Боб Дэвис в еженедельнике «All-Story» в самом конце колонки для читателей под хронологическим номером помещал каждый роман, публиковавшийся в его журнале, который впоследствии выходил отдельной книжкой. Заметим, что «Лунная Заводь» значилась в списке еженедельника «All-Story» «сто третьим по счету романом, вышедшим отдельной книгой», что́ и было напечатано на задней обложке номера от 8 ноября 1919 года. Исходная повесть «Лунная Заводь» была объединена с «Падением Лунной Заводи» и опубликована компанией «Сыновья Г. П. Патнэма» по цене один доллар шестьдесят центов. «Будет затруднительно, практически невозможно сформулировать в двух словах, о чем эта книга, — говорил Боб Дэвис. — Это сверхъестественная история; некоторые могут сказать — безумная, но с точки зрения напряжения и непрерывного интереса лишь немногие из последних публикаций могут с ней сравниться».

Обозреватель «The New York Times» 23 ноября 1919 года более чем согласился с ним:

И если действительно, как это написано на титульном листе, «Лунная Заводь» — роман

номер один, то это значит, что состоялся дебют автора, обладающего весьма необычным, вероятно, кто-то может сказать экстраординарным, богатством воображения. Энергии и изобилию образности у этого автора, кажется, не будет конца.

В аннотациях на эту книгу часто использовалась цитата из журнала «The Springfield Republican» за 14 декабря 1919 года:

Фантастический в своих крайностях, изобилующий сверхъестественными, местами почти мелодраматическими событиями, рассказ настолько профессионально изложен, так правдоподобен и человеческие принципы настолько близки к жизни, что читатель с большой неохотой откладывает книгу, пока не перевернется последняя страница.

Известный автор книги «Сверхъестественное в современной английской литературе» (1917) Дороти Скарбюрроуз в феврале 1920 года в журнале «Bookman» написала рецензию на этот роман, называя его «приятным, но эфемерным повествованием о теориях, где гораздо больше сверхъестественного, чем научного, и о жестоком существе, образ которого гиперболизирован для усиления эффекта».

Книгу превосходно издали: она была переплетена красной тканью, с золотым тиснением на обложке и корешке. На ней была суперобложка; фронтиспис исполнил талантливый график Джозеф Клемент. Роман выдержал по крайней мере два издания, прежде чем по тем же гранкам он был издан Лайврайтом. Вероятно, он переиздавался с тех самых пор, как вышел на страницах журналов.

Перевод О. Солохиной

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ. *Роман* 9

Комментарии 489

О романе А. Мерритта «Лунная Заводь» (*Перевод О. Солохиной*) 497

Литературно-художественное издание

Абрахам Мерритт

ЛУННАЯ ЗАВОДЬ

Перевод с английского Татьяны Брауловой

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Консультант *Сергей Троицкий*
Художник *Владислав Асадулин*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Верстка *Елены Черновой*
Корректоры *Людмила Ни, Нина Смирнова*

Подписано в печать с оригинала-макета 05.02.93.
Формат издания 84×108$^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 25,88. Тираж 200 000 экз.
Изд. № 140. Заказ № 254.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Scan Kreider

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД»

серия fantasy

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ХАРЛАНА ЭЛЛИСОНА

в 3-х томах.

Удивительный фантаст, непревзойденный мастер короткого рассказа, человек, от природы одаренный безудержной фантазией, великий мистификатор, писатель, более близкий рок-музыкантам, чем собратьям по перу, – Харлан Эллисон по праву занимает одно из ведущих мест в параде популярности англо-американской фантастики. Он обладатель самых престижных премий в области фантастики – Хьюго, Небьюла, Всемирной премии фэнтези.

В трехтомное собрание сочинений Харлана Эллисона вошли лучшие произведения автора, изданные в США до 1973 года. Эллисон разворачивает перед читателем удивительное, яркое полотно повествования, где рядом с уродливым соседствует прекрасное, где «маленький человек» современного мегаполиса становится практически богом. Эллисон наполняет свои произведения самыми невообразимыми персонажами: сумасшедшими гномами, гремлянами, которые занимаются творчеством, мыслящими тараканами и многими другими.

Все это написано прекрасным, очень живым языком, с неподражаемым юмором, с использованием молодежного сленга и уличного жаргона.

Все три тома снабжены справочным материалом, статьями известных фантастов – М. Муркока, Р. Брэдбери, Ф. Лейбера – о творчестве Харлана Эллисона. Текст книг богато проиллюстрирован.

Читайте книги серии fantasy
и
вы откроете для себя удивительный мир,
где миф и сказка идут рука об руку
с действительностью!

fantasy

·Северо-Запад·®